

АРХЕО *военная* **ЛОТТИЯ**

*Сборник материалов
НИЦ «Военная археология»*

7
выпуск

*Институт археологии РАН
Государственный музей-заповедник «Куликово поле»
НИЦ «Военная археология»*

Институт археологии РАН
Государственный музей-заповедник «Куликово поле»
НИЦ «Военная археология»

Военная археология

Сборник материалов НИЦ «Военная археология»

ВЫПУСК

7

Выпуск, посвящённый памяти Михаила Ивановича Гоняного

Москва – Тула, 2022

УДК 902/904
ББК 63.4
В63

Редакционная коллегия

О.В. Двуреченский (ответственный редактор),

С.Ю. Каинов, Ю.А. Кулешов, Г.В. Баранов

Редактор английского

А.С. Носкин

Рецензенты

В.С. Курмановский

О.А. Радюш

В63 **Военная археология.** Сборник материалов НИЦ «Военная археология».
Выпуск 7. Москва – Тула: ИА РАН, Куликово поле, 2022. – 280 с.: ил.
ISSN 2686-6889
ISBN 978-5-903587-93-3

Очередной военно-исторический сборник представляет на своих страницах комплекс результатов научных исследований, связанных с историей военного дела Восточной Европы, Средней Азии, Кавказа и Дальнего Востока в эпоху Древнего мира и позднего Средневековья. В статьях рассматриваются археологические находки, связанные с защитным и наступательным вооружением.

УДК 902/904

ББК 63.4

ISSN 2686-6889

ISBN 978-5-903587-93-3

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2022
© Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2022
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вальчак С. Б.

Эфесы предскифских кинжалов и мечей (VIII–VII вв. до н. э.):
морфология, технология, хронология.6

Двуреченский О. В.

Комплекс вооружения защитников крепости Узундара.....19

Каинов С. Ю.

Шлем из кургана Гульбище. К вопросу об эволюции четырехчастных
боевых наголовий Восточной Европы в VIII–XI вв.45

Щедрина А. Ю.

Шлем из погребения у с. Манвеловка: результаты исследования до реставрации.79

Nicolle D.

A Khanjar of Ibrāhīm Ibn Ilyās Ibn Asad Ibn Sāmān dated 246 AH
(28th March 860 to 17th March 861 AD).101

Данич А. В.

Сабли Пермского Предуралья.118

Каинов С. Ю., Макушников О. А.

Наконечник ножен меча из Старой Белицы (Гомельская обл., Беларусь).162

Бельский С. В., Курганов Н. С., Прокуратов Д. О.

Меч из Отсанлахти, Карелия.171

Артемьева Н. Г.

Чжурчжэньское оружие ударно-дробящего действия.183

Kotowicz P. N.

Remains of medieval armour plates from the Ruthenian hillfort of “Zamczysko”
in Sanok-Biała Góra (South-Eastern Poland).194

Гладченков А. А.

Антропоморфные забрала в германских изобразительных источниках кон.
XIV – начала XV в. Постановка вопроса.219

Кулешов Ю. А.

К проблеме выделения боевых наголовий XV в. в древнерусском комплексе
вооружения (в свете дискуссии о смене доспешной моды в период ориентализации).....225

Стрельченко А. В., Каменский А. Н.

«Корды ляцкие» в комплексе вооружения древнерусского воина
по материалам археологии.240

Кулешов Ю. А., Каменский А. Н.

К вопросу о появлении и распространении клёпано-нашивных систем
бронирования на примере хронологии Великого Новгорода.246

Николаев А. В., Питьева М.В., Дектярева Н. А.

Западноевропейский шлем с забралом из собрания МБУ «Краеведческий музей
г.о. Сызрань» (к вопросу о конструктивных особенностях).261

Михаил Иванович Гоняный

4 июля 1953 – 7 июля 2020

ЭФЕСЫ ПРЕДСКИФСКИХ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ (VIII–VII ВВ. ДО Н. Э.): МОРФОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ

УДК УДК 902.1:623:444:2/.6"-07/06"
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.6-18

© 2022 г. Вальчак С.Б. (valchaks@yandex.ru), к.и.н.,
Институт археологии РАН, доцент Российского государственного
социального университета, Москва, Россия.

Резюме: В статье рассматриваются бронзовые, биметаллические и железные кинжалы и мечи предскифского времени (VIII–VII вв. до н. э.), найденные на территории Восточной Европы. Анализируется поступательный процесс освоения железа, замена им бронзы в функциональных и декоративных частях вооружения. Рассматривается взаимосвязь освоения технологии обработки металлов с изменением формы и декора эфесов кинжалов и мечей.

Ключевые слова: Восточная Европа, мечи, кинжалы, предскифский период, морфология, технология.

The Ephesus of pre-Scythian time daggers and swords (8th–7th centuries BC):
morphology, technology, chronology

© 2022 Valchak S.B. (valchaks@yandex.ru), Candidate of Historical Sciences,
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor,
Russian State Social University, Moscow, Russia.

Abstract: The article deals with bronze, bimetallic and iron daggers and swords of pre-Scythian time (8th–7th centuries BC) found in Eastern Europe. The progressive process of iron development is analyzed, as well as its replacement with bronze in functional and decorative parts of weapons. The relationship of the development of the technology of metal processing with the change of shape and decoration of the ephesus of daggers and swords is considered.

Key words: Eastern Europe, swords, daggers, pre-Scythian period, morphology, technology.

Бронзовые, биметаллические или железные кинжалы и мечи являются характерным для предскифского периода видом клинкового колюще-режущего и колюще-рубящего оружия на юге Восточной Европы. В первую очередь вооружение этого периода представляет интерес потому, что в это время (в VIII–VII вв. до н. э.) «заканчивается безраздельное господство цветных металлов и происходило освоение металла будущего – железа», результатом чего стало появление биметаллических, а затем и цельножелезных экземпляров вооружения различных категорий¹. Из-за плохой сохранности железных клинков часто не удаётся установить принадлежность эфеса мечу или кинжалу. Большая часть из известных эфесов предскифского периода относится ко 2-му отделу и имеет рукояти прямоугольного сечения. По конструкции рукояти и её рельефной орнаментации эфесы были разделены на 4 группы. Приоритетными морфологическими признаками для определения хронологической позиции каждой из выделенных групп являются особенности рельефной орнаментации рукояти, а также форма и размер гарды². Остальные признаки имеют подчинённое положение, например, навершие уплощённой рукояти прямоугольного сечения может иметь только вытянуто-овальную или подпрямоугольную в плане форму, но не круглую, как у эфесов 1-го отдела, имеющих рукояти округлого сечения.

Рассматривая эту примечательную категорию вооружения, исследователи в основном обращали внимание на морфологические признаки, но сам факт преобладания биметаллических экземпляров вынуждал в разной степени затрагивать и вопросы технологии производства таких кинжалов и мечей, иногда вплоть до применения для исследования методов естественных наук³. Комплексное рассмотрение морфологических и технологических признаков позволяет реконструировать процесс эволюции рассматриваемой категории археологических находок

и аргументированно уточнить хронологическую позицию каждой из выделенных групп.

Эфесы 1-й группы.

Кинжалы и мечи этой группы имеют бронзовые, но чаще железные клинки, на пяту которых приливался бронзовый эфес, выполненный по восковой модели. Гарды бывают как длинные (от половины и более длины всей рукояти), так и короткие (менее половины длины рукояти). Рукоять у эфесов этой группы в плане прямоугольная или трапециевидная, сужающаяся к гарде. Сечение рукояти прямоугольное или двутавровое. Головка-навершие имеет полуовальную форму в плане и полукруглое сечение. Орнамент рукоятей у эфесов этой группы, как правило, состоял из пяти сквозных отверстий, обрамлённых рельефными кольцами, иногда с парами треугольных отверстий между ними, образуя ажурную конструкцию (рис. 1; 2)⁴. Предполагается, что появление такого конструктивно-орнаментального решения рукояти восходит к кинжалам эпохи бронзы, на рукоятках которых имелись отверстия для заклёпок, которыми крепились накладки из кости или дерева⁵. Треугольные отверстия в рукояти могли быть инкрустированы железом, как, например, у бронзовых кинжалов из п. 70 мог. Сержень-Юрт в Чечне⁶ и Краснодарского края⁷ (рис. 2: 1).

Технологически соединение бронзового эфеса с клинком осуществлялось способом «налитой рукояти» на пяту клинка, т. к. черенок отсутствовал⁸. Клинок отливался (бронза) или ковался (железо) отдельно. Затем, на пяте клинка формировалась восковая модель эфеса, включающая саму рукоять, гарду и навершие. Модель запечатывалась в глиняную форму с двумя отверстиями: литником и выпором для выхода воска и газов. После отливки эфес в области гарды надёжно крепился на пяте клинка, чаще без дополнительного механического воздействия, но иногда с применением «обжатия» при помощиковки⁹. После завершения процесса

¹ Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984. С. 24.

² Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 140–148. В этой статье приведен перечень практически всех известных находок кинжалов и мечей предскифского периода в Восточной Европе, там же и библиография, к которой я отсылаю читателей, чтобы не перегружать текст данной статьи множеством сносок.

³ Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. 1. 1977. С. 57–74; Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения. С. 22–39; Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. С. 30–48.

⁴ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 141–143. Рис. 2.

⁵ Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. С. 30, 31.

⁶ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В. 2–5. М., 1982. С. 20. Табл. XIV: 9.

⁷ ГИМ, 114985. Оп. Б2139/491.

⁸ Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории... С. 42, 43, 46; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир, 1999. С. 109.

⁹ Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап... С. 60, 63–65, 69; Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения. С. 26, 27; Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории... С. 43, 44.

производства эфеса, рукояти иногда инкрустировались железом, изредка эфесы украшались чеканным орнаментом, как экземпляр из Кольцо-горы в Кисловодске (рис. 1: 1)¹⁰, и подвергались абразивной шлифовке, которая частично или полностью уничтожала технологические следы производства.

На основании анализа совместно найденного в ненарушенных погребальных комплексах материала (рис. 2), абсолютную дату кинжалов и мечей 1-й группы можно определить в рамках 1-й половины VIII, с возможным углублением в конец IX в. до н. э.¹¹, но не ранее. Таким образом, кинжалы и мечи с эфесами 1-й группы занимают наиболее раннюю хронологическую позицию среди подобных изделий предскифского периода.

Следует отметить две специфические технологические особенности оружия 1-й группы. Первая из них – это преобладание железных клинков уже на раннем этапе развития, что свидетельствует об уверенном владении мастерами Северного Кавказа технологиями обработки железа. Пока остаётся неясным процесс резкого перехода от изготовления небольших и простых изделий из железа (шилья, ножи, долотца) периода позднего бронзового века к более сложным и металлоёмким изделиям (клинки кинжалов и мечей, втульчатые наконечники копий) в самом начале раннего железного века¹². Возможно, промежуточным этапом между двумя хронологическими эпохами является период изготовления небольших биметаллических двулезвийных ножей-кинжалчиков на финальном этапе эпохи бронзы¹³. Вторая – использование железа, хоть и нечастое, для инкрустации бронзовых рукоятей, что является архаическим признаком, восходящим к периоду первичного освоения железа в эпоху поздней бронзы. Эта особенность – инкрустация бронзы железом – не вызывает удивления, так как встречается на синхронных кинжалам бронзовых поясных пряжках, например, из мог. Верхний Кобан в Северной Осетии и других памятниках кобанской культуры Северного Кавказа¹⁴.

Эфесы 2-й группы.

В этой группе преобладают кинжалы с железными клинками, но около трети из них имеют клинки из бронзы. В рассматриваемой совокуп-

ности по конструкции и орнаментации рукоятей можно выделить несколько типов эфесов¹⁵. Гарды, за редким исключением, короткие. В плане рукоять прямоугольная или трапецевидная, сужающаяся к гарде. Отличительной особенностью изделий этой группы являются два ряда отверстий в рукояти, обрамлённых рельефными кольцами (рис. 3: 2, 5, 8–11) или попарно соединённых рельефными же S-образными спиралями (рис. 3: 3, 6, 7). Количество отверстий (в зависимости от типа эфеса) варьирует от 5 до 11 по вертикали. Ряды эти разделены вертикальным рельефным пояском. Сечение рукояти обычно двутавровое. Навершие в плане вытянуто-овальной формы, иногда с приострёнными вершинами или прямоугольные с закруглёнными короткими гранями, в сечении полукруглые или трапецевидные (рис. 3). Иногда встречается орнаментация не из отверстий, а двух рядов концентрических окружностей. В таких случаях сечение рукояти теряет двутавровость и приобретает прямоугольные очертания, а навершие может приобретать подпрямоугольную форму («брусковидное»). Ещё один тип представлен эфесами с бронзовыми гардой и навершием, и железной рукоятью, которая украшена двумя бронзовыми накладными пластинами с пуансонным орнаментом или концентрическими окружностями (рис. 4).

От изделий 1-й группы, помимо рельефного декора, рассматриваемые кинжалы отличаются заметным конструктивным и технологическим разнообразием изготовления эфесов различных типов. Для 1-го и 2-го типов характерны бронзовые эфесы, налитые на пяту бронзового или железного клинка (рис. 3: 2, 3, 5–12; 4: 1).

Редким явлением в этой группе являются комбинированные биметаллические эфесы (тип 3). Клинок и основа рукояти были откованы из одной железной полосы, как на экземплярах из п. 26 мог. Сержень-Юрт в Чечне, мог. Псекупский I в Адыгее, п. 26 Старшего Ахмыловского мог. и п. 1 мог. Полянский II в Волго-Камье¹⁶ (рис. 3: 1, 4; 4: 2, 8). Полоса в месте предполагаемой рукояти продольно разрубалась на три части и «разветвлялась». На этой основе формировалась восковая модель, включающая две пластины с отверстиями и треугольными вырезами

¹⁰ Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В. 2–5. М., 1995. С. 57. Табл. XII: 1.

¹¹ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 141–143, 150–152.

¹² Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап... С. 58, 59.

¹³ Никитенко Н.И. Начало освоения железа в степной и лесостепной зоне Восточной Европы. Автореф. дисс. кандидата историч. наук. М., 1993. С. 8–10.

¹⁴ Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М., 2013. С. 77; Andre-Leicknam B. Catalogue des objets du Musee de Saint-Germain-en-Laye // Avant les Scythes. Prehistoire de l'art en U.R.S.S. Paris. 1979. No. 193, 194, 215, 217, 218.

¹⁵ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 143–146.

¹⁶ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация... С. 20. Табл. XIV: 11.

между ними, гарду и навершие. В верхней части модель гарды имела орнаментированную поперечными рельефными полосками муфту, которая скрывала участок «разветвления». По модели создавалась глиняная форма и делалась отливка. Таким образом, получалось надёжное соединение двух металлов и ажурная биметаллическая конструкция эфеса. Исследователи упоминают и механическую обжимку муфты «для окончательного закрепления рукояти»¹⁷.

Ещё одним типом комбинированного биметаллического эфеса являются некоторые экземпляры из памятников Волго-Камья (тип 5)¹⁸. Здесь на откованную вместе с клинком из одной полосы железную рукоять накладывалась восковая модель, включающая по две бронзовые пластины с каждой из сторон, гарду и навершие. Далее следовала отливка. Дополнительное соединение отлитых бронзовых пластин с рукоятью производилось посредством нанесения чеканом пуансонных ударов, образующих два ряда углублений, иногда с рельефной окружностью вокруг точки удара, которые имитировали кольцевидный орнамент (рис. 4: 2–4, 6, 7). Подобная конструкция получила название «рамочная рукоять», имеющая несколько вариантов исполнения¹⁹.

Ещё одним технологическим приёмом является налив бронзового эфеса (тип 4), изготовленного по утрачиваемой модели (гарда, навершие, две боковые полосы) на черенок железного клинка, при этом железный черенок не был полностью скрыт отливкой, а разделял вертикально два ряда концентрических окружностей на рукояти, которые имитировали прорезной кольцевидный орнамент, как у эфеса из Кабехабля в Адыгее (рис. 4: 5).

Очевидно, что время бытования кинжалов 2-й группы является периодом разнообразного экспериментирования и поиска новых технологических решений в сочетании бронзовых и железных деталей в одном изделии. Наряду с сохранением характерной для 1-й группы технологии прилива эфеса на пята железного клинка, появляются и новые технологические решения в создании биметаллических эфесов. Функция железа уже не ограничивается клинком, а инкрустация им бронзы вообще исчезает. Железо начинает активно применяться в конструкции эфесов, являясь их основной частью, формируя

основу рукояти. Бронза же, в отличие от изделий 1-й группы, постепенно приобретает характер декорирующего материала, хотя и сохраняет свою роль в составе значимых конструктивных элементов эфесов. В тоже время, среди изделий 2-й группы сохраняется представительное количество цельнобронзовых кинжалов. В оформлении их эфесов наблюдается сохранение традиционного сквозного кольцевидного орнамента, но появляются и его имитации в виде рядов рельефных концентрических окружностей (рис. 3: 3, 5, 7, 9–12). Как и у изделий 1-й группы, модель эфеса формировалась на пята уже готового бронзового клинка и наливалась на него.

Применение железа и бронзы в одном изделии, различные комбинации разноцветных металлов, конечно же, придавали эфесам 2-й группы парадный облик.

Можно предположить, что наблюдаемое разнообразие применяемых технологических приёмов и вариантов орнаментации было возможно в относительно мирный период, когда мастера (преимущественно северокавказские) имели возможность экспериментирования в создании различных биметаллических конструкций эфеса и вариантов орнаментации. В периоды усиления военной напряжённости, обычно, на первый план выходит функциональность того или иного вида вооружения, его востребованность воинами приводит к необходимости увеличения производства, соответственно к стандартизации процесса и применению оптимальных, но по-возможности наиболее простых технологических решений (см. ниже). Показательно в этом отношении, насколько можно судить по сохранившимся целым экземплярам, отсутствие во 2-й группе длинноклинка оружия (мечей), имеющего длину клинка более 30 см.

Исходя из материалов закрытых археологических комплексов, можно предполагать, что период бытования кинжалов этой группы охватывал период середины – 2-й половины VIII, а некоторых экземпляров (тип 4), вплоть до рубежа VIII–VII вв. до н. э.²⁰ Следует заметить, что в этот же отрезок времени мы наблюдаем и всплеск разнообразия форм функциональных и декоративных деталей конского снаряжения, часто встречающихся в погребениях с кинжалами 2-й группы²¹.

¹⁷ Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап... С. 67, 68. Рис. 7: 1; 9: 1; Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории... С. 44.

¹⁸ Членова Н.Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Фрако-скифские культурные связи. *Studia Thracica*. 1. София, 1975. С. 75; Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 145, 146.

¹⁹ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 44, 45; Дударев С.Л. Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. С. 101; Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические общности). Казань, 2008. С. 49. Рис. 33: 3–5.

²⁰ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 152–154.

Эфесы 3-й группы.

Визуальным отличием кинжалов и мечей этой группы от рассмотренных выше является орнаментация рукояти, состоящая из трёх рядов окружностей. Гарды у всех изделий группы исключительно короткие. Рукояти преимущественно прямоугольные в плане и сечении. Навершие в плане вытянуто-овальной формы или прямоугольные, с закруглёнными короткими гранями, в сечении полукруглые или трапециевидные. В этой группе известны изделия исключительно с железными клинками²².

Часть эфесов технологически представлена вариантами «рамочной рукояти». Клинок, черенок или пластинчатая основа рукояти отковывались из одной железной полосы. На черенок железного клинка или пластину предполагаемой рукояти по восковой модели одновременно отливались внешние части рукояти, гарда и навершие. Орнамент рукоятей 1-го типа состоит из трёх рядов рельефных окружностей (более 10 в ряду). Часто тщательно декорируется только лицевая сторона рукояти. На тыльной же стороне бронзовая отливка, охватывая боковые грани, образует «рамку», в центральной части которой видны черенок или железная основа рукояти. Такие кинжалы найдены в п. 43 мог. КМФ 1, п. 1 мог. Султангорский 1 в Кавминводах (рис. 5: 3, 5).

Встречаются и одновременные отливки гарды, навершия и покрывающих основу рукояти пластин. В этом случае, железная основа рукояти часто имеет двутавровое сечение. Такие кинжалы происходят из Берёзовского 1 мог.: п. 26 и находка 1947 г., а также п. 20 мог. Клино-Яр III (рис. 5: 1, 2, 10).

Уникальными в этой группе являются два экземпляра: один с цельнобронзовым, другой с комбинированным эфесом. Цельнобронзовый эфес из Кубанского могильника с двух сторон орнаментирован тремя продольными рядами концентрических окружностей, железный клинок не сохранился (рис. 5: 9)²³. Комбинированный биметаллический эфес из п. 128 мог. Клино-Яр III повторяет конструкцию нескольких экземпляров 2-й группы. Клинок и основа рукояти были откованы из одной железной полосы. Полоса в месте предполагаемой рукояти была продольно разрублена на четыре части. На этой основе формировалась восковая модель, включающая три пластины с отверстиями и треугольными вырезами между ними, гарду и навершие (рис. 5: 4). В верхней части модель гарды имела

орнаментированную поперечными рельефными полосками муфту, как и в других случаях применения такой технологии (ср.: рис. 3: 1, 4). Вероятно, что эта технология была излишне трудоёмкой и не получила дальнейшего развития в период освоения новых технологических приёмов.

Как видно по представленному материалу, в этой группе прорезной кольчатый орнамент практически полностью заменяется рельефным, но сохраняет структуру рядов концентрических окружностей, изменяющихся количественно по вертикали. Технологически преобладает приём «рамочной рукояти» и практически полностью исчезают цельнобронзовые отливки и комбинированные конструкции. Технология «рамочной рукояти» наблюдалась и у некоторых экземпляров эфесов 2-й группы, но там она не являлась доминирующей, как у изделий группы 3. Бронзовые клинки у изделий 3-й группы уже не встречаются. Очевидно стремление к унификации технологических приёмов в производстве эфесов и самого изделия в целом.

Исходя из материалов закрытых археологических комплексов период бытования кинжалов этой группы можно предполагать не ранее рубежа 3–4 четвертей VIII, вплоть до начала VII в. до н. э.²⁴

Эфесы 4-й группы.

Для изделий этой группы характерна полная утрата кольчатой и вообще какой-либо орнаментации на рукояти. Гарды исключительно короткие. Рукояти преимущественно прямоугольные в плане и сечении. Навершие эфесов в плане прямоугольные, с закруглёнными углами, в сечении подпрямоугольные или трапециевидные, иногда навершие имеет поперечные насечки. Известны изделия исключительно с железными клинками, которые откованы с черенком или пластиной-основой рукояти из одной полосы²⁵.

Эфесы части кинжалов этой группы изготовлены в технологии «рамочной рукояти» с совместно отлитыми гардой, навершием и боковыми полосами (тип 1). В середине рукояти отчётливо выделен железный черенок. В одном случае из бронзы изготовлены только гарда и навершие. Такие кинжалы найдены в п. 36 мог. КМФ 1 в Кисловодске, кургане 1921 г. мог. Каменноостровский в Кабардино-Балкарии и п. 33 мог. Морквашинский в Волго-Камье (рис. 5: 6–8).

К этой же группе отнесены и цельножелез-

²¹ Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009. С. 89, 90, 93.

²² Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 146–148. Рис. 4.

²³ Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р. Кубанский могильник. Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 г. М., 2016. С. 60, 61. Рис. 113: 3а-б.

²⁴ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 146–148, 154, 155.

²⁵ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 148. Рис. 5: 1–3.

ные кинжалы (тип 2). Они имеют короткие гарды, сечение рукояти прямоугольное, один раз встречено двутавровое. Клинок и рукоять откованы из одной полосы, гарда и навершие прикованы отдельно. Примечательно, что пункты находок таких кинжалов расположены за пределами Северного Кавказа – в степной и лесостепной зонах Восточной Европы (рис. 6: 1–5).

В изделиях 4-й группы можно заметить практически полное преобладание железа, как материала для изготовления всей конструкции кинжала. При сохранении традиционной общей формы предскифского кинжала и его функциональных частей, орнаментальная составляющая исчезает, что, вероятно, связано с технологической сложностью и отсутствием необходимости повторять кольчатый орнамент в железе. Исключения составляют поперечные насечки на навершии кинжала из п. 2 Высокой Могилы и инкрустация золотом гарды и продольной грани клинка из к. 4 в Белоградце (рис. 6: 1, 2), происходящих из погребений представителей высокого социального статуса²⁶.

В эту же группу включены и комплексы с железными мечами, которые имеют «брусковидные» навершия. Клинок и рукоять этих мечей изготовлены из одной полосы, гарды во всех случаях отсутствуют (рис. 6: 6, 7). Находки происходят из комплексов, которые содержали предметы вооружения и другой инвентарь, находящийся аналогии в комплексах с кинжалами 3-й, и, частично, 2-й группы²⁷. Железные мечи были найдены в комплексах п. 10 мог. Зольное в Крыму, кургане у Носачёва в Черкасской обл. Украины, а также в «кладе» 1951 г. на г. Бештау в Кавминводах²⁸ и, вероятно, в Старшем Ахмыловском могильнике²⁹. В этих изделиях упрощение формы оружия доведено до максимума, что, вероятнее всего, связано с его чрезвычайной востребованностью и необходимостью быстрого и массового производства. Хронологически время существования кинжалов 4-й группы и мечей без гарды синхронизируется с периодом «киммерийских походов» в страны Закавказья и Передней Азии. Следствием этих рейдов является появление в наборе вооружения племён Восточной Европы таких

категорий, как чешуйчатые панцири из бронзы, бронзовые шлемы с украшающими их «пекторальными», а также деталей узды и упряжи, их украшений, конструктивно и/или типологически не связанных с подобными находками предыдущих хронологических этапов³⁰.

Таким образом, кинжалы и мечи 4-й группы найдены в представительных археологических комплексах, что позволяет аргументировано датировать их в рамках конца VIII – 1-й половины VII в. до н. э.³¹

Таким образом, рассмотренная совокупность предскифских кинжалов и мечей (около 70 экземпляров) демонстрирует две взаимосвязанные генетические линии: орнаментальную и конструктивно-технологическую, на временном промежутке около 150 лет. Из проанализированного материала отчётливо видны этапы этого развития.

Первый этап – ограниченное использование железа, как функциональное, так и декоративное, время окончательного освоения технологии обработки нового материала.

Второй этап – сосуществование традиционной технологии бронзового литья и экспериментирование, изучение возможностей железа и технологии его обработки, постепенное увеличение железной составляющей в изделиях. При этом орнаментальная составляющая, связанная с бронзовыми частями изделий претерпевает изменения и технологически упрощается.

Третий этап – доминирование железа в изделии, прочное освоение технологии его обработки и постепенное исчезновение бронзовых деталей. Наблюдается упрощение и стандартизация процесса производства, связанные с использованием одного исходного материала. Функциональная составляющая мечей и кинжалов становится основной при деградации орнаментальной нагрузки в изделиях.

²⁶ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976; Tončeva G. Necropole tumulaire pres du village Delogradec du VII-e s. av. n. ere // Thracia. V. Sofia, 1980.

²⁷ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 149, 150, 156. Рис. 5: 4.

²⁸ Вальчак С.Б., Демиденко С.В. Комплекс 1951 года с горы Бештау: вопросы хронологии // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006. С. 174, 175. Рис. 1: 6.

²⁹ Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 12. Киев, 1962. С. 59. Рис. 2: 1; Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII–VII ст. до н. е. // Археологія. XX. Київ; Шрамко Б.А. и др. Начальный этап... С. 66, 67. Рис. 7: 2.

³⁰ Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Кавказа и Северного Причерноморья. М., 1991. С. 39, 40; Вальчак С.Б. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе // Revista Arheologica, serie noua. Vol. XII, nr. 1–2. Chisinau. 2016. S. 139–141. В последней статье допущены опечатки (С. 141, 4 строка текста снизу): вместо 780–776 гг. до н. э. следует читать 680–677 гг. до н. э.

³¹ Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов. С. 148–150, 155–157.

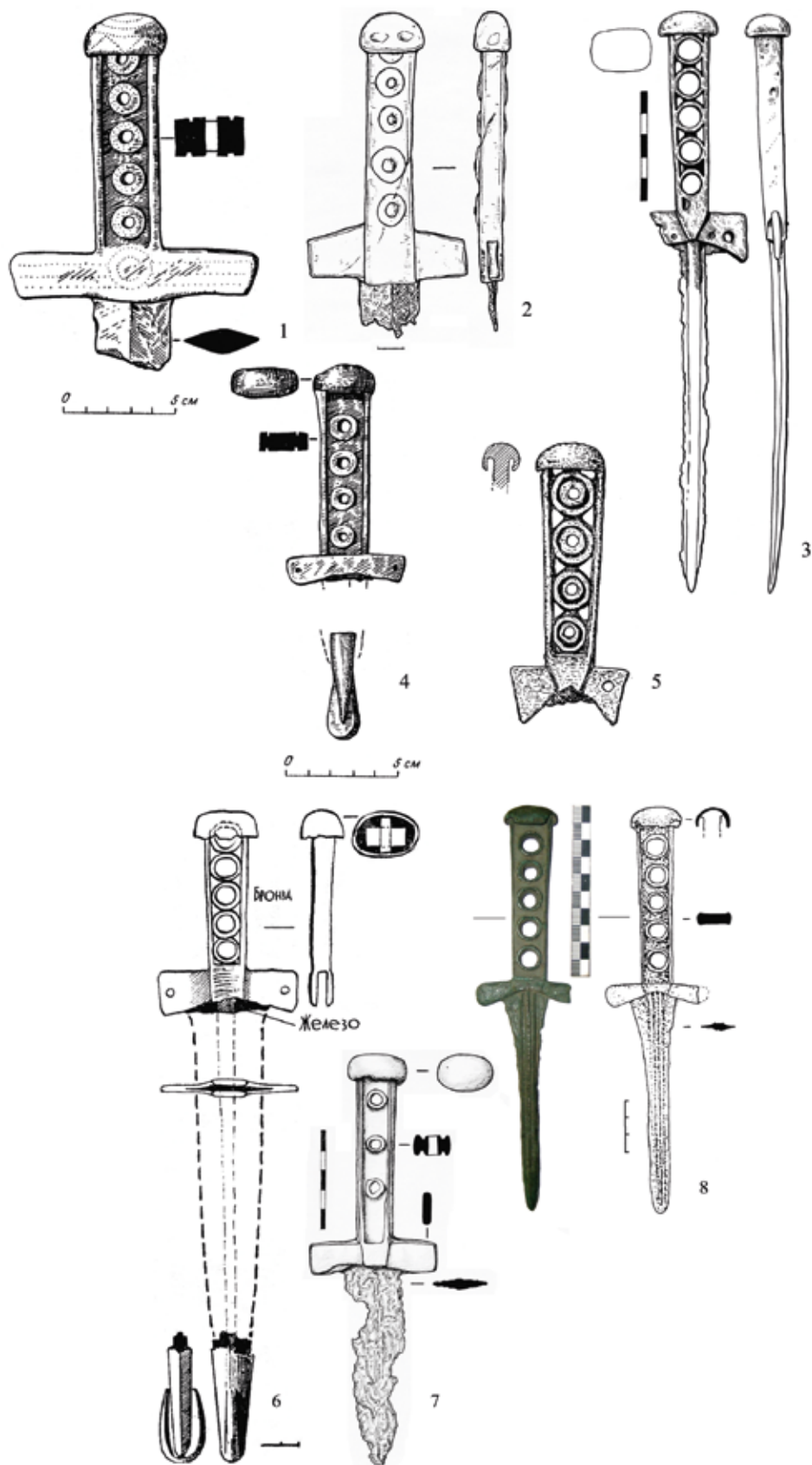

Рис. 1. Кинжалы и мечи 1-й группы. 1 – Кольцо-гора, сл. н.; 2 – Кременчуг, сл. н.; 3, 6 – мог. Псекупский 1, сл. н.; 4 – Заюково, сл. н.; 5 – Змейское поселение, сл. н.; 7 – Навка, разр. п.; 8 – Безпьяменовский хут., сл. нах.

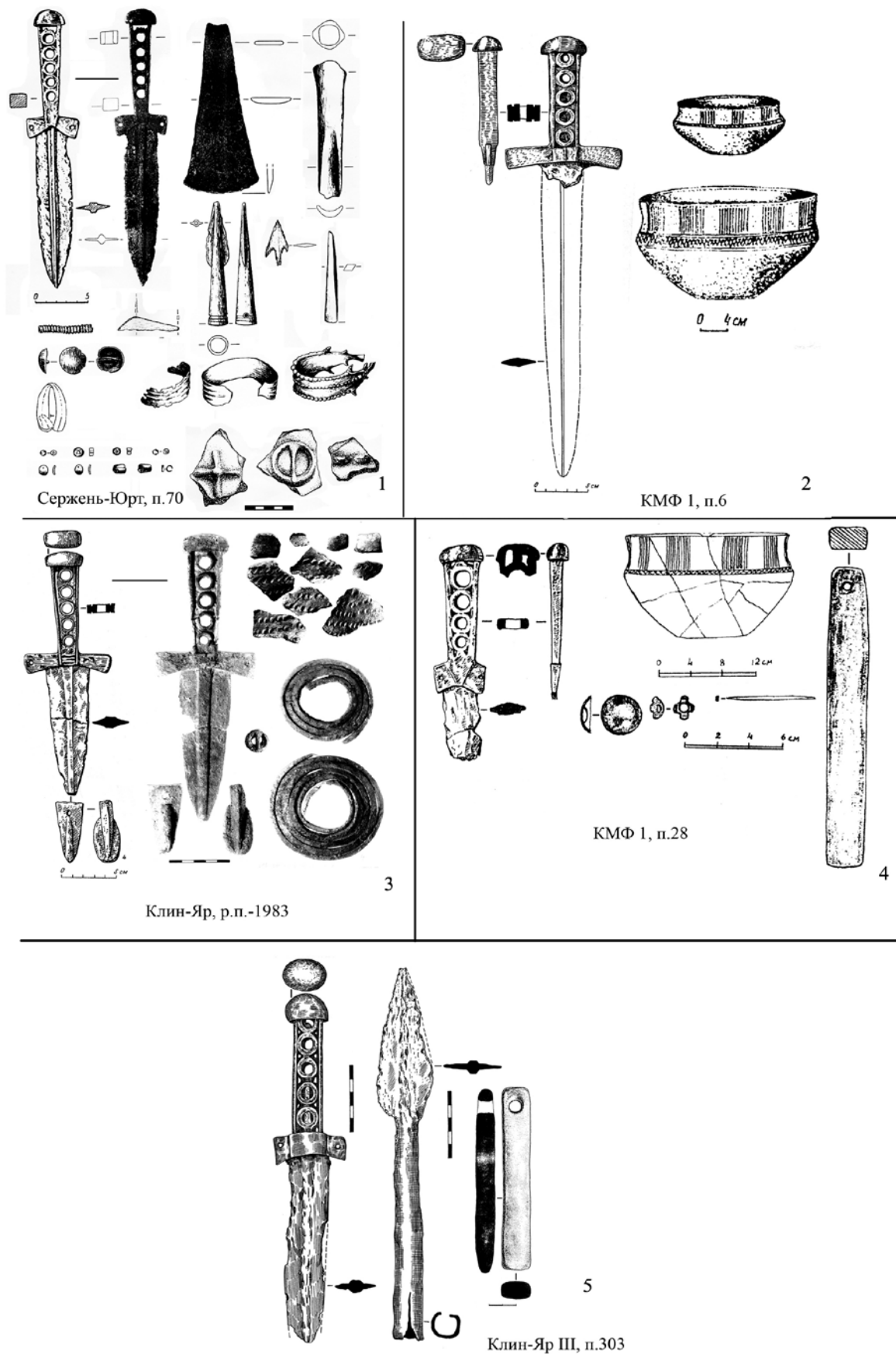

Рис. 2. Комплексы с кинжалами и мечами 1-й группы. 1 – мог. Сержень-Юрт, п. 70; 2 – мог. КМФ 1, п. 6; 3 – мог. Клин-Яр III, п. 1983 г.; 4 – мог. КМФ 1, п. 28; 5 – мог. Клин-Яр III, п. 303.

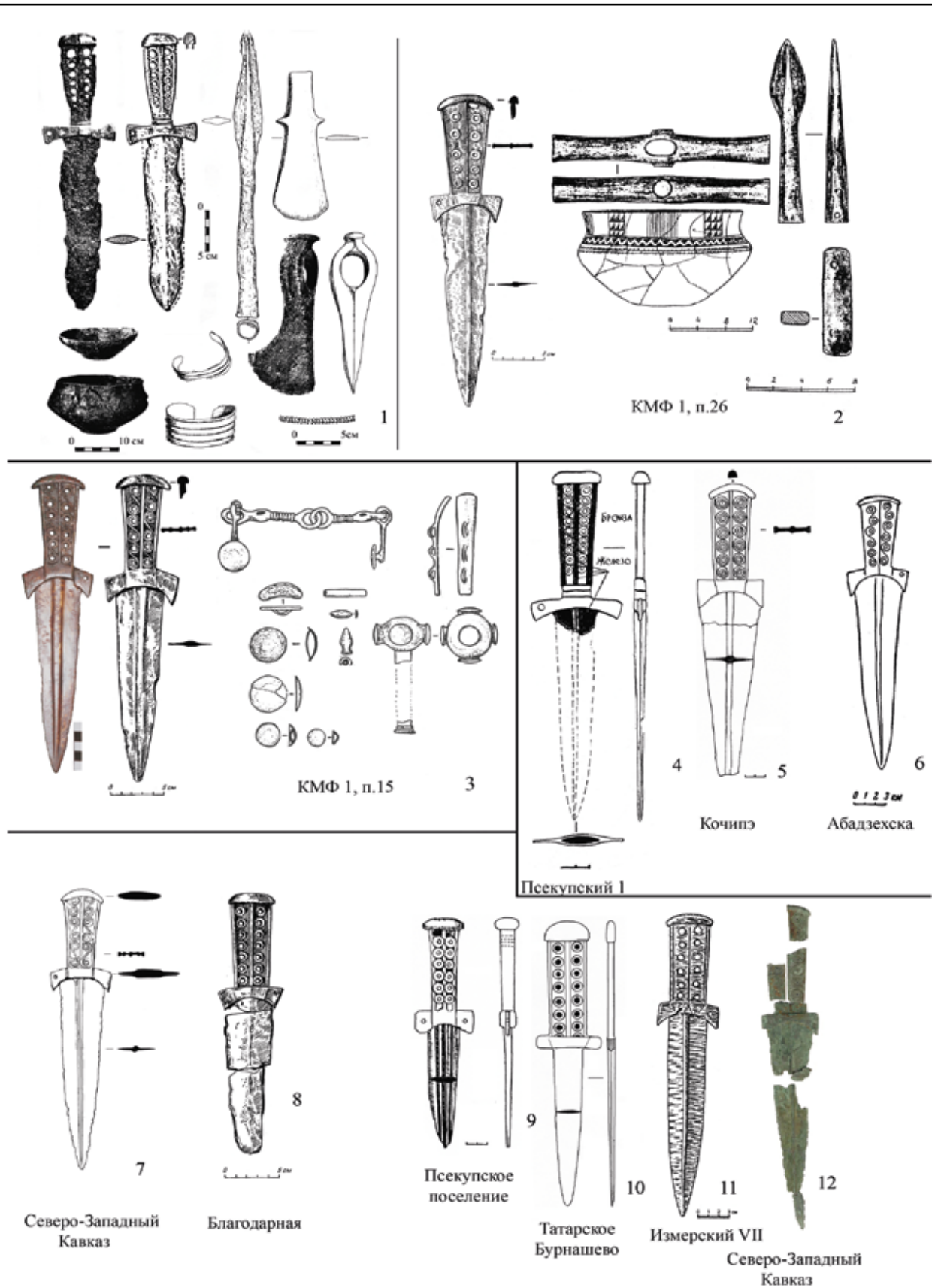

Рис. 3. Комплексы и случайные находки кинжалов 2-й группы. 1 – мог. Сержень-Юрт, п. 26; 2 – мог. КМФ 1, п. 26; 3 – мог. КМФ 1, п. 15; 4 – мог. Псекупский 1, сл. н.; 5 – мог. Кочипэ, сл. н.; 6 – ст. Абадзехская, сл. н.; 7, 12 – С-3 Кавказ; 8 – ст. Благодарная, сл. н.; 9 – Псекупское поселение, сл. н.; 10 – Татарское Бурнашево, сл. н.; 11 – мог. Измерский VII, жертвенный комплекс.

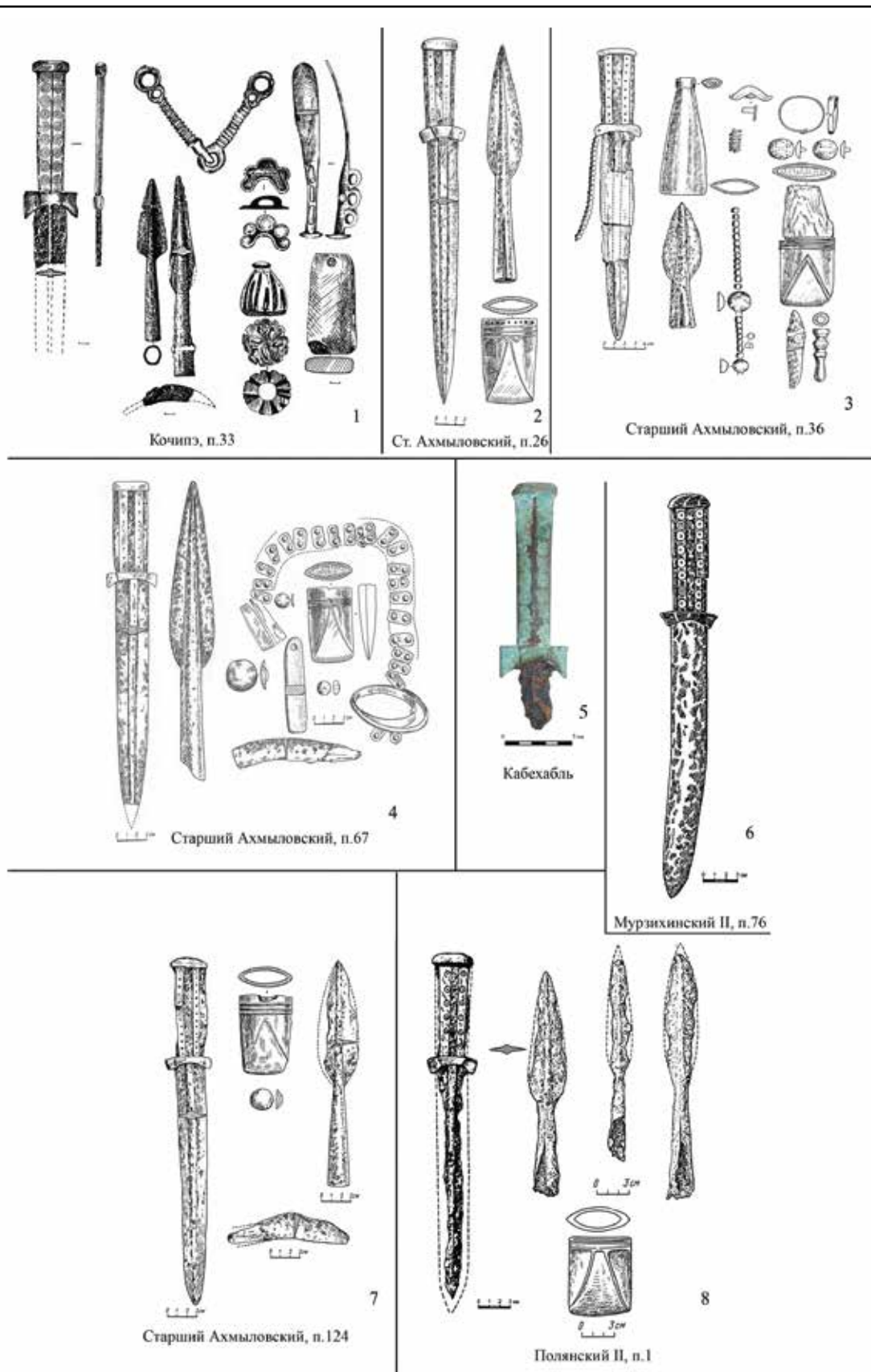

Рис. 4. Комплексы и случайные находки кинжалов 2-й группы. 1 – мог. Кочипэ, п. 33; 2 – мог. Старший Ахмыловский, п. 26; 3 – мог. Старший Ахмыловский, п. 36; 4 – мог. Старший Ахмыловский, п. 67; 5 – аул Кабехабль, сл. н.; 6 – мог. Мурзихинский II, п. 76; 7 – мог. Старший Ахмыловский, п. 124; 8 – мог. Полянский II, п. 1.

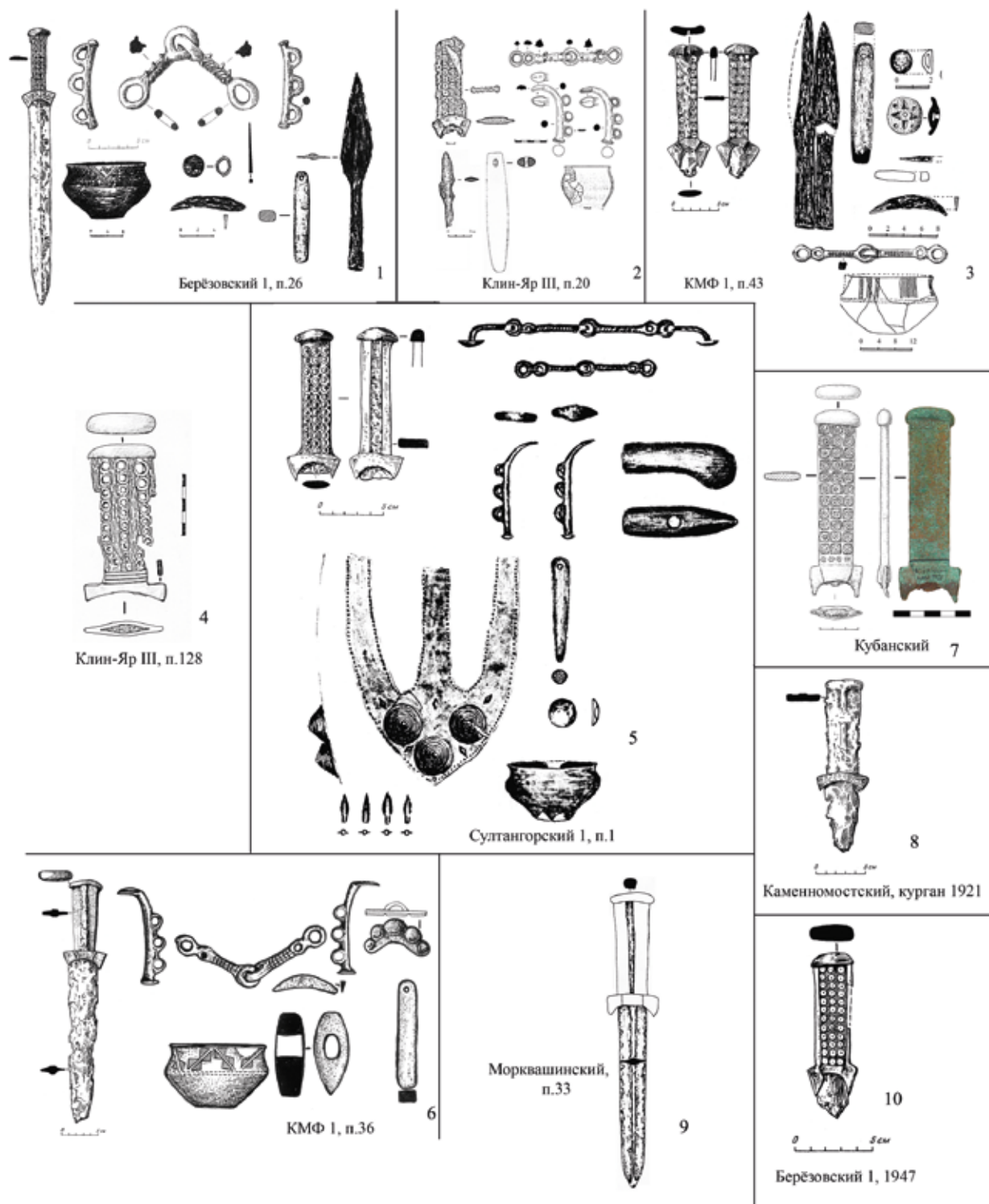

Рис. 5. Комплексы и случайные находки кинжалов 3-й и 4-й групп. 1 – мог. Берёзовский, п. 26; 2 – мог. Клин-Яр III, п. 20; 3 – мог. КМФ I, п. 43; 4 – мог. Клин-Яр III, п. 128; 5 – мог. Султангорский I, п. 1; 6 – мог. КМФ I, п. 36; 7 – мог. Каменномоетский, курган 1921 г.; 8 – мог. Морквашинский, п. 33; 9 – мог. Кубанский, разр. п.; 10 – мог. Берёзовский I, сл. н. 1947 г.

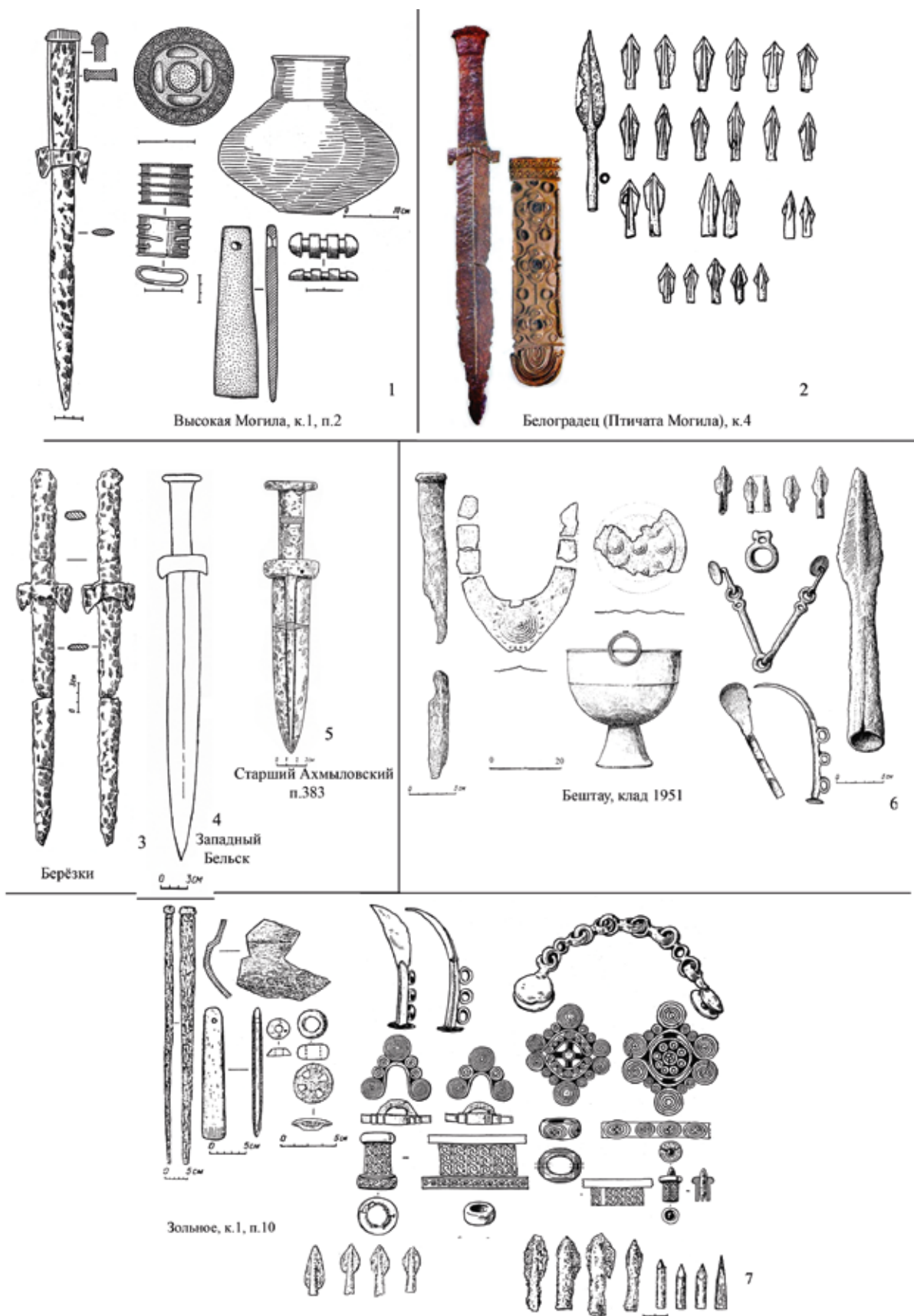

Рис. 6. Комплексы и случайные находки кинжалов 4-й группы. 1 – мог. Высокая могила, к. 1, п. 2; 2 – к. Птичата Могила (Белоградец), к. 4, п. 1; 3 – с. Берёзки, разр. п.; 4 – Западное Бельское городище, сл. н.; 5 – мог. Старший Ахмыловский, п. 383; 6 – гора Бештау, «клад» 1951 г.; 7 – мог. Зольное, к. 1, п. 10.

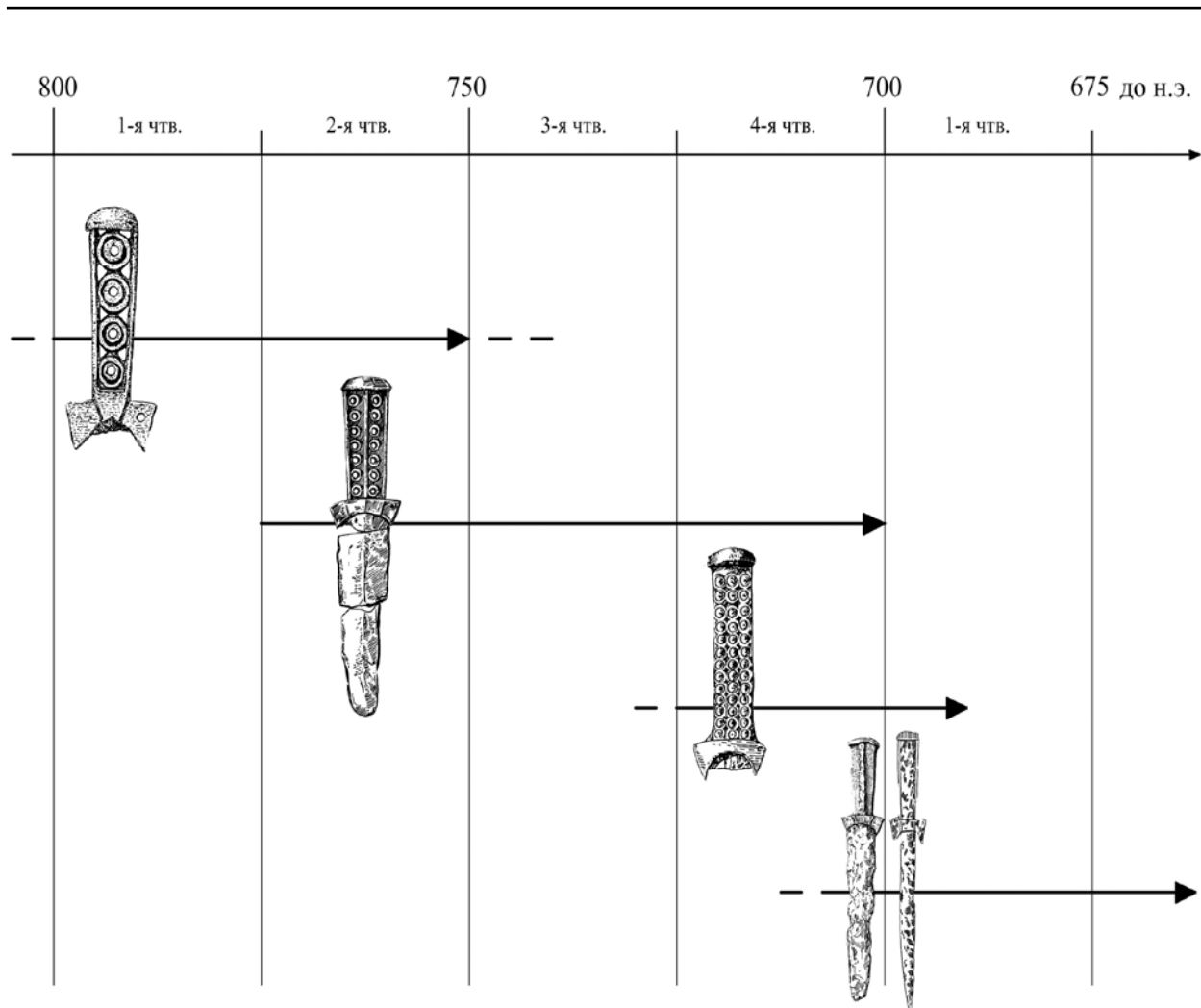

Рис. 7. Хронология кинжалов и мечей предскифского периода Восточной Европы.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ЗАЩИТНИКОВ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА

УДК УДК 902.1:623.445/.446
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.19-44

© 2022 г. Двуреченский О.В. (nigoraoleg@mail.ru), к.и.н.,
Институт археологии РАН, Москва, Россия.

Резюме: В публикации рассматривается серия предметов вооружений, происходящих с территории крепости Узундара. Данное укрепление являлось опорным пунктом северо-западной пограничной линии обороны территории Бактрии, функционировавшим с конца IV по середину II в. до н.э.

Ключевые слова: Древняя Бактрия-восточный эллинизм-крепость Узундара-наконечники стрел, дротики, праща, втоки, оружие Греко-Бактрии.

Weapons of defenders of the fortress Uzundara.

© 2022 Dvurechensky O.V. (nigoraoleg@mail.ru),
Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract: This publication describes a series of weapons items originating from the territory of the fortress Uzundara. This fortification was one of footholds of the North-West line of defense of the territory of Bactria; it functioned from the end of the 4th century BC to the middle of the 2nd century BC.

Key words: Ancient Bactria-east hellenism-Uzundara fortress-arrowheads-weapon of Greek-Bactria.

Комплекс наступательного вооружения античной Средней Азии не раз затрагивался в работах отечественных исследователей¹. Анализу подвергались преимущественно материальная культура среднеазиатских кочевников или отдельные виды наступательного вооружения, охватывающие широкие хронологические и территориальные рамки². В этой связи отдельно следует отметить публикацию всего комплекса, происходящего из «Храма Окса», где дана блестящая историографическая подборка, затрагивающая эволюцию вооружения древней Бактрии в ее генезисе и развитии. Однако характер предметов с Тахти-Сангина не имеет, как правило, четкой стратиграфии, а, следовательно, не позволяет рассматривать этот комплекс как эталонный для выстраивания точной хронологии древне-бактрийского оружия³.

В этой связи комплекс вооружения, происходящий с территории пограничной крепости Узундара, обладает уникальными свойствами хорошо датированной серии, где находки имеют ясный стратиграфический и планиграфический контекст. Особенностью данного комплекса также является то, что перед нами предметы, иллюстрирующие военный быт гарнизона селевкидской и греко-бактрийской крепости, что позволяет рассматривать эту серию предметов в рамках точного функционального контекста.

Как показали исследования на территории памятника, проводившиеся в 2013–2017 гг., крепость Узундара являлась опорным пунктом (погранзаставой) северо-западной линии обороны территории Бактрии, функционировавшей с конца IV по середину II в. до н. э. По всей видимости, гарнизон крепости выполнял функцию контроля за прилегающими линиями крепостных стен, перекрывавших проходы через ущелья горы Сусизтаг на территорию до-

лильных районов Северной Бактрии. Основным противником, по мнению Н.Д. Двуреченской являлись северо-западные территории, где располагались кочевнические культуры, представлявшие непосредственную опасность для территории античной Бактрии⁴.

На момент окончания полевого сезона 2019 г. комплекс вооружения, происходящий с территории памятника, насчитывал 580 наконечников стрел, более двухсот каменных ядер для пращи, серию втоков и наконечников дротиков (11 экз.), целый образец и фрагмент нашечников от шлема, несколько фрагментов бронзовых и железных пластин, которые можно отнести к деталям защитного снаряжения, и предметы конской упряжи.

Вся серия предметов вооружения и конского снаряжения может быть разделена на две группы по характеру обнаружения. Первая группа происходит непосредственно из слоев крепости и имеет точную стратиграфическую и планиграфическую привязку (около 350 находок). Вторая группа находок получена при сплошных планшетных сборах, проводившихся преимущественно за пределами крепостных стен, и также имеет точную топографическую и планиграфическую привязку. К этой группе преимущественно относятся наконечники стрел, которые могли иллюстрировать как боеприпас защитников крепости, так и снаряжение их противников. Многочисленные наконечники стрел, обнаруженные за пределами стен, имеют характерную деформацию в виде согнутого кончика острия, которая могла образоваться при попадании наконечника в каменные стены укреплений при их обстреле. Это может косвенно говорить о следах боестолкновений, которые происходили в период функционирования крепости.

¹ Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов II–III (?) в. до н. э. – V в. н. э. // РА. 2000. № 2; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987; Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2; Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. 1966. № 4; Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968; Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. М., 2001; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ахеменидская рукоять с протомай грифона из храма Окса // ВДИ. 1993. № 4; Никоноров В.П. Вооружение и военное дело кушанской Бактрии // Городская среда и культура кушанской Бактрии-Тохаристана и Согда (III в. до н. э. – VIII в. н. э.). Ташкент, 1986; Никоноров В.П. Вооружение и военное дело в Парфии. Авто. реф. кан. дис. Л., 1987; Никоноров В.П. Среднеазиатские чеканы и клевцы // Северная Азия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992; Никоноров В.П. Вооружение античного Согда (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. Вып. III/2. Бухара, 1998; Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961; Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4; Обельченко О.В. Вооружение саков долины Зеравшана // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998; Пичикян И.Р. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. 1980. № 4; Пичикян И.Р. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986.

² Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2; Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. 1966. № 4; Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968; Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2.

³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2.

⁴ Dvurechenskaya N.D. The Hellenistic fortress Uzundara // Urban culture of Central Asia conference. Bern, 2016.

Кроме того, следует отметить, что предметы, обнаруженные при планшетном сборе за пределами крепости, могут быть разделены на три хронологических этапа по составу наконечников стрел. К первому этапу следует отнести бронзовые наконечники стрел, датированные VI–IV вв. до н. э., хорошо известные по аналогиям степного круга древних среднеазиатских историко-культурных областей. Они иллюстрируют военную активность на данной территории в период до возведения крепостных стен, изученных нашей экспедицией. Второй период характеризуется материальной культурой, совпадающей со временем функционирования крепости Узундара. Это преимущественно мелкие черешковые железные наконечники стрел и фрагменты дротиков, которые обнаружены как на территории самой крепости, так и в ее окрестностях при планшетных сборах. Третья группа предметов вооружения относится к средневековому периоду и характеризуется наконечниками стрел, датируемых IX–XIII вв. н. э. Эта группа также может косвенно свидетельствовать, что ущелье Узун-Дара и непосредственно территория крепости Узундара являлась зоной ведения боевых действий и воспринималась как ключевой пункт обороны долины Сурхандарьи от потенциальной внешней опасности. В этой связи хочется отметить, что среди предметов, обнаруженных при планшетном сборе, были найдены также многочисленные гильзы и пули конца XIX и первой трети XX в. от гладкоствольного и нарезного огнестрельного оружия, которые выпали в грунт на этой территории.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что Узундара в силу своей топографии являлась во все времена удобным участком обороны и зоной ведения боевых действий. И, как следствие, возведение здесь крепости является неслучайным, что доказывается не только фактом стратегического положения, но и характером воинской материальной культуры, обнаруженной на данной территории.

На площади крепости и прилегающей к ней зоны обнаружено 580 наконечников стрел и арбалетных болтов. Все наконечники делились на два класса по материалу: бронзовые (25 экз.) и железные (555 экз.). Среди железных выделяется 50 средневековых наконечников.

Бронзовые наконечники стрел Казахстана, Средней Азии вообще и Древней Бактрии в частности, не раз затрагивались в работах отечественных и зарубежных исследователей⁵. В настоящее время существует ряд систематизаций, посвященных материальной культуре среднеазиатских кочевников⁶, и две работы, рассматривающие непосредственно серии бронзовых наконечников, происходящих с территории Бактрии, и отдельного выдающегося памятника Тахти Сангин⁷. В этой связи следует отметить последнюю публикацию всего комплекса вооружения и бронзовых наконечников стрел из Храма Окса, где была дана блестящая историографическая подборка, затрагивающая эволюцию вооружения древней Бактрии в ее генезисе и развитии⁸.

Фундаментальные работы, посвященные изучению бронзовых наконечников стрел Евразии, затрагивающие, прежде всего, скифский и савромато-сарматский комплекс вооружения, стали эталонными для исследователей в соседних регионах и, в частности, в Средней Азии. Именно в этих работах рассмотрены вопросы генезиса и эволюции основных типов, во взаимосвязи с общим комплексом вооружения и исторических процессов, протекавших на территории древней Ойкумены. Основная серия этих наконечников происходила из курганных погребений и датировалась как закрытые комплексы по сопутствующему материалу, выстраивая общую хронологию древностей. Фактически все последующие работы отталкивались от типологий скифских и савроматских бронзовых наконечников⁹. В связи с крупными исследованиями на территории земледельческих районов Средней Азии и северного Афганистана появились специфические серии

⁵ *Аванесова Н.А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Тр. СамГУ. Вып. 270. Самарканд, 1975. С. 38; *Акишев К.А., Кулиев Г.А.* Древняя культура саков иусуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаева М.К., Орозбаев А.М.* Древняя культура центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // ТХАЭЭ. VIII. М., 1973. С. 79–90; *Воробьева М.Г.* Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. С. 197, 204, 205; *Иванов С.С.* К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2007. С. 64–70; *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. С. 53; *Литвинский Б.А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968; *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 59–77; *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. 1972. № 3. С. 80, 81, 87; *Усманова З.И.* Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.) // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1966. С. 64–68; *Ягодин В.Н.* Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. Вып. 3, М., 1984. С. 33–57; *Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de.* L'arsenal // BEFEO. T. LXVIII. Paris, 1980. С. 55.

⁶ *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // ТХАЭЭ. VIII. М., 1973. С. 79–90; *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. С. 53; *Литвинский Б.А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968; *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 59–77.

⁷ *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 59–77; *Ягодин В.Н.* Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. Вып. 3, М., 1984. С. 33–57

⁸ *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 59–77.

⁹ *Мелокова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964; *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961; *Машкова М.Г.* Памятники Прохоровской культуры. М., 1963.

бронзовых наконечников. Если вышеописанные среднеазиатские систематизации, основанные на материальной культуре кочевых народов, в вопросе хронологии строились по тем же принципам, что и систематизации, затрагивающие степной пояс Евразии, то серии наконечников стрел, происходящие с территории городищ и поселений, датировались не как закрытый комплекс, а по сопутствующим аналогиям, комплексу керамики, нумизматики и прочих индивидуальных находок.

В этой связи следует отметить, что на материалах Средней Азии у ряда исследователей сформировалось представление о том, что многие типы бронзовых наконечников, в отличие от степного пояса, продолжают бытовать в более позднее время, в частности, гипотеза о переживании в Средней Азии «ранне-скифских» наконечников стрел была высказана в ряде работ¹⁰. Позднее данные представления подверглись обоснованной критике¹¹. В настоящее время, несмотря на последовавшую критику, мнения о переживании ряда типов бронзовых наконечников стрел для территории Средней Азии все еще сохраняется. Рассматривая этот вопрос, В.Н. Ягодин высказал соображение о том, что разработка хронологии бронзовых и железных наконечников должна основываться на гомогенных комплексах. Так как сложностратифицированная сырцовая архитектура предполагает значительное перемещение индивидуальных находок в культурном слое, исследователь базировал свою работу по южно-бактрийским наконечникам на трех наборах, происходящих с таких, как он считал, гомогенных комплексов, как Кутлуг-тепе (первый период, датированный доахеменидским временем), Алтын-10, объект 2 (середина I тыс. до н. э.), арсенал Ай-Ханума (II в. до н. э.), где, по мнению исследователей, располагался колчан с 23 бронзовыми наконечниками¹². В данной ситуации, признавая общую правильность выбранного подхода, хотелось бы уточнить, что ряд интерпретаций и датировок гомогенных комплексов, не обладающих свойствами закрытого комплекса, сохраняет вероятность ошибки при датировании наконечников по сопутствующему материалу.

Как следует из вышесказанного, лишь несколько бронзовых наконечников, происходящих из стратифицированных слоев, надежно перекрытых вышележащими полами и культурными напластованиями, могут рассматриваться как наконечники из условно-закрытого комплекса, а остальные наконечники, обнаруженные при планшетных сборах, датировались на основе сравнительно-типологического анализа. Общее рассмотрение узундаринских бронзовых наконечников стрел показало, что по своему набору они наиболее близки южно-бактрийскому комплексу. В связи с этим, мы провели систематизацию на основании типологии В.Н. Ягодина, в том числе и потому, что она наиболее хронологически аргументирована¹³. Существующая систематизация тахти-сангинских наконечников, имеющих зачастую неясную стратиграфическую ситуацию, будет использована как вспомогательная.

Группа II. Черешковые наконечники.

Данная группа представлена одним наконечником.

Тип 1, 2 (?) (по Б.Н. Ягодину). С листовидной головкой и жилкой через все перо. Черешок округлый изломан (рис. 1: 1). Наконечник имел высоту пера 27 мм ширину пера – 13 мм. Длина сохранившегося фрагмента черешка 4 мм. Был обнаружен за пределами южной стены крепости при планшетном сборе.

Черешковые бронзовые наконечники характерны для эпохи бронзы и раннежелезного века. Известны небольшие серии в южной и юго-западной Туркмении (сл. 6 пос. Намазга-тепе) и в Приаралье¹⁴. Прямых аналогий нашему образцу нам не известно. По мнению ряда исследователей, данный тип сложился у оседлых земледельцев юга Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. и продолжал бытовать до начала раннежелезного века. Известны они и для территории Южной Бактрии, где их генезис находился под влиянием передневозвосточной традиции изготовления бронзовых наконечников стрел¹⁵.

Группа I. Втульчатые. Отдел I.

Двухлопастные наконечники.

Тип 1 (по Б.Н. Ягодину). Втульчатые двухлопастные наконечники с лавролистной головкой

¹⁰ Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. №73. Л., 1959. С. 47,48; Усманова З.И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.) // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1966. С. 64–68.

¹¹ Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. 1972. № 3. С. 82; Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. С. 197, 205.

¹² Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 34, 35.

¹³ В основу классификации Б.Н. Ягодина была положена четырехчленная схема, использованная К.Ф. Смирновым для классификации савроматских наконечников стрел. Наконечники, выполненные в разных материалах, были разделены на группы по характеру насада, на отделы по характеру сечения боевой части, на типы по форме головки наконечника и характеру втулки, на варианты по форме острия, наличию шипов и прочих добавочных элементов.

¹⁴ Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. С. 33; Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 36.

¹⁵ Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. С. 33; Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 36.

и выступающей втулкой (рис. 1: 2). Наконечник имел высоту 29 мм, ширину 9 мм, диаметр втулки 6,5 мм.

Представлен в одном экземпляре, обнаружен под юго-восточной башней крепости при планшетном сборе.

Наконечники данного типа хорошо известны для территории Южной Бактрии, где они относятся к варианту 1д¹⁶. Аналогичные образцы известны в Согде в слоях Афрасиаб I, датирующиеся VII–VI вв. до н. э.¹⁷ Также они известны в Хорезме на поселении Кой-Крылган-кала¹⁸. В савроматской культуре подобные наконечники датируются второй половиной VI в. до н. э.¹⁹

Тип 2 (по Б.Н. Ягодину). С овальной головкой и обрезанной или слабо выступающей втулкой (рис. 1: 3, 4). Наконечники этого типа, литые в двусоставной разъемной форме, представлены двумя экземплярами. Первый экземпляр был обнаружен при планшетном сборе в 30 м от северо-восточной башни за пределами площади городища. Второй наконечник был найден на территории цитадели, в слое завала стены у скальника в Восточном дворе. Они имели высоту пера 31,32 мм, ширину 12–13 мм, диаметр втулки 5–8 мм.

Эволюция данных типов относится к эпохе поздней бронзы и хорошо известна как на территории Средней Азии, так и на территории Южного Приуралья²⁰. Аналогичные образцы происходят с территории Южной Бактрии, где они датируются VI–V вв. до н. э.²¹

Тип 3 (по Б.Н. Ягодину). Представлен втульчатými двухлопастными наконечниками с узкой ланцетовидной головкой и чуть выступающей втулкой (рис. 1: 5). Изготавливались они при помощи разъемных двусоставных форм. Острие пера имеет небольшое утяжеление. Длина пера наконечника 27 мм, ширина 9 мм, диаметр втулки 6 мм. Был обнаружен при планшетном сборе в 30 м от северо-восточной башни за пределами площади крепости.

Аналогичные наконечники хорошо известны для территории Южной Бактрии, южной Туркмении, сакских могильников Памира и датируются VI–V вв. до н. э.²² Также датируются аналогичные типы у савроматов²³.

Тип 4 (по Б.Н. Ягодину). Двухлопастные наконечники с пером ассиметричной ромбовидной формы (рис. 1: 6). Втулка этих наконечников срезана по основанию пера и переходит в узкий валик, проходящий через все перо до острия. Данный образец обнаружен в ущелье Узун-дара к югу от юго-западной башни крепости. Имел высоту пера 45 мм, ширину 14 мм, диаметр втулки 6 мм.

Подобные наконечники хорошо известны по материалам скифских могильников, где они датируются VII–VI вв. до н. э.²⁴ Наш наконечник относится по типологии К.Ф. Смирнова к типу Va с так называемой ассиметричной боевой головкой²⁵. Они широко распространены от эпохи поздней бронзы до начала VI в. до н. э. Характерно, что на территории Южной Бактрии (1 экз. Кутлуг-тепе, датированный VIII–VII вв. до н. э.) они представлены серией из четырех экземпляров и также связывают их происхождение со степным евразийским поясом²⁶. Известны подобные образцы в сакских курганах на Восточном Памире, датированных VII в. до н. э.²⁷ Также они встречаются в могильнике Уйгарак и Чуйской долине датированных так же VIII–VI вв. до н. э.²⁸. Один такой образец был обнаружен в Тахти-Сангине²⁹. Данные наконечники широко распространены в Приуралье, Поволжье, на Кавказе и Передней Азии³⁰.

Отдел II. Трехлопастные.

Тип 1 (по Б.Н. Ягодину). Втульчатые, трёхлопастные наконечники стрел с сильно выступающей втулкой (рис. 1: 7). Форма пера наконечника лавролистная. Представлен 1 экз., обнаруженным при планшетном сборе к северу от северо-восточной башни крепости вниз по склону. Высота пера 29 мм, ширина пера между лопастями 8 мм, длина втулки 4 мм, диаметр втул-

¹⁶ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 42, 43.

¹⁷ Кобанов С.К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. 1969. №1. С. 184.

¹⁸ Вайнберг Б.И. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении // Каракумские древности. Вып. 5. Ашхабад, 1977. С. 43. Рис. 2: 32; Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. 1972. № 3. С. 89.

¹⁹ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 38–39. Рис. 14.

²⁰ Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. С. 195. Табл. 1: 5; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. // ТХАЭЭ. VIII. М., 1973. С. 86; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 40. Табл. 12н.

²¹ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 43.

²² Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. № 73. Л. 1959. Табл. XXXIV: 3; Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел. С. 91–92. Табл. 7–9.

²³ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 40, 41.

²⁴ Мелокова А.И. Вооружение скифов. С. 18. Табл. 1: 1, 5.

²⁵ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 41–42. Табл. 1, 19.

²⁶ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 44.

²⁷ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 94. Табл. 34: 1, 3, 5.

²⁸ Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. С. 88. Табл. XIII: 5–6;

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». М. – Л., 1950. Табл. XLI: 10; XCV: 48.

²⁹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 68.

³⁰ Черников С.С. Загадка Золотого кургана. М., 1965. С. 46–49, 178–183.

ки 5 мм. В Южной Бактрии они встречаются в наборе, происходящем из раскопок ахеменидского городища Алтын 10, объект 2, датирующимся серединой первого тысячелетия до н. э.³¹ Примечательно, что подобные типы не характерны для доахеменидских наборов Северного Афганистана в слоях Кутлуг-тепе. Также они отсутствуют на доахеменидских памятниках, расположенных на территории Хорезма и Маргианы, таких как поселение Куясай в Хорезме и Яз 1 в Южной Туркмении и характерны для культурных отложений Кюзели-гыр, Дингильдже и Эрк-калы, где они датируются рубежом VII–VI вв. и началом V в. до н. э.³² Такую же или чуть более широкую хронологическую ситуацию мы наблюдаем для подобных наконечников, распространенных на огромной территории от Переднего Востока до Южной Сибири. На сакских стоянках Кайрак-кумов в Северном Таджикистане они датированы VI–IV вв. до н. э.³³ На территории Нижней Сырдарьи они найдены на так называемых «шлаковых» курганах Иркандарьи, где датированы VI–V вв. до н. э.³⁴ На городище Телль Рифат в Ираке, подобные наконечники находятся в слоях IX–VII в. до н. э. Наибольшее количество трехлопастных наконечников первого типа известны по материалам Иранской археологии, где они встречаются в слоях VII–V вв. до н. э.³⁵ В Прикубанье, в скифскую эпоху они характерны преимущественно для VI в. до н. э. и изредка встречаются в комплексах первой половины V в. до н. э.³⁶ По классификации К.Ф. Смирнова подобные наконечники так же относятся к типу 1 отдела трехлопастных и представлены немногочисленной серией у савроматов Поволжья и Южного Приуралья, где они датируются концом VII – нач. V в. до н. э.³⁷ Существенным отличием кочевнических стрел этого типа от тех, которые происходят с территории ранних земледельческих оазисов Ирана и Средней Азии, является наличие шипа-отростка вытянутого от нижней кромки втулки. Примечательно, что нет такого элемента и у кочевников Хорезма.

Тип 2 (по Б.Н. Ягодину). Втульчатые, трехлопастные наконечники стрел со срезанной или слабо выступающей втулкой (рис. 1: 8, 9). Форма пера наконечника листовидная. Представлен 2 экз. Один был обнаружен при планшетном сборе за южной стеной крепости. Второй оказался в развале крепостной стены цитадели к северу от помещения 4. Высота пера 27–28 мм, ширина пера 8,5–10 мм, диаметр втулки 6 мм.

Для территории Южной Бактрии серия таких наконечников происходит с территории ахеменидского памятника Алтын 10, объект 2, датированных VI–V вв. до н. э.³⁸ В Средней Азии подобные образцы известны в Маргиане на городище Эрк-кала, в Хорезме в урочище Дингильдже и в Согде на городище Афрасиаб, где все они так же датированы в пределах VI–V вв. до н. э.³⁹ Этим же временем датируется наконечник, обнаруженный в кургане 76 Актамского могильника⁴⁰. Для степного пояса Евразии как на Западе, так и на Востоке, подобные наконечники известны в единичных экземплярах и датируются концом VI – первой половиной V в. до н. э.⁴¹ Как показали исследования, данный тип наконечников имеет довольно характерный круг аналогий, которые территориально привязаны к владениям Ахеменидской державы и наиболее широко распространены на памятниках Ирана, Ближнего Востока и юга Средней Азии и Афганистана⁴².

Тип 4. Вариант б (по Б.Н. Ягодину). Наконечники с выступающей втулкой, сводчатой головкой, переходящей в ребра-лопасти заостренные и опущенные на концах (рис. 1: 10, 11). Представлен 2 экз., обнаруженными при планшетном сборе, к востоку от северо-восточной угловой башни крепости, а также в верхнем слое разрушения юго-западной крепостной стены цитадели. Высота пера 34 мм, ширина пера 10 мм, высота выступающей втулки 12 мм, диаметр втулки 6 мм. Примечательно, что аналогичный наконечник происходил из развала выносной крепостной стены, прикрывавший спуск в долину, которая располагалась

³¹ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 45, 46.

³² Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. С. 196; Вайнберг Б.И. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении // Каракумские древности. Вып. 5. Ашхабад, 1977. С. 43.

³³ Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел. С. 94. Табл. 4: 15.

³⁴ Толстов С.П. По древним руслу Окса и Яксарта. М., 1962. С. 181–182. Рис. 104.

³⁵ Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии. С. 32, 33.

³⁶ Мелокова А.И. Вооружение скифов. С. 19, 21.

³⁷ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 44–45. Рис. 11: б.

³⁸ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 47.

³⁹ Усманова З.И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.). С. 64–66. Рис. 3а; Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. Табл. 1а: 13–19. Табл. 1б: 18. С. 197, 205; Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда // СА. 1972. № 3. С. 93, 94. Рис. 1: 2–4.

⁴⁰ Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел. С. 95, 96.

⁴¹ Мелокова А.И. Вооружение скифов. С. 19, 21; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 46.

⁴² Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 48, 49.

в 1 км к югу от крепости Узундара.

Данный тип по В.Н. Ягодину характеризуется двумя вариантами – наконечниками с примыканием лопастей под тупым углом (4а) и заостренным (4б)⁴³. По классификации Б.А. Литвинского наконечники, подобные нашему, были отнесены к типу Пб в который он объединил все трехлопастные наконечники с выступающей втулкой и сводчатой головкой вне зависимости от оформления боевой части или угла примыкания к втулке выступающих лопастей. К этому же типу были отнесены наконечники Храма Окса, имеющие явный треугольный абрис пера. По систематизации К.Ф. Смирнова, разработанной для территорий савроматской культуры, подобные наконечники были отнесены к типу 6. По материалам Скифской археологии такие наконечники появляются с начала VI в. до н. э.⁴⁴ Для Самарско-Уральской территории подобные типы особенно характерны в VI–IV вв. до н. э., при этом именно для этого времени характерны наконечники, обрез лопастей которых делался в виде шипов или примыкал под острым углом к втулке. Позднее они получают тупоугольное окончание или обрез под прямым углом. Встречаются они и в раннепрохоровское время, но на излете своего существования⁴⁵. Для территории Средней Азии и Северного Афганистана они также довольно характерны. Семь таких наконечников известны в Уйгараке, в комплексах VI–V вв. до н. э.⁴⁶ Этим же периодом датируются Тагискентские наконечники и большая серия из Дингильдже⁴⁷.

Известны подобные образцы и по материалам Маргианы⁴⁸. На территории самой Бактрии они происходят с городища Алтын-10 из слоев VI–V вв. до н. э.

Тип 5 (по Б.Н. Ягодину). Трехлопастные наконечники с треугольной головкой и внутренней втулкой, с характерными опускающимися лапками, которые не являются продолжением лопастей, а отходят от нижнего обреза центральной части головки (рис. 1: 17–23). Представлен

7 экз. Высота пера 27–30 мм, ширина пера 10–12 мм, диаметр втулки 5 мм. Обнаружены в развалах крепостных стен цитадели и крепости, обращенных в сторону ущелья Узун-дара.

Наконечники этого типа впервые были обнаружены в Фергане и на Памире. Обнаружены они были работами Н.Г. Горбуновой и Б.А. Литвинским. Все они датируются VI–IV вв. до н. э.⁴⁹ Такие же наконечники происходят из Актамского могильника, который был датирован авторами V–IV вв. до н. э.⁵⁰ Аналогичные наконечники были найдены на Алае в могильнике Шарт, датированные VI–V вв. до н. э.⁵¹ На основании вышеперечисленных аналогий Б.А. Литвинский выделил их в особый тип П ж и высказал мысль, что этот тип является спецификой сакских памиро-ферганских наконечников. Позднее он пересмотрел свою точку зрения, т. к. были найдены аналогичные образцы на городище Ай-Ханум, датированные II в. до н. э., и в храме Окса, а также на Кой-Крылган-кале⁵².

За пределами Средней Азии подобные наконечники распространены от Южного Приуралья до Тувы, они получили название «зажимных», позднее поддержанное исследователями Средней Азии⁵³. Способ крепления позволил выделить их в особую группу, промежуточную между втульчатыми и черешковыми наконечниками. Однако, по нашему мнению, это не совсем верно, т. к. основой крепления является все же втулка, а зажимы выполняют дополнительную функцию и не могут быть определяющими. На момент написания в 2007 г. специализированной статьи, посвященной этой «группе» наконечников С.С. Иванов зафиксировал более 50 подобных наконечников. Время распространения и бытования для территории Средней Азии приходится на VI – рубеж III–II вв. до н. э. Происхождение их связывается с территориями западного Синьцзяна, откуда они распространяются в самом начале VI в. до н. э. в Туву, Горный и Лесостепной Алтай. В V–IV вв. до н. э. наконечники с тремя зажимами под влиянием саков Памиро-Алая

⁴³ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 47, 48.

⁴⁴ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. С. 19, 21; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 19–23. Тип 3.

⁴⁵ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. С. 46–47. Табл. II. Рис. 33: А 1–27; 34: Г1–6; 35: А 1–4; 36: 1–37.

⁴⁶ Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. С. 89–90. Табл. V: 4; XIII: 36–44; XXV: 1, 4, 5.

⁴⁷ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. С. 53. Табл. 706: 30–32; Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. С. 198–199. Табл. 1: 23–37.

⁴⁸ Усманова З.И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.). С. 65. Рис. 33а, ШБ.

⁴⁹ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 97. Рис. 34: 11.

⁵⁰ Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. Л., 1962. С. 100. Рис. 3: 44, 46.

⁵¹ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 97.

⁵² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 77; Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. // ТХАЭЭ. V. М., 1967. С. 134. Рис. 53; Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L. arsenal. P. 55. Tabl. XXI; Gouin Ph. Les petitsobjets // Bernard P. (ed.) Fouilles d’Ai Khanoum. I. (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968) (MDAFA. T. XXI). Paris, 1973. P. 195. Fig. 41: 026.

⁵³ Чузунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 217, 220, 221; Иванов С.С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2007. С. 64–70.

⁵⁴ Иванов С.С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел. С. 66.

проникают на территорию Бактрии⁵⁴.

В.Н. Ягодин, рассматривая данный тип наконечников, высказал предположение, что столь поздняя датировка этого типа по материалам Ай-Ханум может свидетельствовать о наличии сакского контингента на территории Греко-Бактрии⁵⁵. Наличие семи наконечников этого типа в крепости Узундара и их месторасположение может свидетельствовать о том, что они могли быть как в арсенале крепости, так и в арсенале ее сакских противников.

Тип 6 (по Б.Н. Ягодину). Наконечники с вытянутой треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 1: 12, 13). Основания лопастей примыкают к втулке под острым углом, тем самым образуя шипы. В крепости Узундара было обнаружено два наконечника данного типа. Оба происходят с территории цитадели. Один из помещения, примыкающего к юго-западной крепостной стене, другой был обнаружен в комплексе с нижнего пола Южного двора с монетой Антиоха I.

Высота пера 39 мм, ширина пера 11 мм, высота выступающей втулки 11 мм, диаметр втулки 5 мм.

Для Европейской Скифии и территории распространения савроматских племен бытование подобного типа наконечников стрел относится к VI в. до н. э.⁵⁶ Для IV – начала III в. до н. э. подобные наконечники являются преобладающими в колчаных наборах савроматов⁵⁷. В Средней Азии наконечники рассматриваемого типа известны на городище Эрк-кала и в усадьбе Дингильдже, где они датированы V в. до н. э.⁵⁸ Для территории Бактрии они известны по арсеналу Ай-Ханум, где они датированы II в. до н. э. Также подобные наконечники происходят из храма Окса, где они были выделены в тип II в и датировались IV–II вв. до н. э.⁵⁹ Близкие аналогии рассматриваемым наконечникам были обнаружены в Согде на Афрасиабе, где они датированы IV–III вв. до н. э.⁶⁰

Тип 7 (по Б.Н. Ягодину). Трехлопастные вертикально вытянутые наконечники со сводчатой или треугольной головкой и скрытой втулкой (рис. 1: 14–16). Представлен 3 экз., которые про-

исходили из развалов крепостных стен крепости Узундара, южной и восточной ее части. Высота пера 31–36 мм, ширина пера 10 мм, диаметр втулки 5 мм.

В.Н. Ягодин выделил два варианта таких наконечников. Все наши образцы относятся к варианту «б», имевшему три симметрично вытянутых шипа. Появление данного типа по скифским комплексам относится ко второй половине VI – первой половине V в. до н. э. и существует до III в. до н. э.⁶¹ По савроматской классификации К.Ф. Смирнова этот тип появляется в VI в. и достигает максимального распространения в V в. до н. э. В IV–II вв. до н. э. они довольно редки и изменяются в сторону уменьшения в пропорциях⁶². Для территории Средней Азии и Северного Афганистана древнейшими находками этого типа являются находки из Алтын-тепе, датированные VI в. до н. э.⁶³ Примечательно, что, как и для вышеописанных типов, находками с самыми поздними датировками являются находки из арсенала Ай-Ханум, относящиеся ко II в. до н. э. Шестнадцать экземпляров наконечников этого типа происходят из храма Окса, где они датируются IV–II вв. до н. э.⁶⁴ Значительная серия наконечников этого типа, датированная VI–V вв. до н. э. происходит с территории Приаралья, Хорезма, Северо-западной Туркмении⁶⁵.

Рассмотренные выше типы бронзовых наконечников стрел, происходящие с крепости Узундара, демонстрирует нам значительное сходство, как в наборе типов, так и в массо-размерных характеристиках с сериями наконечников, происходящих с территории Южной Бактрии. Выделяется группа ранних типов, датированных VII–VI вв. до н. э. Все они были обнаружены при планшетном сборе за пределами периметра крепости. Отдельно следует упомянуть группу, датированных V – нач. III в. до н. э., которые были обнаружены как за пределами крепости, так и в ее культурных напластованиях. Отдельно следует отметить, что наконечники типов 5 и 6 происходят с пола помещения, датированного монетой Антиоха I. В этой связи следует указать, что только самая массовая и поздняя серия втульчато-зажимных бронзовых наконечников

⁵⁵ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 48; Иванов С.С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел. С. 64–70.

⁵⁶ Мелокова А.И. Вооружение скифов. С. 21.

⁵⁷ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 48, 49.

⁵⁸ Усманова З.И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.). С. 65; Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. С. 199. Табл. 1А: 37; 1Б: 22, 24, 43.

⁵⁹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 72. Табл. 18; Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 48, 49.

⁶⁰ Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда. С. 95. Рис. 1: 8.

⁶¹ Мелокова А.И. Вооружение скифов. С. 21, 23. Рис. 1.

⁶² Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. С. 50, 51.

⁶³ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 39, 40.

⁶⁴ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 74, 75.

⁶⁵ Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. С. 49.

тип 5 встречается в слоях цитадели совместно с мелкими железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, которые представляли собой основную массу находок, иллюстрирующих арсенал защитников крепости, для греко-бактрийских слоев.

Более широкие чем время функционирования крепости хронологические рамки рассмотренной серии бронзовых наконечников могут объясняться тем фактом, что еще до ее возведения на данной территории могли происходить боевые столкновения или охота.

Из всей серии бронзовых наконечников, следует отдельно описать два трехгранных массивных наконечника с шестигранным основанием и втулкой, в которую были вставлены железные черешки – древки (рис. 2: 1, 2). На сторонах наконечников нанесены характерные символы в виде зауженной и чуть изогнутой пирамидки 5 × 1 мм. Наконечники стрел имели высоту 24–26 мм. Ширина граней 12–12,5 мм. Сечение основания 7–8 мм. Диаметр втулки 5 мм. В одном случае железный черешок обломан, во втором случае он сохранился на длину 37 мм. У обоих наконечников погнуты острия. Оба они обнаружены под северо-восточной башней крепости, в развале восточной крепостной стены, недалеко от места скопления наконечников стрел (свыше 200 шт.), которое мы интерпретировали как место штурма крепости. Полной аналогией такого типа биметаллическим наконечникам являются китайские (а других просто не было) арбалетные болты III–II вв. до н. э. эпохи Цинь и Западной Хань⁶⁶. При этом в позднем Хань они сменяются на цельножелезные болты⁶⁷. Рассматривая серию наконечников из гробницы Цинь Шихуанди исследователи выделили отдельный тип трехгранных боеголовковых наконечников с выделенной головкой и остроугольным острием⁶⁸. При этом надо отметить, что они несколько отличаются от наших экземпляров более скругленными гранями. Прямой аналогией описанным выше арбалетным болтам из Узундара является серия наконечников из крепости Баян Булака, расположенной во Внутренней Монголии, датированная II в. до н. э.⁶⁹

Обнаружение столь характерных для китай-

ской военной традиции предметов вооружений в пределах Северной Бактрии у подножья стен пограничной крепости Узундара, которые не могли являться ни предметами китайского импорта, ни тем более заимствований, принуждает нас к поиску находок подобных предметов к Западу от имперского Китая. Известно, что бронзовые арбалеты, были сложным и специфичным видом вооружения, характерным именно для военного дела имперских армий эпохи Цинь и Западной Хань. Более того, использование арбалетных болтов в качестве боеприпаса для сложных и относительно легких «скифских луков» III–II вв. до н. э. малоэффективно по массо-размерным показателям. Тем не менее, в отечественной историографии есть факты, говорящие о том, что от Восточного Туркестана до гор Кавказа подобные находки известны. При этом до работ на Узундаре они не были известны ни на территории Согда, ни в Хорезме, ни в Бактрии. Первое косвенное упоминание о факте использования подобных арбалетных болтов содержится в работах Б.А. Литвинского⁷⁰. Позднее М.В. Горелик и Ю.С. Худяков, рассматривая типовое разнообразие стрел Восточного Туркестана, независимо друг от друга зафиксировали факт присутствия арбалетных болтов на данной территории. В частности, биметаллические наконечники представлены в музее г. Хами. Они происходят с памятника Могуань. У них такое же трехгранное, удлиненно-треугольных очертаний перо с шипами, граненой шейкой, обломанными железными черешками. При этом осторожно высказывалось предположение, что ими могли стрелять из крупных сложных луков «гуннского» типа, или из арбалетов. Отечественные военные археологи пришли к заключению, что подобные арбалетные болты могли быть заимствованы (как принцип сборки) у северных «варварских» народов, в VI–IV вв. до н. э.⁷¹

Самыми западными находками подобных метательных снарядов считаются находки железных черешков и наконечников из сарматской «ойкумены», что позволило автору предположить бытование у сарматов в III–II вв. до н. э. «китайских арбалетов»⁷².

Появление китайских арбалетных болтов на-

⁶⁶ Чжоу Вэй. Очерки истории китайского оружия. Пекин, 1957 (кит. яз.). Табл. 48: 12, 15, 16.

⁶⁷ Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 56–74.

⁶⁸ Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди. Новосибирск, 2010. С. 118.

⁶⁹ Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Matrenin S.S., Grebennikov I.Iu. The Shouxiangcheng fortress of the Western Han period: Excavations at Baian Bulag, Nomgon sum, Ömnögov' aimag, Mongolia. Bonn, 2011. Fig. 17.

⁷⁰ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши Мира». С. 100.

⁷¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. 1995. С. 373, 374; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. Рис. V: 48, 49.

⁷² Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 63–65.

ряду с описанной ниже ламеллярной панцирной пластиной (рис. 2: 3), относящейся к кругу ханьского оборонительного доспеха, может быть связано с глобальной военной активностью на западных рубежах Китая, когда началось масштабное движение кочевых племен, дошедших до пограничья Бактрии в III–II вв. до н. э. Факт обнаружения двух арбалетных болтов в районе места предполагаемого штурма и боестолкновения у стен крепости Узундара может косвенно говорить о присутствии деталей китайской «паноплии» среди штурмующих крепость воинов.

Из 555 железных наконечников стрел, обнаруженных в полевые сезоны 2013–2019 гг., и относящихся ко времени бытования крепости, только 410 были включены в типологию. Один наконечник являлся заготовкой, и 141 представляли собой плохо сохранившиеся аморфные фрагменты. При систематизации всего комплекса наконечников стрел проводилась графическая фиксация, обмеры и взвешивание. Для удобства восприятия все наконечники стрел крепости Узундара будут приведены в традиционной, несколько модифицированной схеме описания. Наконечники, выполненные из железа, были разделены на группы по характеру насады, на отделы по характеру сечения боевой части, на типы по форме головки наконечника, на варианты по форме острия, наличию шипов и прочих добавочных элементов (рис. 3).

Группа 1. Отдел 1.

Тип 1. Плоские (двухлопастные) наконечники с треугольным пером, основание которого переходит к черешку под прямым углом. С территории крепости происходят 12 экз. Из них четыре происходят из помещения 2 и слоя двора вокруг «скального комплекса» – центрального здания цитадели, датированные серией монет Евтидема I и Деметрия I. Высота наконечника 25–36 мм, высота пера 18–23 мм. При том что наиболее ранние плоские наконечники стрел, встречены в комплексе Ай-Ханума, все они имеют форму боевой части с опущенными жальцам, датированные временем до 30-х гг. II в. до н. э.⁷³ Лишь в комплексе из храма Диоскуров в Дильберджине известен аналогичный описанному выше типу образец, датированный по разным точкам зрения от времени Евкратиды до конца I–II в. н. э.⁷⁴ Таким образом, серия наконечников, происходящих с филактерия крепости

Узундара, позволяет датировать появление данного типа временем не ранее последней трети III в. до н. э. – начала II в. до н. э.

Тип 2. Плоские наконечники с треугольным пером, основание которого переходит к черешку под острым углом, образуя жальца. С территории крепости происходят 6 экз. Из них один из слоя завала помещения 2, сопровождающегося монетами Евтидема I и Деметрия I. Высота 27–36 мм, перо 18 мм. Наиболее близкой аналогией являются стрелы из айханумского арсенала, датированные временем до 30-х гг. II в. до н. э.⁷⁵

Группа 1. Отдел 2.

Тип 1. Бронебойные или граненные наконечники. Всего к данному отделу и типу относилось 45 наконечников. Выделяется два варианта.

Тип 1. Вариант 1. Бронебойные пирамидальные с переходом к черешку под прямым углом. Выделяются два подварианта с квадратным и треугольным сечением. Всего отнесен к этому варианту 31 экз. Высота наконечников с сохранившимся черешком 37 мм, высота боевой части 20–23 мм. Обычно по типологиям наконечников стрел трёхгранные и четырёхгранные наконечники относятся к разным типам, но из-за малого количества трёхгранных наконечников, происходящих с территории крепости Узундара, мы посчитали возможным отнести их к одному варианту. Наиболее близкой аналогией по массо-размерным и морфологическим характеристикам являются стрелы из арсенала Ай-Ханум, датированные временем позднее 30-х гг. II в. до н. э. Все они четырёхгранные и представлены в арсенале шестью экземплярами⁷⁶. Трёхгранные наконечники стрел наиболее характерны для савроматских и сарматских культур и в Средней Азии не получили большого распространения⁷⁷. В IV–II вв. до н. э. такие наконечники известны в могильниках Узбоя⁷⁸. Многие из них отличаются округлым основанием, что не позволяет видеть прямую аналогию нашим образцам. По материалам Тахти-Сангина аналогичные наконечники относятся к средним и крупным формам, что, в свою очередь, говорит о более поздней их датировке. Четырёхгранные наконечники, происходящие из Тахти-Сангина, также относятся к более позднему времени из-за своих массо-размерных характеристик⁷⁹. Близкой аналогией железным четырёхгранным

⁷³ Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L., arsenal. С. 65–58.

⁷⁴ Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1986. С. 41–44. Рис. 34–35. С. 63; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 83. Табл. 27: 9.

⁷⁵ Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L., arsenal. С. 65–58.

⁷⁶ Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L., arsenal. С. 56–58. Табл. 22.

⁷⁷ Мошкова М.Г. Памятники Прохоровской культуры. М. 1963. С. 32.

⁷⁸ Юсупов Х. Древности Узбоя. Ташкент, 1986. С. 51, 99. Рис. 12: 36.

⁷⁹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 107–111.

наконечникам пирамидальных очертаний являются экземпляры, происходящие из Таксилы, где они датированы III–II вв. до н. э.⁸⁰

Тип 1. Вариант 2. Бронбейные бипирамидальные квадратного сечения наконечники. Всего к данному варианту относятся 16 экз. Высота наконечника 37 мм, высота боевой части 20–23 мм. Среди четырехгранных наконечников, происходящих с Ай-Ханум, известны и бипирамидальные образцы, в частности, Г.П. Франкфор предполагал, что они могли относиться к чисто греческим, ссылаясь на материалы из Олинфа, датируемые серединой IV в. до н. э.⁸¹ Принципиальным отличием от предполагаемых греческих прототипов являются более мелкие размеры и менее проявленная форма⁸².

Группа 1. Отдел 3. Трехлопастные черешковые железные наконечники стрел. К этому отделу отнесено 347 наконечников, что составляло от общей массы определяемых экземпляров 84 %. Именно такие наконечники стрел в отечественной и зарубежной литературе рассматриваются как основной тип, пришедший на смену бронзовым наконечникам сако-скифской эпохи. Появление таких наконечников, с точки зрения историографии, связывалось с восточными областями Евразии, где продолжалась традиция изготовления бронзовых черешковых наконечников стрел, датированных VIII–VII вв. до н. э.⁸³ К.Ф. Смирнов придерживался иной точки зрения, полагая, что костяные наконечники стрел, бытовавшие в Заволжье и Приуралье, могли породить появление железных черешковых стрел, которые в свою очередь проникли позднее в Среднюю Азию и Прикамье⁸⁴. В любом случае, появление кованых железных наконечников стрел у савроматов относится ко времени не позднее V в. до н. э. Однако, по мнению А.М. Хазанова, на протяжении большей части IV в. до н. э. в Поволжье они вообще не известны, а в Южном Приуралье встречаются очень редко. Примечательно, что только в конце Прохоровской культуры в наборах колчанов

железные трехлопастные наконечники стрел начинают доминировать и только во II в. до н. э. окончательно вытесняют бронзовые втульчатые наконечники⁸⁵. В любом случае, можно констатировать, что существует мнение о стабильной преемственности в развитии этого отдела наконечников стрел в савроматское и ранне-сарматское время.

Своя историография по развитию железных трехлопастных наконечников стрел существует для Средней Азии⁸⁶. По мнению Б.А. Литвинского лишь к середине 60-х гг. накопился достаточно представительный материал, который позволил подойти к первичной систематизации. В 1965 г. выходит работа, которая стала на многие годы базисной при определении и систематизации среднеазиатских железных наконечников, значительно обновленная в 2001 г.⁸⁷ Наблюдение за генезисом черешковых железных наконечников стрел показывает, что на протяжении VIII–IV вв. до н. э. отмечается существование в Средней Азии бронзовых черешковых стрел, синхронных савроматско-сарматскому и сакскому кругу, где отмечается сосуществование бронзовых и железных аналогичных типов⁸⁸. Собственно, мелкие трехлопастные железные черешковые наконечники стрел, по мнению целого ряда исследователей, начинают доминировать к III–II вв. до н. э.⁸⁹ Однако появление их может относиться и к более раннему времени⁹⁰. Для территории Средней Азии и Казахстана наиболее ранним комплексом, где встречаются крупные и мелкие железные черешковые наконечники стрел, при этом с характерным треугольным абрисом пера, являются наконечники Чирикратской культуры, датированные IV–III вв. до н. э.⁹¹

В этой связи следует отметить, что на 2001 г. наиболее представительным по количеству находок по-прежнему являлся арсенал, расположенный на городище Ай-Ханум, датированный временем не позднее 30-х гг. II в. до н. э. Таким образом, только два региона (культуры Сармат-

⁸⁰ Marshall J. Taxila. Cambr., 1951. P. 548.

⁸¹ Francfort H.-P. Fouilles d'Aï Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles // MDAFA. T. XXVII. Paris, 1984. P. 66.

⁸² Robinson D.M. Metal and Minor Miscellaneous Finds. An Original Contribution to Greek Life. (Excavations at Olynthos. Pt. X). Baltimore–London–Oxford, 1941. P. 392–397.

⁸³ Граков Б.Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // ТСАРАНИОН. Т. V. 1930. С. 65.

⁸⁴ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 65.

⁸⁵ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971. С. 36.

⁸⁶ Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. № 64. С. 10–13; Обельченко О.В. Куюмазарский могильник // Тр. Института истории и археологии АН УзССР. Вып. VII. Ташкент, 1956. С. 221, 222.

⁸⁷ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2.

⁸⁸ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 91; Казахстан в сакскую эпоху. Алматы, 2017. С. 46.

⁸⁹ Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 137.

⁹⁰ Литвинский Б.А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблемы связи между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960. Рис. 1, 11, 12.

⁹¹ Курманкулов Ж.К., Тажекеев А.А. Чирикратские железные наконечники стрел // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы, Т. 2. 2011. С. 43.

ского круга и Среднеазиатского региона) дают более или менее крупные серии, позволяющие говорить о времени появления и распространения подобного типа наконечников. В качестве предварительного итога можно сказать, что время широкого распространения мелких железных трехлопастных наконечников стрел относится к III или скорее II в. до н. э. В данном контексте материалы из крепости Узундара могут уточнить время распространения подобных наконечников на территории Бактрии.

Перейдем к описанию наконечников стрел.

Отдел 3. К нему относилось три типа.

Тип 1. К данному типу нами были отнесены наконечники со сводчатой боевой головкой и переходом ее к черешку под острым углом, с образованием при этом ярко выраженные шипы. Всего их известно по нашим материалам 8 экз. Все они довольно крупные относительно остальных типов и вариантов и достигают 42–60 мм по высоте, при этом боевая часть достигала 30–35 мм, ширина пера 10–16 мм. Тем не менее, все они относятся скорее к мелким или средним по систематизации Б.А. Литвинского⁹². Все эти наконечники происходят из планшетных сборов за пределами крепостных стен или непосредственно в развалах стен крепости Узундара и не имеют надежной датировки. Следует отметить, что четыре из пяти наконечников найдены в виде разряженного скопления на ряду с другими десятками наконечников стрел на площади близ северо-восточной башни крепости. Данное скопление по материалам работ 2018 г. было околонушено и интерпретируется нами как место боестолкновения. Как показали исследования материалов курганных могильников и поселений Поволжья и Южного Приуралья, а также Средней Азии, данный тип является одним из самых ранних железных трехлопастных кованых наконечников стрел. Появившись в конце VI– начале V в. до н. э. в качестве бронзовых с конца IV в. они изготавливались из железа и имели крупные размеры при длине свыше 60 мм. По материалам Прохоровской культуры широколопастные сводчатые наконечники в III–II вв. до н. э. сменяются более мелкими формами, аналогичными тем, что мы обнаружили на территории крепости Узундара и ее окрестностей. По типологии А.М. Хазанова они относились к первому типу раннесарматских наконечников стрел. Второй и третий типы – со сводчатой головкой, выделен-

ные автором, сильно отличаются пропорциями и размером от описанных нами выше образцов. К I в. до н. э. подобные наконечники выходят из употребления⁹³. Однако самые близкие параллели мы видим в материалах Тулхарского могильника, датированных последней третью II в. до н. э. – началом I в. н. э.⁹⁴

Тип 2. К данному типу нами были отнесены трехлопастные наконечники треугольные по абрису пера с прямыми или чуть округлыми очертаниями пера и переходом к черешку под прямым или тупым углом. Всего их известно по нашим материалам 221 экз. Выделено 3 варианта. В разработанных типологиях, рассматривающих сарматские и среднеазиатские наконечники последних веков I тыс. до н. э., нет единого мнения о необходимости выделения подобных образцов в разные типы. Б.А. Литвинский в своей первой работе, посвященной среднеазиатским железным наконечникам стрел, опубликованной в 1965 г., объединил их в общий тип⁹⁵. Позднее, в 2001 г., все трехлопастные треугольные наконечники им рассматриваются совместно, несмотря на разработанную систематизацию А.М. Хазанова, в который подобные наконечники подразделены на два типа (4 и 6 типы: наконечники, основание которых срезано под прямым углом и тупым углом)⁹⁶. В свою очередь, мы посчитали возможным рассматривать подобные наконечники в рамках одного типа, но с выделенными вариантами. Объясняется это тем, что сохранность миниатюрных экземпляров не всегда позволяет надежно отличить данный переход. Кроме того, возможно, при самой ковке уже в древности оформление кузнецом нижней части на одном наконечнике могло варьироваться от прямого к тупому углу. В этой связи подразделение этих наконечников на варианты рассматриваемого типа представляется уместным. К отдельным вариантам мы будем относить морфологически законченные и ясные образцы с четкими признаками.

Переходя к аналогиям, следует отметить, что для Прохоровской культуры трехлопастные треугольные наконечники с переходом пера под прямым углом к черешку являются доминирующими⁹⁷. Наиболее ранние аналогии для Бактрии происходят из арсенала Ай-Ханум, где среди 42-х определимых наконечников 17 относились к рассматриваемому нами типу, что также составляло большинство среди других типов, найденных в этом греко-бактрийском городе⁹⁸. Забегая впе-

⁹² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 92.

⁹³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М. 1971. С. 36, 37; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 94

⁹⁴ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М. – Л., 1966. С. 203.

⁹⁵ Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 77–81.

⁹⁶ Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М. 1971. С. 37.

⁹⁷ Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. С. 37.

⁹⁸ Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L., arsenal; Marshall J. Taxila. Cambr., 1951. P. 56–58; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 98.

ред, следует отметить, что для крепости Узундара более характерными являются наконечники с переходом боевой части наконечника к черешку под тупым углом. Доживают данные наконечники как доминирующие до I в. до н. э., когда они сменяются крупными образцами, характерными для первых веков нашей эры. Отдельные экземпляры рассматриваемого типа попадают и в раннем средневековье⁹⁹. Большой массив аналогий отдельных образцов, обнаруженных в слоях поселений и в погребениях Средней Азии, приведен Б.А. Литвинским во втором томе книги «Храм Окса» является достаточным в рамках целей данной работы и не требует повторений¹⁰⁰.

Тип 2. Вариант 1. Трехлопастные треугольные с переходом боевой части к черешку под прямым углом. С крепости Узундара и ее окрестностей происходит 80 экз., относимых к этому варианту. Высота наконечника составляет 16–50 мм. Размер боевой части 13–32 мм, ширина 4–8 мм. Наконечники этого варианта происходят со всей площади крепости и помещений филактерия, где в стратифицированных слоях они датируются от времени Антиоха I до Евкратиды I. Как уже писалось выше, эти наконечники являются доминирующими для раннесарматской культуры и в слоях города Ай-Ханум. Таким образом, для территории Бактрии мы можем уверенно говорить о распространении наконечников этого варианта в период не позднее середины III в. до н. э.

Тип 2. Вариант 2. Трехлопастные треугольные с переходом боевой части к черешку под тупым углом. С крепости Узундара и ее окрестностей происходит 133 экз., относимых к этому варианту. В настоящее время это самый доминирующий вариант на территории крепости Узундара. Высота наконечника составляет 20–47 мм. При этом большинство из них относятся к мелким по системе Б.А. Литвинского¹⁰¹. Размер боевой части 15–32 мм, ширина 4–8 мм. Наконечники этого варианта также происходят со всех помещений филактерия крепости Узундара, где они датируются серединой III – 40-ми гг. II в. до н. э. По типологии А.М. Хазанова они отнесены к 6 типу, и отмечаются как наиболее редкие в раннесарматский и среднесарматский периоды¹⁰². Отмечаются они и в арсенале города Ай-Ханум¹⁰³.

Тип 2. Вариант 3. Трехлопастные треугольные узкие наконечники с пропорцией боевой части 1/6 и с переходом боевой части под тупым углом к черешку. Всего их известно 8 экз. Происходят с территории Северной башни 1-го филактерия крепости Узундара, где они обнаружены в слоях с монетами Евтидема I, датируемых последней третью III в. до н. э. Общий размер наконечника 27–39 мм. Размер боевой части 25–35 мм, ширина 3–5 мм. Аналогичных наконечников в разработанных систематизациях нам пока не известно.

Тип 3. К данному типу нами были отнесены трехлопастные наконечники треугольные по абрису пера с переходом к черешку боевой части под острым углом, переходящим в шипы или жальца. К данному типу было отнесено 118 наконечников, которые подразделялись на два варианта.

Тип 3. Вариант 1. Данный вариант был представлен наконечниками с треугольным или чуть округлым абрисом пера и опущенными жальцами. Он является вторым по численности среди всех наконечников Узундара, и насчитывает 108 экз. Все они относятся к малым или средним (по Б.А. Литвинскому) наконечникам и имеют размер 16–47 мм, при высоте боевой части 20–35 мм. Они встречаются практически во всех помещениях филактерия крепости Узундара и хорошо датируются второй половиной III – 40-ми гг. II в. до н. э. Такие наконечники хорошо известны на территории эллинистической Бактрии и происходят из арсенала Ай-Ханум и крепости Курганзол¹⁰⁴. Общий обзор аналогий, происхождения и времени бытования для мелких железных наконечников с опущенными жальцами как для территории Средней Азии, так и для сопредельных регионов дал Б.А. Литвинский¹⁰⁵. Им было убедительно доказано, что они являются одними из самых распространенных наконечников до I в. до н. э. Позднее им на смену приходят более крупные образцы этой же разновидности. Сосуществование крупных и мелких форм в первой половине I тыс. н. э. отмечено было еще О.В. Обельченко¹⁰⁶. А.М. Хазанов относил подобные наконечники к 5 типу по материалам Нижнего Поволжья и Приуралья, и смену их на более крупные образцы относил уже к первым векам н. э.¹⁰⁷

⁹⁹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 101.

¹⁰⁰ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 101.

¹⁰¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 86.

¹⁰² Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М. 1971. С. 37.

¹⁰³ Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L.arsenal. P. 56–58. Tabl. 22; Marshall J. Taxila. Camb., 1951. P. 56–58.

¹⁰⁴ Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de L.arsenal. P. 56–58. Tabl. 22; Marshall J. Taxila. P. 56–58; Сверчков Л.М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент, 2013. С. 102. Рис. 88.

¹⁰⁵ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 86.

¹⁰⁶ Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 142.

¹⁰⁷ Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М., 1971. С. 37, 38.

Особняком стоят материалы Чирикратской культуры, отмеченные выше, где отмечается существование крупных и мелких наконечников стрел в IV–III вв. до н. э.¹⁰⁸

Тип 3. Вариант 2. К данному варианту отнесены аналогичные вышеописанным по форме пера наконечники, размер боевой части которых составлял 1/2 от общей высоты. Сам же черешок более мощный в основании и сужается к концу. Всего их известно 10 экз. Общий размер составлял 34–40 мм. Боевая часть 13–35 мм. Все образцы, относимые к этому варианту, происходили с территории, располагающейся за пределами стен крепости, и группировались вместе с другими сотнями наконечников стрел (по материалам 2018 г.) на площади близ северо-восточной башни крепости. Наконечники с длинными черешками не типичны для территории Бактрии и находят наиболее близкие аналогии в материалах культур сарматского круга, где они продолжают бытовать в I в. до н. э. – I в. н. э.¹⁰⁹

Первичная систематизация железных наконечников стрел эллинистического периода крепости Узундара позволяет прийти к следующим выводам. Небольшие по размеру железные наконечники стрел в стратифицированных слоях филактериона крепости встречаются только с периода середины III в. до н. э. В настоящее время известно два наконечника Отдела 3, тип 2, происходящих из перового строительного горизонта, датируемого временем Антиоха I, где встречаются преимущественно бронзовые наконечники стрел, рассмотренные ранее. Возможно, эти выводы предварительны, т. к. сохранность слоев первого горизонта незначительная, что не позволяет вывести эмпирического обобщения. В любом случае перед нами один из самых ранних надежно датированных комплексов для территории Бактрии в частности, и Средней Азии в целом, где мы видим довольно представительную серию, как в количестве, так и в типологическом разнообразии железных наконечников стрел малых и средних размеров, для столь раннего времени.

Затрагивая вопрос о периоде распространения крупных трехлопастных наконечников, не раз рассматривавшихся в историографии, следует отметить, что для территории крепости Узундара, датированной III (концом IV?) – II в. до н. э., подобные наконечники стрел встреча-

ются в единичных экземплярах, привязанных к сооружениям, возникшим после гибели крепости и датированных монетой сако-индийского царя Аза I (I в. до н. э.). В этой связи следует отметить, что вся серия железных наконечников стрел, происходящих с крепости Кампыртепа, датированных I в. до н. э. – I в. н. э., представлена только крупными трехлопастными железными наконечниками¹¹⁰.

Рассматривая сам комплекс наконечников стрел, следует отметить, что, безусловно, доминируют разные типы трехлопастных треугольных наконечников над бронебойными и плоскими, а в качестве основных типов наконечников выступают трехлопастные наконечники с переходом боевой части к черешку под тупым углом и наконечники с жальцами. Вес таких наконечников составлял от 2 до 6 г, при общей высоте от 15 до 50 мм. Такие массо-размерные показатели основного количества наконечников стрел свидетельствуют об использовании их в основном по незащищенному доспехом противнику. Также не следует забывать, что вторым оружием дистанционного боя для гарнизона Узундара и, по всей видимости, более дальнобойным и весомым, являлась праща, столь характерная для греческого военного дела в рассматриваемый период. Ядра же пращи, обнаруженные в башнях и стрелковых галереях крепости, являются одной из частых находок в материальной культуре филактериона Узундара и составили 295 экз.

Праща, как один из основных видов метательного оружия, была широко распространена на территории древней ойкумены. Тем не менее, данный тип вооружения вообще и метательные снаряды, связанные с ним, в частности, в отечественной археологии изучен в недостаточной степени. Специальные исследования, затронувшие античные метательные ядра, представлены статьей З.И. Усмановой, в которой опубликована серия керамических снарядов, происходящих с территории Мерва¹¹¹, и работой Н.Д. Двуреченской и О.В. Двуреченского, посвященной глиняным ядрам от пращи и метательных машин, происходящих из Кампыртепа¹¹².

Наиболее ранние ядра пращи для среднеазиатского региона известны с эпохи энеолита. Как правило, это каменные или глиняные шаровидные снаряды небольших размеров, использовавшиеся в охоте¹¹³. Праща, как предмет

¹⁰⁸ Курманкулов Ж.К., Тажекеев А.А. Чирикратские железные наконечники стрел // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 2. Алматы, 2011. С. 43.

¹⁰⁹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М., 1971. С. 37, 38.

¹¹⁰ Двуреченская Н.Д. Археологический комплекс на юго-западе жилого блока-квартала I «нижнего города» Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 8. Елец, 2011.

¹¹¹ Усманова З.И. Керамические ядра из Мерва // Труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 172. Ташкент, 1960. С. 34–36.

¹¹² Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В. Глиняные ядра с городища Кампыртепа // РА. 2013. № 2. С. 124–134.

¹¹³ Массон В.М. Древнемаргианское поселение Яз-депе // Известия АН ТССР. 1955. № 3. С. 6.

вооружения, на данной территории начинает распространяться в ахеменидскую эпоху. Наиболее ранняя находка скопления боевых ядер происходит из усадьбы Денгильдже в древнем Хорезме середины I тыс. до н. э.¹¹⁴ В античную эпоху ядра пращи встречаются почти повсеместно, как в арсеналах крепостных сооружений Бактрии¹¹⁵, так и в Маргиане¹¹⁶.

Для этого периода выделяются керамические ядра, ядра из сырой подсушенной глины и каменные ядра. По материалам Кампыртепа было выделено три массо-размерных группы ядер из подсушенной глины. Самой многочисленной, до 70 %, группой являлись снаряды массой 65–90 г, при диаметрах 38–57 мм. В тоже время следует отметить, что по маргианским материалам – ядра пращи, как правило, хорошо обожжены и сформованы из хорошоотмученных глин. При этом весо-размерные показатели обнаруживаемых ядер совпадают с таковыми размерами снарядов 2 группы, выделенных по материалам Кампыртепа. В этой связи интересным представляется то, что необоженные глиняные ядра ни в коем случае не следует рассматривать как заготовки снарядов. По всей античной ойкумене глиняные ядра изготавливались ручной лепкой с последующей просушкой на солнце, и лишь изредка мы видим обжиг. При этом они изготавливались так даже в тех районах, где было достаточно сырья для создания арсенальных запасов ядер, выполненных из камня или известняка. Связано это с тем, что изготовители стремились получить при малом размере достаточно тяжелые снаряды. Достигалось это за счет того, что в них не примешивали характерные для керамических изделий добавки. Т. е. они изготавливались из чистой глины и имели соответствующую плотность. Обжиг таких ядер в керамических печах зачастую приводил бы к разрушению заготовок, а, следовательно, значительно усложнял бы с технологической и практической точки зрения процесс изготовления такого типа снарядов¹¹⁷.

Совершенно иную картину по материалам, используемым для изготовления ядер для пра-

щи, дает крепость Узундара. По внешнему виду они делятся на два вида. Первый вид представлен тесанными округлыми или подовальными камнями или камнями окатанными водой, которые собирались в многочисленных ущельях Сузистага. Они составляли 8 % от общего числа ядер. Основная же масса снарядов для пращи представляло собой сораазмерный дикий камень со следами грубой ретуши.

Мы разделили весь объем ядер для пращи по массо-размерным показателям, соответствующим выделенным нами группам по материалам Кампыртепа¹¹⁸. Наиболее мелкие ядра, отнесенные к первой группе, по материалам Узундара не известны. Вторая группа снарядов, диаметром 38–57 мм, составляет 90 %. Они сконцентрированы в трех точках цитадели Узундара в виде складов пращевых камней (рис. 4), а также встречаются разрозненно почти во всех помещениях цитадели. В отличие от глиняных кампыртепинских, они несколько тяжелее, и их масса равняется 70–95 г. Несколько сверхкрупных и тяжелых ядер, которые правомочно отнести к снарядам от метательных машин, обнаружены в Южной башне цитадели, что косвенно может говорить о размещении там метательной машины, которая держала под контролем ущелье Узундара (рис. 5). Масса таких снарядов колебалась от 150 до 400 г.

На территории крепости Узундара было обнаружено 11 целых и сильно фрагментированных наконечников дротиков. История распространения метательных копий в Средней Азии и Восточно-европейских степях и их классификация неплохо представлены в отечественной и зарубежной литературе¹¹⁹. В своем фундаментальном исследовании, посвященном восточно-эллинистическому комплексу вооружения, Б.А. Литвинский предложил систематизацию наконечников копий и дротиков, а также выделил массо-размерные характеристики, отличающие вторые от первых. Исследователь предложил относить к метательным копьям наконечники высотой менее 17 см. Однако сам же Б.А. Литвинский отметил, что копий менее 20 см

¹¹⁴ Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в Древнем Хорезме. М., 1973. С. 148. Рис. 56.

¹¹⁵ Круликова И.Т. Дильберджин. М., 1974. С. 53; Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В. Глиняные ядра с городища Кампыртепа. С. 124–134.

¹¹⁶ Усманова З.И. Керамические ядра из Мерва. С. 34–36; Усманова З.И. Раскопки арсенала сасанидского времени в Старом Мерве // Труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 295. Ташкент, 1966. С. 34–37.

¹¹⁷ Korftann M. The Sling as a weapon // Scientific American 229. October 1973. P. 34–42.

¹¹⁸ Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В. Глиняные ядра с городища Кампыртепа. С. 124–134.

¹¹⁹ Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля. Новое в археологии: сб., посв. 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 102–103. Рис. 2: 3; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1963. С. 107–109. Рис. 85; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М., 1961. С. 71–73; Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. № 3. М., 1966. С. 40; Head D. The Achaemenid Persian Army. Stockport, 1992. P. 33–35. Fig. 24, 25, 28; Нечитайлов М.В. Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н. э. // ParaBellum. 2002. № 14. С. 28–29; Иванов С.С. Копья ранних кочевников Кыргызстана. Роль nomadov в формировании культурного наследия Казахстана: матер. науч. чтений памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 171–172; Bosworth A.B. Alexander and the Iranians // The Journal of Hellenic Studies. 1980. Vol. 100. P. 14; Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. С. 197. Рис. 286: 15; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 162–165.

в материалах из Тахти-Сангина представлено не было¹²⁰. Тем самым представляется справедливым замечание С.С. Иванова, что имеет смысл доводить верхнюю размерную характеристику до 20 см¹²¹. В обобщающей публикации, посвященной дротикам из Киргизии, датированным VI–IV вв. до н. э., отмечается, что все они изготовлены из бронзы и лишь ближе к концу IV в. до н. э. появляются железные образцы. Все наконечники дротиков из Узундары имеют высоту до 17 см и изготовлены они из железа. Все они втульчатые и отличаются по форме боевой части. По данному показателю нами было выделено четырехразновидности, к которым было отнесено всего девять экземпляров. Остальные наконечники представлены обломками боевых частей или втулок и не подлежали систематизации.

К первой разновидности отнесены дротики с удлинненно-треугольным пером и слабовыраженными плечиками. Поперечное сечение пера ромбическое или приближающиеся к квадрату (рис. 6: 1–4, 7, 8). Втулка расширяется к низу. Представлен 6-ю экз. Высота целых экземпляров от 90 до 122 мм. Ширина пера 10–20 мм. Диаметр втулки 9–15 мм. Все они не связаны с культурными слоями крепости и происходят с территории планшетного сбора у северо-восточной башни крепости, где нами были зафиксированы следы боя. Прямых аналогий ни в материалах эллинистической Бактрии, ни материальной культуре сакского или савромато-сарматского круга, а также последующего юэджийско-кушанского времени нами не обнаружены. Не исключено, что дротики данного типа относятся к средневековому периоду. Однако факт их находки в комплексе с двумя сотнями стрел греко-бактрийского периода, компактно располагавшихся на участке у Северо-восточной башни крепости, не исключает возможность, что перед нами ранее неизвестный тип метательных копий, использовавшихся в греко-бактрийский период.

Ко второй разновидности относится дротик с коротким треугольным жалом и тремя шипами с длинной втулкой. Сохранившаяся высота 101 мм, высота трехгранной части с жальцами 35 мм, ширина грани 13–14 мм, диаметр втулки 15 мм. Обнаружен только один экземпляр этой разновидности. Как и вышеописанные наконеч-

ники, обнаружен он в районе скопления предметов вооружения, интерпретируемого нами как место боестолкновения. Прямых аналогий данному образцу нам найти не удалось. По общей конструкции дротик напоминает метательные копья скифов и савроматов. Единственным отличием которых является уплощенная с двумя жальцами боевая часть¹²².

К третьей разновидности был отнесен фрагмент наконечника дротика с трехлопастной боевой частью. Высота сохранившегося фрагмента – 46 мм, ширина боевой части наконечника – 10–11 мм. Также как и вышеописанные наконечники, данный образец был обнаружен среди скопления предметов вооружения, интерпретируемого нами как место боя.

Единственный наконечник дротика, происходящий из слоев цитадели крепости Узундара, обнаружен в пределах Восточного двора в слое над уровнем скальника. От дротика сохранилась только боевая лавролистная двухлопастная часть с переходом к несохранившейся втулке или черешку. По центру пера проходит валик. Высота боевой части 64 мм, ширина наконечника 16 мм. Подобные дротики хорошо известны по материалам Ай-Ханум и Тахти-Сангин¹²³. Однако они имеют характерный переход к втулке, чего мы не наблюдаем в данном случае.

Метательные копья как вид оружия кавалерии известны для народов Средней Азии и Ирана с ахеменидского периода¹²⁴. Данное суждение подтверждается иконографическими источниками. Так, на золотых пластинах ножен из Амударьинского клада можно видеть всадников с короткими копьями, использование которых подразумевает метание¹²⁵. Данный факт подтверждается и античными авторами, которые упоминают персидские пальтоны (палты), и описывают характер их использования в бою¹²⁶. По всей видимости, данный вид оружия входил в комплекс вооружения местных народов и после вхождения Бактрии и Согды в состав эллинистических государств – царства Селевкидов и Греко-Бактрии. Как известно Александр Македонский в 330 г. создает отряды гиппоконтитов – конных метателей дротиков, набранных из народов Восточного Ирана и частично Средней Азии. Дротики в материальной культуре элли-

¹²⁰ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 162–165.

¹²¹ Иванов С.С. К вопросу об использовании дротиков и метательных копий саками Средней Азии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы, 2015. С. 127.

¹²² Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М., 1971. С. 50; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов, М., 1961. С. 143. Рис. 41, 22.

¹²³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. Табл. 40: 2, 3; Francfort H.P. Fouilles d'Aï Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. Pl. XXVIII: n6.

¹²⁴ Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3 (97). С. 40; Head D. The Achaemenid Persian Army. P. 33–35. Fig. 24; 25: a–c; 28.

¹²⁵ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 193.

¹²⁶ Ксенофонт Анабасис. М., 1951. P. I: 5.15; I: 8.3; Ксенофонт Киропедия. М., 1976. P. I: 2.9; IV: 3.9.

нистической Бактрии отмечаются, как писалось выше, на двух памятниках – это Тахти-Сангин и Ай-Ханум¹²⁷. Известны они и позднее. Влияние Ахеменидской империи оказывалось не только на Центрально-Азиатских кочевников¹²⁸, но и на эллинистические государства, возникшие, на ее обломках. Следовательно, обнаружение наконечников дротиков в материальной культуре крепости Узундара не является чем-то необычным как в материальной культуре греко-бактрийских защитников крепости Узундара, так и в арсенале ее противников.

В отличие от наконечников дротиков, втоки или подтоки в культурных слоях цитадели крепости Узундара представлены значительно ярче. В настоящее время с территории цитадели крепости Узундара их происходит 28 шт. Выделяется несколько разновидностей. Самой массовой является серия конических подтоков, составляющая 23 экз. Б.А. Литвинский выделил их в отдел одночастных подтоков поматериалам Тахти-Сангин (Рис. 7: 1–4, 6–8, 12–16)¹²⁹. Высота втоков этой разновидности составляла от 50 до 75 мм, диаметр втулки 8–12 мм. По всей видимости, перед нами втоки от метательных копий-дротиков, т. к. тахтисангинские втоки для копий в основном представлены диаметром 30–32 мм. Обнаружены втоки как в культурных слоях цитадели, так и за пределами крепости при проведении планшетных сборов. Втоки в пределах цитадели встречаются преимущественно в местах скопления предметов вооружения, таких как Восточная башня, стрелковая секция 2 Юго-западной крепостной стены цитадели, Северная башня 2. Вызывает удивление, почему мы не обнаруживаем такую же серию наконечников дротиков.

Следующей разновидностью являлись втоки с выделенной в качестве «копьеца» рабочей частью (рис. 7: 5, 9–11, 13). Они подразделяются на граненые, приостренные и на округлые. Б.А. Литвинский выделял их в отдел двухчастных подтоков¹³⁰. Образцы этого отдела большего размера, чем простые конические втоки. Они достигали 80 мм в высоту, при диаметре – 9–13 мм.

Характер несения пограничной службы подразумевал отправку нарядов на отдаленные участки фортификационных стен и башни по всей горе Сусизтаг. Маленькие легкие копья и окованные посохи были необходимы, в том числе, и для защиты от диких зверей при перемещении подобных отрядов в горной местности. За семь лет исследований не было обнаружено ни

одного втока, размеры которого подходили бы под размеры полноценных копий, также как и не было самих наконечников копий. Последнее может говорить о том, что воины гарнизона крепости Узундара были легковооруженными. Наступательное оружие их включало лук и стрелы, пращу и дротики. Все датированные дротики и втоки от них, а также скопления пращи относятся к греко-бактрийскому периоду и датируются второй половиной III – II в. до н. э.

Единственными элементами защитного снаряжения воинов Узундара являются нащечники, представленные в двух экземплярах в целом и фрагментированном состоянии. Они происходили из Стрелковой секции 2 Юго-западной крепостной стены цитадели. Оба нащечника сопровождаются обилием прочих предметов вооружения – наконечников стрел, втоков. В этом же слое были обнаружены железные стержни и крупные подквадратные железные пластины, которые могли относиться к воинскому быту. Наблюдение за стратиграфической картиной в данной секции позволяет предположить, что данные слои представляли собой обвалившиеся культурные напластования второго этажа стрелковой галереи, где возможно и хранились бывшие в использовании предметы вооружения. В данном слое был обнаружен дихалк монеты Евтидема.

Целый нащечник представляет собой вытянутую подовальную пластину округло-выпуклую спереди, изогнутую как вдоль, так и поперек (рис. 8: 1). Она имела округло-овальный боковой выступ и плоское (прямое) основание. Размер пластины – 178 мм по высоте и 100 мм по ширине. Пластина сильно коррозирована, поэтому судить о первоначальной толщине затруднительно. Однако, можно отметить, что ближе к краям она была толще, чем в центральной части. В настоящее время толщина пластины достигает 3–4 мм. В верхней части отмечаются следы отверстий диаметром до 2-х мм. Во второе отверстие вставлена клепка, которая с внутренней стороны нащечника имеет миндалевидную форму размером 1,2 на 8 мм. Отверстие в нижней части не фиксируется, т. к. в том месте, где оно должно было быть, отмечается утрата металла. Тем самым можно судить, что перед нами типичный подвесной нащечник, который применялся во многих типах эллинистических шлемов.

Второй нащечник сильно фрагментирован (рис. 8: 2). Сохранилась только центральная часть характерным округло-овальным высту-

¹²⁷ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. Табл. 40: 2, 3; Francfort H.-P. Fouilles d'Ai-Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. Pl. XXVIII: n6.

¹²⁸ Иванов С.С. К вопросу об использовании дротиков и метательных копий саками Средней Азии. С. 127.

¹²⁹ Иванов С.С. К вопросу об использовании дротиков и метательных копий саками Средней Азии. С. 164.

¹³⁰ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 165.

пом. Размер сохранившейся части 115 мм на 85 мм, толщина 1,5–3 мм.

Оба нащечника относились к разным шлемам, т. к. они имели правостороннюю ориентацию.

В историографии существует обширная специальная литература по эллинистическим шлемам. Обобщающая работа П. Динциса подчеркивает, что подобные нащечники использовались для многих типов шлемов¹³¹. Наиболее близкие аналогии по форме мы находим в храме Окса, где точно такой же формы нащечник, но отличающийся по материалу изготовления и размерам, был найден в одном из ботросов¹³². В своем исследовании Б.А. Литвинский дал широкую картину античных и эллинистических шлемов, использовавшихся на восточной территории древней Ойкумены.

Появление железных эллинистических шлемов и дополнительных защитных элементов относится ко второй половине IV в. до н. э. Среди наиболее близких аналогий, происходящих с территории Греции и ее колоний, является посеребренный шлем из Продроми¹³³. Там мы видим совпадающий как по размерам, так и по форме, и по характеру имеющихся креплений нащечник. Датирован данный образец III в. до н. э. На территории эллинистической Бактрии существовало несколько типов боевых наголовий – для конца IV – III в. до н. э. характерны так называемые аттические шлемы с фронтоном, их можно видеть на изображениях монет Селевка I и Софита¹³⁴. В это же время для территории Средней Азии известны изображения шлемов «группы Мелос», происходящие из Старой Нисы¹³⁵. Также в эти времена для легковооруженной пехоты и кавалерии известны шлемы «типа Пилос», которые изображены на халках Антиоха I отчеканенных в Бактрах¹³⁶. Именно этот тип шлема, мы предполагаем наиболее уместным, для защитников крепости Узундара. Позднее, во второй половине III – II в. до н. э. начинают доминировать беотийские шлемы, которые были лишены нащечников¹³⁷.

Еще одним элементом оборонительного доспеха, обнаруженным при планшетных сборах к северу от северо-восточной башни крепости являлся фрагмент ламилярной панцирной пласти-

ны, который относится к характерным доспехам эпохи Западной Хань и государства Сяньби, датируемым II в. до н. э. – II в. н. э. Пластина прямоугольная с округлыми углами. Верхняя часть пластины утеряна, однако восстанавливается полная форма. Высота пластины 65 мм, ширина – 35 мм, толщина 0,8 мм (рис. 2: 3). На пластине зафиксировано 8 отверстий, диаметром 3–4 мм. Подобные пластины, как и вышеописанные арбалетные болты, находят прямые аналогии в материалах городища Буянбулак, где они датированы II–I вв. до н. э.¹³⁸ Примечательно, что оба арбалетных болта и панцирная пластина обнаружены в районе северо-восточной башни у ее основания с наружной стороны крепости. Возможно, что выпадение в грунт таких специфических предметов связано с моментом штурма крепости и местом боестолкновения.

Если упомянуть, что на территории крепости нет слоев позднее времени правления Евкратиды–Гелиокла, а это время гибели Греко-Бактрийского царства в последней трети II в. до н. э., то возможно, перед нами предметы, которыми были вооружены противники защитников крепости Узундара.

Как уже писалось выше, комплекс вооружений защитников крепости Узундара наиболее близок к древнегреческим гимнетам и пельтастам. Основными видами наступательного оружия их были праща, лук и дротики. Имелось в распоряжении гарнизона и защитное снаряжение в виде шлемов. Данное эмпирическое обобщение объясняется характером службы гарнизона, основной задачей которого было обеспечение охраны границы путем высылки нарядов на отдельно стоящие от крепости Узундара укрепленные объекты, патрулирование, наблюдение за противником и сигнализирование в случае обнаружения крупных воинских контингентов. Мощные фортификационные сооружения крепости позволяли выдержать атаки небольших сил противника путем дистанционного боя. Крепость простояла более 150 лет, выполняя функцию пограничной и таможенной службы.

¹³¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 349; *Dintsis P. Hellenistische Helme // Archaeologica. 43. Roma, 1986.*

¹³² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. Табл. 100, 101.

¹³³ Дедюлькин А.В. Шлемы группы Мелос // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сборник научных трудов. Симферополь, 2017. Рис. 2, 6.

¹³⁴ Дедюлькин А.В. Шлемы группы Мелос. С. 268. Рис. 1, 17, 18.

¹³⁵ Дедюлькин А.В. Шлемы группы Мелос. С. 277. Рис. 10, 8.

¹³⁶ Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trèsoirs. Questions d'histoire gréco-bactrienne // MDAFA. T. XXVIII. Paris, 1985. P. 45.

¹³⁷ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Том 2. С. 351–354. Б.А. Литвинский предположил, что на изображении шлема на бронзовом медальоне из Храма Окса изображен нащечник, однако, скорее всего, это просто изображение крепежного ремня.

¹³⁸ Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Matrenin S.S., Grebennikov I.Iu. The Shouxiangcheng fortress of the Western Han period: Excavations at Baian Bulag, Nomgon sum, Ömnögov' aimag, Mongolia. Fig. 16.

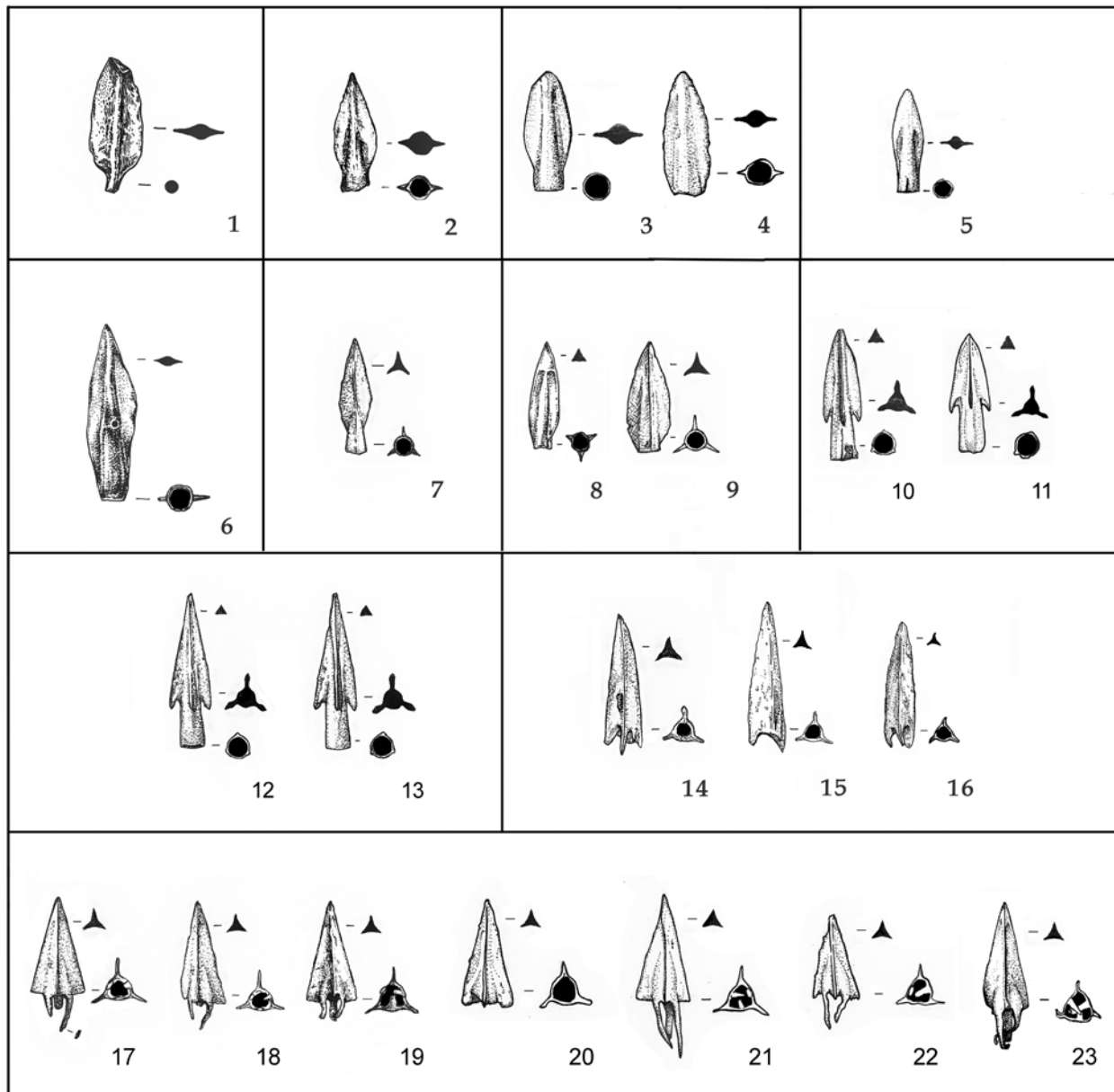

Рис. 1. Типология бронзовых наконечников крепости Узундара.

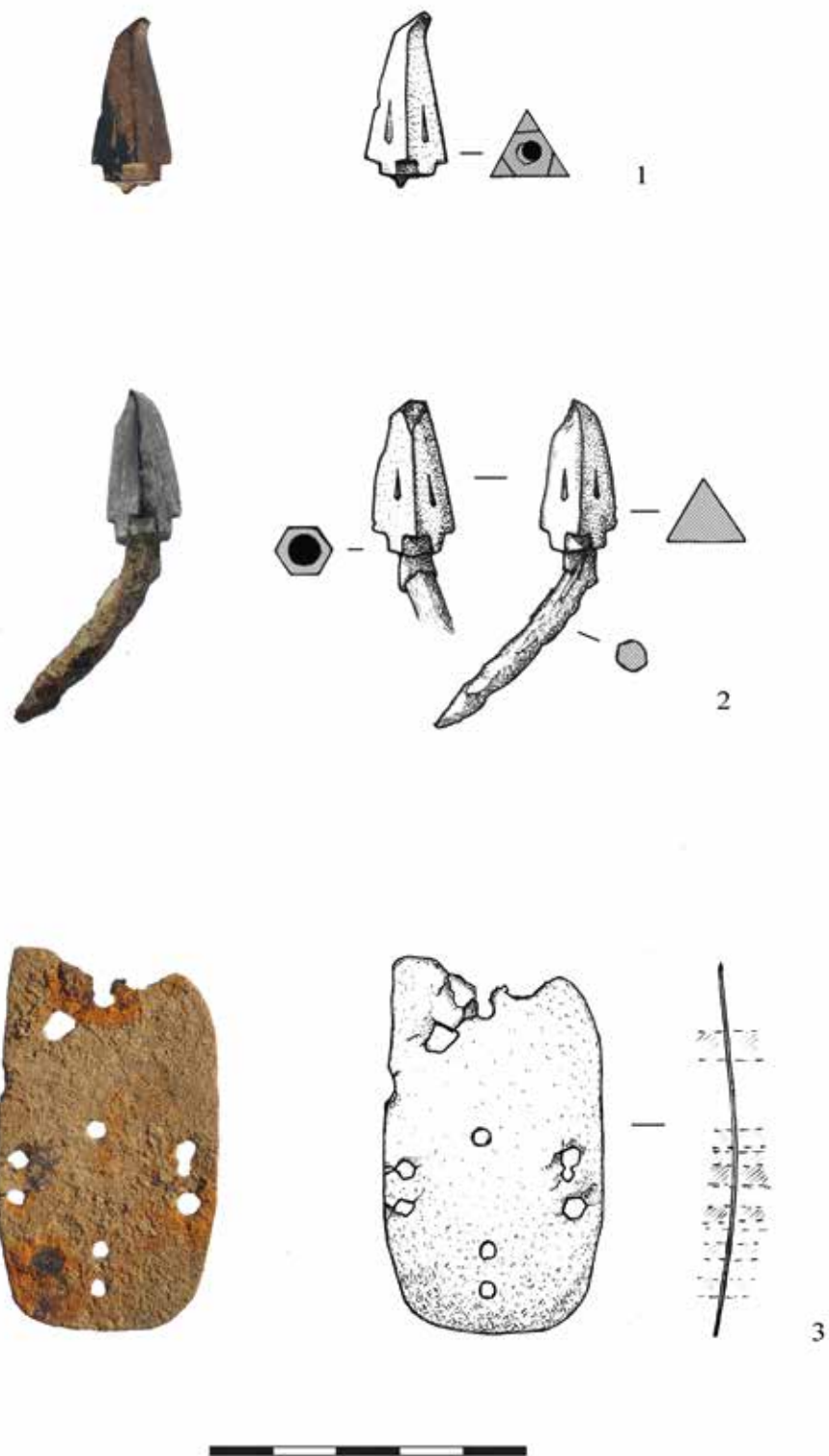

Рис. 2. 1–2 – арбалетные болты; 3 – панцирная пластина

	ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2	ВАРИАНТ 3
			ОТДЕЛ 1
ТИП 1			
ТИП 2			
ТИП 1			ОТДЕЛ 2
ТИП 1			ОТДЕЛ 3
ТИП 2			
ТИП 3			

Рис. 3. Типология железных наконечников стрел крепости Узундара.

Рис. 4. Скопление ядер пращи в Восточной башне цитадели крепости Узундара.

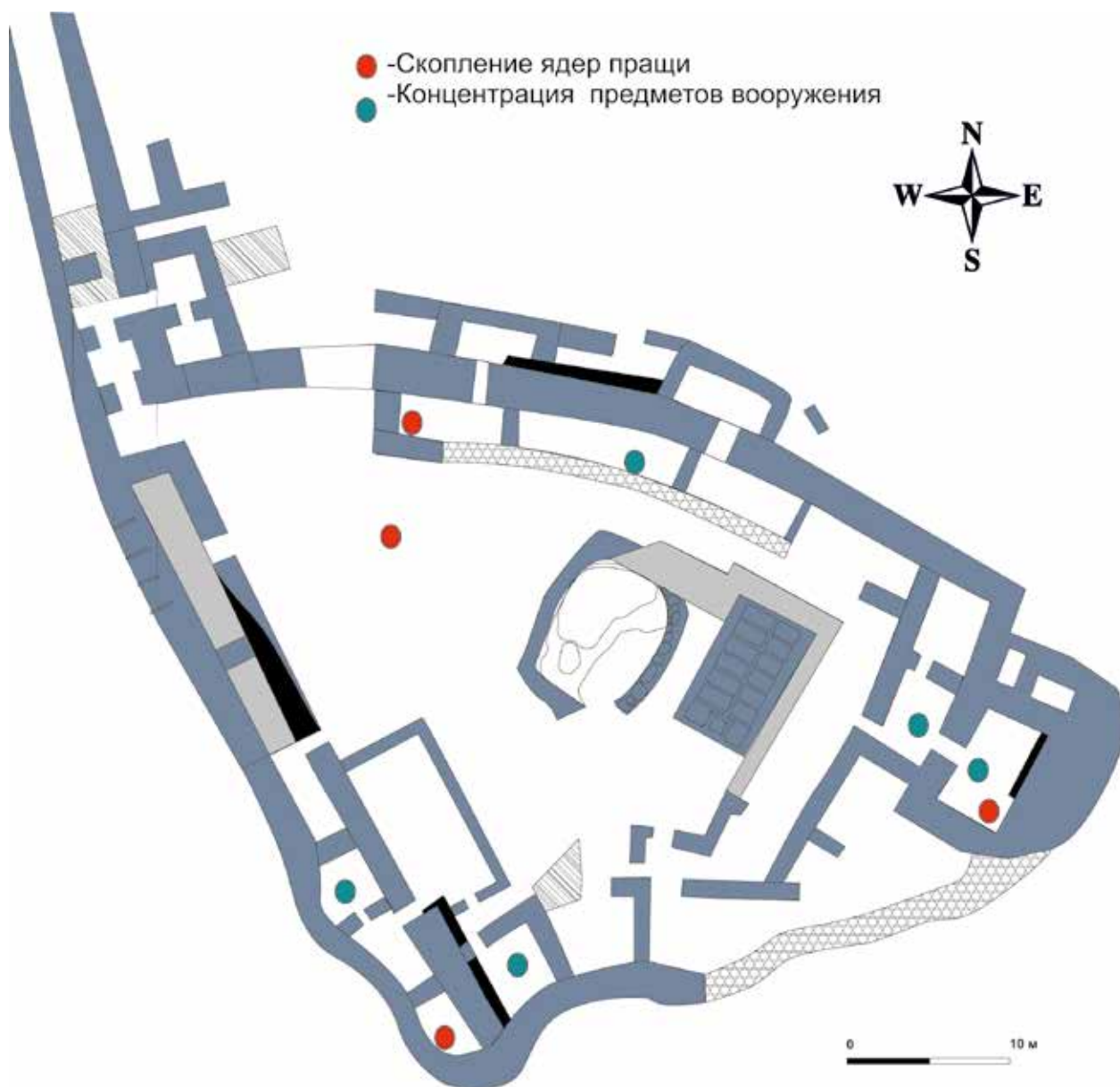

Рис. 5. План-схема цитадели крепости Узундара с планиграфией скоплений ядер пращи и предметов вооружений.

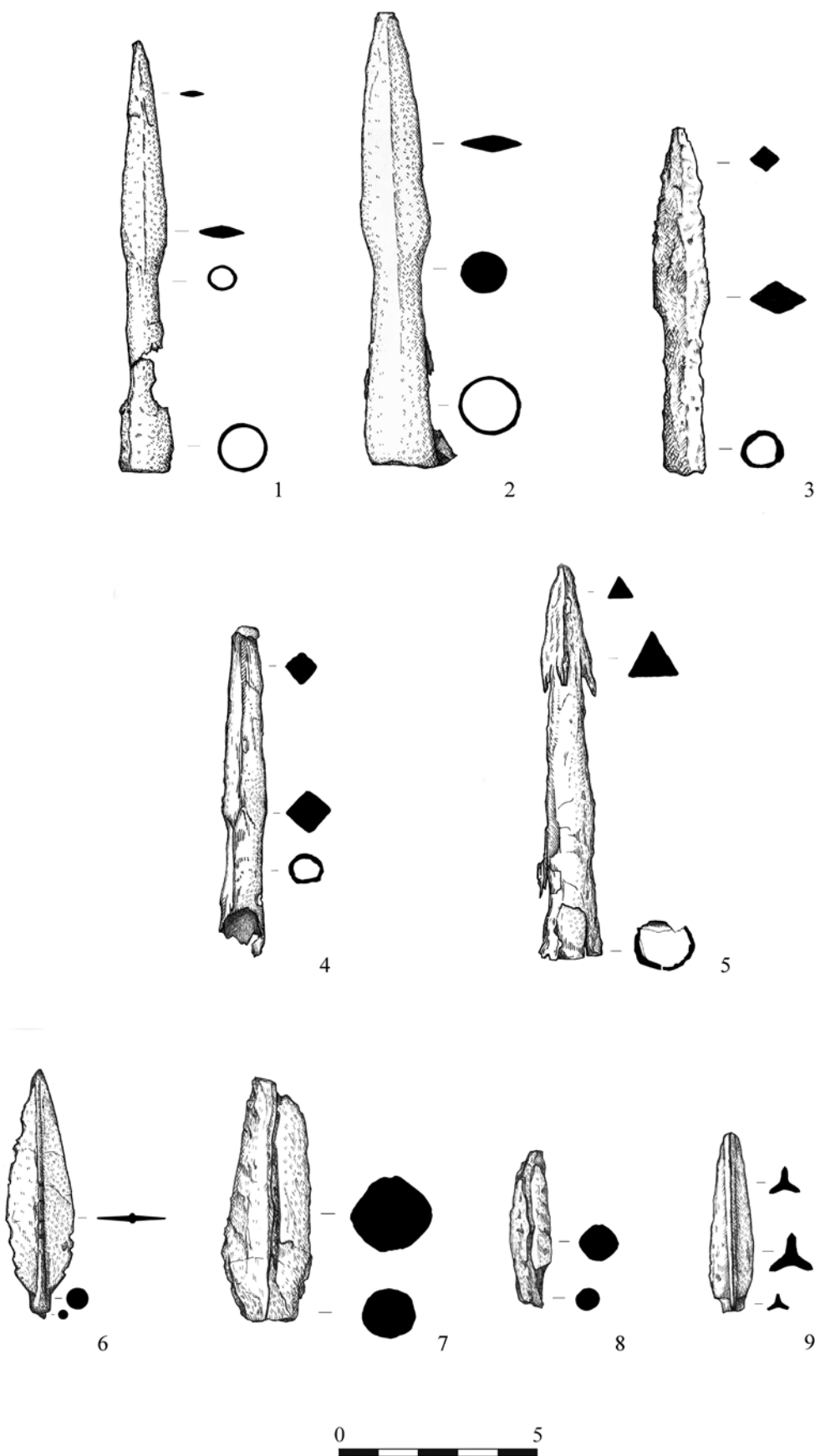

Рис. 6. Наконечники дротиков.

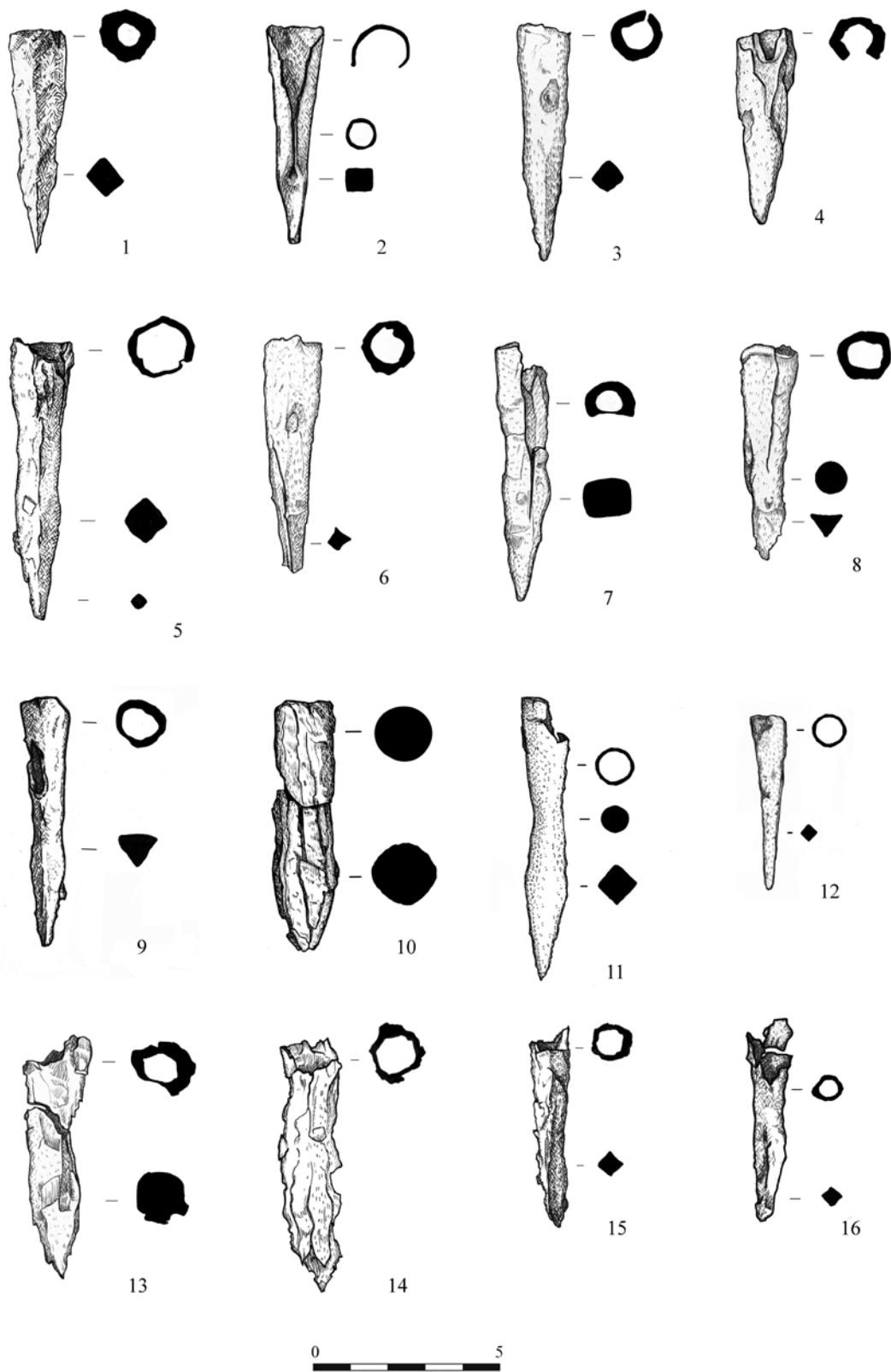

Рис. 7. Втоки.

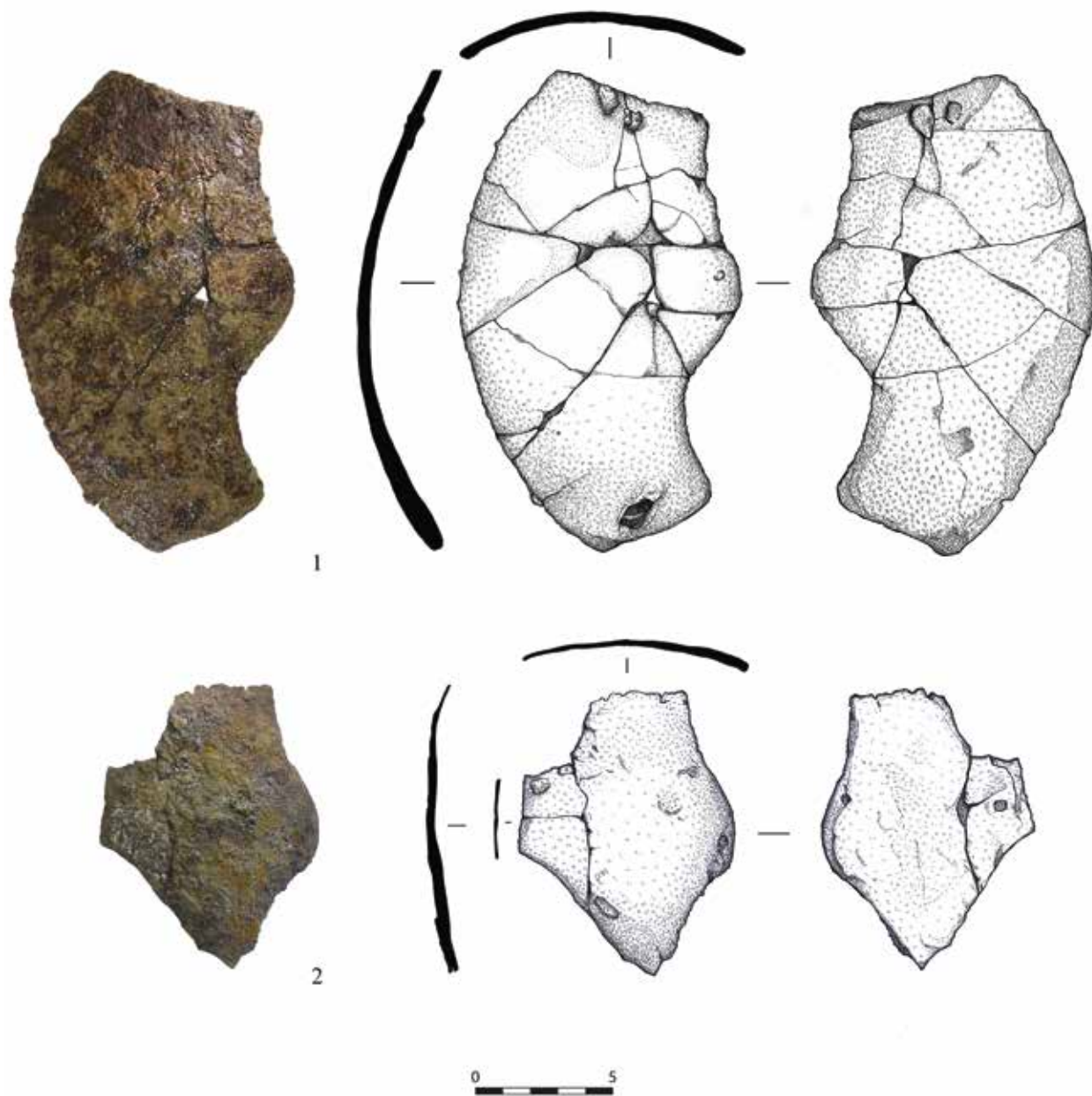

Рис. 8. Нащечники шлемов.

ШЛЕМ ИЗ КУРГАНА ГУЛЬБИЦЕ. К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕТЫРЕХЧАСТНЫХ БОЕВЫХ НАГОЛОВИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VIII–XI ВВ.

УДК УДК 902.1:623.445.2"07/10"
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.45-78

© 2022 г. Каинов С.Ю. (skainov@mail.ru), к.и.н.,
Государственный исторический музей, Москва, Россия.

Резюме: В статье публикуется шлем, найденный в 1872 г. при раскопках в Чернигове кургана Гульбище, возможно содержавшего погребение князя в сопровождении женщины и верхового коня. Датирующие возможности найденного в кургане инвентаря позволяют отнести время совершения погребения ко второй половине X в. или более узко – 950–960 гг. Несмотря на плохую сохранность шлема, проведенные реставрационные работы дают возможность в полной мере представить его морфологические и конструктивные особенности. Шлем сфероконической формы состоит из четырех железных склепанных между собой пластин, железного навершия в виде конусовидного основания и цилиндрической втулки, полукруглой декоративной накладкой из медного сплава и омегаобразных петель для подвеса кольчужной бармицы. Края налобной и назатыльной пластин оформлены девятью волнообразными вырезами, в пяти из которых расположено по заклепке. Шлем относится к типу II по типологии А.Н. Кирпичникова. Созданная более 60 лет назад, эта типология уже не отвечает задачам подробной систематизации и анализа возросшего количества и разнообразия шлемов. В статье предложен новый подход к созданию типологии боевых наголовий, в первую очередь учитывающую конструкцию корпуса шлема. Шлем из кургана Гульбище относится к группе боевых наголовий, корпус которых сформирован из четырех пластин, из которых налобная и назатыльная наложены на боковые. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет проследить линию развития подобных шлемов от VIII до, по крайней мере, XI в.

Ключевые слова: Древняя Русь, Чернигов, курган Гульбище, шлем, типология шлемов.

**Helmet from the Gulbische burial mound.
To the question of the evolution of four-part helmets in Eastern Europe in the VIII–XI centuries.**

© 2022 Kainov S. Yu. (skainov@mail.ru),
Candidate of Historical Sciences, State Historical Museum, Moscow, Russia.

Summary: The article publishes a helmet found in 1872 during the excavations in Chernigov of the Gulbische burial mound in Chernigov, which may have contained the burial of a prince, accompanied by a woman and a riding horse. The dating capabilities of the implements found in the burial mound allow us to attribute the time of the burial to the second half of the 10th century or, more narrowly, 950–960. Despite the poor preservation of the helmet, the restoration work carried out makes it possible to fully present its morphological and design features. The sphero-conical helmet consists of four iron plates riveted together, an iron pommel in the form of a cone-shaped base and a cylindrical sleeve, a semicircular decorative cover made of copper alloy and omega-shaped loops for hanging a chainmail aventail. The edges of the forehead and back plates are decorated with nine undulating cutouts, in five of which there is a rivet. The helmet belongs to type II according to A.N. Kirpichnikov. Created more than 60 years ago, this typology no longer meets the demands of detailed systematization and analysis of the increased number and variety of helmets. The article proposes a new approach to the creation of a typology of helmets, primarily taking into account the design of the helmet body. The helmet from the Gulbische burial mound belongs to the group of combat headpieces, the body of which is formed of four plates, of which the forehead and back plates are superimposed on the side plates. The material at our disposal allows us to trace the line of development of such helmets from the 8th to at least the 11th century.

Keywords: Ancient Rus', Chernigov, Gulbische burial mound, helmet, helmet typology.

В 1872 г. Д.Я. Самоквасовым в Чернигове был раскопан курган Гульбище. Это монументальное сооружение, наряду с еще более грандиозным курганом Черная могила – самые знаменитые погребальные сооружения Древней Руси, возможно, насыпанные над захоронениями представителей княжеской династии¹. Но, несмотря на широкую известность, представление о богатом погребальном инвентаре, за редким исключением, составлено на основании фотографий, опубликованных в 1916 г.², а также экспонатам – в первую очередь из Черной могилы – которые демонстрируются как на постоянной экспозиции, так и на выставках Государственного Исторического музея в Москве. По большей части предметы находились и находятся в неотреставрированном виде или их «реставрация» ограничилась склеиванием разрозненных обломков и дополнением недостающих деталей реставрационной мастикой. Не повезло предметам из этих черниговских курганов и в плане публикации. По-прежнему основным источником для анализа погребального инвентаря является книга Д.Я. Самоквасова «Могильные древности северянской Черниговщины».

В последнее время ситуация начала меняться и ряд предметов, найденных в составе погребального инвентаря в кургане Черная могила, был отреставрирован, исследован с применением естественно-научных методов и опубликован (или готовится к печати)³. Вещам из кургана Гульбище повезло меньше и к настоящему моменту только шлем и топор расчищены в объеме, позволяющем как представить внешний вид предметов, так и понять отдельные конструктивные детали⁴.

Курган Гульбище

Курган Гульбище относится к так называемым Большим курганам, которые выделяются из

основной массы древнерусских погребальных насыпей монументальными размерами и исключительно богатым сопроводительным инвентарем. Дискуссия о том, над кем были возведены Большие курганы, не закончена, но, с нашей точки зрения, есть все основания считать их могилами людей, занимавших максимально высокое положение в социальной иерархии древнерусского общества – князей и членов их семей.

Высота насыпи кургана Гульбище на момент раскопок составляла более 8,5 м, диаметр более 30 м. На вершине кургана находилась площадка диаметром около 7 м. Раскопки насыпи производились поэтапно – сначала ее срезали на треть высоты, потом на образовавшейся площадке заложили «колодезь» диаметром более 7 м, дополненный с севера и востока двумя траншеями для вывоза земли⁵. Значительные части насыпи, а также окружавший ее ров шириной более 5,5 м и глубиной около 3 м, остались не изученными. По всей видимости, в советский период раскопанные колодезь и траншеи в экспозиционных целях были полностью засыпаны и насыпи кургана была придана полусферическая форма (рис. 1: 1).

При раскопках на глубине 4,3 м от вершины насыпи была обнаружена «окишенная и обугленная металлическая масса» размерами 115 × 70 см⁶. Шлем находился наверху этой груды рядом с мечом и стоял на скипевшейся массе кольчужного плетения. На кольчуге и под ней найдено значительное количество вещей, среди которых предметы вооружения и снаряжение всадника и коня – наконечники копья и стрелы, топор (?), наконечник ножен меча, удила и стремяна, а также бронзовый⁷ и железный сосуды. Д.Я. Самоквасов отмечал, что все эти предметы были взяты с кострища в основании кургана и помещены в центр насыпи⁸. Б.А. Рыбаков предполагал, что они находились на вершине первоначальной насыпи, существование которой, исходя из сходно-

¹ Большая часть вещевой коллекции, полученной при раскопках этих курганов, поступила в собрание Императорского Российского Исторического музея в Москве (сейчас – Государственный Исторический музей).

² Самоквасов Д.Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916.

³ Лобода А.Ю., Колобылина Н.Н., Терещенко Е.Ю., Мурашева В.В., Шевцов А.О., Васильев А.Л., Ретивов В.М., Кашкаров П.К., Яцишина Е.Б. Исследование технологии золочения «идола» из кургана «Черная могила» // Кристаллография. 2018. Том 63. № 6. С. 992–1000; Каинов С.Ю. «Большой» меч из Черной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) // Земля наша велика и обильна... СПб., 2019; Мурашева В.В., Орфинская О.В., Лобода А.Ю. «Новая история» «идола» из кургана Черная могила (X в.) // РА. 2019. № 1. С. 73–86; Каинов С.Ю., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Глазков В.П., Мурашев М.М., Преснякова Н.Н., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Наконечник стрелы из кургана Черная могила. Настоящее и прошлое // РА. 2021. № 2. С. 108–122; Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М., Глазков В.П., Карташов С.И., Чичаев И.А., Каинов С.Ю., Мурашева В.В., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б., Ковальчук М.В. Рентгеновская, синхротронная и нейтронная визуализация металлических артефактов из кургана Черная могила // Российские нанотехнологии. 2020. Том 15. № 5. С. 56–68; Murasheva V.V., Kainov S.Yu., Kovalenko E.S., Podurets K.M., Glazkov V.P., Murashev M.M., Chichayev I.A., Presniakova N.N., Tereshchenko E.Yu., Retivov V.M., Yatsishina E.B. 'Barbarian Scepters' of the Viking Age from the Chernaya Mogi-la burial mound at Chernigov (present-day Ukraine) // Journal of Archaeological Science. 2021. Reports 37.

⁴ Шлем и топор в отреставрированном виде впервые были представлены на выставке «Меч и златник», состоявшейся в 2012 г. в Государственном Историческом музее и опубликованы в каталоге выставки (Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. М., 2012. №№ 259, 261).

⁵ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 36.

⁶ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 36. Рис. 44.

⁷ Д.Я. Самоквасов интерпретировал эти фрагменты как «бронзовую основу щита» (Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 37), что, с нашей точки зрения, ошибочно. За детали щита фрагменты листовой бронзы принял и Б.А. Рыбаков (Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. Вып. 11. 1948. С. 36).

⁸ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 42.

го расположения вещей, исследователь реконструировал и для других черниговских Больших курганов – Черной могилы и Безымянного⁹.

На глубине около 7 м было открыто кострище диаметром более 7 м и толщиной до 25 см. В слое кострища помимо кальцинированных костей найдены дирхам, топор-чекан, кресало, нож, дужки и обручи от ведер, фрагменты бронзового сосуда, большое количество бус, золотая и несколько серебряных пуговиц, бубенчики, пряжки, фрагменты роговой гребенки, серебряные бляшки различной формы и другие вещи¹⁰.

Состав погребального инвентаря позволяет утверждать, что насыпь кургана была возведена над сожжением мужчины и женщины. Стремена, удила, фрагменты роговых псалиев, а также украшения конской сбруи свидетельствуют, что погребенных сопровождал один или несколько верховых коней.

История изучения шлема

Д.Я. Самоквасов оставил довольно краткое описание шлема – «железный шлем, массивнее шлемов Черной могилы, состоящий из одной шапкообразной железной бляхи, с тупым шипом сверху и медной бляхой спереди, формы полукруга, действием огня и железной окисью слитый своим основанием с массой железной кольчуги»¹¹.

На одной из фотографий в монографии Д.Я. Самоквасова шлем изображен целым, стоящим на груди кольчужного плетения рядом с мечом¹² (рис. 1: 2). На другой, приведенной в том же труде, в каталоге вещей, входивших в погребальный инвентарь захоронения, шлем показан уже в виде груды обломков¹³ (рис. 1: 3). По всей видимости, разрушение произошло при попытке извлечь его, отсоединив от груды кольчужного плетения.

В.В. Арндт, который изучил шлем в годы своей работы в Историческом музее (1924–1933 гг.¹⁴), в своей статье кратко описал шлем

и предложил его графическую реконструкцию (рис. 1: 4)¹⁵. На ней шлем изображен состоящим из четырех пластин с ровными краями, увенчанным навершием на круглом основании и с полукруглой накладкой на передней пластине корпуса.

Еще одна реконструкция шлема из кургана Гульбище была приведена в книге В.В. Седова¹⁶. На рисунке изображен шлем с волнистыми краями налобной и назатыльной пластин, фигурными «лапками» навершия и накладкой-трезубцем (!) на передней пластине. По всей видимости, в данной реконструкции были графически смешаны два шлема – из курганов Гульбище и Черная могила. Реконструкция из этой книги была перерисована М.В. Гореликом и присутствует в ряде его статей (рис. 1: 5)¹⁷.

Неизвестно, когда шлем был собран из кусков, но в статье В.В. Арндта 1935 г. шлем описан как разломанный на части, а на фотографии к статье А.Н. Кирпичникова¹⁸ 1958 г. уже представлен в «целом» виде¹⁹. Большинство фрагментов шлема было склеено в целую форму²⁰ (рис. 2: 1, 2), за исключением обломка нижней части, стоящей на кольчужном полотне и скипевшейся с ним²¹ (рис. 2: 3, 4). Высота обломка 9 см, длина по основанию 22,5 см. Он представляет собой нижнюю треть назатыльной пластины и прилегающие к ней части боковых пластин. При сборке корпуса недостающие фрагменты были заменены вставками из эпоксидной смолы, некоторые фрагменты в зоне расположения налобной накладки, возможно, поставлены неверно. Эпоксидной смолой были частично доделаны назатыльная и боковые пластины, в результате чего склеенный шлем невозможно совместить с фрагментом наголовья, остающимся на кольчужном плетении.

В 2010 г. шлем был частично расчищен – раскрыты значительная часть навершия, фрагменты налобной и двух боковых пластин (рис. 3–5). В

⁹ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 7; Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 33–34.

¹⁰ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 46–48.

¹¹ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 37.

¹² Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 37. Рис. 44. Это фотография очень важна, т. к. дает представление о форме шлема до его разрушения.

¹³ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 38. № 3122.

¹⁴ Игина Ю.Ф. Судьба Всеволода Арндта – трагическая страница отечественного оружейноведения // Средние Века. 2013. С. 396–397.

¹⁵ Arndt W. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. NF V. P. 30 Abb. 9.

¹⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 282. Рис. 137: 3.

¹⁷ Горелик М.В. Образ мужа-воина в Кабарии–Угрии–Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Том 1. Самара, 2001. С. 169–185. Рис. 2: 9; Горелик М.В. Латная конница древних венгров // Древности юга России. М., 2008. С. 296–303. Рис. 4: 1; Gorelik M. Arms and Armour in South-Eastern Europe in the Second Half of the First Millennium AD // A Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge, 2002. XI-14: 9.

¹⁸ Описание шлема в работах А.Н. Кирпичникова отличается краткостью. Отмечены «следы полукруглой медной набивки (позолоченной?)» на передней пластине и сильная поврежденность шлема. Также А.Н. Кирпичников упоминает, что Н.Е. Бранденбург при осмотре шлема «отмечал бронзовую обтяжку» (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / Археология СССР. Е1-36. Л., 1971. С. 25.)

¹⁹ Кирпичников А.Н. Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4. С. 51. Рис. 2: 2.

²⁰ ГИМ 76990; Оп. В 1540/1.

²¹ ГИМ 76990; Оп. В 1540/51.

результате удаления толстой корки из коррозионных оксидов и частиц грунта были выявлены ранее не видимые детали и элементы оформления. Также после удаления поверхностных наслоений стали очевидны значительные утраты поверхности шлема, замененные реставрационными вставками из эпоксидной смолы. На расчищенных участках все такие вставки были расчерчены диагональной сеткой.

Несмотря на утраты и неполную расчистку, все конструктивные детали и особенности оформления шлема были выявлены, что позволяет обратиться к полноценному описанию и изучению этого боевого наголовья.

Описание шлема

Форму шлема можно определить как сфероконическую, но тем не менее шлем отличается от однотипных наголовий большей приземистостью. Общая высота шлема – около 21 см²², продольный диаметр – около 23 см, поперечный – около 21 см. В плане основание шлема имело овальную форму. Измерения толщины металла корпуса шлема, учитывая плохую сохранность, невозможны²³. Стоит отметить выявленную при расчистке ровную, без следовковки поверхность пластин и навершия, что говорит о качественной финальной обработке шлема. На поверхности расчищенных участков фрагментарно сохранился плотный слой оксидов железа (т. н. окалина), который образовался в результате воздействия погребального костра.

Боевое наголовье состоит из двух конструктивных деталей – корпуса и навершия, декоративной детали – налобной накладки, скрепляющих элементов – клепок и элементов подвеса бармицы.

Корпус склепан из четырех пластин подтреугольной формы таким образом, что налобная и затыльная пластины наложены на две боковые (рис. 6: 1). Ширина наложения – 1–1,5 см. Сохранность шлема не позволяет точно указать длину основания каждой пластины. Полностью сохранилась только нижняя часть назатыльной пластины. Длина ее основания при измерении с доступной внутренней стороны составляет около 12,5 см. Реконструируемая длина основания склеенной правой²⁴ боковой пластины – около 20 см, налобной – около 16 см²⁵. Внутренние края боковых пластин ровные. Оба края налобной и затыльной пластин оформлены в виде

волнообразных выступов (рис. 6: 2–4). Всего с каждого края по девять выступов, причем визуально заметна незначительная разница в высоте соседних выступов – более высокие чередуются с более низкими²⁶. Разница составляет около 1–1,5 мм. Расстояние между вершинами выступов – 1,8–2 см. Глубина волнообразных вырезов – около 2,5 мм. Волнистые края налобной и назатыльной пластин (за исключением самого нижнего участка, перекрываемого кольчужной бармицей) оформлены широкой фаской (около 4 мм). Клепки, скрепляющие пластины корпуса, расположены на «высоких» выступах. Расстояние между центрами двух соседних клепок составляет от 3,6 до 4,0 см. Головки заклепок сегментовидной формы с качественно обработанной поверхностью (рис. 6: 5). Диаметр головок – 6–7 мм, высота – 2–2,5 мм. Каждая пластина соединена с соседними десятью заклепками по пять с каждой боковой стороны.

На налобной пластине корпуса шлема была закреплена тонкая пластина из сплава на основе меди (рис. 7: 1). Конструктивного значения она не несет, выступая лишь в качестве декоративной детали. Способ крепления пластины не ясен. Наиболее вероятно, что по аналогии с подобной пластиной на шлеме из Немии (Винницкая обл., Украина), она была приклепана²⁷. Нижний край налобной накладки подвернут на 5–6 мм на внутреннюю поверхность шлема (рис. 7: 1в). Д.Я. Самоквасов, который видел шлем в неразрушенном состоянии, отмечал, что налобная пластина была полукруглой формы. Полукруглая накладка изображена и на реконструкции В.В. Арндта, который изучал шлем уже в руинированном состоянии. Фиксация формы накладки этими исследователями важна, т. к. в настоящее время она не очевидна. Тем не менее, расчистка выявила в двух местах краевые зоны декоративной пластины, что позволяет, с учетом описания Д.Я. Самоквасова и В.В. Арндта, реконструировать ее форму и размеры (рис. 7: 2). Длина основания накладки полукруглой формы составляет около 12 см, ее высота – около 8 см. Также в ходе расчистки установлено, что край накладной пластины был не ровный, а волнистый (рис. 7: 1г). Длина сегментовидного выступа – около 1 см, высота – 1,5–2 мм. Внешняя поверхность накладки сохранилась очень плохо, тем не менее, на ней просматриваются гравированные линии и проработка фона циркульным

²² Точные размеры указать не представляется возможным, т. к. при сборке шлема могли быть искажены первоначальные размерные характеристики наголовья.

²³ В среднем толщина металла корпуса шлемов этого времени составляла около 1,5 мм.

²⁴ При взгляде со стороны на фронтальную часть шлема.

²⁵ Пластины измерены с внутренней стороны шлема, покрытой значительными окислами. Также изнутри шлема видно различие в размерах налобной и назатыльной пластин.

²⁶ Высокие выступы более остроконечны по сравнению с низкими выступами.

²⁷ Erdélyi I. Egy koraközépkori vassisak a Déri Múzeumban. 1968. S. 201. Fig. 4.

орнаментом, что находит аналогии с оформлением накладного налобника и декоративного венца на уже упомянутом шлеме из Немии²⁸ (рис. 7: 1а–б). Нельзя исключать, что поверхность налобной накладки была вызолочена.

Вдоль нижней части наголовья на расстоянии около 1,5 см от нижнего края по всему периметру, за исключением предличной зоны, закрытой налобной накладкой, расположены петли для крепления подвеса кольчужной бармицы (рис. 8: 4). Расстояние между петлями – 6,5–7 см, расстояние между крайними петлями и краями налобной накладки – предположительно в диапазоне от 0,5 до 1 см. На налобной и боковых пластинах расположено по две петли, на затыльной – три. Петли в сечении омегаобразной (Ω) формы, свернуты из железной полоски шириной около 0,3 см и толщиной около 0,1 см (рис. 8: 6, 7). Концы петли вставлялись в отверстие (диаметром около 0,3 см) в корпусе шлема и на внутренней стороне разгибались в разные стороны (рис. 8: 5). Выступающая округлая часть петли служила элементом крепления кольчужной бармицы.

Вторая конструктивная деталь шлема – наверхие – приклепано к корпусу шлема посредством четырех заклепок (по одной на каждую пластину корпуса) со шляпками полусферической формы (рис. 8: 1–3). Диаметр шляпок – 5 мм, высота – 2 мм.

Наверхие состоит из конического основания и цилиндрической втулки. Общая высота наверхия – 5 см, из них высота основания – 2 см. Основание наверхия разделено на четыре «лепестка», на каждом из которых пробиты отверстия для клепок, служащих для скрепления наверхия с корпусом. Ширина «лепестков» – 2,7–2,9 см и высота (от края выступа до самого глубокого места выреза) – 1,4 см.

Верхняя часть наверхия представляет собой сложнопрофилированную втулку, высотой 3 см. Внешний диаметр втулки – около 1,8 см. Диаметр отверстия, предположительно служащего для помещения волосяного или перьевого плюмажа, – около 0,8 см. Внешняя поверхность втулки профилирована валиками различной высоты.

Технологию изготовления наверхия без рентгенографических работ определить сложно. Учитывая массивность верхней части, можно предполагать, что наверхие отковано из одного куска металла цилиндрической формы²⁹. Сначала в нем было прошито отверстие, затем один край раскован в конус и сформировано кониче-

ское основание. Следующий этап заключался в вырубке четырех «лепестков» в основании, слесарной обработке втулки (моделирование валиков) и поверхности основания наверхия.

Реконструкция внешнего вида шлема из кургана Гульбище, сделанная на основании результатов частичной расчистки поверхности, представлена на рис. 9.

Шлем найден стоящим частью своего основания на большой гряде кольчужного плетения. Её объем позволяет утверждать, что в погребении находился корпусной доспех – кольчуга, а наличие шлема с элементами бармичного крепления – предполагает присутствие и кольчужной бармицы. Перемещение части вещей с погребально-го кострища на вершину первоначальной насыпи не дает возможности утверждать, что кольчужное полотно, найденное непосредственно под и рядом со шлемом, относится именно к бармице.

При осмотре фрагментов кольчужного полотна из кургана было выделено два типа колец. Из колец первого типа, размерами 8–10 мм, состоят практически все фрагменты. Кольца второго типа – уплощенного сечения, диаметром 12–13 мм – зафиксированы только в составе одного фрагмента³⁰ (рис. 10: 1, 2). Так как более мелкие кольца составляют основную массу кольчужного плетения, найденного в погребении, очевидно, что именно из них была собрана кольчуга. Крупные кольца, наиболее вероятно, принадлежали бармице. Примеры использования крупных колец для изготовления бармицы дают шлемы из могильников Казазово (Адыгея, Россия) и Молдаванский (Краснодарский край, Россия)³¹.

Покрой кольчужной бармицы шлема из Гульбища восстановить невозможно. К сожалению, подобная ситуация, когда бармица представляет собой бесформенный кусок спекшегося кольчужного полотна или же не поддающиеся реконструкции кольчужные обрывки, очень характерна для археологических находок. Исключения редки – например, на уже упомянутом шлеме из могильника Казазово сохранилась бармица, оставляющая открытой верхнюю часть лица и закрывающая шею³².

Система подвеса кольчужной бармицы на шлеме из кургана Гульбище, с нашей точки зрения, могла выглядеть по-разному. Наиболее распространено мнение, что кольчужная бармица крепится на подобных шлемах с помощью металлического прута, который проходит через верхний ряд колец бармицы и одновременно

²⁸ Erdélyi I. Egy koraközépkori vassisak a Déri Múzeumban. S. 201. Fig. 4.

²⁹ Благодарю Н.В. Огородова («Кузница Велунда») за любезную консультацию и наглядную демонстрацию возможной технологии изготовления подобного наверхия.

³⁰ ГИМ 76990; Оп. В 1540/52

³¹ Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ. 2007. С. 353. Табл. I.V; шлем из Молдаванского могильника – Госкаталог музейного фонда РФ № 24197723.

³² Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. Табл. I.V

продевается сквозь петлеобразные завершения омегаобразных скоб, расположенных в нижней части корпуса (рис. 10: 3). Подобному способу есть подтверждения в археологическом материале – шлем из погребения могильника Казазово и шлем из могильника у хутора им. Карла Маркса частично сохранили железные пруты, к которым подвешивались кольчужные бармицы³³. Но в то же время известны шлемы с омегаобразными петлями, в которых не зафиксирован металлический прут или его фрагменты, что позволяет осторожно предполагать существование органических элементов подвеса бармицы. В качестве альтернативного и в значительной мере гипотетического варианта подвеса можно предложить следующий – к верхнему ряду колец бармицы пришивалась кожаная полоса, которая накладывалась на нижнюю часть шлема³⁴, при этом петлеобразные завершения подвесных скоб продевались в прорези в ней. Затем в эти петли пропускался шнур (кожаный или веревочный), служащий фиксатором подвеса (рис. 10: 4).

Датировка погребения.

Анализ погребального обряда и подробное исследование вещевого комплекса этого кургана – дело будущего. Значительная часть предметов требует расчистки и тщательной реставрации. Мы лишь кратко остановимся на некоторых предметах из состава погребального инвентаря, которые позволяют определить время совершения погребения в кургане Гульбище.

В историографии нередко встречается датировка Гульбища концом IX – началом X в. Так

датировал погребение В.В. Арендт, указавший на меч, по его мнению, относящийся к первой половине IX в., и находку «сасанидской монеты» конца этого столетия³⁵. Б.А. Рыбаков на основании монеты конца IX в. и «всего инвентаря», считал, что погребение стоит относить «к началу X в., во всяком случае, не позднее княжения Игоря»³⁶. Тем не менее, ряд предметов из состава погребального инвентаря позволяют уточнить датировку этого погребального комплекса.

Меч, найденный в захоронении, главным образом, известен как самый большой древнерусский меч³⁷. Его длина, по данным Д.Я. Самоквасова, составляла «около семи четвертей»³⁸, то есть около 125 см. Такая значительная длина, по мнению Б.А. Рыбакова, свидетельствует, что владелец меча, похороненный в кургане, был большого роста. Что, как писал исследователь, подтверждается и размерами стремян – «в полтора раза больше обычных»³⁹. Вызывает некоторое удивление, что при такой длине клинка расстояние между перекрестием и навершием составляет всего 9,5 см, что укладывается в наиболее часто встречающийся диапазон длин рукоятей мечей «эпохи викингов» – 8,5–9,5 см, который, по мнению Ф.А. Андрощука вероятно указывает «на среднестатистическую ширину ладони человека»⁴⁰. О. Дубинец разобрал аргументацию Б.А. Рыбакова в пользу захоронения в кургане Гульбища «богатыря» (размеры меча, шлема и стремян), и пришел к выводу, что никаких оснований говорить о гигантском росте погребенного нет⁴¹. Значительная длина клинка меча из Гульбища это, по мнению исследовате-

³³ Крепление бармицы к шлему из могильника Казазово осуществлено при помощи прута, продетого в омегаобразные скобки, у шлема из могильника у хут. Карла Маркса через прут, закрепленный в петлях, изготовленных из свернутой пополам железной полоски, концы которой приклепаны к пластине шлема с внешней стороны (Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишников И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса // Древние памятники, культуры и прогресс. А caelo usque ad centrum. А potentia ad actum. Ad honores. М., 2020. С. 207. Рис. 5: 4).

³⁴ Интересная информация содержится в статье А.М. Новичихина, посвященной публикации материалов воинского кенотафа, исследованного на могильнике Андреевская шель (Краснодарский край, Россия). В погребальном комплексе были найдены шлем, разломанный на части, и кольчужная бармица, к которой с одного края была «прикреплена тонкая, железная лента» (Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская шель // Военная археология. Вып. 1. М., 2008. С. 33). Нельзя исключать, что железная лента представляет собой элемент крепления бармицы к шлему. К сожалению, в публикации отсутствуют фото этой ленты и никак не описан возможный способ крепления бармицы к шлему. Также нельзя исключать, что «железная лента» – это венец, при фрагментации шлема оторванный от пластин.

³⁵ *Arendt W.* Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa. ZWK. Bd. 5. Heft 3. P. 30–31. Сам Д.Я. Самоквасов определял найденную им монету как «сасанидский дирхем IX века» (Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 46. № 3151).

³⁶ Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 37.

³⁷ ГИМ 76990; Оп. В 1540/2.

³⁸ Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 37. Меч при отделении его от груды кольчужного полотна распался – «при снятии, верхняя половина клинка разломилась на части, а нижняя оказалась настолько разложившейся, что дробилась на мелкие осколки» (Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 37). В настоящее время меч хранится смонтированным на жесткую подложку. Общая его длина составляет около 100 см. Визуально можно определить, что большая часть клинка – реконструкция, сформированная из мастики. То есть единственное указание на исключительную длину меча содержится у Д.Я. Самоквасова, который специально подчеркивал, что его размеры были четко видны – «Меч лежал у основания шлема на окисшей массе кольчуги, и его форма и величина, по очистке от верхнего слоя ржавчины, ясно были видны» (Самоквасов Д.Я. Могильные древности... С. 37). Не известно, когда меч был смонтирован на подложку. В статье Б.А. Рыбакова 1949 г. приведен рисунок этого меча, еще составленного из фрагментов (Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 35. Рис. 9).

³⁹ Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 36.

⁴⁰ Андрощук Ф. Мечи викингов. 2013. С. 98.

⁴¹ Дубинец О. До питання про статуру похованого в кургані Гульбище в м. Чернігові // Сіверянський літопис. 2006. № 5. С. 11–14.

ля, «попытка приспособить тип обычного пешего меча для конного боя»⁴².

Меч покрыт мощными окислами и для выявления всех деталей и орнаментальных особенностей нуждается в реставрации. Тем не менее, вопрос типологической принадлежности его рукояти может быть уточнен. Традиционно меч относят к типу Е по типологии Я. Петерсена⁴³, но ряд особенностей этого меча позволяют пересмотреть эту атрибуцию. Перекрестие и основание навершия меча украшены крупными (диаметром около 5,5 мм) круглыми ячейками, расположенными в шахматном порядке в три ряда (рис. 11: 1). Такие же ячейки есть на центральной части головки навершия, где они расположены в виде ромба. Дно ячеек было проложено тонкими пластинами из медного сплава⁴⁴ (рис. 11: 1б–в). Ячейки соединяются каналами, через которые пропускались жгутики, скрученные из проволоки. В крайних рядах ячеек жгуты были уложены в виде петель, в центральных – в виде креста. Поверхность между ячейками покрыта белым металлом, уложенным на прорезанные в железе деталей параллельные вертикальные канавки. На боковых гранях белый металл положен на горизонтальные канавки⁴⁵. Вокруг ячеек на расстоянии 1,5–2 мм от их края просматриваются гравированные контуры (рис. 11: 1г). На боковых частях головки навершия под коррозионными окислами просматриваются треугольные углубления, возможно, содержавшие вставки. Эти треугольники окружены плетеным гравированным орнаментом (рис. 11:

1а). Незначительные фрагменты гравированного орнамента прослеживаются на торцевых поверхностях перекрестия и основания навершия. Перечисленные признаки характерны для некоторых мечей, относящихся к типу Т-1 по типологии Я. Петерсена, что позволяет и меч, найденный в кургане Гульбище, относить не к типу Е, а к типу Т-1⁴⁶, во всяком случае, до его расчистки и подробного изучения. Учитывая сходство морфологии и некоторых орнаментальных решений, мечи типа Т-1 стоит рассматривать как развитие мечей варианта Е-2⁴⁷. На территории Древней Руси их известно три экземпляра – два в Гнёздове (курганы Л-13/1949, Л-210/2018) и один – в Юго-Восточном Приладожье (курган XIX/1 у с. Усть-Рыбежно).

Мечи типа Т-1 найдены в Норвегии (4 экз.), в Финляндии (1 экз.) и на территории Древней Руси (с учетом меча из кургана Гульбище – 5 экз.)⁴⁸. Я. Петерсен и А.Н. Кирпичников датируют норвежские и древнерусские мечи этого типа второй половиной X в.⁴⁹

Сильно фрагментированный наконечник меча их кургана Гульбище⁵⁰ можно уверенно отнести к «шведской» группе (тип II, 2) по типологии П. Паульсена⁵¹ (рис. 12: 1, 2). На наконечниках данной группы изображена композиция из двух переплетенных тел «четвероногих животных». Группа объединяет экземпляры, довольно сильно отличающиеся пропорциями и орнаментальными особенностями⁵² (рис. 12: 3–6). П. Паульсен возникновение подобных бутеролой относил к середине X в.⁵³ Н.В. Ениосова в своей типо-

⁴² Дубинец О. До питания про статуре... С. 13. Тем не менее, не совсем понятно, почему сохранился только один меч с такой значительной длиной. Признаками приспособления мечей для конного боя следует считать изгиб черена клинка и наличие сабельного перекрестия. Такие мечи встречены в древностях венгров (The Ancient Hungarian. Exhibition catalogue. Budapest, 1996. P. 47, 119. Fig. 12).

⁴³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / Археология СССР. Е1-36. Л., 1976. С. 31, 80. Каинов С.Ю. Каталог мечей из собрания Государственного Исторического музея, составленный В.В. Арндтом // Военная археология. Вып. 1. 2008. С. 145. В нашей работе меч был включен в вариант Е-2, который отличается крупными ячейками, с пропущенными внутри них жгутами, скрученными из проволоки (Каинов С.Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М. 2001. С. 57). При этом стоит отметить, что еще в статье 1949 г. Б.А. Рыбаков отметил, что «по устройству и размерам рукояти этот меч близок к мечу № 3 из находок на Днепрострое», который относится как раз к типу Т-1 по типологии Я. Петерсена (Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 35).

⁴⁴ Подобный прием орнаментации ячеек фиксируется на мечах типа «Краснянка», выделенного А.Ю. Щедриной (Shchedrina A.Yu. Sword from Krasnĭanka. Complex of traditions and technologies // Acta Militaria Mediaevalia. Т. XVI. Kraków – Sanok – Wrocław, 2020. P. 206).

⁴⁵ Визуально не прослеживаются отдельные полоски металла, инкрустированные в канавки.

⁴⁶ Аналогичной атрибуции меча из Гульбища придерживается А.Ю. Щедрина, в недавней работе обобщившая информацию о немногочисленных находках мечей этого типа (Щедрина А.Ю. Новый взгляд на деталь меча из коллекции Харьковского исторического музея // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 23. 2018. С. 26).

⁴⁷ Каинов С.Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана ... С. 57.

⁴⁸ Щедрина А.Ю. Новый взгляд на деталь меча из коллекции Харьковского исторического музея. С. 23–26.

⁴⁹ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. 2005. С. 180; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. С. 28.

⁵⁰ В настоящее время фрагмент наконечника ножен смонтирован на реконструированный клинок меча (ГИМ 76990; Оп. В 1540/2).

⁵¹ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit: ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953. P. 45–47. Ранее наконечник ножен из Гульбища неправильно относили к типу наконечников с изображением S-овидного животного (Ениосова Н.В. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы. М., 1994. С. 104, 116; Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Paris, 2012. С. 286–287.; Андрощук Ф. Мечи викингов. С. 255).

⁵² Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit ... P. 43–44. Abb. 42, 43, 47; Edwards B.J. A Viking scabbard chape from Chatburn, Lancashire // The Antiquaries Journal. 82. 2002. P. 321–328. Анализ этой группы наконечников, в том числе выделение типов и вариантов, остается за рамками работы. Наконечник из Гульбища отличается отсутствием рубчатого заполнения тел животных. Но в то же время присутствует «бусинное» оформление бордюра ленточного плетения. Точных аналогов наконечнику из Гульбища пока указать нельзя, тем не менее, его принадлежность к группе наконечников с мотивом двух переплетенных тел «четвероногих животных» не вызывает сомнений.

⁵³ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit... P. 47.

логии ажурных наконечников ножен Восточной Европы выделила их в тип А-II-2 и датировала второй половиной X в.⁵⁴ Ф.А. Андрощук в типологии, опирающейся на анализ развития стилей эпохи викингов, отнес подобные наконечники к типу 6 – наконечники, орнаментированные в стиле Еллингге, варианту b – «наконечники с изображением двух переплетенных зверей с туловищем S-образной формы, выделенным двойным контуром»⁵⁵. Наконечники типа 6 в целом датируются Ф.А. Андрощуком второй половиной X в.⁵⁶

А.В. Комар в своем обширном исследовании археологии древних мадьяр в эпоху миграции, уделив значительное место анализу ременной гарнитуры, предложил датировать курган Гульбище в «ориентировочном диапазоне 50–60-е гг. X в.»⁵⁷. Основанием для этого послужило сочетание в погребении ременных накладок, декорированных в различных орнаментальных традициях.

Таким образом, датировки найденных в захоронении меча и наконечника ножен позволяют отнести время сооружения кургана Гульбище ко второй половине X в. Состав ременной гарнитуры, возможно, сужает датировку до 950–960 гг.

Типологическая принадлежность шлема из кургана Гульбище и эволюция четырехчастных боевых наголовий Восточной Европы VIII–XI вв.

Шлем из кургана Гульбище относится к типу II по типологии А.Н. Кирпичникова, разработанной на основе анализа боевых наголовий X–XIII вв., найденных на территории Древней Руси и соседних регионов⁵⁸. В этот тип включены шлемы сфероконической формы, «склепанные из четырех частей, без наносника, с втулкой на макушке, сплошной позолоченной медно-бронзовой обтяжкой и характерными украшениями корпуса»⁵⁹. Тем не менее, исследователь включил в этот тип наголовья, обладающие не всеми перечисленными выше признаками – в том числе и шлем из кургана Гульбище, у которого отсутствовали «позолоченная медно-бронзовая обтяжка» и «характерные украшения корпуса»⁶⁰.

Созданная А.Н. Кирпичниковым более 60 лет назад типология боевых наголовий, успешно

обобщившая весь накопленный материал, в настоящее время уже не может включить все разнообразие известных боевых наголовий и не отвечает насущным задачам подробной систематизации и анализа возросшего количества шлемов. Ограниченное число находок на момент создания не позволило выстроить многоуровневую типологию с четкой иерархией признаков. Шлемы в ней разделены на типы с учетом как формы, так и особенностей конструкции. Тип шлема в типологии А.Н. Кирпичникова – это совокупностью особенностей (признаков) конкретного или нескольких шлемов.

Необходимость выработки новых подходов к систематизации шлемов очевидна. Рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на этом вопросе. Предварительно отметим, что, по нашему мнению, основное место в типологии боевых наголовий должно быть отведено конструкции шлема⁶¹. Отказ от учета формы шлема как основного типобразующего признака объясняется субъективностью при ее определении, а также тем, что значительное число шлемов дошло до нас в сильно руинированном виде, не позволяющим однозначно определить форму.

Основной конструктивной и формообразующей частью любого шлема, причем иногда единственной, является корпус. Он может быть сформирован как из одного куска металла, так и из нескольких частей, скрепленных между собой разными способами.

К дополнительным конструктивным деталям, предназначенным для усиления конструктивной прочности шлема, относятся венец и наверхие.

Венец – часть шлема, основное предназначение которой усиление конструктивной прочности шлема, путем скрепления формирующих корпус пластин снизу. Иногда нижняя часть венца может являться элементом крепления бармицы. Наверхие – часть шлема, предназначенная для усиления конструктивной прочности шлема путем скрепления формирующих корпус пластин сверху. Также наверхие могло служить в качестве приспособления для крепления волосного или перьевого плюмажа.

Как уже отмечалось, наиболее важным признаком выступает конструкция шлема, за кото-

⁵⁴ Ениосова Н.В. Ажурные наконечники... С. 107.

⁵⁵ Андрощук Ф. Мечи викингов. С. 109. Рис. 75.

⁵⁶ Андрощук Ф. Мечи викингов. С. 112–113.

⁵⁷ Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / Komar O. A Korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Budapest, 2018. С. 210.

⁵⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 25–26.

⁵⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 25.

⁶⁰ В тип II включен и шлем из Райковецкого городища (Житомирская обл., Украина), у которого отсутствовали золоченая обтяжка налобной и назыательной пластин и накладные детали на корпус (боковые бляхи и налобный «трезубец») (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 25).

⁶¹ Схожий подход при анализе боевых наголовий Юго-Западной Азии VI–VIII вв. применил А.Л. Кубик. Четырехчастные наголовья в этой типологии были выделены в тип 4 группы многочастных шлемов (группа 2) (Kubik A.L. Helmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI–VIII w. n. e. Zarys problematyki. Siedlce, 2017. P. 13–80).

рой очевидно стоит производственная традиция, определяемая набором технологических и конструктивных решений. В новой типологии боевых наголовий разделение материала на группы предлагается осуществлять на основании конструкции корпуса шлема.

Шлем из кургана Гульбище входит в большую группу боевых наголовий, корпус которых изготовлен из четырех пластин, соединенных по схеме 2 × 2 – налобная и затыльная пластины наложены на две боковые.

Дальнейшее деление материала на подгруппы предлагается производить на основании комплектности основной и дополнительных конструктивных деталей (рис. 13):

1 подгруппа – шлемы, состоящие только из основной конструктивной детали – корпуса;

2 подгруппа – шлемы, состоящие из корпуса и венца;

3 подгруппа – шлемы, состоящие из корпуса и наверхия;

4 подгруппа – шлемы, состоящие из корпуса, усиленного венцом и наверхием.

Внутри подгрупп материал разделен на типы на основании оформления краев налобной и затыльной пластин⁶². Типы предлагается называть по месту находки наиболее известных образцов или по месту экспонирования. В данной работе рассматриваются только боевые наголовья ранней группы, поэтому обозначение типов предложено пока для наголовий, датирующихся в рамках VIII–XI вв. Поздние четырехчастные наголовья (XIII–XIV вв.)⁶³ относятся к подгруппе 1 и 3⁶⁴, ранние – к подгруппе 3 и 4. В подгруппе 3 выделены типы «Оскол»⁶⁵, «Дюрсо»⁶⁶, «хут. Карла Маркса»⁶⁷, «Гульбище»; в подгруппе 4 – типы «Черная могила»⁶⁸ и «Лидс»⁶⁹.

Более подробно вопрос типологического деления планируется осветить в работе, посвящен-

ной анализу всей ранней группы четырехчастных наголовий, насчитывающей к настоящему времени более 70 находок целых и фрагментированных шлемов, а также отдельных деталей. Сейчас выскажем лишь общие суждения о месте шлема из кургана Гульбище в эволюции боевых наголовий этой группы.

При публикации фрагментов шлема, найденных в погребении 3 могильника у хутора им. Карла Маркса (Краснодарский край, Россия) нами в кратком виде уже был представлен взгляд на развитие четырехчастных шлемов – от наиболее ранних типа «Оскол» с пластинами, края которых оформлены одним глубоким вырезом, до наголовий типа «Черная могила» с оформлением края пластин в виде нескольких волнообразных выступов⁷⁰. В данной работе схема развития несколько видоизменена и дополнена.

Руководствуясь предложенным делением ранней группы наголовий на две подгруппы (подгруппы 3 и 4), попробуем проследить их эволюцию, прежде подчеркнув несколько важных моментов:

– представленная картина развития четырехчастных шлемов ранней группы во многом носит умозрительный характер и в значительной своей части основана на логических рассуждениях и лишь отчасти на датированном материале. Несмотря на то, что это самая многочисленная группа боевых наголовий последней четверти I тыс. – начала II тыс н.э., приходится констатировать, что полноценно в научный оборот введено минимальное количество шлемов. Значительную сложность для составления детализированной картины развития представляет и тот факт, что большинство шлемов являются либо случайными находками, либо происходят из грабительских раскопок и лишены археологического контекста. Их анализ дает информацию

⁶² Подобное разделение материала не является универсальным для всех конструктивных групп боевых наголовий и его предлагается применять только для шлемов, корпус которых сформирован из наложенных друг на друга пластин.

⁶³ Двуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский. М. – Тула, 2012.

⁶⁴ Шлемы, состоящие только из корпуса и венца (подгруппа 2), автору не известны.

⁶⁵ Шлем был найден около 1869 г. в имении «госпожи Муравьевой» крестьянами из деревни Столбище в разрушенном погребении «в 4 верстах к западу от правого берега р. Оскол, в овраге у вершины Попова леса». В настоящее время это территория Волоконовского района Белгородской обл., ранее – Бирюченский уезд Воронежской губернии. В исследовательской литературе представлены разные названия этого комплекса – «Муравьевский клад», «погребение у с. Столбище», «курган вблизи р. Оскол» (Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) // СА. № 1. 1987. Рис. 3; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 27; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. 1948. С. 72. Наиболее часто комплекс и шлем связывают с р. Оскол, этот гидроним и предлагается закрепить в качестве обозначения типа шлема.

⁶⁶ Два конструктивно целых четырехчастных шлема найдены в погребениях 13 и 161 могильника Дюрсо (Краснодарский край, Россия).

⁶⁷ Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишников И.В. Шлем из комплекса ...

⁶⁸ В черниговском кургане Черная могила было найдено два шлема. Один, как и большинство других предметов из этого захоронения, хранится в собрании Государственного Исторического музея в Москве, и именно он включен в типологию. Судьба второго шлема неизвестна. В монографии Д.Я. Самоковасова присутствует указание, что часть вещей, в том числе шлем, в 1874 г. была передан в Музей Университета Св. Владимира и в несколько частных собраний (Самоковасов Д.Я. Могильные древности... С. 10). Есть основания предполагать, что фрагменты второго шлема из Черной могилы до Великой Отечественной войны находились в фондах Национального Исторического музея в Киеве, где, возможно, хранятся и сейчас (см. Каинов С.Ю. «Большой» меч из Черной могилы ... С. 125).

⁶⁹ Имеется в виду шлем, экспонирующийся в The Royal Armouries Museum в г. Лидс (Великобритания). Формально предмет поступил в собрание National Museums Liverpool. Шлем был приобретен Дж. Майером в Пруссии в 1853–54 гг. (Beard R.Ch. Ein Helm des 11 Jahrhunderts vom Schlachtfeld zu Walric // Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostümkunde. Alte Folge. 9. 1921–1922. S. 217).

⁷⁰ Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишников И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса. С. 209–210.

о различных конструктивных и орнаментальных особенностях того или иного типа шлема, но отсутствие контекста не позволяет обосновать их датировку;

– к датировкам боевых наголовий, происходящих из закрытых археологических комплексов, также стоит относиться с определенной осторожностью, т. к. они датируют только время попадания предмета в комплекс. Такие статусные вещи как шлемы, могли бытовать в культуре длительное время и между изготовлением шлема и его археологизацией могло пройти значительное время;

– не было простой смены одного типа шлема другим. Возникновение нового типа не означало мгновенного исчезновения предшествующего. «Архаичные» наголовья какое-то время продолжали производиться, вероятно, заимствуя отдельные «прогрессивные» детали, и, будучи дорогим имуществом, продолжали использоваться;

– на эволюцию четырехчастных шлемов оказывали влияние наголовья других синхронных конструктивных групп;

Время и регион возникновения четырехчастных шлемов пока остаются не ясными. Наиболее ранний шлем, происходящий из датированного комплекса, относится к типу «Оскол», входящему в подгруппу 3 четырехчастных шлемов. Шлем был найден в Белгородской обл. в погребении, датирующемся 745–770 гг.⁷¹ и по предположению Г.Е. Афанасьева связанного с миграцией «оногуро-булгаро-хазарских групп из степи в лесостепь»⁷² (рис. 15: 1). Для шлемов этого типа характерно оформление краев налобной и назатыльной пластин одиночными глубокими полукруглыми вырезами (рис. 14: 1). Пластины соединены с помощью заклепок, которых насчитывается по пять на каждом наложении пластин

корпуса. У шлемов этого типа отсутствует венеч. Навершие имеет сильно вытянутую коническую форму и ровный нижний край. Известные шлемы снабжены Т-образным наносником, в одном случае – накладными «бровями»⁷³. Крепление бармицы осуществлялось с помощью омегаобразных петель, закрепленных в отверстиях, расположенных по нижнему краю шлема.

Вероятно боевым наголовьям типа «Оскол» предшествовали шлемы, схожие с найденным в погребении 8 Бежтинского могильника в Нагорном Дагестане (раскопки 1957 г., раскоп 4)⁷⁴. Этот шлем также снабжен коническим навершием и у него отсутствует венеч. Но в отличие от «оскольских» шлемов у бежтинского одиночные полукруглые вырезы нанесены на все пластины – как на налобную и назатыльную, так и на боковые. При этом схема сборки аналогичная – налобная и затыльная пластины наложены на боковые⁷⁵. Образовавшиеся при сборке шлема круглые отверстия в корпусе изнутри закрывались накладками круглой формы, покрытыми листом из медного сплава.

Нельзя исключать, что бежтинский и «оскольские» шлемы – это развитие типа наголовий, представленных экземпляром, найденным в Краснодарском крае⁷⁶. Корпус этого шлема сформирован из восьми пластин – четыре «нижних» пластины соединены четырьмя накладными, «верхними» (схема 4 × 4). Края верхних пластин оформлены одиночными глубокими полукруглыми вырезами⁷⁷. Шлем снабжен Т-образным наносником и высоким коническим навершием, оканчивающимся четырехгранной втулкой.

Интересно отметить схожесть оформления пластин шлемов обсуждаемой четырехчастной конструкции и шлемов восьмичастной конструкции. Так шлем из Краснодарского края аналогичен шлемам типа «Оскол». Восьмичастные шле-

⁷¹ Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // VITA ANTIQUA. № 2. Київ, 1999. С. 129, 132.

⁷² Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад. С. 201.

⁷³ Горизонтальная профилированная пластина, аналогичная Т-образному наноснику, но лишенная вертикальной «стрелки».

⁷⁴ Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала. 1963. С. 175; Доклад А.Л. Кубика «Об одном типе шлемов VIII–IX вв. Восточной Европы» на международной конференции «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья» (23–26 ноября 2017 г., Куликово поле). В тексте книги Д.М. Атаева содержится указание, что в Бежтинском могильнике найдено два шлема «с четырьмя декоративными отверстиями». Помимо наголовья из погребения 8, которое Д.М. Атаев, с нашей точки зрения, ошибочно считает цельнокованым, был найден еще один шлем с четырьмя отверстиями – «обычный шлем, склепанный из 4 листов» (Атаев Д.М. Нагорный Дагестан... С. 177). Всего в Бежтинском могильнике, датирующемся VIII–X вв., обнаружено не менее девяти шлемов (Атаев Д.М. Нагорный Дагестан... С. 174, 184). Их реставрация и ввод в научный оборот, несомненно, обогатит наши знания о боевых наголовьях кавказского региона и, возможно, в том числе, позволит по-новому взглянуть на проблему возникновения группы четырехчастных шлемов.

⁷⁵ В новой типологии боевых наголовий этот шлем стоит выделить в отдельную конструктивную группу. Исходя из особенностей сборки корпуса, группа родственна рассматриваемым четырехчастным наголовьям, но отличается тем, что корпус сформирован восемью пластинами. В дальнейшем подобные наголовья предлагается обозначать как шлемы типа «Бежта».

⁷⁶ Kainov S. Yu. The Helmet from Krasnodar Territory // Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history. Siedlce – Tehran, 2017. S. 256–261.

⁷⁷ Нельзя исключать, что боевым наголовьям типа шлема из Краснодарского края эволюционно предшествовали восьмичастные шлемы, сходными с найденными в погребении 1 кургана 31 Лагерева могильника (Салаватский р-н, Башкортостан, Россия) и погребения 106 могильника Казазова (Теучежский район, Адыгея, Россия) (Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. М. 1981. С. 78. Рис. 42). В то же время стоит отметить, что шлемы довольно сильно отличаются как друг от друга, так и от шлемов типа «Оскол» – как по форме, так и в деталях. На основании ременной гарнитуры, найденной в погребениях, оба шлема можно отнести к выделенному А.В. Комаром этапу 16 горизонта Столбище – Старокорсунская – 745–770 гг. (Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский... С. 129, 132).

мы, края накладных пластин которых оформлены как у шлемов типа «Дюрсо» (см. ниже), происходят из погребения 28 того же могильника Дюрсо, и из кладоискательских раскопок, предположительно в Астраханской обл. России. Восьмичастный шлем с краями накладных пластин, оформленными в виде равномерной «волны» с пятью выступами (как на шлеме из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса), известен из кладоискательских находок на территории юга Хмельницкой обл. Украины⁷⁸.

Схожие форма, конструктивные решения, приемы изготовления и обработки позволяют утверждать, что производились четырехчастные и восьмичастные шлемы в одних мастерских и примерно в одно и то же время. С нашей точки зрения, не исключена разная «специализация» этих наголовий. Более тяжелые восьмичастные шлемы были прочнее и, возможно, использовались тяжеловооруженными воинами, в то время как более легкие, но менее прочные четырехчастные – применялись воинами, для которых важна была мобильность.

Во второй половине VIII – первой половине IX в., судя по материалам могильника Дюрсо⁷⁹, появляются шлемы, края налобной и затыльной пластин которых оформлены двумя небольшими вырезами⁸⁰ (рис. 14: 2). Соединяющие эти вырезы отрезки, а также участки края пластин с внешних сторон вырезов могут быть разной степени вогнутости. Навершие в одном случае представляет собой свернутую из листа втулку, переходящую в воронковидное основание (мог. Дюрсо 161)⁸¹, в двух других – навершие двусоставное, из отдельной воронковидной детали, на которую

сверху приклепана втулка с коническим основанием (мог. Дюрсо 13, мог. Молдованский, Краснодарский край, Россия) (рис. 15: 2). Оба навершия с ровным нижним краем основания. На налобных пластинах шлемов из погребений, 13 и 161 могильника Дюрсо установлена горизонтальная фигурная накладка, имитирующая изогнутые брови. На шлеме из Молдованского могильника никаких дополнительных защитных элементов на налобной пластине не фиксируется. Бармичный подвес у трех упомянутых шлемов в виде петель, изготовленных из сложенных пополам пластинок (в двух случаях – железных, в одном – из медного сплава), приклепанных на внешнюю поверхность корпуса.

В том же IX в., возможно, во второй его половине, возникают шлемы с налобной и назатыльной пластинами, оформленными равномерными неглубокими вырезами и пятью мысовидными выступами, в каждом из которых расположено по заклепке⁸² (рис. 14: 3). Подобный шлем был найден в ходе археологических раскопок погребального комплекса 3 в могильнике у хутора им. Карла Маркса (Краснодарский край, Россия), наиболее вероятно относящегося к IX в.⁸³ (рис. 15: 3). Навершие схоже с навершиями шлемов типа «Оскол» (конусовидное основание с ровным нижним краем и четырехгранная втулка), но меньше по высоте. По нижнему краю корпуса шлема с его внешней стороны закреплены петли бармичного подвеса, схожие с петлями на шлемах типа «Дюрсо». На шлеме из могильника у хутора им. Карла Маркса сохранился фрагмент фигурной горизонтальной накладки («бровей»)⁸⁴, также, возможно, схожей с анало-

⁷⁸ Папакін А. Шоломи у контексті східних контактів Русі та Польщі (X – початок XI ст.) // Історія давньої зброї. Дослідження 2016. Київ, 2017. С. 356. Рис. 3: 7.

⁷⁹ В статье 1979 г. исследователь могильника А.В. Дмитриев предвательно отнес погребения по обряду кремации к второй половине VIII – началу IX в. (Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 55. Но в работе 2003 г. А.В. Дмитриев датирует группу кремационных погребений Дюрсо «только IX в.» (Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 205). В том же издании в статье И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова указано, что кубано-черноморская группа кремаций (в том числе и могильника Дюрсо) может датироваться второй половиной VIII – серединой IX в. (Гавритухина И.О., Пьянкова А.В. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 198). Датировка могильника Дюрсо, включающая вторую половину VIII в., присутствует и в работах А.В. Комара и П.С. Успенского (Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский... С. 133; Успенский П.С. Кремационные погребения северо-запада Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 2015. С. 74–97).

⁸⁰ На появление подобного оформления пластин как восьмичастных, так и четырехчастных шлемов, возможно, повлияли более ранние восьмичастные шлемы типа наголовья из музея г. Пермь. А.Л. Кубик считает возможным датировать его в рамках начала VII – начала VIII в. (Кубик А.Л. The Kizil Caves as an terminus post quem of the Central and Western Asiatic pear-shape spangenhelm type helmets. The David Collection helmet and its place in the evolution of multisegmented dome helmets // Historia i Swiat. Nr. 7. 2018. S. 153. С нашей точки зрения датировка этого шлема несколько занижена. Возможно, аналогичный шлем найден в погребении 134 Борисовского могильника (Краснодарский край, Россия), который А.В. Комаром датируется серединой – второй половиной VIII в. (Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский... С. 133).

⁸¹ Авдеенко Е.Е. Находки фрагментов боевых наголовий в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2017. С. 138. Рис. 5.

⁸² В настоящий момент сложно ответить на вопрос – было ли появление равновеликих вырезов эволюционным развитием или на это повлияли наголовья других конструкций. В этой связи интересно отметить, что накладные пластины корпуса двенадцатиугольного шлема из Ярмышмарды снабжены равновеликими полукруглыми вырезами, а под одну из этих пластин подложен лист из медного сплава, края которого украшены рядом небольших выпуклостей (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Шлем из селения Ярмышмарды (Чечено-Ингушетия) // СА. № 5. 1982. С. 250–251. Рис. 1; Кубик А.Л. Introduction to studies on late Sasanian protective armour. The Yarysh-Mardy helmet // Historia i Swiat. № 5. Siedlce, 2016. S. 92). А.Л. Кубик датирует шлем концом VI – началом VIII в. (Кубик А.Л. Introduction to studies... С. 100).

⁸³ Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса. С. 210.

⁸⁴ Но нельзя исключить, что это фрагмент Т-образного наносника.

гичной деталью на шлеме из погребения 161 могильника Дюрсо.

Еще один шлем с налобной и назатыльной пластинами, оформленными пятью мысовидными выступами, случайно найден на территории Венгрии в г. Печ (Pécs) (рис. 14: 4; рис. 15: 4; 16: 2). Этот шлем отличается от наголовья из могильника у хутора им. Карла Маркса медносплавными орнаментированными полосками, проложенными между пластинами корпуса, навершием с фигурным краем и омегаобразными скобами для крепления бармицы⁸⁵. Также шлем из Печ лишен усилительной горизонтальной накладки («бровей») на налобной пластине. Отмеченные особенности позволяют предполагать более позднюю хронологическую локализацию этого шлема по отношению к наголовью из могильника у хутора им. Карла Маркса. В то же время к «архаичным» признакам венгерского шлема стоит отнести оформление самого низа фигурных краев пластин – в виде выступа с прямым, ровным краем⁸⁶. Возможно, при дальнейшем рассмотрении всего объема материала, шлем из Печ будет выделен в самостоятельный тип или же станет рассматриваться как вариант шлемов типа «хут. Карла Маркса».

Ко второй половине IX в. относится появление шлемов подгруппы 4, четырехчастный корпус которых, кроме навершия, снабжен и венцом. С одной стороны, он увеличивал вес наголовья, но с другой – увеличивал и прочностные характеристики. Наиболее ранним датированным шлемом рассматриваемой подгруппы, является наголовье, найденное в разрушенном погребении у с. Манвеловка Днепропетровской обл. Украины⁸⁷ (рис. 15: 5; 16: 1). В работах А.В. Комара и А.М. Голубева манвеловское погребение датируется второй половиной IX в.⁸⁸

Как и у шлемов типа «хут. Карла Маркса» края налобной и назатыльной пластин манвеловского наголовья оформлены неглубокими округлыми равновеликими вырезами и мысовидными выступами (рис. 14: 6). Но на шлеме из Манвеловки выступов четыре. Пятый, самый нижний, выступ отсутствует, и скрепление низа пластин осуществляется при помощи венца, вероятно, крепящегося к корпусу с помощью омегаобразных

петель, выступающих также элементом подвеса бармицы (как на шлемах типа «Оскол»). В верхней части шлема вместо традиционного для этой группы наголовий навершия с коническим основанием установлена четырехугольная накладка, закрепленная на корпусе четырьмя заклепками. Использование вместо конического навершия подобной накладки «искажает» классическую для этой группы сфероконическую форму и придает шлему форму усеченного эллипса. На налобной пластине расположен сложносоставной «трезубец» с тремя вертикальными выступами и коротким наносником. Между пластинами, под накладкой-навершием, налобным «трезубцем» и венцом проложены полоски из медного сплава.

Если изменение количества волнообразных вырезок укладывается в эстетические поиски лучшего оформления, то вопрос о том, что повлияло на появление у четырехчастных шлемов новой конструктивной детали – венца, составной частью которого являлась функционально малопонятная налобная накладка – пока не находит ответа. Возможно, появление этой детали – результат влияния боевых наголовий других групп и производственных традиций. Подобная двухчастевая конструкция венца (обод, стыкующийся с налобной накладкой) фиксируется у ряда наголовий – например, у шлема из р. Мульты (Алтай, Россия), который А.Л. Кубик и Д. Николь считают центрально-азиатским (согдианским) и датируют первой половиной VIII в.⁸⁹ или у шлемов из Забайкальского краеведческого музея и кургана 3 Озерновского III могильника⁹⁰.

Шлем из Манвеловки – наиболее ранний, происходящий из датированного комплекса, четырехчастный шлем, корпус которого дополнен венцом и навершием (подгруппа 4). Он фиксирует начальный этап развития четырехчастных шлемов, приведший к появлению наголовий, наиболее известное из которых найдено в черниговском кургане Черная могила. Шлемы, снабженные венцом и навершием, с налобной и назатыльной пластинами, края которых оформлены равномерными вырезами и мысовидными выступами – самые многочисленные четырехчастные наголовья ранней хронологической группы. Предлагаем обозначать подобные шлемы как тип «Черная могила».

⁸⁵ Kiss A. Baranya Megye X–XI. száazadi sáirleletei. Magyarorszáag honfoglaláas és kora árpáad-kori temetőinek leletanyaga. Budapest, 1983. S. 254. Fig. 120.

⁸⁶ Vlasaty T. The helmet from Pécs, Hungary – <https://sagy.vikingove.cz/en/the-helmet-from-pecs-hungary/>, дата обращения 21.02.2022.

⁸⁷ Подробное описание этого шлема см. в статье А.Ю. Щедриной в настоящем сборнике.

⁸⁸ Комар А. История и археология... С. 239–248; Голубев А.М. Хронология салтовских памятников Верхнего Подонковья в контексте венгерской проблематики // III-й Международный мадыарский симпозиум по археологии. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. Budapest, 2018. С. 393.

⁸⁹ Kubik A.L., Nicolle D. The helmet from Multa river reconsidered // Военная археология. Вып. 4. М., 2018. С. 22–23.

⁹⁰ Бобров Л.А. Киданский шлем из Забайкальского краеведческого музея // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2013. С. 75–79. По мнению Л.А. Кубика шлем из Озерновского могильника, который традиционно датируют монгольским временем, относится к концу VII – началу X в. (Kubik A.L. Introduction to studies... С. 82). В то же время шлем из Забайкальского краеведческого музея Л.А. Бобров на основании находок из Восточной и Центральной Азии относит к X–XI вв. (Бобров Л.А. Киданский шлем... С. 77).

Очевидно, что большое количество шлемов этого типа, существовавшего на протяжении примерно 150 лет, при дальнейшем изучении можно будет разделить на варианты или же на самостоятельные типы. На данный момент предварительно можно выделить два варианта. Первый характеризуется оформлением краев налобной и назатыльной пластин четырьмя равномерными вырезами, соединением этих пластин с боковыми при помощи четырех клепок, расположенных в мысовидных выступах⁹¹ (рис. 14: 6, 7; 15: 7). Иногда низ пластин вырезан таким образом, что формируется часть пятого выступа, но клепки на этом участке нет. Венец у всех шлемов этого варианта крепится к корпусу при помощи омегаобразных скоб, одновременно являющихся элементом подвеса бармицы. Возникнув во второй половине IX в., шлемы первого варианта, по всей видимости, производились и использовались также в X и в первой половине XI в. К сожалению, несмотря на многочисленность наголовий этого варианта, почти отсутствуют надежно датированные экземпляры. Это обстоятельство мешает ответить на вопрос, когда возникают те или иные конструктивные и декоративные решения, характерные для большинства наголовий подгруппы 4 – обтяжка пластин корпуса медносплавным листом с последующим золочением, накладные квадратные бляхи по центру боковых пластин, украшение всех деталей (венец, налобник, навершие, боковые бляхи) серебряной инкрустацией.

Наиболее ранним датированным шлемом, где реализованы все обозначенные новшества, является шлем из кургана Черная могила (рис. 15: 6). Недавно проведенное AMS-датирование образцов из этого погребального комплекса позволило предположить, что захоронение было совершено в интервале 980–1025 гг.⁹²

Шлем из Черной могилы выделяется рядом деталей, отличающих его от шлемов первого варианта. Во-первых, насколько позволяет судить сохранность шлема, а также аналогичные наголовья, края налобной и назатыльной пластин оформлены пятью выступами, в каждом из которых находилась крепежная клепка⁹³ (рис. 14: 8). Пятый выступ закрыт венцом, и находящаяся

здесь клепка либо одновременно скрепляет венец и пластины корпуса, либо скрепляет только пластины корпуса. В последнем случае шляпку клепки сильно расплющивали для более плотного прилегания венца. Еще одним очевидным отличием шлема из Черной могилы от шлемов первого варианта является иная конструкция подвеса бармицы. Нижний край венца, закрепленного на корпусе при помощи клепок, загибался внутрь, а в месте сгиба пропиливались прорезы, расположенные наискось (рис. 17: 3). В них вставлялись кольца верхнего ряда бармицы, нанизывавшиеся на железный прут, одновременно проходящий и внутри сгиба венца.

К варианту, представленному шлемом из Черной могилы, можно отнести шлемы из «Русских палат», музея города Геленджик и фрагменты шлема из Краснодарского края⁹⁴. Возможно, в этот вариант стоит включить и фрагменты шлема из насыпи кургана 6 Каранаевского могильника (Башкортостан, Россия), который Н.А. Мажитов датировал IX–X вв.⁹⁵ Один из фрагментов представляет собой нижнюю часть наложения налобной и боковой пластин корпуса. Внешний край налобной пластины оформлен неглубокими округлыми вырезами и мысовидными выступами. В двух сохранившихся выступах сохранились заклепки, шляпка нижней из которых по фото кажется сильно уплощенной и, возможно, была закрыта несохранившимся венцом⁹⁶. Между пластинами проложена подкладка из медного сплава с двумя рядами прочеканенных изнутри выпуклостей. Второй фрагмент – это обломок налобной накладки с коротким наносником⁹⁷, приклепанной к обломку пластины корпуса шлема. К сожалению, широкая датировка кургана не дает оснований утверждать, что каранаевский шлем – наиболее раннее наголовье типа «Черная могила». Тем не менее, учитывая короткий наносник, аналогичный наноснику шлема из Манвеловки, а также отсутствие покрытия поверхности налобной накладки серебряным листом, ранняя дата шлема из Каранаевского могильника не исключена.

Шлемы типа «Черная могила» – самые многочисленные из четырехчастных наголовий ран-

⁹¹ К этому варианту помимо шлема из Манвеловки можно отнести шлемы из Гича (Польша), Гожухи (Польша), Бобруйска (Беларусь), Мокрого (Украина), фрагменты шлема с Дубошина раскопа Великого Новгорода (Россия) и др.

⁹² Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Севастьянов В.С., Кузнецова О.В., Мурашева В.В., Панин А.В., Каинов С.Ю., Зозуля С.С., Шевцов А.О. Радиоуглеродное AMS-датирование экспонатов Исторического музея: результат и обсуждение // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 399.

⁹³ Такое скрепление, несомненно, увеличивало прочностные характеристики шлемов.

⁹⁴ Киртичников А.Н. Раннесредневековые золоченые ... С. 6–8. Рис. 1–10. С. 26. Рис. 37–39; Папакин А. Шоломи у контексті східних контактів Русі та Польщі (X – початок XI ст.) // Історія давньої зброї. Дослідження 2016. К., 2017. Рис. 3: 11. Шлем из музея г. Геленджика также как и фрагментированный шлем из Каранаевского могильника, лишен обтяжки пластин золоченым листом из медного сплава.

⁹⁵ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. М. 1981. С. 30, 114. Рис. 61: 17). Благодарю А.В. Куликова за возможность ознакомиться с фотографиями предмета. Также фото фрагментов приведено в статье А.Ю. Щедриной в настоящем сборнике (Рис. 11: 3).

⁹⁶ В тоже время нельзя исключить, что у этого шлема отсутствовал венец и тогда его следует рассматривать в рамках наголовий, относящихся к подгруппе 3 и у которых ни разу не была зафиксирована налобная накладка.

⁹⁷ Фрагменты этого шлема, несомненно, нуждаются в подробном исследовании и публикации.

ней хронологической группы. Они были распространены на огромной территории – от Великого Новгорода на севере до Плиски (Болгария) на юге и от Гича (Польша) на западе до, возможно, Каранаевского могильника на востоке. Известные экземпляры отличаются налобными накладками, оформлением венца, конструкцией и оформлением навершия и боковых блях⁹⁸, наличием или отсутствием обтяжки пластин корпуса листом из медного сплава и т. д. В дальнейшем подробный разбор наголовий этого типа, возможно, приведет к пониманию внутритиповой эволюции и позволит заполнить хронологическую лауну в 75–100 лет между шлемами из Манвеловки и Черной могилы (рис. 15).

В поисках мест возникновения тех или иных конструктивных и декоративных решений, реализованных в шлемах типа «Черная могила», по нашему мнению, стоит обратить внимание на серебряную инкрустацию деталей (венца, налобная накладка, боковые бляхи, навершие) этих шлемов (рис. 17: 1–4). Их внешняя поверхность насакалась (инструментом типа штихеля) каплевидными углублениями, и на подготовленную таким образом поверхность набивался тонкий серебряный лист. Как правило, декорированная поверхность представляла не гладкое поле, а на нее был нанесен (гравирован) геометрический или растительный орнамент. Ранее мы уже отмечали, что подобная техника укладки известна на ремешковой аскизской культуре, распространенной с конца X в. на территории Южной Сибири⁹⁹. Учитывая, что в подобной технике украшено большое количество разнообразных предметов аскизской культуры, нельзя исключать связи между появлением инкрустированных серебром деталей на четырехчастных шлемах и деятельностью аскизских мастеров.

Касаясь вопроса места производства четырехчастных шлемов, как подгруппы 4, так и подгруппы 3, еще раз обратим внимание, что это самые многочисленные боевые наголовья VIII–XI вв. Обоснованное решение вопроса о центре (центрах) их производства возможно только после подробного анализа максимально большего количества шлемов. В этой связи отметим, что

вряд ли можно согласиться с высказанными мнениями о возможности производства четырехчастных шлемов (в первую очередь т. н. золоченых шлемов) на территории Древней Руси или Польши¹⁰⁰. Более продуктивна к разработке, с нашей точки зрения, идея, высказанная А.Н. Кирпичниковым, о существовании «пока точно не локализованного» центра производства золоченых шлемов в северо-восточном Причерноморье¹⁰¹.

Развитием шлемов типа «Черная могила» предположительно стоит считать шлем, который в настоящее время экспонируется в The Royal Armouries Museum в г. Лидс (Великобритания) (рис. 15: 8). Ровные края налобной и назатыльной пластин позволяют выделить этот шлем в отдельный тип (рис. 13; 14: 9). Тем не менее, обтяжка пластин медным листом с последующим золочением, накладные детали с серебряной плакировкой, говорят об определенной связи со шлемами типа «Черная могила». Точно установить систему подвеса бармицы не представляется возможным из-за плохой сохранности венца шлема. Не исключено, что с ней связаны отверстия, расположенные в нижней части корпуса шлема. Возможно, в них находились омегаобразные петли, как на шлеме, найденном в ходе кладоискательских раскопок на территории Львовской области Украины¹⁰². Исходя из расположения клепок, закрепляющих венец на корпусе, отверстий под петли (?) и сохранность позолоченных участков поверхности корпуса, можно предположить, что конструкция и оформление венца шлема из Лидса были аналогичны венцу шлема из Львовской области¹⁰³ (рис. 14: 9).

Несколько шлемов ранней группы имеют позднюю датировку контекста, в котором они были найдены. Все они относятся к первому варианту типа «Черная могила». Фрагменты шлема с Дубошина раскопа Великого Новгорода найдены в слое второй четверти XII в.¹⁰⁴, шлем с Райковецкого городища (Житомирская обл., Украина) обнаружен в слое разрушения, связываемого с татаро-монгольским нашествием (1240 г.)¹⁰⁵, шлем из могильника Ветрово/Екритен (Калининградская обл., Россия), найден в погребении 12, предположительно датирующимся

⁹⁸ В какой то момент (конец X – первая половина XI в. ?) популярными становятся накладные литые боковые бляхи, представляющие собой явное упрощение конструктивно и технологически более сложных железных блях, украшенных плакировкой (Каинов С.Ю. Деталь шлема из Плиски // Военни експедиции, въоръжение и снаряжение (античност и средновековие). Acta Musei Varnaensis. X–2. Варна, 2018).

⁹⁹ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. М., 1983. С. 42–43. Схожи не только технология укладки листа, но и орнаментальные решения (Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. Табл. XXVI).

¹⁰⁰ Краткий обзор высказанных мнений о месте изготовления четырехчастных шлемов см. Папакін А.Г., Безкоровайна Ю.Г., Прокopenko Ю.Г. Шоломи типу «Чорна Могила»: нові знахідки та проблема походження // Науковий вісник Національного музею історії України. Вип. 2. 2017. С. 51–56.

¹⁰¹ Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб., 2009. С. 27.

¹⁰² <https://sagy.vikingove.cz/prilby-typu-cerna-mohyla/>, дата обращения 04.04.2022.

¹⁰³ Благодарю Томаша Власаты (Чехия) за высказанное предположение.

¹⁰⁴ Каинов С.Ю., Каменский А.Н. О неизвестной находке фрагмента шлема с Дубошина раскопа в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород. 2013. С. 180.

¹⁰⁵ Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев, 1959. С. 97. Табл. XV.

XII в.¹⁰⁶ По нашему мнению, в данных случаях мы сталкиваемся с долгим бытованием статусных предметов, некоторые из которых могли переделываться. Наиболее очевидно это в случае со шлемом, найденным при раскопках Райковецкого городища в контексте, датирующимся серединой XIII в. Шлем, по нашему мнению, представляет собой переделанное раннее наголовье (XI в.?) – на нем были установлены совершенно не типичные для этих шлемов (как ранней, так и поздней групп) наносник и навершие.

Появление в IX в. шлемов подгруппы 4 не привело к прекращению существования шлемов без венца (подгруппа 3). Датировка погребения в кургане Гульбище серединой – второй половиной X в. позволяет предполагать изготовление во второй четверти X в. найденного в этом захоронении шлема, конструктивно продолжающего развитие наголовий типов «Оскол – Дюрсо – хут. Карла Маркса» (рис. 15: 9). Но наряду с аналогичной конструкцией, состоящей из корпуса и навершия, шлем из Гульбища демонстрирует детали, которые не зафиксированы у более ранних наголовий этой подгруппы – массивное навершие, низ которого оформлен четырьмя листовидными выступами, низкая куполовидная форма корпуса, налобное украшение в виде тонкой пластины полукруглой формы и оформление краев пластин корпуса девятью волнообразными выступами (рис. 14: 5). В отличие от шлемов типа «хут. Карла Маркса» для подвеса бармицы используются омегаобразные петли.

Возможно, хронологическую лауну (50–70 лет?) между датировками шлема из погребения 3 могильника у хут. Карла Маркса и шлема из кургана Гульбище «заполняет» наголовье из Печа (рис. 15: 4). Этот шлем при схожем общем оформлении краев пластин, в то же время отличается от шлема из могильника у хут. Карла Маркса более приземистой формой, фигурным краем основания навершия и оформлением низа фигурного края пластин¹⁰⁷.

Теоретически нельзя исключать долгое бытование шлема из Гульбища до его археологизации

в середине – второй половине X в. Но аналогии такой детали как полукруглая надобная накладка шлема из Гульбища не позволяют принять эту предположение. Похожая накладка присутствует на наголовье, найденном в 1892 г. у д. Немия (совр. Винницкая обл., Украина)¹⁰⁸ (рис. 18: 1). Купол шлема относится к наголовьям, изготовленным из одного куска металла, известным по образцам из озер Ледницкого и Орховского (Польша), Градиште, Оломоуц (Чехия), так называемого шлема св. Вацлава (Чехия), датируемых в рамках X–XII вв.¹⁰⁹ Как и шлем св. Вацлава наголовье из Немии было переделано – у шлема удалили наносник и установили декоративные налобник и венец, изготовленные из тонкого позолоченного листа из медного сплава. А.Н. Кирпичников, опираясь в том числе и на орнаментацию декоративных деталей, склонялся к датировке этого шлема XI в.¹¹⁰

Еще один шлем с налобной пластиной хранится в собрании Днепропетровского национального исторического музея¹¹¹ (рис. 18: 2). Место его находки не известно. Шлем изготовлен из двух половин, причем соединительный шов расположен поперек корпуса. Соединены пластины двумя внешними накладками с фигурными краями. В налобной части установлена железная пластина с изображением антропоморфной личины. Отсутствие археологического контекста для датировки находки заставляет обратиться к поискам аналогий. Схожая конструкция купола известна у шлема из кенотафа, исследованного на могильнике Андреевская щель (Анапский район, Краснодарский край, Россия)¹¹². Но в данном случае половины шлема соединены не внешними накладками, а с помощью узких полос, приклепанных изнутри. Исследователь комплекса А.М. Новичихин датировал его в рамках конца XI – первой половины XII в.¹¹³ Редкость конструктивного решения сборки корпусов, зафиксированное у шлемов из Днепропетровского музея и комплекса 5 Андреевской щели, с нашей точки зрения, позволяет датировать первое наголовье в тех же временных рамках, что и вто-

¹⁰⁶ *La Baume W.* Ein spät-heidnische Reitergrab mit Helm und verzierter Lanzen aus Ekritten // AP. Jg. 4. H. 4. 1940. S. 87. P.A. Широухов также придерживается поздней датировки этого комплекса – в рамках XII – начала XIII в. (*Широухов P.A.* Импорты древнерусских типов на территории пруссов в X/XI–XIV вв. // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. Москва – Вологда, 2014. С. 400), но В.И. Кулаков относит погребение 12 к концу X – XI в. (*Кулаков В.И.* Находка складного серпа салтовского типа на Самбии // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (2020). С. 203).

¹⁰⁷ *Vlasaty T.* The helmet from Pécs, Hungary – <https://sagy.vikingove.cz/en/the-helmet-from-pecs-hungary/>, дата обращения 21.02.2022.

¹⁰⁸ *Кирпичников А.Н.* Шлем XI в. из Юго-Западной Руси // СА. № 2. 1962. С. 230. После находки шлем поступил в Каменец-Подольский музей. В результате Первой Мировой войны шлем попал в музей города Дебрецен (Венгрия).

¹⁰⁹ *Bravermanová M., Ledvina P., Havlíková A., Perlík D.* Nová zjištění o přilbě a zbroji zv. Svatováclavské, Archeologie ve středních Čechách 23, 2019. С. 266–269.

¹¹⁰ *Кирпичников А.Н.* Шлем XI в. ... С. 234. Несомненно, шлем требует отдельной работы по анализу его орнаментального убранства, которое, с нашей точки зрения, является ключом к датировке шлема.

¹¹¹ *Сардак Т.В.* Шлем из коллекции Днепропетровского исторического музея // Военная археология. Вып. 1. М., 2008. С. 142–144.

¹¹² Данное боевое наголовье интересно еще и как пример сохранения традиции использования для орнаментации шлема подкладок из медного сплава, украшенных двумя рядами точек и боковых квадратных блях.

¹¹³ *Новичихин А.М.* Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Вып. 1. М., 2008. С. 33. Рис. 5: 2.

рое. В пользу «ранней» даты свидетельствует и П-образный бармичный подвес, представляющий собой согнутую пополам железную полосу с пропиленными в месте сгиба отверстиями прямоугольной формы. Подобное крепление бармицы известно на ряде шлемов последней четверти I тыс. н.э. – начала II тыс. н.э.¹¹⁴ Таким образом, по нашему мнению, оба шлема с налобными накладками могут датироваться в рамках XI – первой половины XII в., что, в свою очередь, дает основания предполагать, что боевое наголовье из Гульбища не является анахронизмом, а отражает тенденции развития шлемов подгруппы 3¹¹⁵.

При определении хронологической позиции шлема из кургана Гульбище имеет значение и его низкая полусферическая форма, отличающая шлем от остальных наголовий ранней группы. Предположительно подобную форму имел корпус шлема, увенчанный навершием, найденным при работах на Троицком X раскопе в Великом Новгороде¹¹⁶ в слоях, относящихся ко второй половине XI в. (рис. 15: 10; 16: 4, 5). Как и навершие шлема из Гульбища, новгородская находка лишена серебряного покрытия, и втулка навершия орнаментирована валиками. Поздняя датировка этого навершия может объясняться как долгим бытованием шлема, так и сохранением в XI в. традиции изготовления четырехчастных шлемов с низкой полусферической формой и без декорирования деталей серебряным листом. В этой связи нельзя не отметить, что поздние четырехчастные шлемы (подгруппы 1 и 3) в большинстве своем представлены низкими полусферическими наголовьями.

К сожалению, вопрос времени и места появления/производства поздних четырехчастных шлемов еще не стал предметом отдельного исследования. В работе с наиболее полной выборкой таких шлемов, присутствует лишь указание на то, что они были одним «из самых массовых типов боевых наголовий XIII–XIV вв.»¹¹⁷. Р.Б. Схатум, также датирующий такие шлемы

XIII–XIV вв., предположил, что адыгские четырехчастные образцы золотоордынского времени «восходят генетически к шлемам из кремаций хазарского времени»¹¹⁸. Связующим звеном, по его мнению, выступали шлемы типа, найденного в погребении 5 могильника Андреевская щель. Иное конструктивное решение этого шлема Р.Б. Схатум считает «хронологическим индикатором»¹¹⁹. С нашей точки зрения, шлем из Андреевской щели маркирует «угасание» традиции изготовления четырехчастных наголовий ранней группы. Сохраняются орнаментальные решения, характерные для шлемов типа «Черная могила», но при этом конструкция корпуса совсем иная.

Есть ли простые четырехчастные шлемы (подгруппы 1 и 3), достоверно датирующиеся XII – началом XIII в.¹²⁰, чем было вызвано «возрождение» производства простых четырехчастных шлемов во второй половине XIII в., есть ли связь между ранней и поздней группами четырехчастных шлемов – поиск ответов на эти взаимосвязанные вопросы еще впереди.

Итак, шлем из кургана Гульбище, происходящий из погребального комплекса, датирующегося в рамках второй половины X в., продолжает линию развития, начатую еще в VIII в. четырехчастными шлемами типа «Оскол». Есть основания предполагать, что эта линия продолжает существовать и в XI в., хотя, очевидно, и уступает по популярности шлемам типа «Черная могила». Выразим надежду, что постепенный ввод в научный оборот максимального количества четырехчастных шлемов ранней группы (в первую очередь с археологическим контекстом) позволит детализировать предложенную картину эволюции этой группы шлемов, заполнить отмеченные лакуны и ответить на ряд поставленных вопросов.

¹¹⁴ Shchedrina A.Yu., Kainov S.Yu. Helmet from the National Museum of Bosnia and Herzegovina // Acta Militaria Mediaevalia. T. XVI. Kraków – Sanok – Wrocław, 2020. P. 240–241.

¹¹⁵ Конечно, нельзя отрицать возможности того, что в середине – третьей четверти X в. налобная пластина могла быть установлена на более ранний шлем. Но, как уже было отмечено, новгородское навершие подтверждает использование в XI в. наголовий по форме напоминающих шлем из Гульбища и без плакировки накладных деталей.

¹¹⁶ Недалеко от навершия была найдена накладка в виде трезубца, с фронтальной поверхности которой была удалена серебряная плакировка. Мы придерживаемся мнения, что накладка-трезубец и навершие, обнаруженные в соседних квадратах в пластах 15 и 16, принадлежат разным шлемам (противоположную точку зрения см. Авдеенко Е.Е. Находки фрагментов... С. 135. С. 136–138. Рис. 1: 3). В этом предположении исходим из изначального наличия серебряной плакировки на накладном «трезубце» и ее отсутствия на навершии. Случаев, когда в одном шлеме сочетались плакированный накладной трезубец и навершие без покрытия, нам не известно.

¹¹⁷ Деуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский... С. 17.

¹¹⁸ Схатум Р.Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII – XIV в.) // Военная археология. Вып. 2. М., 2011. С. 192.

¹¹⁹ Схатум Р.Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время. С. 192.

¹²⁰ Указанное в качестве шлема «времен монгольского нашествия» наголовье из тайника Десятинной церкви в Киеве относится к другой конструктивной группе (Деуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский... С. 11–12). Простой четырехчастный шлем из погребения у с. Столбовое (Джанкойский район, Крым) на основании радиоуглеродного анализа датируется серединой XII в. (Панченко М.В. К вопросу о датировании кочевнических древностей средневековья // Восточноевропейский археологический журнал. № 1 (1). Киев, 1999). Однако Ю.А. Кулешов в частной беседе выразил мнение, что ряд предметов, в первую очередь металлический сосуд, датируют это погребение значительно более поздним временем.

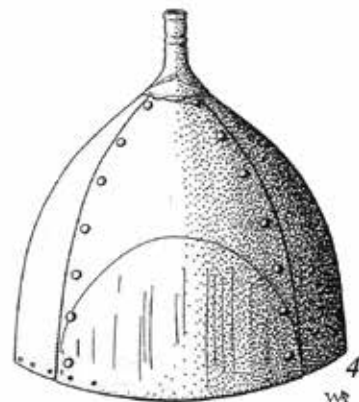
1

2

3

4

5

Рис. 1. 1 – курган Гульбище (фото О. Ярошенко); 2 – груда предметов с вершины первоначальной насыпи кургана Гульбище; 3 – фрагментированный шлем из кургана Гульбище; 4 – реконструкция В.В. Арендта шлема из кургана Гульбище; 5 – перерисованная М.В. Гореликом реконструкция шлема, приведенная в книге *Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв.* // Археология СССР. М., 1982. Табл. LXIX, 3.

Рис. 2. Шлем из кургана Гульбище до реставрации: 1 – вид спереди; 2 – вид сбоку; 3, 4 – фрагмент шлема, стоящий на гуде кольчужного плетения.

1

2

Рис. 3. Шлем из кургана Гульбище после частичной расчистки: 1 – вид спереди; 2 – вид сзади (фото А.А. Строкова).

Рис. 4. Шлем из кургана Гульбице после частичной расчистки: 1, 2 – вид сбоку (фото А.А. Строкова).

Рис. 5. Шлем из кургана Гульбище после частичной расчистки: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу (фото А.А. Строкова).

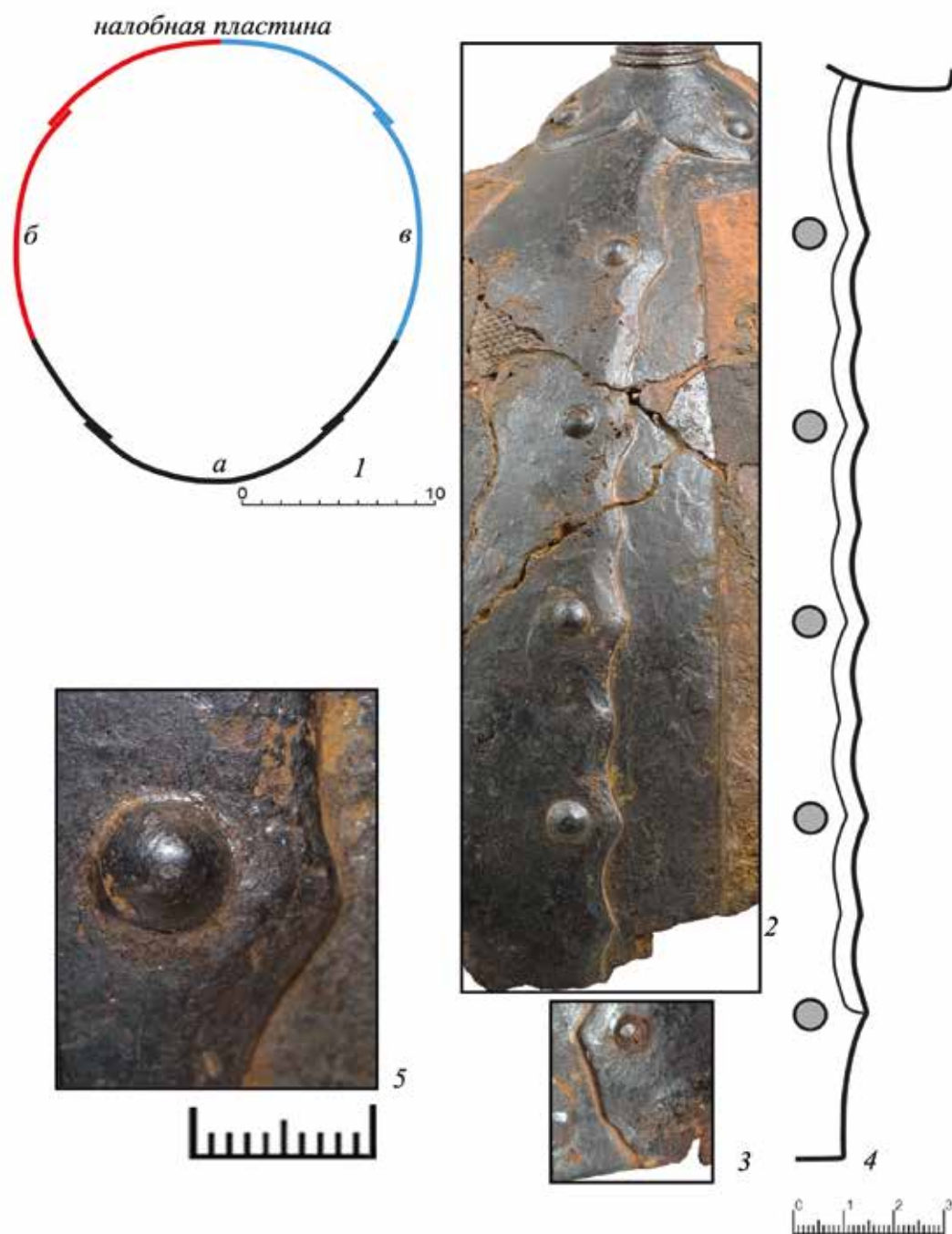

Рис. 6. Шлем из кургана Гульбище: 1 – реконструкция контура основания (а – сохранившийся участок, б – склеенный из фрагментов участок, в – отсутствующий участок); 2 – фигурный край налобной пластины; 3 – нижний фрагмент фигурного края налобной пластины; 4 – реконструкция фигурного края налобной и назатыльной пластин; 5 – шляпка заклепки, скрепляющей налобную и боковую пластины.

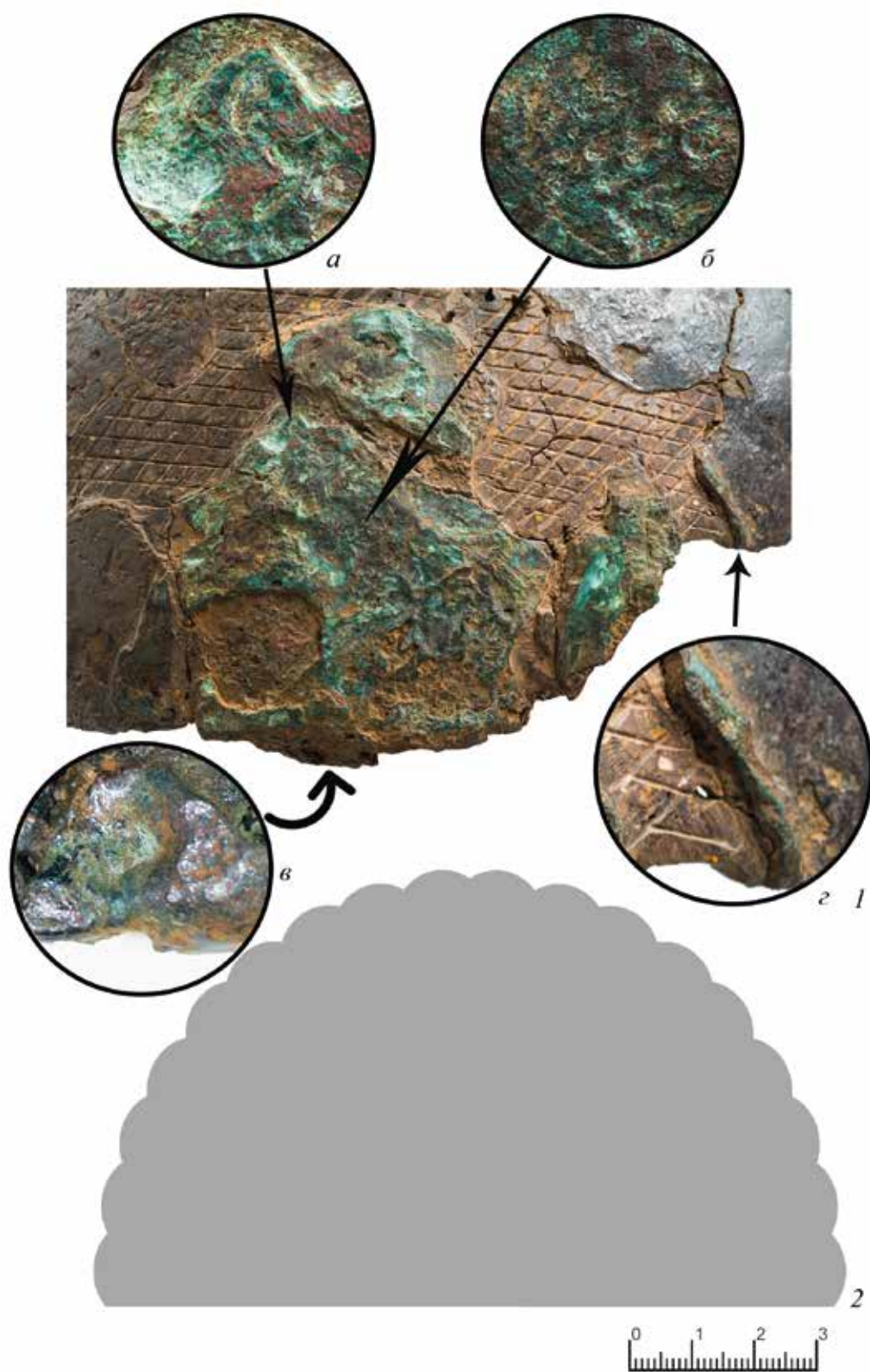

Рис. 7. Шлем из кургана Гульбище: 1 – фрагментированная налобная накладка (а – гравированные линии, б – проработка фона прочеканенными окружностями, в – подворот края накладки на внутреннюю поверхность шлема, г – фигурный край накладки); 2 – реконструкция формы налобной накладки.

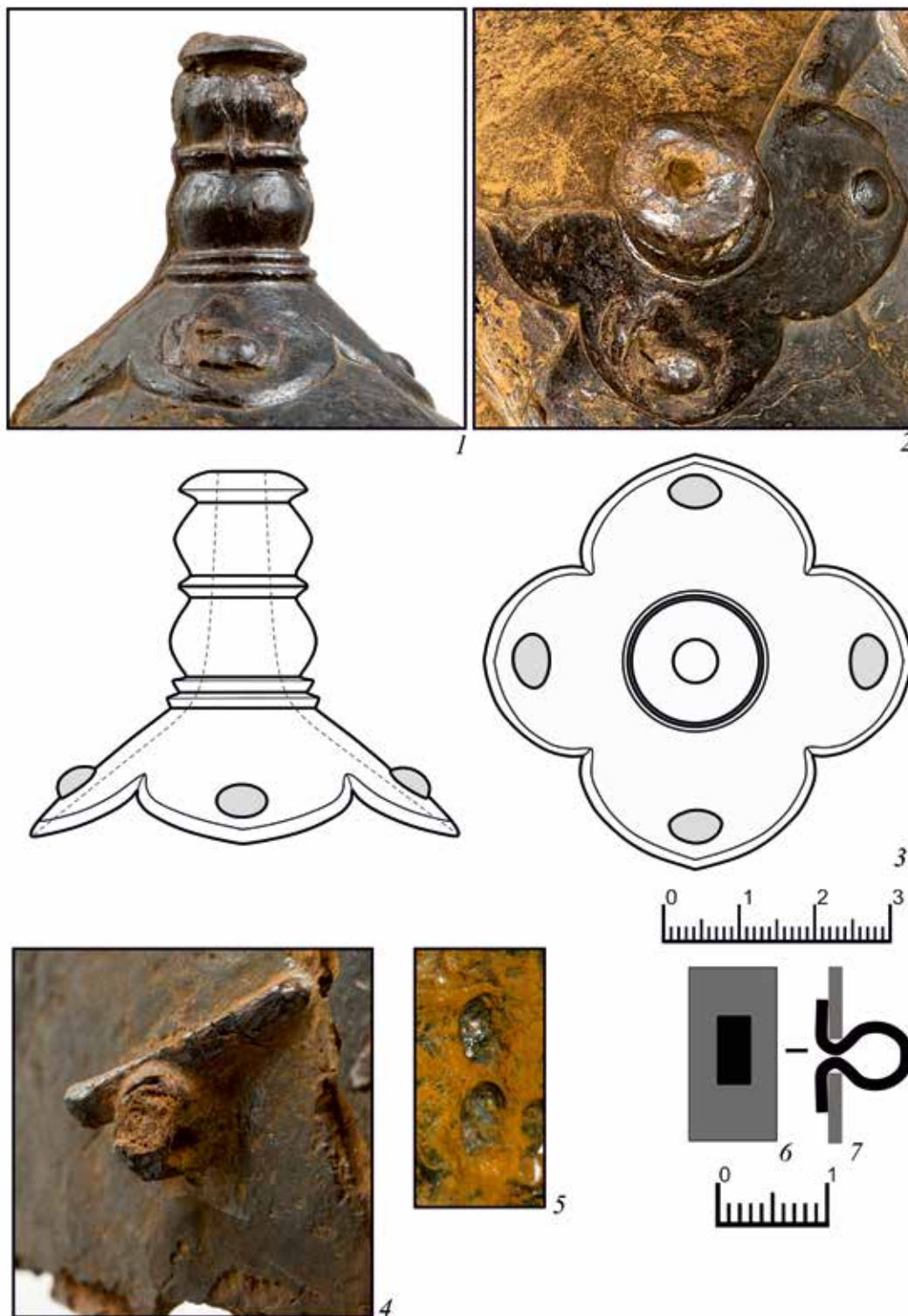

Рис. 8. Шлем из кургана Гульбище: 1 – навершие, вид сбоку; 2 – навершие, вид сверху, 3 – реконструкция навершия; 4 – петля для подвеса бармицы; 5 – разогнутые на внутренней поверхности шлема концы петли; 6 – реконструкция петли для подвеса бармицы.

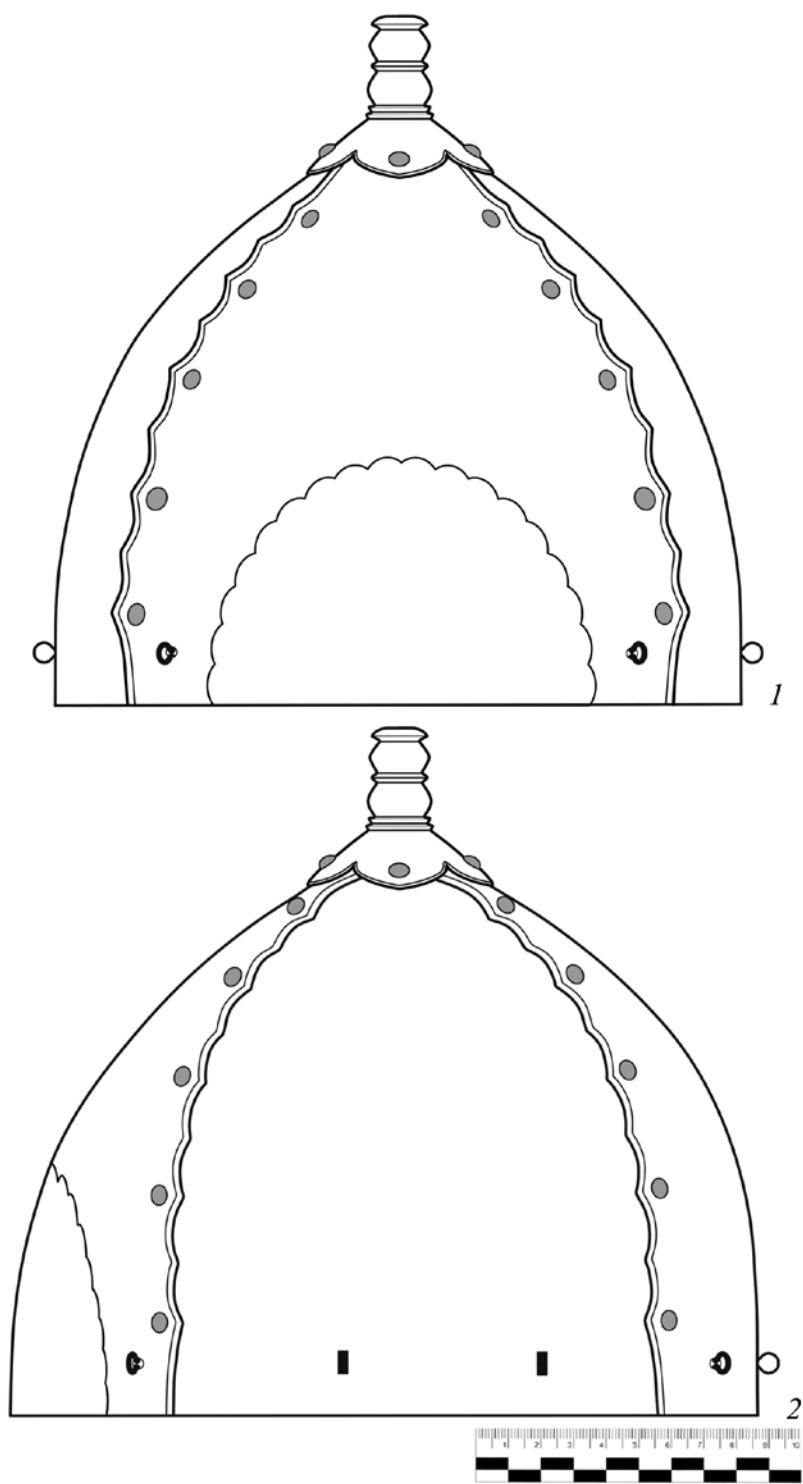

Рис. 9. Реконструкция шлема из кургана Гульбище: 1 – вид спереди; 2 – вид сбоку.

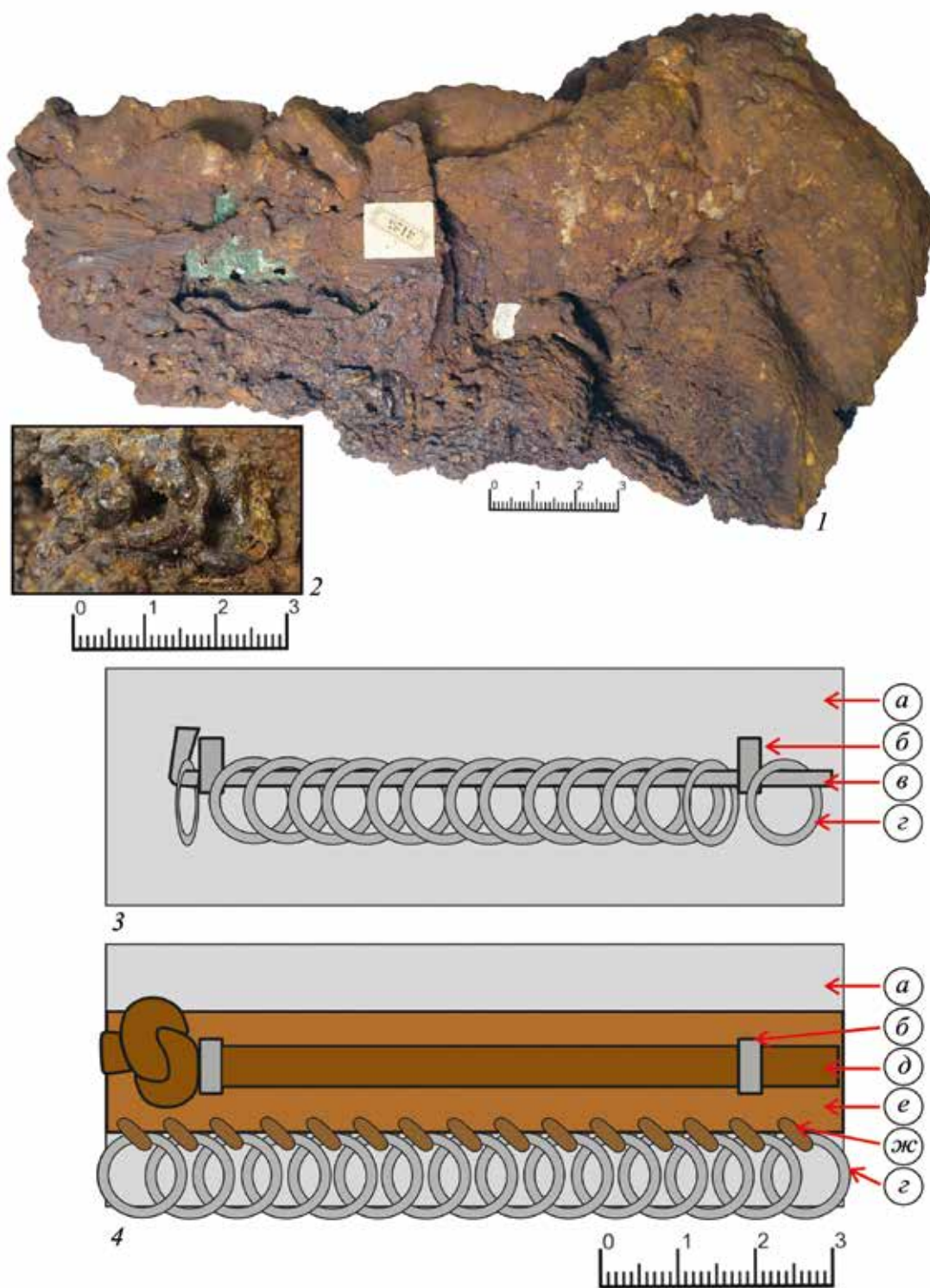

Рис. 10. 1 – фрагмент кольчужного плетения из кургана Гульбища, предположительно состоящий из фрагментов кольчуги и бармицы; 2 – кольчужные кольца, предположительно от бармицы; 3–4 – варианты реконструкции подвеса бармицы (а – корпус шлема, б – металлическая петля, в – металлический прут, г – кольца бармицы, д – шнур из органического материала, е – полоса кожи для крепления колец бармицы, ж – шнур для подвязывания колец бармицы к кожаной полосе).

Рис. 11. Меч из кургана Гульбище (а – оформление боковой части головки наверху, б, в – дно ячеек, г – орнаментация поверхности вокруг ячейки).

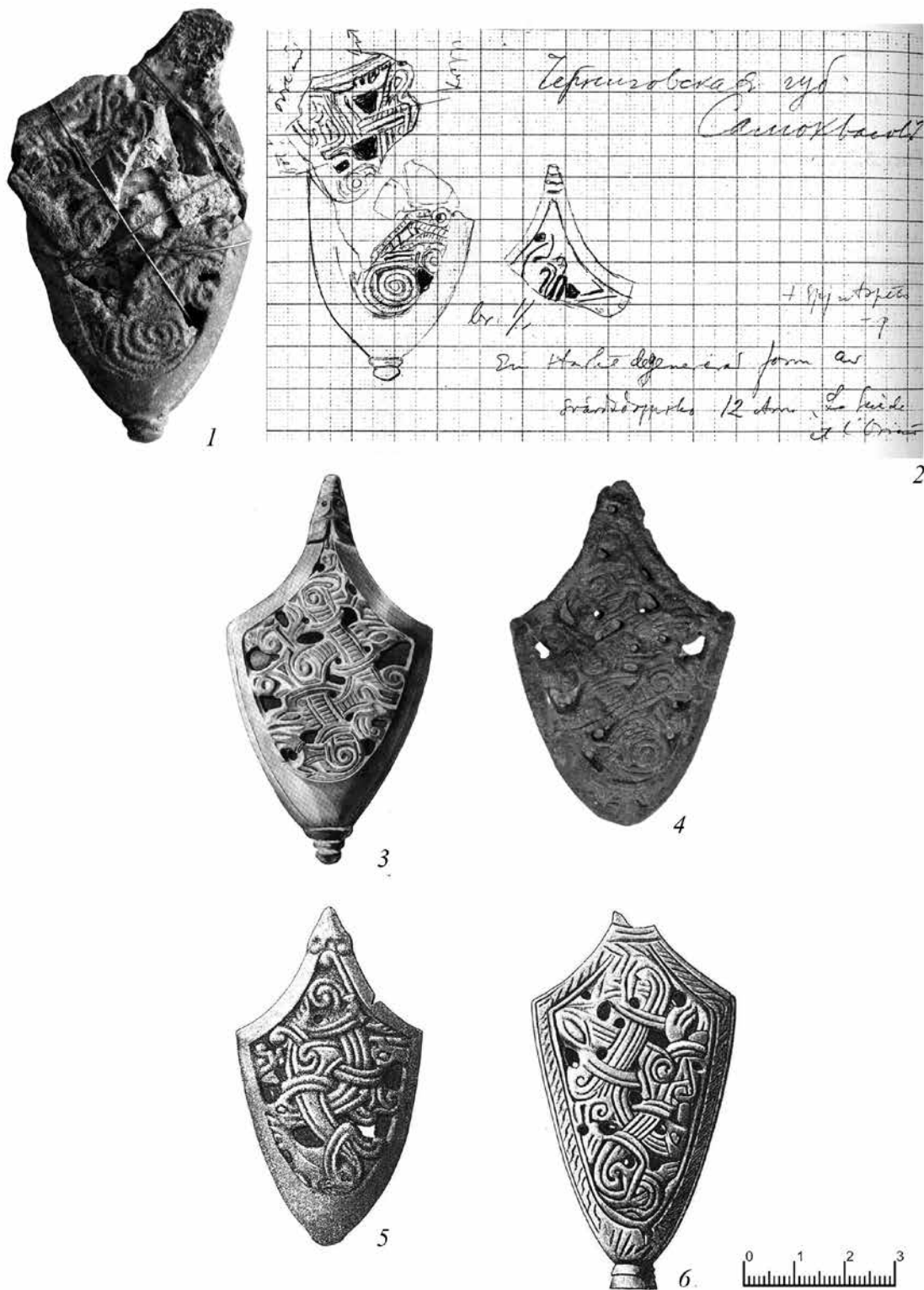
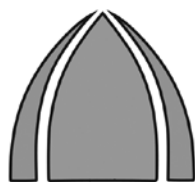
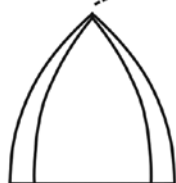

Рис. 12. 1 – фрагментированный наконечник ножен из кургана Гульбище (по Самоквасов Д.Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916. С. 43, № 3140); 2 – рисунок Т. Арне наконечника ножен из кургана Гульбище (по Андросчук Ф., Зоценко В. Каталог скандинавских древностей Южной Руси. Париж, 2012. Fig. 221); аналогии наконечнику ножен из кургана Гульбище: 3 – Gjernmundbu (Норвегия); 4 – Chatburn (Великобритания); 5 – Готланд (Швеция); 6 – Воге (Швеция).

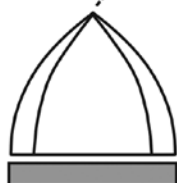
Группа

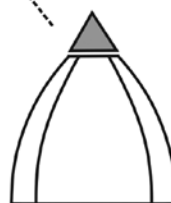
Подгруппа

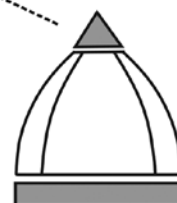
1

2

3

4

Тип

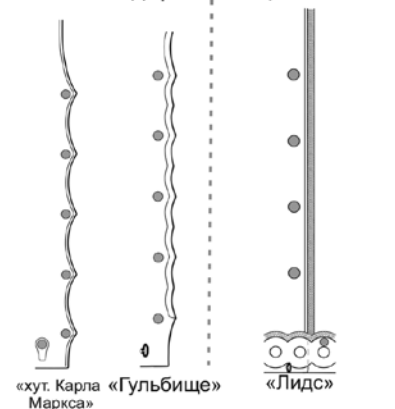
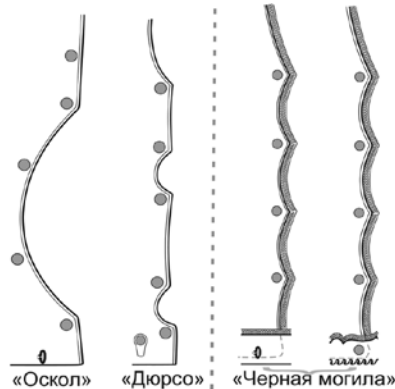

Рис. 13. Типологическая схема четырехчастных боевых наголовий Восточной Европы.

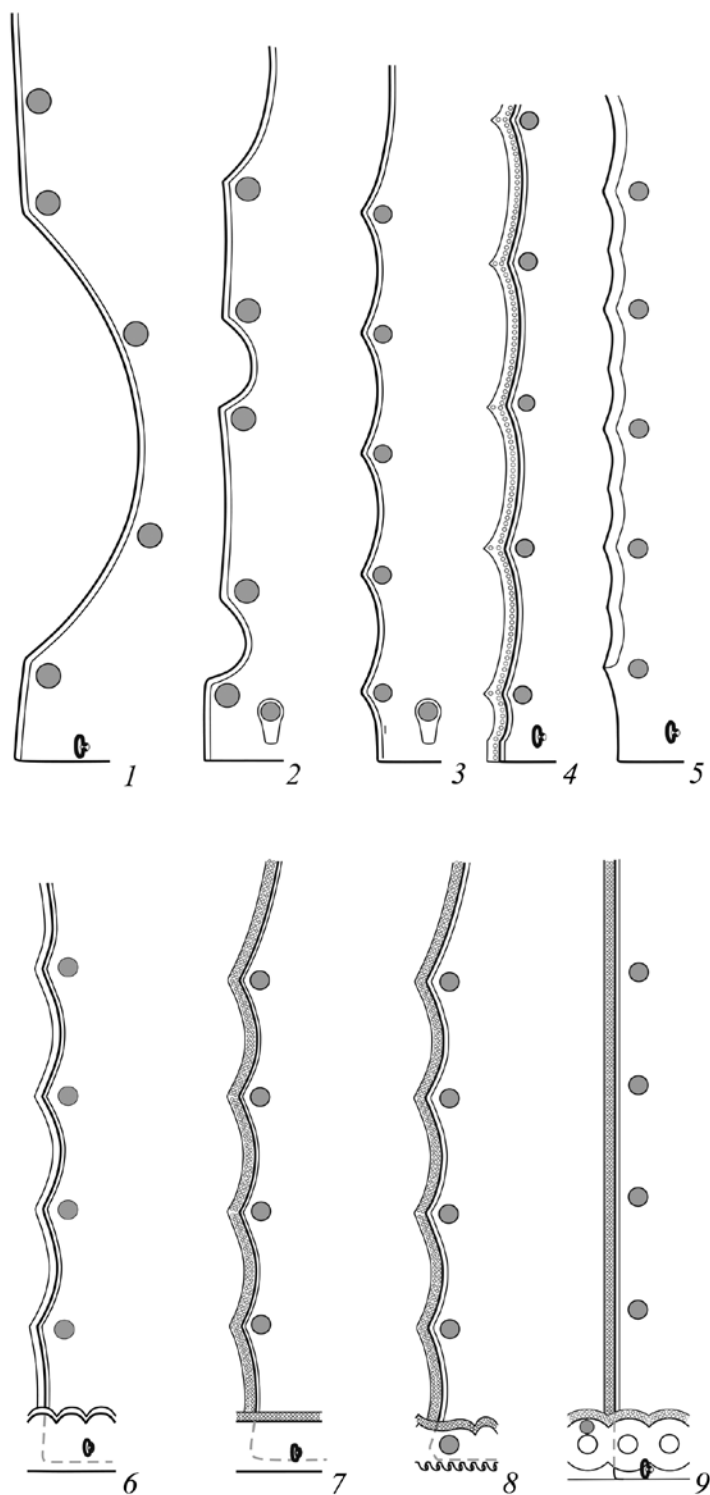

Рис. 14. Варианты оформления края налобной и назатыльной пластин: 1 – Оскол; 2 – Дюрсо-161, Молдованское, 3 – хутор Карла Маркса; 4 – Печ; 5 – Гульбище; 6 – Манвеловка; 7 – Гожуха; 8 – Черная могила; 9 – Лидс.

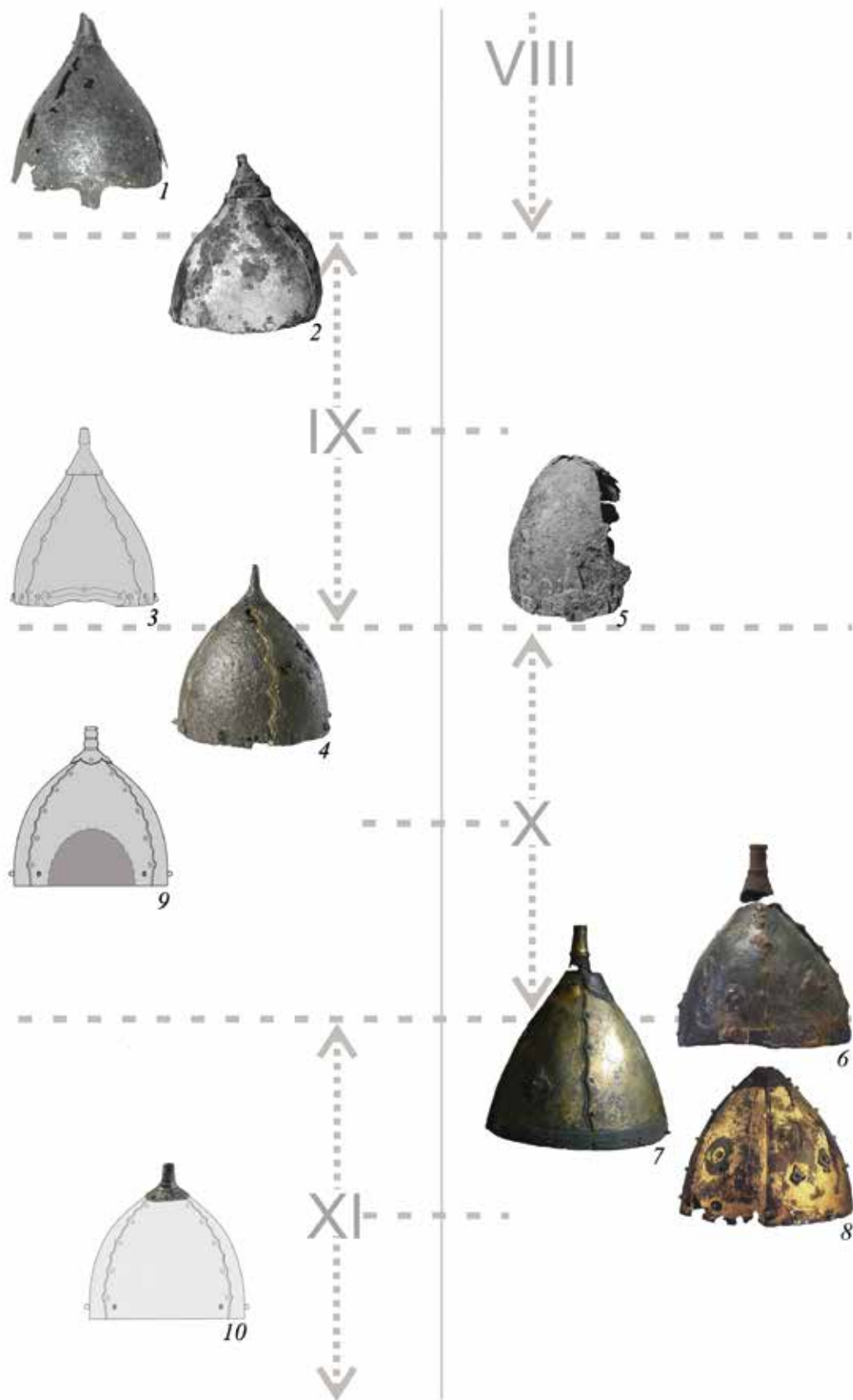

Рис. 15. Вариант эволюции четырехчастевых шлемов Восточной Европы VIII–XI вв. Для иллюстрации использованы шлемы, обозначенные по месту находки или хранения: 1 – Оскол, 2 – Молдаванское, 3 – хут. Карла Маркса (реконструкция), 4 – Печ, 5 – Манвеловка, 6 – Черная могила, 7 – Гожуха, 8 – Лидс, 9 – Гульбище (реконструкция), 10 – гипотетическая реконструкция шлема из Новгорода.

Рис. 16. Четырехчастные шлемы: 1 – из погребения у с. Манвеловка (Украина); 2 – шлем, найденный около д. Гожуха (Польша); 3 – навершие шлема с Троицкого раскопа (Великий Новгород, Россия); 4 – вариант реконструкции шлема с навершием из Великого Новгорода.

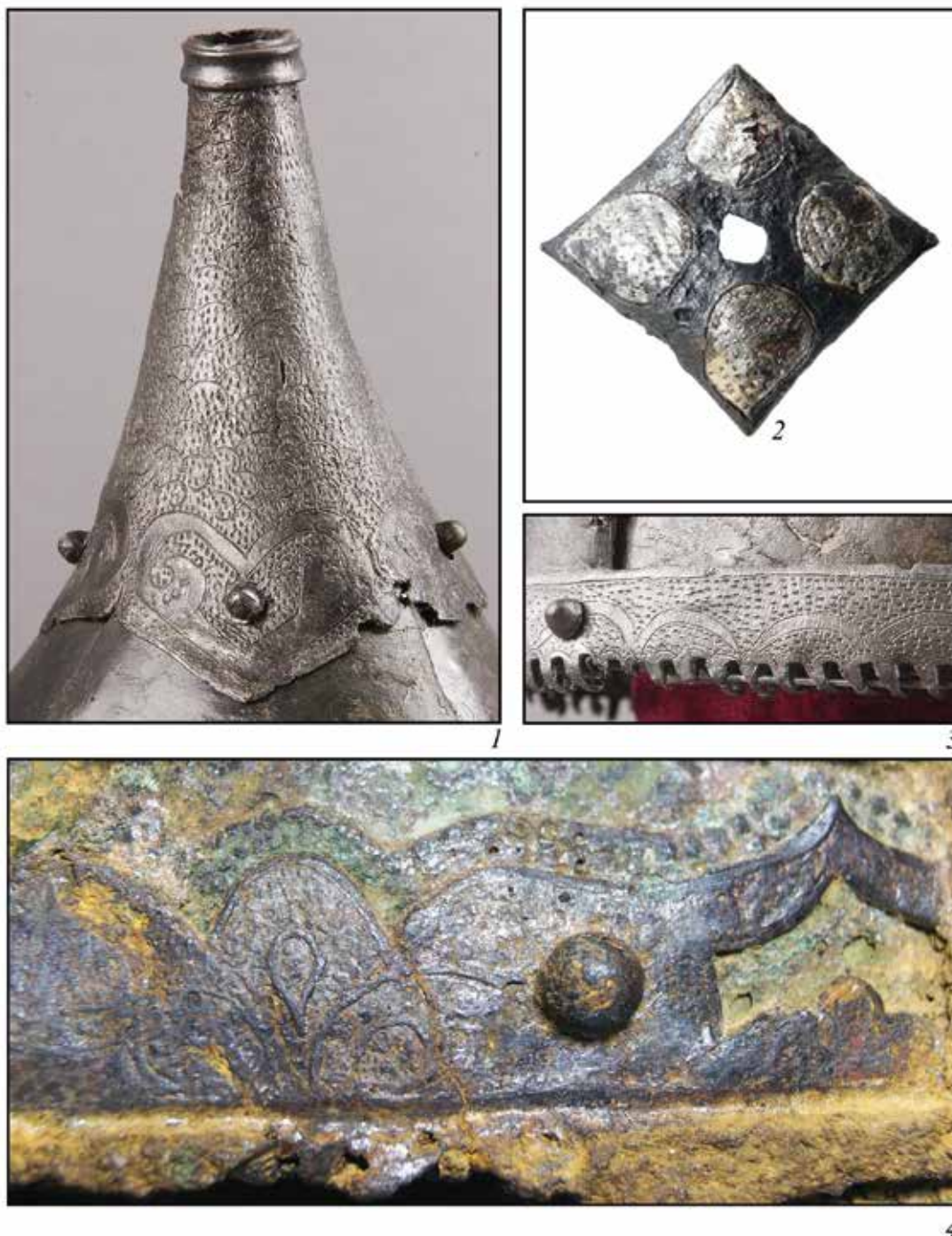

Рис. 17. Орнаментированные детали шлемов: 1 – навершие шлема из «Русских палат»; 2 – бляха на боковую пластину (Шурпилы, Польша); 3 – венец шлема из «Русских палат»; 4 – венец шлема из Черной могилы.

1

2

Рис. 18. Шлемы с налобной накладкой: 1 – из погребения у с. Немия (Украина); 2 – из собрания Днепропетровского национального исторического музея.

ШЛЕМ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ У С. МАНВЕЛОВКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДО РЕСТАВРАЦИИ

УДК 902.1:623.445.2
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.79-100

© 2022 г. Щедрина А.Ю. (shedr.aleks@gmail.com),
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Резюме: *Статья посвящена шлему, найденному в древневенгерском погребении у с. Манвеловка в Днепропетровской области Украины, в первую очередь – фиксации его нынешнего состояния перед проведением реставрационных работ. Подробно рассматриваются конструктивные и декоративные особенности шлема. Вводятся в научный оборот данные, ранее остававшиеся без внимания. В заключении обсуждается место шлема в эволюции боевых наголовий Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья. По погребению шлем может датироваться второй половиной IX в. и является прямым предшественником роскошной серии шлемов типа «Черная могила».*

Ключевые слова: *Манвеловка, Степное Поднепровье, шлем, древние венгры, мадьяры.*

**Helmet from the burial site at Manvelovka
village: results of the study before restoration**

© 2022 Shchedrina A.Yu. (shedr.aleks@gmail.com),
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the helmet found in the ancient Hungarian burial near the village of Manvelovka in the Dnipropetrovsk region of Ukraine, and primarily to fixing its current state before restoration work. The design and decorative features of the helmet are examined in detail. Some data are introduced for the first time. In conclusion, we discuss the place of the helmet in the evolution of the helmets of Eastern Europe in the early Middle Ages. The helmet dates from the second half of the 9th century and is the direct predecessor of the sumptuous helmet series, known as the “Black Grave” type.*

Key words: *Manvelovka, Steppe Dnieper region, helmet, ancient Hungarians, Magyars.*

Осенью 1973 г. в ходе земляных работ на склоне балки на окраине с. Манвеловка Васильковского района Днепропетровской области Украины было открыто ингумационное погребение воина с конем, комплексом вооружения и доспеха, серебряной маской и сосудом. Разрушенное погребение было доследовано археологами, а вещи из него поступили в Днепропетровский исторический музей имени Д.И. Яворницкого, где хранятся и поныне.

Комплекс обнаруженных в захоронении предметов, и в особенности такой яркий элемент погребального обряда, как серебряная погребальная лицевая маска, позволяют интерпретировать его как древневенгерское. В 1986 г. погребение было опубликовано Л.Н. Чуриловой¹. В дальнейшем оно неоднократно привлекало внимание исследователей как один из важнейших археологических памятников эпохи мадьярской миграции.

Особого внимания заслуживает шлем, обнаруженный в погребении. Вместе с остальными вещами он был опубликован Л.Н. Чуриловой, однако краткое описание и мелкие фотографии предмета в ее статье не позволяют понять все его конструктивные особенности, а прорисовка имеет некоторые неточности. При упоминании шлема в других работах описание его конструкции иногда упрощалось, а иногда, напротив, «обрастало» новыми ошибочными подробностями².

На сегодняшний день шлем из Манвеловки, выставленный в экспозиции Днепропетровского исторического музея³, находится в достаточно плачевном состоянии. На сохранности шлема сказались как коррозионные процессы, так и его небрежное извлечение при обнаружении (так, на боковом сегменте имеется большая современная⁴ вмятина, по всей видимости, оставленная лопатой). Около трети корпуса шлема оказались утраченными. Сохранившиеся элементы покрыты толстым слоем коррозии и наростов, сформировавшихся во время пребывания в земле (минерализованные корешки и т. п.), из-за которых выявление всех особенностей шлема затруднено. Поверхность, и в особенности края деталей шлема – хрупки и продолжают разрушаться. Запланированная⁵

реставрация шлема, вероятно, позволит уточнить и дополнить публикуемые нами сведения. Однако она же может привести, как это, к сожалению, часто бывает, к потере какой-то информации. Таким образом, подробная фиксация текущего состояния шлема видится совершенно необходимой, а ввод этой информации в научный оборот – полезным для будущих исследований.

1. Описание шлема.

Шлем имеет полуэллипсоидную форму и представляет собой сложную конструкцию из основных (корпус из четырех сегментов, теменная накладка, венец, налобное украшение-трезубец, налобная пластина с наносником), дополнительных (заклепки и крепежные элементы) и декоративных деталей (рис. 1). Высота шлема – 18 см, основание овальное – его продольный диаметр составляет 22 см, поперечный можно реконструировать как 18 см, т. к. из-за утрат точно измерить его невозможно.

Корпус шлема состоял из четырех сегментов-пластин, соединенных между собой внахлест на заклепки. Передняя и задняя пластины находят на боковые сверху. Они имеют фигурные края с четырьмя волнообразными выступами, на каждом из которых расположено по заклепке. В месте соединения бокового и переднего сегментов сразу над венцом, вероятно⁶, имеется дополнительная пятая заклепка с несохранившейся шляпкой. В нижней части соединения бокового и заднего сегментов аналогичная заклепка отсутствует. Скрытые края боковых пластин – прямые. Из четырех сегментов корпуса шлема полностью сохранился только левый⁷ боковой. В верхней части его по диагонали пересекает большая вмятина, полученная уже после археологизации предмета, по всей видимости – в момент его обнаружения. Передний сегмент сохранился частично, с полной утратой правого края. Его левый волнистый край имеет разрушения и несколько отходит от бокового сегмента шлема в верхней части (рис. 2: 1). Схожая картина наблюдается и для заднего сегмента: его левый край по большей части разрушен (сохранился верхний фрагмент с двумя заклепками), а правый край,

¹ Чурилова Л.Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине // СА. 1986. № 4. С. 261–266.

² Например, в статье М. Бенкё шлем изображен как цельное полусферическое наголовье (*Benkő M. Burial masks of Eurasian mounted nomad peoples in the migration period (1st millennium A. D.)* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. 1992/93. Vol. 46. № 2–3, P. 114. Fig. 1), а в работе А.Н. Кирпичникова упоминается «втулка для султана», отсутствующая в конструкции данного шлема (*Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения*. СПб., 2009. С. 24).

³ Инвентарный номер А-9002.

⁴ На внешней стороне по центру вмятины проходит «свежий» след – блестящая полоса; изнутри в месте удара отвалился слой минерализованного металла.

⁵ На момент написания статьи, апрель 2020 г.

⁶ Состояние сохранности не позволяет утверждать этого однозначно.

⁷ Понятия правой и левой сторон шлема, висков и т. д. в данной статье даются относительно фронтального взгляда на шлем извне (т. е. противоположно тому, как это выглядело бы со стороны человека, надевшего шлем на голову).

приклепанный к левому боковому сегменту, сохранился удовлетворительно (рис. 2: 2). Правый боковой сегмент корпуса практически полностью утрачен: от него сохранился лишь небольшой фрагмент, соединенный с верхней частью заднего сегмента и едва доходящий до второй сверху заклепки (рис. 2: 3).

Головки заклепок в большинстве случаев утрачены или сильно корродированы. Хорошо сохранилась только одна из них, на верхнем выступе левого края переднего сегмента шлема. Это очень аккуратно выполненная шляпка с закругленными краями, диаметром 6 и высотой около 2 мм (рис. 2: 5). Остальные головки заклепок, сохранившиеся хуже, показывают такую же форму и размеры.

Между сегментами шлема проложены полосы тонкого листа из сплава на основе меди⁸ – декоративная подкладка, выступающая из-под волнистого края пластин корпуса на 1–2 мм. Эта подкладка хорошо заметна в тех местах, где края переднего и заднего сегментов разрушены, и позволяет реконструировать изначальную форму их фигурного обреза (рис. 2: 4). Лист не имеет какого-либо дополнительного декора. Ширина подкладки составляет 6–12 мм (в вершинах выступов и между ними).

Вместо навершия на макушке шлема расположена плоская четырехугольная пластина, углы которой были приклепаны к сегментам корпуса шлема по центру каждого из них (рис. 3: 1). Пластина сохранилась с большими утратами в передней и центральной частях. Сохранились ее боковые и задний углы, состояние поверхности – плохое. В верхней части переднего сегмента корпуса виден фрагмент заклепки, крепившей утраченный угол накладки. Длина двух сохранившихся сторон детали – задней левой и задней правой – составляет по 7 см. По всей видимости, до приклепывания к шлему пластина имела пропорции, близкие к квадратным, но из-за соответствующей геометрии корпуса шлема в поперечном (бок-бок) направлении оказалась изогнута сильнее, чем в продольном (перед-зад), из-за чего в смонтированном виде выглядит ромбообразно.

При детальном осмотре шлема обнаружилась интересная особенность, не отраженная в имеющихся публикациях. На обоих сохранившихся краях пластины по центру имеются небольшие фигурные вырезы глубиной 3–4 мм (рис. 3: 2, 3). Таким образом, накладка имеет форму своеобразного четырехлистного цветка, а не просто ромба или квадрата, как пред-

полагалось ранее. Также в центре пластины, на краю сохранившегося участка было обнаружено круглое отверстие диаметром около 4 мм (рис. 3: 1а). Правильная форма его краев и расположение ровно в центре пластины позволяют уверенно предположить, что отверстие присутствовало на шлеме изначально, а не является следствием разрушения. Оно могло предназначаться для установки какого-то навершия (например, в виде штырька или петли), или просто еще одной заклепки.

Под пластину помещена подкладка из листовой бронзы, выполненная в виде рамки шириной около 1,8 см, внешний край которой на 1–2 мм выступает из-под железной детали. Верхняя накладка крепилась к шлему на заклепки со слегка выпуклыми шляпками диаметром 6 мм – такие же, как те, что соединяют пластины корпуса.

Налобное украшение шлема представлено тремя фигурными зубцами (рис. 4: 1). Нижняя часть налобного украшения скрыта под накладкой с наносником, поэтому точно установить ее форму без рентгеновского исследования не представляется возможным. На торце основания шлема отсутствуют зазоры между зубцами, что говорит в пользу цельной конструкции трезубца⁹. Центральный, самый высокий зубец имеет общую высоту предположительно 8,7 см (высота видимой части зубца – 5,3 см). Он представляет собой трехлепестковую фигурку на расширяющейся к низу ножке со слегка выпуклыми, почти прямыми краями. Верхний лепесток заострен, боковые имеют округлую форму (рис. 5: 3). На прорисовке Л.Н. Чуриловой¹⁰ они изображены в виде отдельной горизонтальной перекладины, пропущенной под центральной ножкой зубца, что не соответствует действительности: зубец выполнен из одной железной пластины. Кончик верхнего лепестка слегка обломлен; в этом месте, а также по краям детали видна подкладка из медного сплава. Ширина верхнего лепестка составляет 1,2 см, высота – 1,4 см, ширина по центру боковых лепестков – 1,8 см, их высота – 1 см, ширина ножки под лепестками – 1 см, ширина ножки внизу видимой части – 2,3 см. Боковые зубцы выполнены в виде заостренных лепестков (рис. 5: 1, 2). Оба зубца имеют утраты: у правого сколота верхушка, у левого – нижняя часть внешнего края. В утраченных местах хорошо заметна бронзовая листовая подкладка. Высота правого зубца – 4,7 см; ширина – 1,9 см; высота левого зубца – 4,8 см, ширина – 1,8 см.

⁸ Химический состав сплава не определялся. В дальнейшем для краткости употребляется термин «бронза».

⁹ Однако в силу плохого состояния нижнего торца налобной части шлема нельзя полностью исключать возможного наличия стыков деталей без зазора между ними.

¹⁰ Чурилова Л.Н. Погребение с серебряной маской... С. 263. Рис. 2: 1.

Внешние края боковых зубцов доходят не до низа шлема, а только до линии венца, который является их непосредственным продолжением. Вблизи края левого зубца на венце имеется трещина, которую можно ошибочно принять за стык деталей (рис. 6: 2). На самом же деле эти детали изготовлены из цельного листа железа. То же самое касается и правой стороны шлема, где слом венца расположен дальше – на расстоянии около 1 см от края зубца, и какой-либо стык также отсутствует (рис. 5: 2). По всей видимости, трезубец и венец являлись цельной конструкцией – своеобразной диадемой, концы которой смыкались где-то в задней части шлема.

Поверх налобного украшения установлена накладка с обломленным наносником (рис. 4: 1). Это пластина шириной 7,2 см, с относительно прямым нижним и дугообразным верхним краем. Высота накладки по центру составляет 3,4 см (без учета выступающего фрагмента наносника), по бокам – около 2 см. Деталь приклепана на две крупные заклепки с видимым перекосом: ее левый угол на 3–4 мм приподнят относительно нижнего края шлема, а правый – опущен примерно на такую же величину. Сам наносник имел ширину 2,2 см и практически полностью обломан, его сохранившийся фрагмент выступает от нижнего края пластины всего на 5 мм.

Неаккуратный характер установки пластины и грубость заклепок (диаметр головок составляет около 10 мм – против 6 мм на всех остальных элементах шлема) позволяли еще до осмотра шлема допускать, что пластина с наносником установлена на шлем вторично (в процессе эксплуатации) и другим мастером. Однако против этой версии говорила предполагавшаяся ранее схема крепления деталей к налобной части шлема. Дело в том, что на внешней поверхности трезубца видна лишь одна выпуклость, которая интерпретировалась как заклепка – она расположена на верхнем лепестке центрального зубца (рис. 5: 3). На поверхности же боковых зубцов никаких заклепок не обнаруживалось, так что логичным было думать, что они прижимались к шлему исключительно пластиной с наносником, которая, в таком случае, должна была задумываться в конструкции шлема изначально. Изучение внутренней поверхности переднего сегмента корпуса шлема дало интересные результаты и позволило окончательно прояснить этот вопрос.

Выяснилось, что помимо выходов заклепок, крепящих накладку с наносником, несколько выше них на внутренней поверхности шлема имеются отчетливые выходы еще двух заклепок, расположение которых соответствуют центрам боковых зубцов налобного украшения (рис. 4:

2, 3). Более того, выход заклепки центрального зубца не соответствует наросту на поверхности шлема, а находится чуть ниже – ровно в центре трилистника, между его боковых лепестков. Помимо выходов заклепок, на шлеме имеется «лишнее» несквозное отверстие – на высоте 2 см от нижнего края шлема, по центру. Таким образом, стало очевидно, что и без накладки с наносником налобное украшение было надежно прикреплено к корпусу шлема на четыре заклепки: в центре боковых зубцов, в верхней части центрального зубца и снизу по центру. В свете этого открытия версия о вторичной установке накладки с наносником кажется еще более убедительной. Нижняя центральная заклепка могла быть удалена в ходе установки наносника из-за мешающей этой процедуре шляпки. Однако заклепки налобной накладки не имеют больших шляпок на внешней стороне, и возможно изначально были выполнены заподлицо с поверхностью. В таком случае, заклепка могла быть удалена с целью использовать центральное отверстие для крепления пластины, но в ходе установки оно могло уже не понадобиться.

Венец шлема, который, как уже говорилось, является продолжением налобного украшения, представлял собой полосу шириной 1,7–2,0 см с фигурным верхним краем. С левой стороны шлема от венца сохранился фрагмент длиной около 9 см, заканчивающийся сколом (рис. 5: 2). На остальных участках венец утрачен, но вдоль всего сохранившегося основания корпуса шлема на сегментах имеется соответствующий ему отпечаток. В некоторых местах этот отпечаток имеет зеленоватый цвет, что свидетельствует о наличии под венцом такой же бронзовой подкладки, как и между остальными деталями шлема. Верхний край венца оформлен в виде мелких фестонов (рис. 6:1). На участке, где сохранность края позволяет измерить фестоны, их ширина составляет 8,5–9,5 мм. С правой разрушенной стороны шлема длина сохранившегося фрагмента венца составляет всего около 1 см. На этом отрезке, ровно под внешним краем зубца, сохранилась петля для подвеса кольчужной бармицы (рис. 5: 2, 4). Подобные петли известны на многих раннесредневековых шлемах Евразии: через них вдоль нижнего края шлема пропускалась проволока, на которую подвешивался верхний ряд колец бармицы. Сохранность позволяет предположить, что петля имела омегаобразную (Ω) конструкцию: ее концы проходили через сквозное отверстие в венце и корпусе шлема, и загибались на его внутренней поверхности в противоположные стороны (вверх/вниз). Высота петли составляет 6 мм, ширина выступающей части – 4 мм, толщина – около 3 мм. Точно

определить толщину и форму сечения железного прутка, формирующего петлю, в нынешнем корродированном состоянии невозможно – это могла быть как проволока с круглым сечением, так и полоса железа прямоугольного сечения. Общее количество петель подвеса бармицы, в силу утраты большей части венца и очень плохой сохранности нижней части сегментов корпуса шлема, достоверно установить невозможно. Помимо описанной петли на правом виске – единственной сохранившейся полностью – фрагменты петель фиксируются на левом боку (в передней части левого бокового сегмента, на венце вблизи его слома), а также ровно на затылке. Можно также предположить наличие симметричной петли на левом виске, а также одной недостающей в промежутке между задней и боковой. Таким образом, наиболее вероятное общее количество петель на шлеме можно реконструировать как семь: на висках, в передней части боковых сегментов, в задней части боковых сегментов и на затылке. Неясным остается вопрос о том, являлись ли петли подвеса бармицы единственными элементами крепления венца к корпусу шлема, или же помимо них на венце имелись заклепки, однако достоверно фиксирующихся заклепок на сохранившейся части венца, а также отверстий для них в нижней части сегментов корпуса не выявлено.

Схемы всех конструктивных элементов шлема в состоянии без утрат приведены на рис. 7, а графическая реконструкция его изначального вида – на рис. 8.

Среди обнаруженных в погребении предметов Л.Н. Чурилова упоминает «несколько массивных фрагментов спекшейся кольчужной сетки с отпечатками ткани на внутренней стороне»¹¹, которые можно предположительно отнести к бармице шлема. В фондах Днепропетровского музея¹² сохранилось три фрагмента кольчуги размерами 6,5 × 4; 4,7 × 4,3 и 4,0 × 2,5 см. Два меньших фрагмента представляют собой плоские кусочки (рис. 9: 1, 2). Самый крупный фрагмент согнут уголком, а также имеет изгиб, приблизительно соответствующий дуге нижнего края шлема (рис. 9: 3). Можно предположить, что в погребении шлем стоял на некотором возвышении, либо опирался на собственный наносник, и

передний его край оказался приподнят. Бармица свисала вниз вплоть до какой-то горизонтальной поверхности, вдоль которой загибалась на внешнюю сторону. Сохранность фрагментов – очень плохая. Лишь на одном участке большего фрагмента можно рассмотреть отдельные кольца плетения, их диаметр составляет 4–5 мм (рис. 9: 4). К сожалению, сделать какие-либо выводы о покрое бармицы на основании сохранившихся фрагментов не представляется возможным. На обратной стороне всех фрагментов кольчуги имеются остатки плотно прилегающей к ним ткани полотняного переплетения.

2. Датировка погребения.

При первой публикации погребения у с. Манвеловка Л.Н. Чурилова датировала его достаточно широко – IX–X вв., поскольку «самые близкие аналогии для основных датирующих предметов (сабля, сосуд, маска) не выходят за пределы этого времени». Такой же датировки для серии памятников, включающих Манвеловское погребение, придерживается О.М. Приходнюк¹³. Другие исследователи, работавшие над проблемой путей и хронологии мадьярской миграции, предпринимали попытки сужения этой датировки. Так, В.А. Иванов в своем исследовании отмечал, что столь широкая дата «не представляется окончательной», а наиболее близкое сходство сосуд и сабля имеют с предметами, датируемыми не позднее середины IX в.¹⁴ С.А. Плетнёва предположила, что погребение синхронно погребениям с масками Танкеевского могильника и его можно отнести к IX в.¹⁵ Из ряда предлагаемых датировок резко выбивается мнение венгерского исследователя Л. Ковача, который датировал Манвеловское погребение VII–VIII вв.¹⁶ Обширное исследование археологической культуры мадьяр Этелькёза проделал А.В. Комар, который пришел к выводу, что период пребывания венгров в Северном Причерноморье определяется рамками 836–895 гг., а памятники типа Субботцев, в число которых входит и погребение из Манвеловки, синхронны III и IV салтовским горизонтам¹⁷. Другой украинский специалист по салтовской культуре, А.М. Голубев, предлагает ограничить хронологию памятников Субботцевского типа 861–895 гг.¹⁸ Таким образом, по со-

¹¹ Чурилова Л.Н. Погребение с серебряной маской... С. 264. Рис. 3: 5.

¹² Инвентарный номер А-10806/1–3.

¹³ Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ – Чернівці, 2001. С. 101–106.

¹⁴ Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999. С. 102.

¹⁵ Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003. С. 114.

¹⁶ Kovacs L. Remarks on the archaeological remains of the 9th–10th century Hungarians // Research on the prehistory of the Hungarians: a review. Budapest, 2005. P. 352–354.

¹⁷ Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / Komar O. A Korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Budapest, 2018. С. 239–248; Комар А.В. Древние мадьяры Этелькёза: перспективы исследований // Мадьяры в Среднем Подніпрові. Археологія і давня історія України. Вип. 7. 2011. С. 38.

¹⁸ Голубев А.М. Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики // III-й Международный мадьярский симпозиум по археологии. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. Budapest, 2018. С. 393.

вокупности современных исследований наиболее обоснованным представляется датирование Манвеловского погребения второй половиной IX в.

3. Типология и место шлема в эволюции боевых наголовий Восточной Европы.

Археологический материал VIII–XI вв. не богат на находки шлемов: несмотря на то, что находки отдельных деталей, атрибутируемых как фрагменты шлемов, исчисляются десятками, целых шлемов этого периода найдено совсем немного, а шлемов, происходящих из датированных (с точностью хотя бы до 50–100 лет) комплексов – и вовсе единицы. Таким образом, шлем из Манвеловского погребения на сегодняшний день обладает одной из наиболее точных датировок среди раннесредневековых шлемов, и поэтому очень важен для понимания эволюции боевых наголовий Восточной Европы.

Особенно большого внимания шлем заслуживает в контексте вопроса о появлении роскошной серии шлемов, известных как шлемы типа «Чёрная могила» или шлемы II типа по классификации А.Н. Кирпичникова¹⁹. Эта группа раннесредневековых шлемов характеризуется сфероконической формой, четырехчастным корпусом, собранным на заклепки (передний и задний сегменты находят на боковые), характерными фигурными краями пластин с волнообразным обрезаем, втульчатым конусовидным навершием, венцом по нижнему краю, налобной накладкой в форме трезубца, ромбическими накладками на боковых сегментах, а также – яркими элементами декора: пластины корпуса обтянуты позолоченным листом бронзы, накладные элементы покрыты серебром, под края всех деталей подложены прокладки из листа бронзы с чеканкой (рис. 10: 8). К сожалению, большинство шлемов найдены без археологического контекста, позволяющего четко их датировать. Кремация в кургане Чёрная могила, согласно недавно проведенному AMS-датированию, была совершена в интервале 980–1025 гг.²⁰, более ранних комплексов со

шлемами такого типа не известно. По мнению С.Ю. Каинова, вся роскошная серия появилась не ранее второй половины X в.²¹. Существует также ряд шлемов, обладающих лишь частью из перечисленных особенностей, но также относимых к типу «Чёрная могила» исследователями, более широко трактующими границы этого термина – например, шлемы из г. Печ, Венгрия (рис. 10: 7а) и из черниговского кургана Гульбище (рис. 10: 7б).

Происхождение и поиск центров производства золоченых шлемов типа «Чёрная могила» не раз становилось предметом дискуссий, единая точка зрения в которых все еще не достигнута. Наиболее подробно историография вопроса разобрана в нескольких работах украинского исследователя А.Г. Папакина²². Стоит отметить, что доказательства всех версий пока базируются лишь на анализе общей исторической ситуации в раннесредневековой Европе и собственных представлениях авторов о развитии ремесла и военного дела разных регионов. Конкретных материальных свидетельств производства шлемов типа «Чёрная могила» на территории Древней Руси, Польши или Хазарского каганата на сегодняшний день археологически не зафиксировано.

Предыстория же возникновения серии золоченых шлемов и их прототипы, без всякого сомнения, восходят к памятникам кочевников. Подробный анализ процесса эволюции шлемов является темой для отдельного обширного исследования и выходит за рамки нашей статьи. Ограничимся кратким изложением представлений, сложившихся на базе совокупности имеющихся исследований²³.

Итак, можно выделить несколько групп шлемов VIII–X вв., которые внесли тот или иной вклад в появление этого типа. Первая группа включает в себя сфероконические шлемы, корпус которых состоит из восьми сегментов, склепанных между собой на заклепки. Внешние края пластин корпуса у этих шлемов прямые, с вогнутой «ступенькой» в верхней части. В настоящее время известно два целых шлема такой конструкции. Первый

¹⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1-36. Л., 1971. С. 22–32.

²⁰ Шпилина Н.И., ван дер Плихт И., Севастьянов В.С., Кузнецова О.В., Мурашева В.В., Панин А.В., Каинов С.Ю., Зозуля С.С., Шецов А.О. Радиоуглеродное AMS-датирование экспонатов Исторического музея: результат и обсуждение // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3 (2). С. 399.

²¹ Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишников И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса // Древние памятники, культуры и прогресс. Москва, 2020. С. 210.

²² Папакин А. Шоломи у контексті східних контактів Русі та Польщі (X – початок XI ст.) // Історія давньої зброї. Дослідження 2016. Київ, 2017. С. 351–366; Papakin A. Importy czy łupy z Rusi? Problem pochodzenia “wielkopolskich” hełmów X – początku XI wieku // Rus’ and Poland (10th–14th centuries). Publication from the 9th International Scientific Conference, Przemyśl, 5th–8th December, 2018. Kraków, 2019. S. 55–68.

²³ Наиболее современные исследования в данной области представлены работами С.Ю. Каинова, А.Н. Кирпичникова и А.Г. Папакина: Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишников И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса; Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы...; Папакин А. Шоломи у контексті східних контактів Русі та Польщі; Papakin A. Importy czy łupy z Rusi?

происходит из 106 погребения могильника у аула Казазово²⁴, Краснодарский край (рис. 10: 2а), и по поясной гарнитуре из этого погребения может датироваться 745–770 гг.²⁵ Второй найден в кургане 31 Лагеревского могильника в Башкирии²⁶ (рис. 10: 2б), и пока датирован очень широко – VII–IX вв.²⁷ Вероятно, будущие исследования позволят сузить эту датировку. Шлемы имеют разные типы наверший, а также разные системы подвеса бармицы. Помимо этого, шлем из Казазово имеет наносник, а шлем из Лагеревы – венец, приклепанный изнутри корпуса. Вторая группа шлемов приблизительно этого же времени представлена шлемами, сегменты которых имеют фигурные края с большим полукруглым вырезом (рис. 10: 3). Этот тип шлемов был подробно рассмотрен С.Ю. Каиновым²⁸ и А. Кубиком²⁹ и включает четыре экземпляра: восьмичастный с территории Краснодарского края (рис. 10: 3а), четырехчастные из д. Столбище на берегу р. Оскол в Белгородской области (рис. 10: 3б) и с территории Украины, а также своеобразный гибрид из Бежтинского могильника в Дагестане, все четыре сегмента которого имеют полукруглые вырезы, при стыковке образующие промежуточные округлой формы, требовавшие установки четырех «заплаток», которые сложно назвать полноценными сегментами шлема. При такой вариативности количества сегментов остальные элементы конструкции этих шлемов весьма однотипны: помимо формы края пластин, это высокие конусообразные навершия с четырехгранным стержневидным завершением, и наносники с ребром по центру и фигурными бровями. Венец, а также дополнительные элементы для крепления бармицы, кроме ряда круглых отверстий по периметру шлема, отсутствуют. Предполагаемая датировка шлемов группы «Оскол» – вторая половина VIII–IX вв.

Следующий этап эволюции боевых наголовий заключается, по мнению С.Ю. Каинова³⁰, в появ-

лении нового варианта оформления края сегментов: вместо одного глубокого полукруглого выреза они имеют по два небольших выреза также полукруглой формы; участки между ними незначительно вдавлены, а верх пластин оформлен в виде вогнутой «ступеньки». Таким образом, эти шлемы показывают определенную преемственность как от первой, так и от второй вышеназванных групп. Подобное оформление пластин имеют, например, шлем, найденный на территории грунтового могильника у с. Молдаванское (рис. 10: 4а), и шлем из датирующегося IX в. погребения 161 могильника Дюрсо³¹ (рис. 10: 4б). Стоит отметить, что подобное оформление пластин корпуса отмечено и на нескольких восьмичастных шлемах азиатского происхождения (рис. 10: 1), которые некоторые исследователи датируют существенно более ранним временем – начиная с середины VII в.³², однако в настоящий момент все подобные находки не имеют археологического контекста, и у нас есть основания сомневаться в их столь ранней датировке.

Новая находка шлема в могильнике у хутора им. Карла Маркса в Краснодарском крае³³ (рис. 10: 5) и его детальное исследование позволили продвинуться в вопросе типологической эволюции четырехчастных шлемов. Этот шлем имеет характерные для шлемов типа «Чёрная могила» фигурные края пластин с равновеликими вырезами, однако не имеет ни обтяжки корпуса позолоченным листом, ни бронзовых подкладок под краями деталей. Его навершие конструктивно близко к навершиям шлемов группы «Оскол»: конус с четырехгранным стержнем, но имеет другие пропорции. На лбу установлена накладная деталь в виде «бровей» – такая же, как основание наносников шлемов группы «Оскол», но сам наносник, вероятно, отсутствовал. Крепление бармицы осуществляется на прутки, продетые через петли, сложенные из листа железа и приклепанные ко внешней поверхности шлема. Погребальный комплекс 3 (кремационное

²⁴ Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Ленинград, 1983. С. 151.

²⁵ Этап 16 горизонта I (Столбище–Старокорсунская), Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. № 2. 1999. С. 129, 132.

²⁶ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. Москва, 1981. С. 79. Рис. 42: 12.

²⁷ Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 173.

²⁸ Каинов С.Ю. The Helmet from Krasnodar Territory // Crowns, hats, turbans and helmets. The head gear in Iranian history. Volume I: Pre-Islamic Period. Siedlce – Tehran, 2017.

²⁹ Кубик А. Об одном типе шлемов VIII–IX вв. Восточной Европы // Международная конференция «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья» (23–26 ноября 2017 г.).

³⁰ Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса. С. 209.

³¹ Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древности V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003. С. 203, 204.

³² Шлемы из Пермского края, из Ниневии (Ирак), из Ирана: Kubik A. Helmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI–VIII w. n. e. Zarys problematyki. Siedlce, 2017. S. 107–112, Rys. 58, 59; Kubik A.L. The Kizil Caves as an terminus post quem of the Central and Western Asiatic pear-shaped spangenhelm type helmets The David Collection helmet and its place in the evolution of multisegmented dome helmets // Historia i Świat, n. 7. 2018. P. 141–156. Fig. 5.

³³ Каинов С.Ю., Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В. Шлем из комплекса 3 могильника у хутора им. Карла Маркса.

безурновое погребение), в котором найден шлем, наиболее вероятно относится к IX в.

Шлем из Манвеловки представляет собой вариант, еще более приближенный к шлемам типа «Чёрная могила». На нем все еще нет обтяжки корпуса позолоченным листом, но впервые зафиксирована декоративная подкладка из листа бронзы, проложенная под края всех накладных деталей. Публикуя находку фрагмента шлема из Новгорода³⁴, С.Ю. Каинов выделил шлемы II типа, не имеющие обтяжки сегментов листом позолоченной бронзы. Помимо шлема из Манвеловского погребения, сюда вошли шлем из кургана Гульбище X в.³⁵ (рис. 10: 7б), шлем из насыпи кургана 6 Каранаевского могильника (Южный Урал, Башкирия), также датирующегося X в.³⁶, шлем из г. Печ (Венгрия) (рис. 10: 7а), который является случайной находкой и не может быть узко датирован³⁷, а также собственно сам публикуемый фрагмент шлема с Дюбошина раскопа, найденный в слое второй четверти XII в. и значительно переживший время бытования этого типа шлемов.

Как видно, эти шлемы представляют собой неоднородную группу: остальные элементы их конструкции и декора значительно различаются. Шлем из Новгорода очень близок к классическим представителям типа «Чёрная могила»: он имеет такое же налобное украшение в виде трезубца, даже, скорее всего, изначально украшенное серебром, однако предположительно не имел ни позолоченной обтяжки, ни бронзовой подкладки под накладные детали. Шлемы из кургана Гульбище и из Печа отличаются от классических представителей типа не только отсутствием обтяжки, но и отсутствием налобного украшения-трезубца, а также имеют другой тип навершия – в виде тупоугольного конуса с фигурным нижним краем, переходящего в стержень с поясками, в то время как шлемы типа «Чёрная могила» имеют навершия в виде высокого, плавно сужающегося кверху конуса с вогнутыми сторонами. Другая геометрия навершия обусловила и отличные пропорции всего корпуса этих шлемов, который не так высок и имеет более округлые очертания. Шлем из Гульбища, к тому же, имеет другой

вид налобного украшения и особую форму края пластин – с более мелкими и частыми вырезами. Этот шлем стоит признать отдельной ветвью дальнейшего развития четырехчастных шлемов, происходившего параллельно с развитием серии «Чёрная могила».

«Ближайшими родственниками» шлема из Манвеловки с точки зрения декора следует считать те шлемы, которые не имеют позолоченной (и вообще какой-либо) обтяжки сегментов корпуса и других деталей, но при этом имеют бронзовые подкладки, подложенные под края деталей и образующую своеобразную декоративную «выпушку». Это гораздо более экономичный с точки зрения расхода цветных металлов, но все же достаточно эффективный способ декорировать шлем. К таким шлемам относится описанный выше шлем из Печа (рис. 11: 1). На нем бронзовая подкладка выступает из-под краев сегментов сильнее и украшена точечной чеканкой, однако под навершием шлема она отсутствует. Кроме того, остатки плохо сохранившейся бронзовой подкладки были обнаружены между сегментами шлема из 6 кургана Каранаевского могильника³⁸ (рис. 11: 3). Конструктивные особенности этого шлема в силу его плохой сохранности все еще остаются неясными и их анализ заслуживает отдельной публикации. В нашем случае важным фактом является наличие на этом шлеме короткого (длиной чуть более 4 см) наносника: это единственный известный шлем с волнистым оформлением края сегментов, у которого имеется наносник, на «классических» шлемах типа «Чёрная могила» эта деталь отсутствует³⁹. На шлеме из Каранаево наносник является одной деталью с передним сегментом шлема и, вероятно, был задуман изначально, а в случае шлема из Манвеловки – дополнительной деталью, установленной позже изготовления шлема. Тем не менее, это ближайший аналог, по образцу которого можно реконструировать обломленный наносник на шлеме из Манвеловки (рис. 8). Помимо указанных образцов, существует еще одна деталь шлема с подобным оформлением: это навершие шлема с Сарского городища⁴⁰ (рис. 11: 2). Навершие представляет собой двухъярусный конус, завер-

³⁴ Каинов С.Ю., Каменский А.Н. О неизвестной находке фрагмента шлема с Дюбошина раскопа в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 185–187.

³⁵ Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. Москва, 1917. С. 36–37. Рис. 44–45; Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Москва, 2012. С. 102. № 259. В настоящее время С.Ю. Каинов не видит оснований датировать этот курган ранее, чем серединой X в.

³⁶ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. С. 114. Рис. 91: 17.

³⁷ Kiss A. Varanya megye X-XI. századi sírleletei // Magyarország honfoglalás és kora Árpád-kori temetőinek leletanyaga. I. Kötet. Budapest, 1983. P. 253–255.

³⁸ Фрагменты шлема хранятся в фонде Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований УНЦ РАН, г. Уфа. Сердечно благодарю А. Куликова за предоставленную информацию и фотографии.

³⁹ Наносник был обнаружен также на шлеме с Райковецкого городища (Житомирская обл., Украина), однако этот шлем был найден в слоях XIII в. и, по всей видимости, подвергся переделке в ходе длительной эксплуатации значительно позже своего создания (Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев, 1950. С. 97; Киртичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 25).

⁴⁰ Леонтьев А.Е. Археология мери: К предистории Северо-Восточной Руси. Москва, 1996. С. 122.

шающийся втулкой. Два конических яруса соединены между собой на заклепки, и между ними проложен лист бронзы с чеканным орнаментом. Форма этого навершия имеет близкие аналоги на двух упоминавшихся выше сегментных шлемах разной конструкции: восьмичастном из Казазово (рис. 10: 2а) и четырехчастном из Молдавского (рис. 10: 4а). В нижней части детали имеются четыре заклепки, которыми навершие крепилось к шлему, так что, очевидно, этот шлем был четырехчастным. Прогрессивная технология декора детали позволяет предположить, что этот шлем имел сегменты с «классическими» волнообразными краями, под которыми также имелись бронзовые подкладки.

Помимо декоративной подкладки под краями деталей, шлем из Манвеловки впервые демонстрирует наличие такого яркого атрибута шлемов типа «Чёрная могила», как налобное украшение в форме трезубца. Оформление зубцов на шлеме из Манвеловки находит ближайшую параллель в отдельной находке аналогичной детали в Новгороде: на Троицком раскопе, в слоях 1050–1070 гг.⁴¹ (рис. 12: 2). Трезубец из Новгорода имеет точно такую же композицию: центральный зубец представляет собой ножку, на которой размещено трехлепестковое навершие, боковые лепестки которого округлые, а верхний представляет собой уменьшенную копию боковых зубцов трезубца. Основная разница между этими деталями заключается в том, что на шлеме из Манвеловки боковые зубцы и верхний лепесток центрального зубца имеют листовидную, а на детали из Новгорода – ромбовидную форму с прямыми гранями. Как и все остальные известные трезубцы шлемов типа «Чёрная могила», новгородский был покрыт тонким листом серебра, державшемся на специальных насечках, до сих пор хорошо заметных на поверхности. Сам драгоценный металл отсутствует – очевидно, его сорвали перед тем, как выбросить деталь. Листовидное завершение зубцов трезубца известно на шлеме из Гича⁴² (рис. 12: 3). В данном случае все три зубца имеют схожую форму лепестка, растущего из округлого утолщения. Центральный зубец имеет тонкую ножку, также с округлым утолщением внизу. На шлеме из кургана «Чёрная могила» все зубцы, вероятно, имели трехлепестковое завершение, однако налобное украшение здесь

почти не сохранилось⁴³ и не поддается более точной реконструкции. Остальные известные налобные украшения в форме трезубцев (рис. 12: 4–6), сохранившиеся или реконструированные по отпечаткам, уже сильно отличаются от Манвеловского образца: одни составлены из ромбов, другие представляют собой ажурные конструкции.

Кроме перечисленных особенностей, с «классическими» шлемами типа «Чёрная могила» шлем сближает наличие венца с фигурным краем, а также способ крепления бармицы посредством омегаобразных петель.

При этом шлем из Манвеловки имеет одно принципиальное отличие от всех остальных четырехчастных шлемов Восточной Европы VIII–XI вв.: вместо конического навершия на его макушке установлена плоская накладная пластина в виде изогнутой по форме корпуса пластины. Такое конструктивное решение очень сильно повлияло на форму самого шлема: его корпус имеет уплощенно-округлую вершину и не является сфероконическим. Описать его форму геометрическими терминами довольно сложно, но ближе всего она к полуэллипсоиду. Но и эта деталь имеет весьма косвенную параллель со шлемами типа «Чёрная могила» – по своей форме (четырёхлепестковая розетка, по форме близкая к квадрату с небольшими вырезами в центре каждой стороны) она аналогична накладной бляхе, украшавшей боковой сегмент шлема типа «Чёрная могила», покрытый позолоченным бронзовым листом и найденный на территории Украины⁴⁴. От других боковых блях: железных, покрытых серебром, и литых бронзовых, иногда луженых, позолоченных или инкрустированных серебром⁴⁵, эту отличает больший размер и способ крепления на шлеме: она приклепана на четыре заклепки, расположенные по углам, в то время как остальные крепятся посредством одной центральной заклепки. На самом же шлеме из Манвеловки боковые накладки отсутствуют.

Итак, шлем из погребения у с. Манвеловка сочетает в себе элементы, традиционные для кочевнических шлемов VIII–IX вв. (наносник), прогрессивные признаки, в дальнейшем нашедшие свое развитие в роскошной серии шлемов типа «Чёрная могила» второй половины X – первой половины XI в. (налобное украшение, форма краев пластин корпуса, бронзовые

⁴¹ Куртичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы... С. 11; Каинов С.Ю., Каменский А.Н. О неизвестной находке... С. 188.

⁴² Poklewska-Koziell M., Sikora M. Szyszak z Giecz – szczegółowa inwentaryzacja obiektu i stan badań // Broń drzewcowa i uzbrojenie ochronne z Ostrowa Lednickiego, Giecz i Grzybowa. Lednica, 2018. С. 109–121; Sankiewicz P. Katalog uzbrojenia ochronnego // Broń drzewcowa i uzbrojenie ochronne z Ostrowa Lednickiego, Giecz i Grzybowa. Lednica, 2018. С. 220–221.

⁴³ Наблюдаемый на лобовой части шлема «декор» был сформирован при реставрации и не имеет отношения к изначальной отделке шлема. Остатки от нее сохранились только на месте правого бокового зубца.

⁴⁴ Папакін А., Безкоровайна Ю., Прокопенко В. Шоломи типу «Чорна могила»: нові знахідки та проблема походження // Науковий вісник Національного музею історії України. 2017. (2). С. 48–49. Рис. 46, 5, 6.

⁴⁵ Подробно разновидности данных деталей разбираются в статье: Каинов С.Ю. Деталь шлема из Плиски // Военни експедиции, въоръжение и снаряжение (античност и средновековие). Acta Musei Varnaensis. X–2. Варна, 2018. С. 47–52.

подложки под краями всех деталей, венец, способ крепления бармицы), а также уникальные конструктивные решения, не имеющие прямых аналогов в восточноевропейском материале (плоская теменная накладка).

В отличие от подавляющего большинства шлемов, зачастую найденных при неизвестных обстоятельствах, он обнаружен в погребении, являющимся одним из ключевых памятников эпохи мадьярской миграции, и достаточно точно датируется. Благодаря двум этим особенностям, шлем из Манвеловки является своеобразным хронологическим репером для определения времени появления и путей дальнейшего развития ряда конструктивных и декоративных деталей на боевых наголовьях Восточной Европы. Остается только надеяться, что реставрация шлема подарит нам новые данные об этом интереснейшем предмете.

Рис. 1. Шлем из погребения у с. Манвеловка: 1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид сзади; 4 – левый бок, вид под углом; 5 – вид сверху.

Рис. 2. Края сегментов корпуса шлема: 1 – левый край переднего сегмента; 2 – левый край заднего сегмента; 3 – правый край заднего сегмента; 4 – бронзовая подкладка; 5 – головка заклепки.

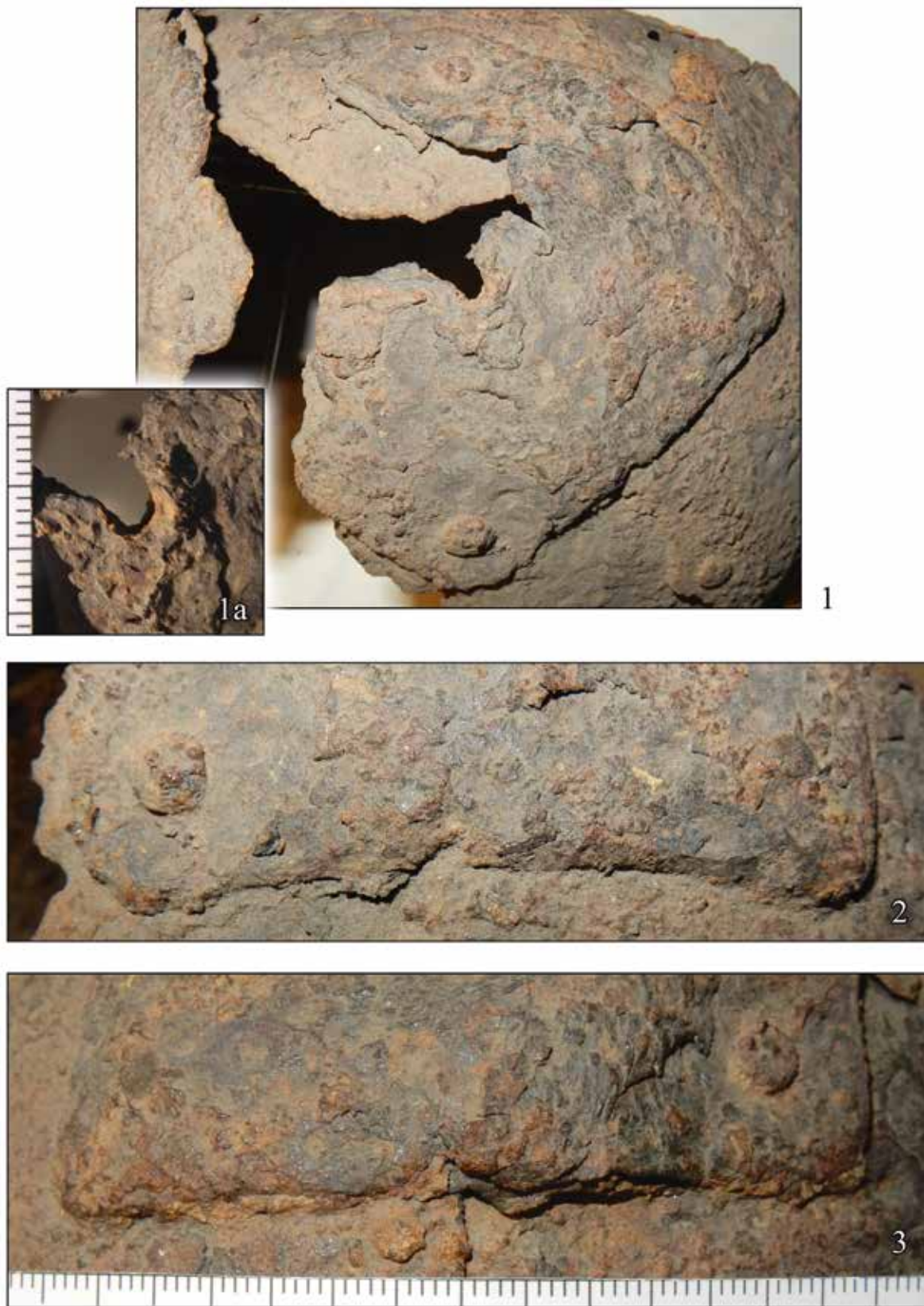

Рис. 3. Верхняя накладка шлема: 1 – общий вид; 1а – центральное отверстие; 2 – правая задняя сторона; 3 – левая задняя сторона.

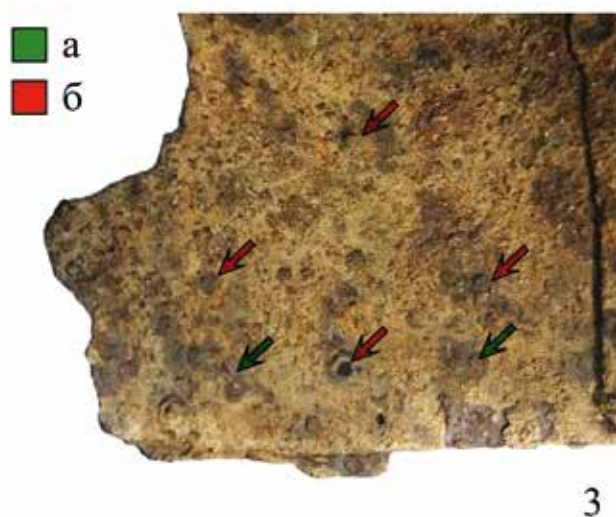
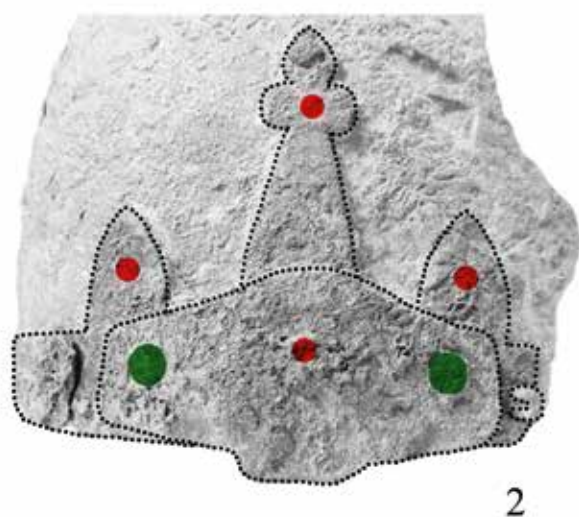

Рис. 4. Налобная часть шлема: 1 – общий вид; 2 – схема расположения заклепок; 3 – вид изнутри; а – заклепки пластины с наносником; б – заклепки налобного украшения.

Рис. 5. Детали налобного украшения: 1 – левый боковой зубец; 2 – правый боковой зубец; 3 – верхняя часть центрального зубца; 4 – петля подвеса бармицы.

1

2

Рис. 6. Венеч шлема: 1 – участок с сохранившимся фестончатым краем; 2 – трещина на левой височной части.

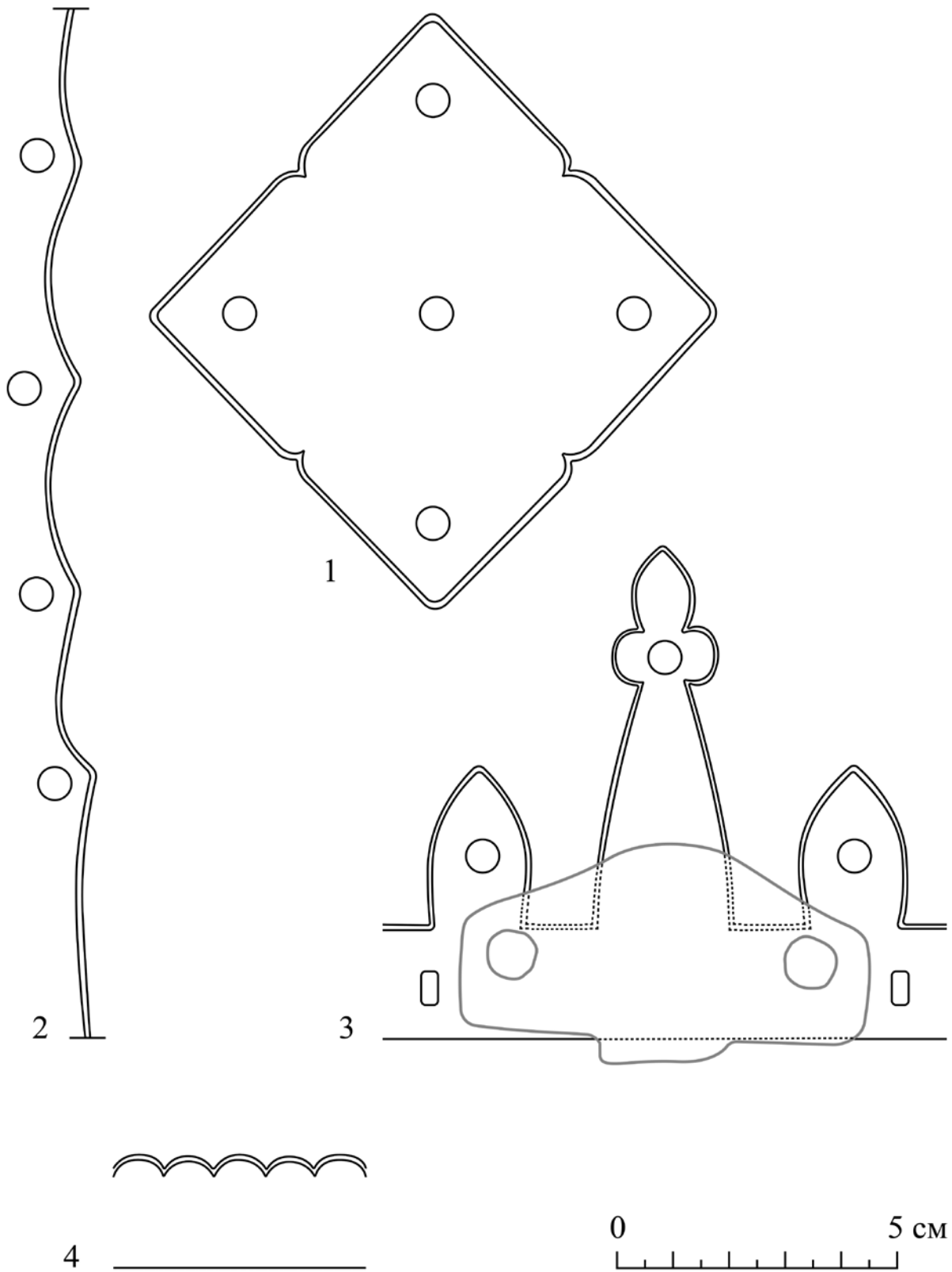

Рис. 7. Графическая реконструкция деталей шлема (в распрямленном виде): 1 – фигурный край сегмента; 2 – верхняя накладка; 3 – налобное украшение; 4 – венец.

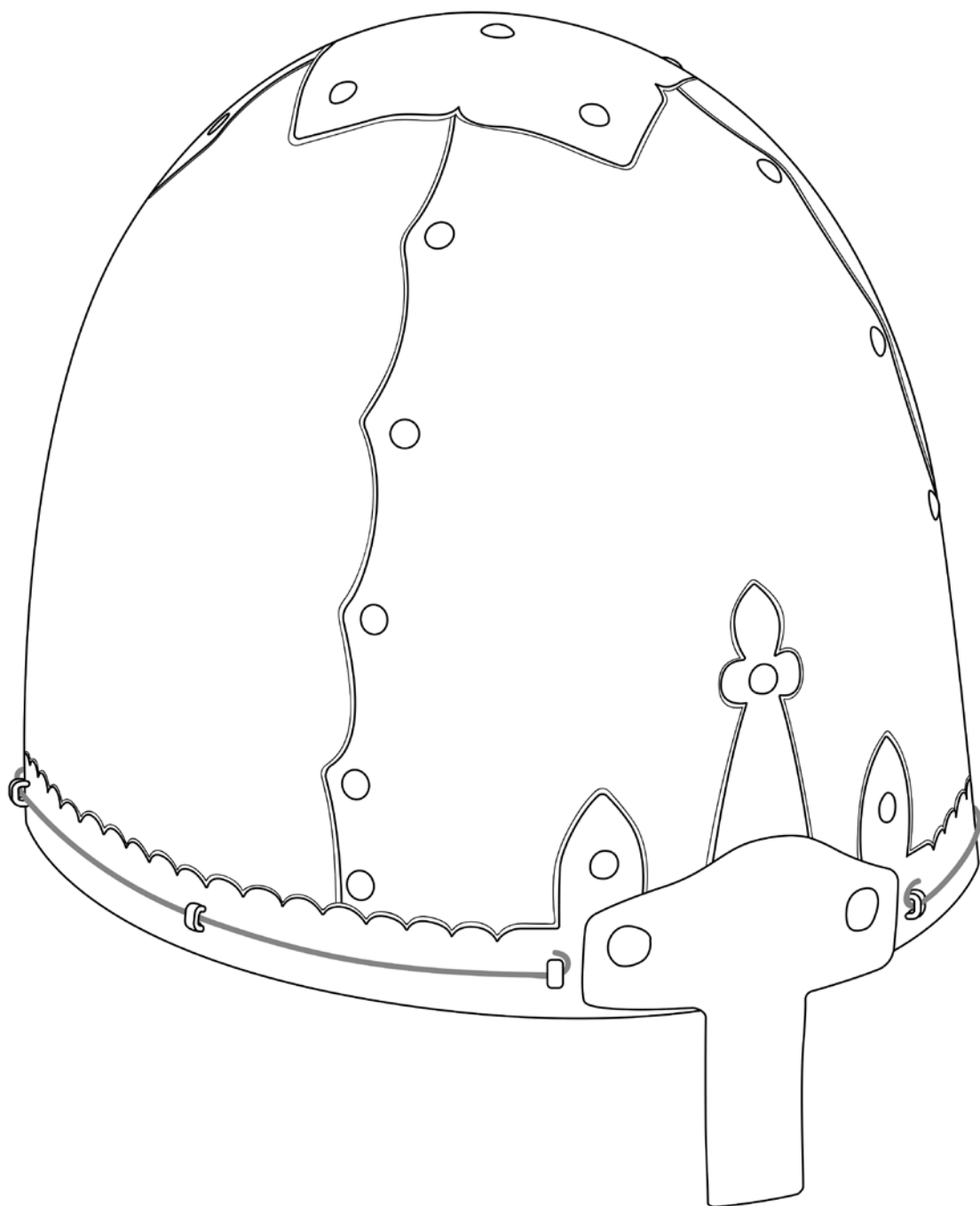

Рис. 8. Графическая реконструкция облика шлема из Манвеловки на момент погребения.

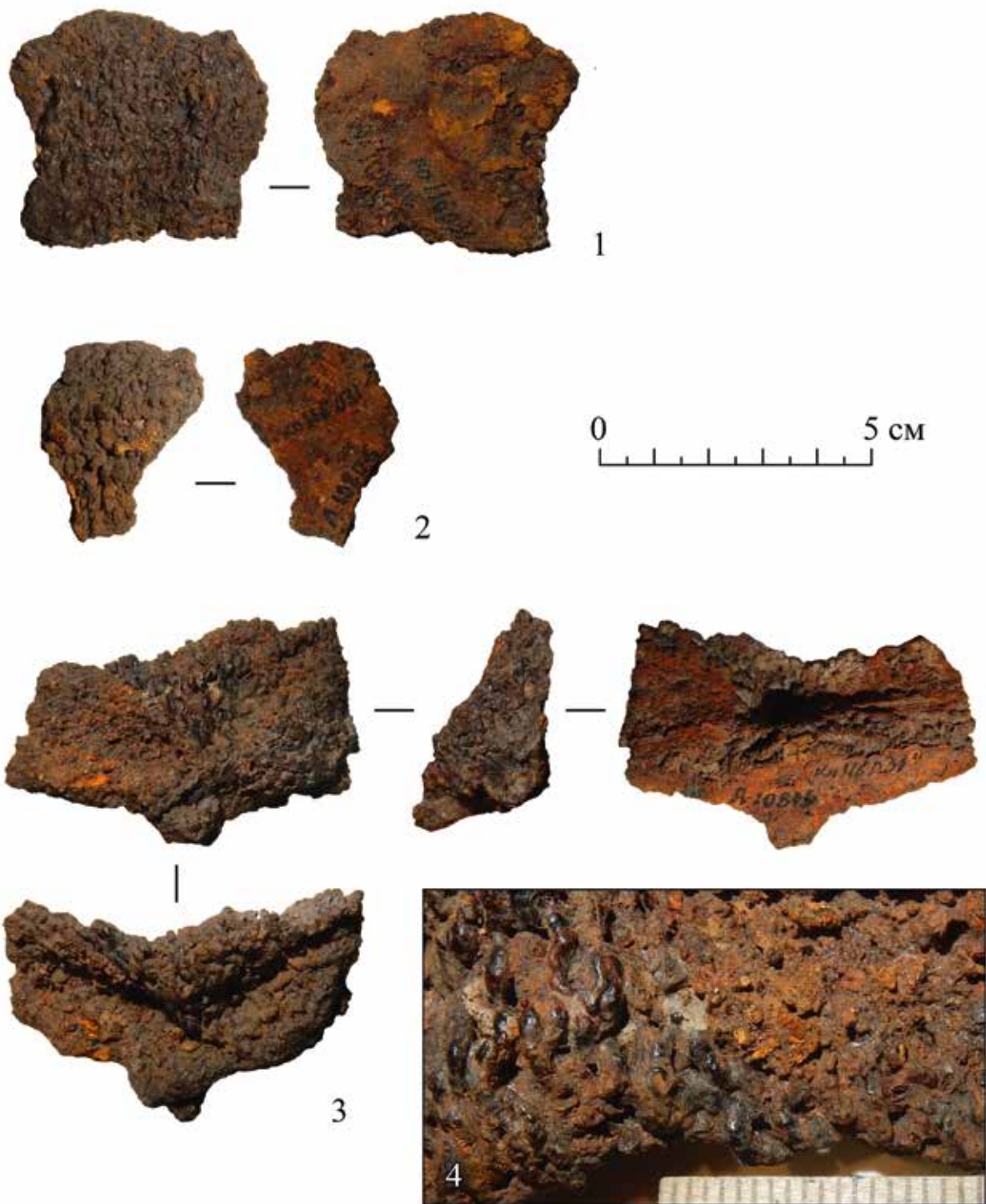

Рис. 9. Фрагменты кольчужного плетения, предположительно относящихся к барнице шлема: 1 – фрагмент № 1; 2 – фрагмент № 2; 3 – фрагмент № 3; 4 – кольчужное плетение.

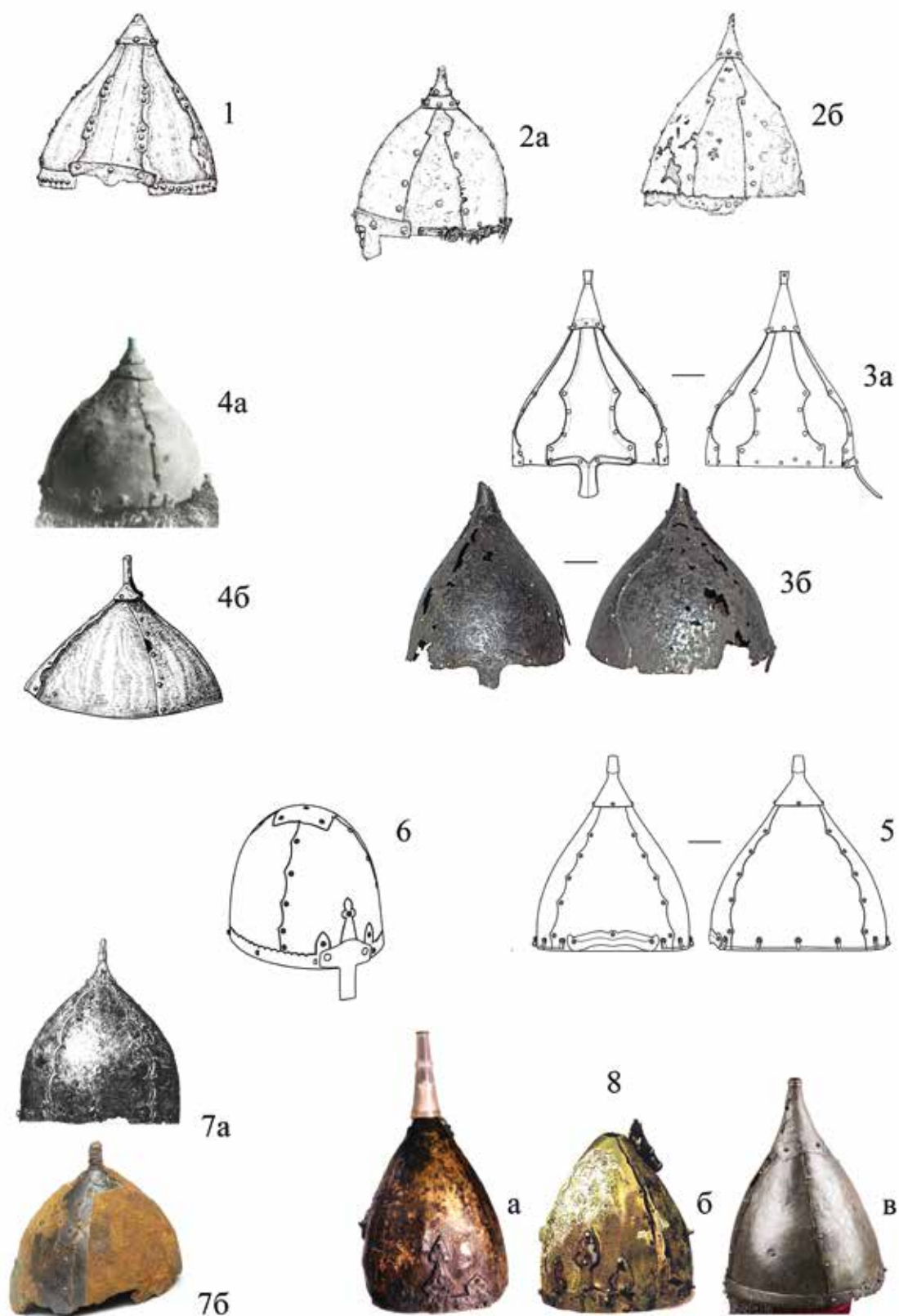

Рис. 10. Некоторые шлемы периода VIII–XI вв.: 1 – Пермская губерния; 2а – Казазово; 2б – Лагерево; 3а – Краснодарский край; 3б – Оскол; 4а – Молдавановское; 4б – Дюрсо; 5 – хутор Карл Маркс; 6 – Манвеловка; 7 – Печ, Венгрия; 8 – курган «Гульбище», Чернигов, Украина; 8 – шлемы типа «Черная могила»: а – Ольшувка, Польша; б – Гич, Польша; в – шлем с неизвестным местом находки из галереи «Русские палаты». (1, 2а, 2б – по А. Kubik, рис. D. Wierzbowski; 3а, 5 – рис. С.Ю. Каинова; 4б – по А.Б. Дмитриеву; 7 – по А. Kiss).

Рис. 11. Шлемы, украшенные подкладкой из листа бронзы: 1 – Печ, Венгрия (без масштаба); 2 – Сарское городище; 3 – Курган 6 Каранаевского могильника (фото А. Куликова).

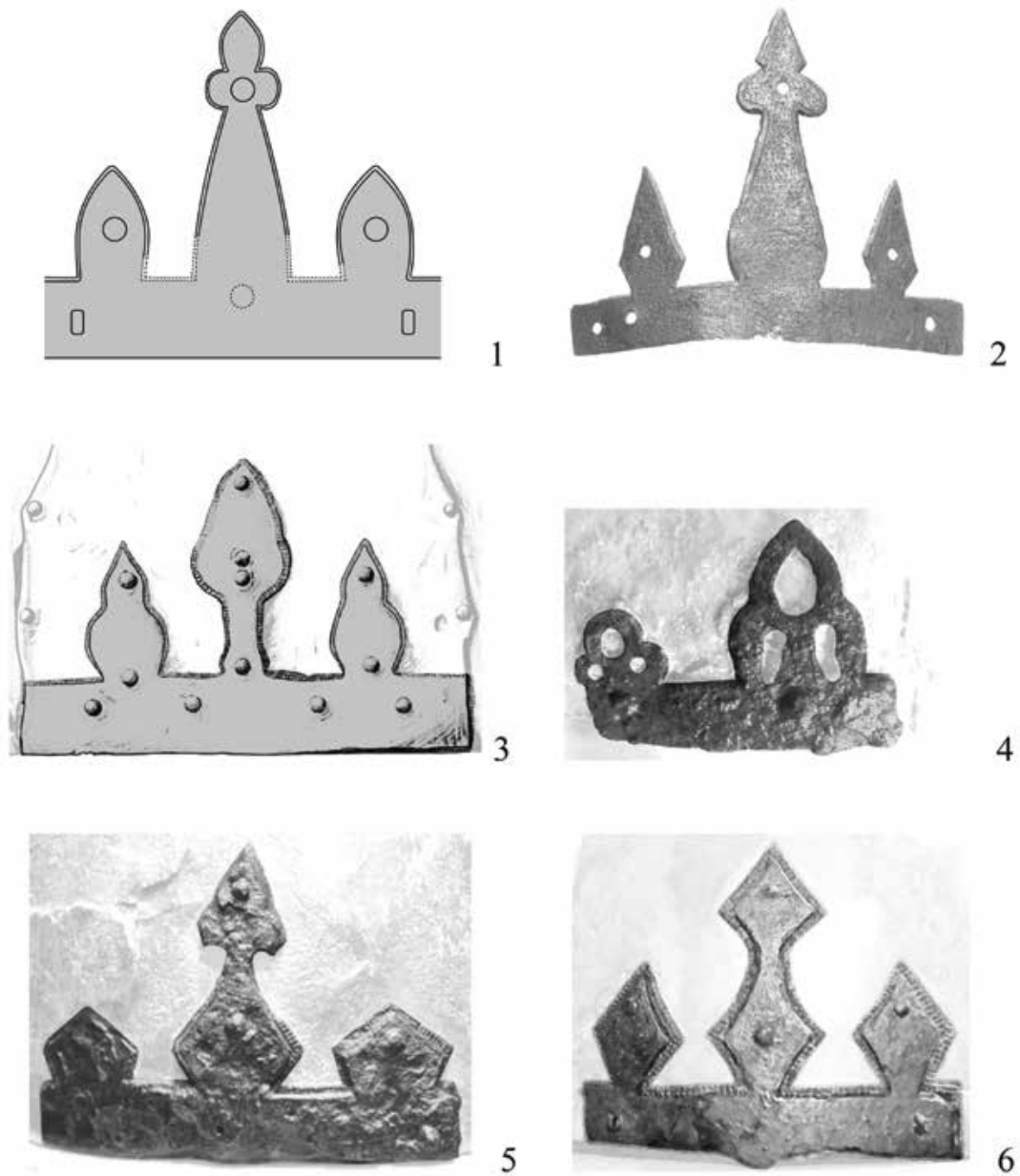

Рис. 12. Налобные украшения в форме трезубца: 1 – Манвеловка; 2 – Новгород; 3 – Гич, Польша (рис. N. Gryzińska-Sawicka); 4 – Геленджик; 5 – Ольшувка, Польша; 6 – Бобруйск, Беларусь.

A KHANJAR OF IBRĀHĪMIBNĪYĀS IBN ASAD IBN SĀMĀNDATED 246 AH (28TH MARCH 860 TO 17TH MARCH 861 AD)*

УДК 902.1:623.444.6
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.101-117

© 2022 Nicolle D. (david.c.nicolle@btinternet.com), Ph.D.,
Institute of Medieval Studies, Nottingham University, Nottingham, UK.

Abstract: *The blade of this weapon might be a few decades older than its hilt, although both the gilded inscription on the blade and the gilded decoration on the hilt probably date from the time that the blade may have been given a new hilt. This was during the period when Ibrahim Ibn Ilyas was governor of Harat and was probably in the year 246 of the Hijra (28th March 860 to 17th March 861 AD), as mentioned in the inscription on the blade. The weapon should probably be regarded as a khanjar or a large “fighting knife”. The khanjar and similar or associated weapons were characteristic of the Sughdian peoples of Central Asia as well as of Turkic nomadic cultures of the Eurasian steppes. However, the design of the hilt of this particular fighting knife is more distinctive and may have originated from Eastern Iran, in Islamic Central Asia or perhaps from Afghanistan during the early medieval Islamic period. Weapons comparable to this khanjar are very limited in the archaeological records of all regions except for Central Asia and the steppes. Furthermore, it is worth noting that nothing strictly comparable is known from the immediately pre-Islamic period within the territory that would become the early medieval Islamic world. On the other hand, when we get to the Islamized regions of early medieval Central Asia and Afghanistan we find blades which may have a more direct relevance to the khanjar. Elsewhere amongst the steppe cultures of Eurasia, substantial fighting knives were an almost ubiquitous element within the panoply expected of a member of the warrior elite. This fact, when added to both the documentary and the pictorial evidence, surely confirms that the khanjar as known in the early medieval and later Islamic world had its primary origins in Central Asia. If it was not to be found amongst the Iranian-speaking Sughdians then it must surely have been amongst their largely Turkish speaking nomadic and semi-nomadic neighbours.*

Keywords: *fighting knife, gilding, Khurasan, Saffarid, Samanids, Sistan, Sughdia, Tahirid.*

Ханджар Ибрагима Ибн Ильяса Ибн Асада Ибн Самана,
датируемый 246 г. Хиджры (от 28 марта 860 г. до 17 марта 861 г. н. э.)

© 2022 г. Николь Д. (david.c.nicolle@btinternet.com), доктор философии, Институт средневековых исследований, Ноттингемский университет, Ноттингем, Великобритания.

Резюме: *Клинок этого оружия может быть на несколько десятилетий старше рукояти, хотя и позолоченная надпись на клинке, и позолоченный декор на рукояти, вероятно, датируются временем, когда клинок, возможно, получил новую рукоять. Это было в период, когда Ибрагим ибн Ильяс был губернатором Харата – вероятно, в 246 г. Хиджры (28 марта 860 г. – 17 марта 861 г. н. э.), о чем упоминается в надписи на клинке. Оружие, вероятно, следует рассматривать как ханджар или большой «боевой нож». Ханджар и подобное или связанное с ним оружие были характерны как для согдийских народов Средней Азии, так и для тюркских кочевых культур евразийских степей. Однако конструкция рукояти этого боевого ножа более своеобразна и, возможно, зародилась на востоке Ирана, в исламской Средней Азии или, возможно, в Афганистане в раннесредневековый исламский период. Оружие, сравнимое с этим ханджаром, очень редко встречается в археологических материалах всех регионов, кроме Средней Азии и степей. Следует отметить, что из непосредственно доисламского периода на территории, которая позже стала частью раннесредневекового исламского мира, ничего сопоставимого неизвестно. С другой стороны, когда мы попадаем в исламизированные регионы раннесредневековой Центральной Азии и Афганистана, мы находим клинки, которые могут иметь более прямое отношение к ханджару. В других местах среди степных культур Евразии внушительные боевые ножи были почти вседушной частью вооружения, ожидаемого от представителя воинской элиты. Этот факт, дополняющий документальные свидетельства и свидетельства из области изобразительного искусства, несомненно, подтверждает, что ханджар, известный в раннесредневековом и позднем исламском мире, изначально происходил из Центральной Азии. Если его не было среди ираноязычных согдийцев, то он, несомненно, был среди их преимущественно тюркоязычных кочевых и полукочевых соседей.*

Ключевые слова: *боевой нож, золочение, Хорасан, Саффариды, Саманиды, Систан, Согдиана, Тахириды.*

I want to thank Mr. Alireza Atighetchi for allowing me to study this remarkable weapon, and to present it at the conference (fig. 1: 1–2), along with the strangely reversed inscription on one side of its blade.

The blade might be a few decades older than the hilt, although the gilded inscription on the blade and the gilded decoration on the hilt probably date from the time that the blade may have been given a new hilt. This, I believe, took place during the time when Ibrāhīm Ibn Ilyās was governor of Harāt and at the date which is included in the inscription on the blade; namely 246 Hijri.

The gilding process used on the blade may be an exceptionally rare example of a technique mentioned in early Arabic poetry, which was called the “gold water” technique. It has some similarities with methods of pouring solder alloys into prepared grooves or recesses in a metal object, known in Japan as early as the 8th century, where it was probably of Chinese origin. However, the technique is not known in Chinese objects before the 18th and 19th centuries when it was called *Wu Tong*. Although there is no specific evidence that the craftsmen who made this *khanjar* had learned from the Chinese or their Muslim students, this remains a possibility.

The weapon should probably be regarded as a *khanjar*, a large “fighting knife” or substantial dagger, rather than as a short sword. This form of weapon had long been characteristic of the Sughdian peoples of Central Asia as well as the Turkic nomadic cultures of the Eurasian steppes – as it still was at the time when this particular *khanjar* was made. The early adoption of the *khanjar* by military elites within the Sāmānid state is an example of the cultural and technological openness of this time and place. It can also be regarded as evidence of the wide-ranging, long distance trading networks characteristic of the Sāmānid state and several of its neighbours, both Muslim and non-Muslim. The fact that the blade might be some decades older than the hilt also leaves open the possibility that it was a family heirloom at the time that it was “rebuilt” and decorated.

While the design and dimensions of the *khanjar*'s blade confirm that it is closely related to comparable weapons from Central Asia and the steppes, the design of the hilt is more distinctive. This is especially true of the acutely down-turned quillons of the weapon's guard. While the origins of this form can be traced in a rudimentary form elsewhere in the region, and indeed considerably further afield, the precise shape and proportions of these particular quillons are, in my opinion, a new design. Furthermore, I suggest that evidence provided by highly stylized illustrations of comparable and re-

lated bladed weapons in eastern Islamic art of the 9th and 10th centuries, shows this style of hilt to have originated in eastern Iran, Islamic Central Asia and perhaps Afghanistan during this period. It was not necessarily a Sāmānid design, but was closely associated with an area which came to form the core of the Sāmānid state.

A detailed analysis of this weapon was undertaken by a French laboratory a few years ago, under the directions of Monsieur Duboscq¹. His report, written in 2015, included the following important points:

a. The total length of the weapon is 570 mm (thus the visible blade from the base of the hilt is approximately 340 mm.).

b. The blade shows evidence of hammering decarburization of the high-carbon steel which may itself have been crucible steel (fig. 2: 1–2).

c. The blade has a relatively short, broad and tapering tang which has been inserted into the hilt. A hole in the tang visible on X-Ray radiographs could indicate that the hilt was originally fixed in position by a rivet though this presumed rivet has itself now disappeared. If I understand this explanation, and the radiographic images, correctly, the hole for a rivet goes through the upper part of the centre of the quillons rather than through the grip or the pommel as might have been expected. This feature could indicate that the blade was not originally made for this particular hilt and that the hilt was therefore added to an existing blade (fig. 2: 3).

d. The metal of the hilt was not directly sampled, but the corrosion on its surface indicate the use of a copper-based alloy, very probably a leaded brass plus some tin. The X-Ray radiographs show a heavily corroded metal with a braid-like pattern. Some superficial cracks, plus the evidence of the radiographs, suggest the use of separate or distinct parts in the area of the quillons. Meanwhile a copper alloy metallic casing seems to hold these different parts together. The building up of a hilt from several bronze or brass elements or pieces was common and perhaps even typical in Islamic swords and daggers during this period, and would remain so in several regions (even as far west as al-Andalus).

e. The cross-guard of the hilt has two quillons which terminate in duck heads. The most peculiar aspect of the inscriptions on the blade is the fact that the longer one, on what I have termed Side B, is reversed. This may have had some mystical significance and the craftsman who added it was clearly highly skilled in Islamic calligraphy, especially in being able to reverse such a detailed and complex text.

When this reversed inscription is turned into a mirror image of itself, it becomes intelligible,

¹ Duboscq B. Study of a sword with gold inlaid inscription (unpublished report by the Laboratoire M.S.M.A.P., 29 December 2015).

though still difficult to read because of its damaged state (fig. 3: 1–3). I have been informed by those who are better able to read such damaged texts that the inscription on Side A of the blade can probably be interpreted as reading *Al-sultān ibrahīm ibn amīr ilyās*. The reversed inscription on Side B of the blade probably reads as *Ḍaca sayf fī al-sanahsitah 'arba'īn mā'itān al-sacādat muḥammadrasūl 'allah min hijribimadīnah harāt calā al-dīn al-ghāzī*. If this is correct, then the weapon was made, or at least the decoration was added, in Harāt in the year 246 of the Hijra (28th March 860 to 17th March 861 AD).

Carbon 14 testing of the rust was designed to estimate the date of the death of the wood responsible for the carbon in the steel. This testing gave a calibrated age of between 767 and 894 AD (with a 92.7 % probability), between 726 and 738 AD (with a 2 % probability), and between 932 and 937 (with a 0.7 % probability). The highest probability age bracket of 767 to 894 AD fitted the date of 246 AH (860 to 861 AD) in the inscription. However, I would also point out that 246 AH is towards the later part of this range. If the blade of the weapon is older than the inscription, the gilding and the hilt, then the year when the blade itself was made might lie closer to the middle of this range – perhaps closer to the medial date of 215 AH (830/1 AD).

The gold-coloured inlay on the blade was made by cutting away the surface of the steel with a chisel, leaving a recess into which an alloy consisting of about 64 % silver, 27 % copper and 9 % gold was applied when molten. The white alloy was then made gold coloured by depletion gilding. The inlay technique used here could be compared to some aspects of the later Chinese *Wu Tong* inlay technique using solder alloys mentioned above. These inlaid inscriptions and decorative motifs were totally encased in corrosion from the steel of the blade.

Having noted this fact, the French Laboratory pointed out that while the silver-rich alloy used on this occasion has a melting temperature between 900 and 950 C, the corrosion would be destroyed between 350 to 670 C. Thus the decoration could not have been added by this process at a later date than the corrosion was formed. However, I see no reason why the inscription could not be of a slightly later date than the blade. This would, of course, only be possible if the blade was in good condition and clean at the time when the inlay was added, which was probably at the same time that the hilt was added. Meanwhile, the hilt was originally covered by a gold foil; itself an alloy consisting of gold, silver, copper and tin. The two slightly different alloys used in the gilding of the hilt suggest that such

gilding was repaired or redone on at least one occasion. This was probably as a result of wear because the foil was thin and would have been subjected to more usage than the blade.

In the outermost layers of rust, secondary metallic copper crystalizations were observed by the French Laboratory. This copper was of external origin and was indicative of long-term corrosion in a relatively humid environment. It could have originated in, seeped or spread from, the corrosion of the hilt. Or could have come from a now disappeared scabbard or sheath. A third possibility was also raised. Namely that the weapon had spent a long time in ground which contained abundant copper. Unfortunately there was no way of telling which hypothesis was correct. Nevertheless, I would point out that Islamic dagger sheaths and sword scabbards on this period normally had bronze fittings such as a chape, locket, suspension points, decorations, buckles, etc.

This brings me to the presumed owner of this *khanjar*, or at least to the man for whom it was made. Not much is known about Ibrāhīm Ibn Ilyās, whose name appears on the *khanjar*. However, according to the anonymous mid-11th century *Tārīkh-iSistan*, he was the *sipahsālār* or “commander-in-chief” of the army of Khurāsān around 867 AD². This was during the governorship of Muḥammad Ibn Ṭāhir II, governor of Khurāsān from 862 to 873 AD. There is also evidence that Ibrāhīm Ibn Ilyās ceded the governorship of Harāt to another member of the Ṭāhirid family named Ḥusayn, though perhaps only while Ibrāhīm was away commanding the army.

What is clear is that Harāt fell, or had recently fallen, to Ya'qūb Ibn al-Layth, the Ṣaffārid ruler of Sistan, shortly after which Ibrāhīm was defeated by Yacqūb near Pushang, about 75 km west of Harāt. In the words of the *Tārīkh-iSistan*; “*Ibrāhīm ibn Ilyās ibn Asad, who was the army commander of Khurāsān, arrived to wage war against Yacqūb, and encamped at Pushang. The news reached Ya'qūb, who left his brother, cAlī ibn al-Layth in Harāt, together with the prisoners and baggage, while he left for Pushang. Ya'qūb gave the people of Harāt security and safety, so they became attached to him. Ya'qūb attacked Pushang and fought Ibrahim Ibn Ilyās and killed many of his men; the others took flight*”³.

Again according to the *Tārīkh-iSistan*, following his defeat, Ibrāhīm advised the Ṭāhirid governor of Khurāsān to seek a compromise with the increasingly powerful Ṣaffārid ruler. Here it should be noted that the *Tārīkh-iSistan* is generally sympathetic to the Ṣaffārid dynasty. “*Defeated, Ibrāhīm went to Muḥammad ibn Ṭāhir; and said; 'It is impossible to fight against this man because he has such an*

² Bosworth C.E. *The History of the Saffarids of Sistan and the Maliks of Nimruz (247/861 to 949/1542-3)*. Costa Mesa, 1994. P. 114–115 & note 326.

³ Anon. (tr. M. Gold) *Tarikh-e Sistan*. Rome, 1976. P. 166.

awe-inspiring army. They kill unscrupulously and wage war recklessly and with abandon. They have no other occupation but fighting, as if they were born with the sole purpose of fighting. Moreover the Kharajites (*khawārij*, a term by then covering various dissident and bandit forces which had long troubled eastern Iran) have all allied with him and follow his orders. [Therefore] The proper thing to do would be to conciliate Ya^cqūb so that both the bad results of his actions, and those of the other Kharajites would thereby be warded off. He [Ya^cqūb] is a serious man, of many accomplishments, and a warrior by nature''⁴.

In fact Ya^cqūb Ibn al-Layth the Ṣaffārid soon lost control of Harāt, before regaining it in 870 AD. From there the Ṣaffārid ruler went on to take Nīshāpūr, the Ṭāhirid capital, in 873 AD. Ibrāhīm ibn Ilyās was captured when Nīshāpūr fell and was either sent as a hostage to the Ṣaffārid centre of power in Sistan, or went there voluntarily. Whatever the case, a Ṭāhirid representative and garrison quickly took control of Ibrāhīm's own governorate of Harāt. The *Tārīkh-i-Sistan* presents these confusing events as follows; "After Ya^cqūb (Ibn al-Layth) was firmly in control of Nīshāpūr, the highway robbers of Khurāsān gathered together and held a council, saying; 'This is a man who will be favoured by the stars; he is a man of great fortitude, and he is a hero besides. No one can prevail over him. So the proper thing for us to do would be to go and seek his protection, and continue to live under his rule''⁵.

At this point a number of relatively obscure named individuals, including Ibrāhīm ibn Ilyās ibn Asad, went, in company with their followers and troops, to Ya^cqūb ibn al-Layth. He is said to have treated them kindly, given them robes of honour, and brought them with him to Sistan. It would therefore seem that Ibrāhīm ibn Ilyās was not alone in apparently transferring his allegiance – willingly or otherwise – to the rising power of the Ṣaffārids. Thereafter Ibrāhīm drops out of the historical record and the date of his death is seemingly unknown.

For the purposes of this study, trade in, and the manufacture of, iron and steel, are of course important. This is even more true of the manufacture of military equipment. Archaeological comparisons are equally important. The two most immediate of these are an inscription on a Sāmānid dagger (fig. 4: 1) and a similarly dated silver and niello amulet box (fig. 4: 2), again where the style of its script and decoration are concerned.

Weapons comparable to this *khanjar* are very limited in the archaeological records of all regions

except for Central Asia and the steppes. It is also worth noting that nothing strictly comparable is known from the immediately pre-Islamic period within the territory that would become the early medieval Islamic world. The few known daggers or large knives from the latter territories differ significantly from the *khanjar* under discussion and therefore reinforce the thesis that the *khanjar*'s stylistic origins, both of the blade and of the hilt, are not to be found within the Sassanian Iranian or Romano-Byzantine heartlands of what became the Caliphate.

Only a few knives and daggers are known to exist from within the early medieval Islamic world and even these may not necessarily have been of Islamic origin. For example the blade uncovered by archaeologists at Shah Tepe near Siraf in southern Iran was found in a 8th century grave, but the presence of other grave-goods indicates that the man in the grave was probably not a Muslim⁶. Although the tip of the blade and much of the tang had corroded away or broken off, the remaining part was 202 mm long. This was significantly shorter than the *khanjar* under discussion, but was still a substantial blade which could presumably have been used as a weapon. Despite being severely corroded it also appears to have been single edged as one side, the presumed back of the knife, continues regularly into one side of the tang. The tang of the *khanjar* of Ibrāhīm ibn Ilyās, of course, in line with the centre of the blade and although the latter is not quite symmetrical it should not be described as a single-edged weapon. Other similarly dated graves at Shah Tepe contained fragments of smaller knives, one of which was 85 mm long. It is considerably smaller and narrower than the presumed dagger from Shah Tepe, and is most unlikely to have had a military function.

In addition to the superb and slightly curved sabre with its gilded bronze mounts that was excavated near Nīshāpūr⁷. Most other knife or dagger blades from the early Islamic period are continuations of existing pre-Islamic styles. They include the example found on the body of a victim of the 747 AD earthquake at Pella in Jordan (fig. 10: 1), and the small 8th–9th century knife found at Qasr Ibrim in northern Nubia. Others cannot be dated with any reliability or stemmed from a different tradition to that of the *khanjar*.

However, when we get to the Islamized regions of early medieval Central Asia, Afghanistan and northern India we find blades which may have a more direct relevance to the *khanjar* (fig. 10: 2–5). But even here different traditions and styles produced blades which have nothing in common with

⁴ Anon. (tr. M. Gold) *Tarikh-e Sistan*. P. 166.

⁵ Anon. (tr. M. Gold) *Tarikh-e Sistan*. P. 178.

⁶ Arne T.J. *Excavations at Shah Tepe, Iran*. Stockholm, 1945. P. 333, pl. 82 & fig. 675; Allan J.W. *Nishapur Metalwork of the Early Islamic Period*. New York, 1982. P. 56.

⁷ Allan J.W. *Nishapur Metalwork of the Early Islamic Period*. P. 50–51 & 56.

the weapon being studied (fig. 10: 6). Even where part or all of their hilts survive, none of the hilts of the knives or daggers mentioned above have anything common with that of the *khanjar* of Ibrāhīm ibn Ilyās, so a hilt like this needs to be sought elsewhere.

The little that is known about the hilts of early medieval Islamic swords and *khanjars*, fighting knives or large daggers, in the Middle Eastern and western Iranian heartlands of early medieval Islamic civilization suggests that a form of narrow but deep and block-like guard was widespread (fig. 5–6). This had perhaps evolved from a mixture of late Roman and late Sassanian traditions and although it often incorporated downwards curved decorative elements, these were not real quillons. When extended quillons or a more than rudimentary guard did emerge, they were initially short and stumpy. Furthermore, they could be slightly curved or straight (fig. 7). The fact that curved but still short quillons soon spread to the westernmost regions of the medieval Islamic world before they were generally seen in Christian western or central Europe suggests that this design feature was of Islamic origin (fig. 8).

The pommel of the *khanjar* of Ibrāhīm ibn Ilyās is of what might be called a large button shape which, though larger than most other examples from this period, appears to be rooted in the same design tradition (fig. 10: 7–8). Within this tradition there is also another example of a button pommel (fig. 6) which we have already seen.

Unfortunately, amongst the weapons so far known to me, one has to wait several centuries before finding acutely downturned quillons like those on the *khanjar* under discussion. They then become highly characteristic of traditional Omani swords of the very late or early modern period (fig. 9). The hilts of the latter included sharply turned down quillons which recall those of the *khanjar* under discussion, at least in terms of overall shape and proportion, though the Omani quillons terminate in abstract shapes rather than the duck heads of the *khanjar*. Duck heads as decorative motif in metalwork are known from the pre-Islamic Sassanian culture until the 14th century Ilkhanid period. However, it seems possible or even probable that the earlier origins of this Omani style could be found across the Gulf of Oman in what is now western Pakistan, eastern Iran and Afghanistan. Robert Elgood discussed the origins of the Omani *kattara* sword, drawing attention to the links between Oman and the northern shores of the Gulf of Oman, but went no further⁸.

Larger number of daggers, some of which are very similar to this *khanjar* in design and size, have

been found by archaeologists in usually pre- and non-Islamic contexts in Central Asia and across the Eurasian steppes. In 1980 Valentina Raspopova noted that, at the time of her study, there were finds of swords or comparable weapons at three locations in Sughdia: namely Penjikent (fig. 10: 13), Afrasiab and Kultepe in the Qarshi oasis in southern Uzbekistan⁹. The latter location was also the site of the Sāmānid military school mentioned in Sabuktigīn's *Pand-nāmah* when it was known as Nakhshab¹⁰, while the fragments of swords from Afrasiab were uncovered together with material dating from the 8th century.

Valentina Raspopova described one such reasonably well preserved weapon as being straight, with a double-edged blade, 33 mm wide at the upper part and lenticular in section; in other words lacking a central ridge. Furthermore, this sword was still in the clearly visible remains of a wooden scabbard, the upper part of which had a decorated overlay. Part of the tang was slightly curved, oval in section and with a hole where the grip would be attached. Part of a weapon from Penjikent which Raspopova described as a sword, but which I would have considered a short sword, fighting knife or even a *khanjar*, was found lying on the floor of what was interpreted as the house of a prosperous citizen. This weapon was double-edged, slightly tapering towards the tip, and relatively narrow. The blade was 303 mm long and thus slightly shorter than the *khanjar* under discussion.

Another bladed weapon excavated at Penjikent was again found in an 8th century archaeological level. Though in bad condition, it was nevertheless identifiably a straight blade, tapering towards the tip and still about 520 mm long, with a maximum width of about 60 mm and shoulders slightly sloping towards the tang which was 120 mm long. Raspopova described this weapon as being akin to an ancient Roman *gladius* and as such “a stabbing and chopping infantry sword”. Additionally but separately, two iron crossbars or guards from swords were also found in Penjikent. One was lenticular in section, thickening towards a rhombic or quadrilateral section. The edge of the cross behind the edge of the blade protruded by only 5 mm but judging from the abundant pictorial sources, the protrusion of the guard over the edge of the blade was characteristic of Sughdian swords. The other crossbar or guard was rhomboid in section. In Valentina Raspopova's opinion the sword (or perhaps *khanjar*) guards from excavations at Penjikent resembled those of early sabres. A similarly rhomboid section guard was excavated at Kultepe in the Qarshi oasis, in a less specifically dated “early

⁸ Elgood R. *The Arms and Armour of Arabia*. Aldershot, 1994. P. 17–18.

⁹ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 78–79.

¹⁰ Nazim M. *The Pand-name of Subuktigin*. P. 623.

medieval” context. It was 90 mm long and 35 mm wide.

Other sites in immediately pre-Islamic Central Asia contribute a handful of additional daggers or knives. One quite small knife found in the Castle of Mug was curved and tapering, with an overall length is 115 mm of which 35 mm formed the hilt¹¹. Considered typical of 8th century Sughd, it clearly had similarities with several knives found at Penjikent. Amongst the pre-Islamic urban graves excavated at Munchaktepe in the Farghana valley was one containing the skeleton of a man who had been buried with a dagger while another man’s grave contained three knives¹². These graves are considered to have dated from the immediately pre-Islamic period but I have been unable to find published photographs of the knives or daggers that they contained.

Elsewhere amongst the steppe cultures of Eurasia, substantial fighting knives were an almost ubiquitous element within the panoply expected of a member of the warrior elite. This fact, when added to the documentary evidence already mentioned above, and to the pictorial evidence, surely confirms that the *khanjar*, as known in the early medieval and later Islamic world, had its primary origins in Central Asia. In other words, either amongst the

Iranian-speaking Sughdians or amongst their largely Turkish speaking nomadic and semi-nomadic neighbours (fig. 10: 14–22; 11: 1–2).

The identification of the majority of such weapons as daggers, *khanjars* or relatively short swords is not in doubt. However, they also include some blades which may actually have been substantial spearheads. To complicate matters further, some late pre-Islamic and medieval Islamic weapons which have been identified as substantial spearheads may have been dagger or large knife blades. These have been found in various regions of the eastern Islamic world and the western Indian Ocean (fig. 11: 3–7).

Here it is worth mentioning that weapons incorporating zoomorphic elements, including dragon headed pommels as well as quillons ending in the heads of assorted real or mythological beasts, had a long history among the Turks and several other Inner Asian peoples¹³. Indeed this fashion, if not the beliefs originally associated with it, continued throughout Turkish Islamic history almost until modern times. However, it has also been suggested that dragon-headed quillons on the later medieval Timurid swords were the result of Chinese influence.

¹¹ Бентович И.Б. Находки на горе Муг. (Собрание Государственного Эрмитажа) // МИА 66. М., 1958. С. 370.

¹² Matbayev B., Anarbaev A. An Early Medieval Urban Necropolis in Ferghana // Silk Road Art and Archaeology. 1993/4. № 3. P. 226–227.

¹³ Esin E. L’arme zoomorphe du guerrier turc // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker / eds. G. Hazai & P. Zieme. Berlin, 1974. P. 193–194.

Fig. 1. *Khanjar* of Ibrāhīm Ibn Ilyās Ibn Asad Ibn Sāmān: 1 – side A; 2 – side B.

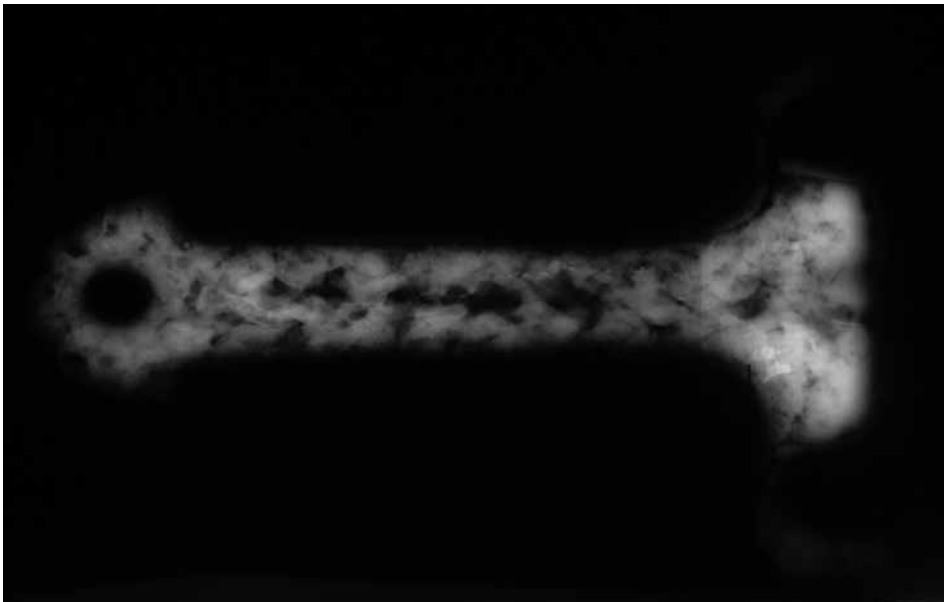
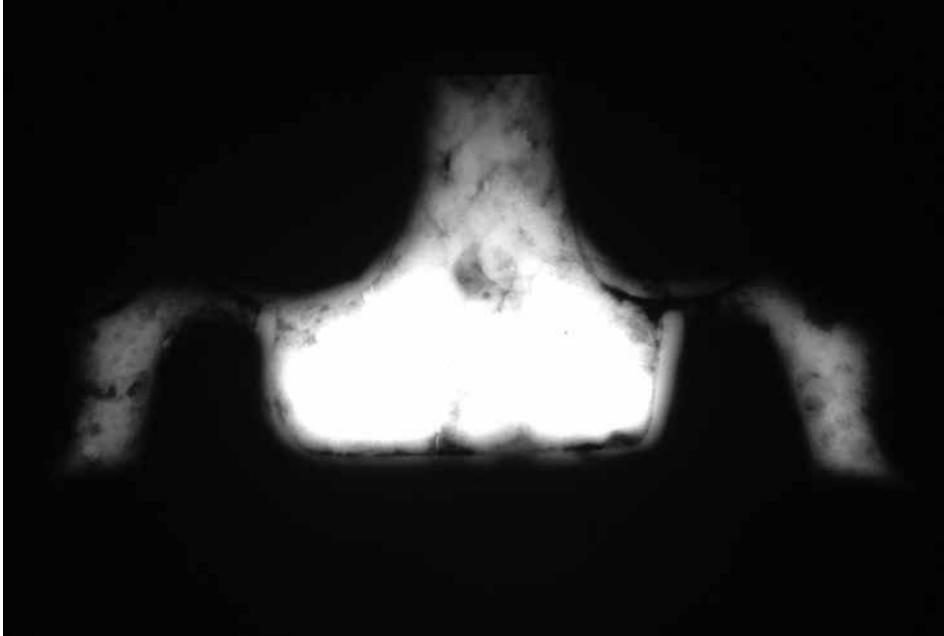
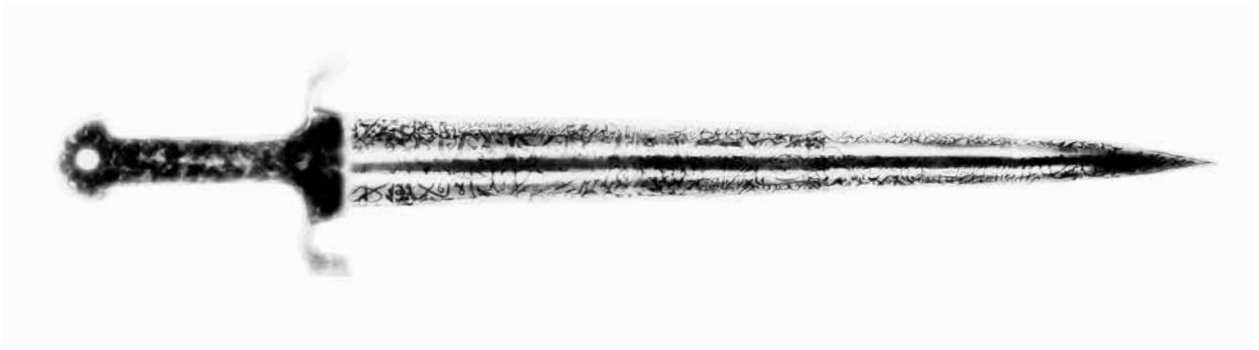

Fig. 2. *Khanjar* of Ibrāhīm Ibn Ilyās Ibn Asad Ibn Sāmān: 1 – radiographic image of the whole weapon, positive; 2 – radiographic image of the quillons; 3 – radiographic image of grip & pommel, negative (Laboratoire M.S.M.A.P.).

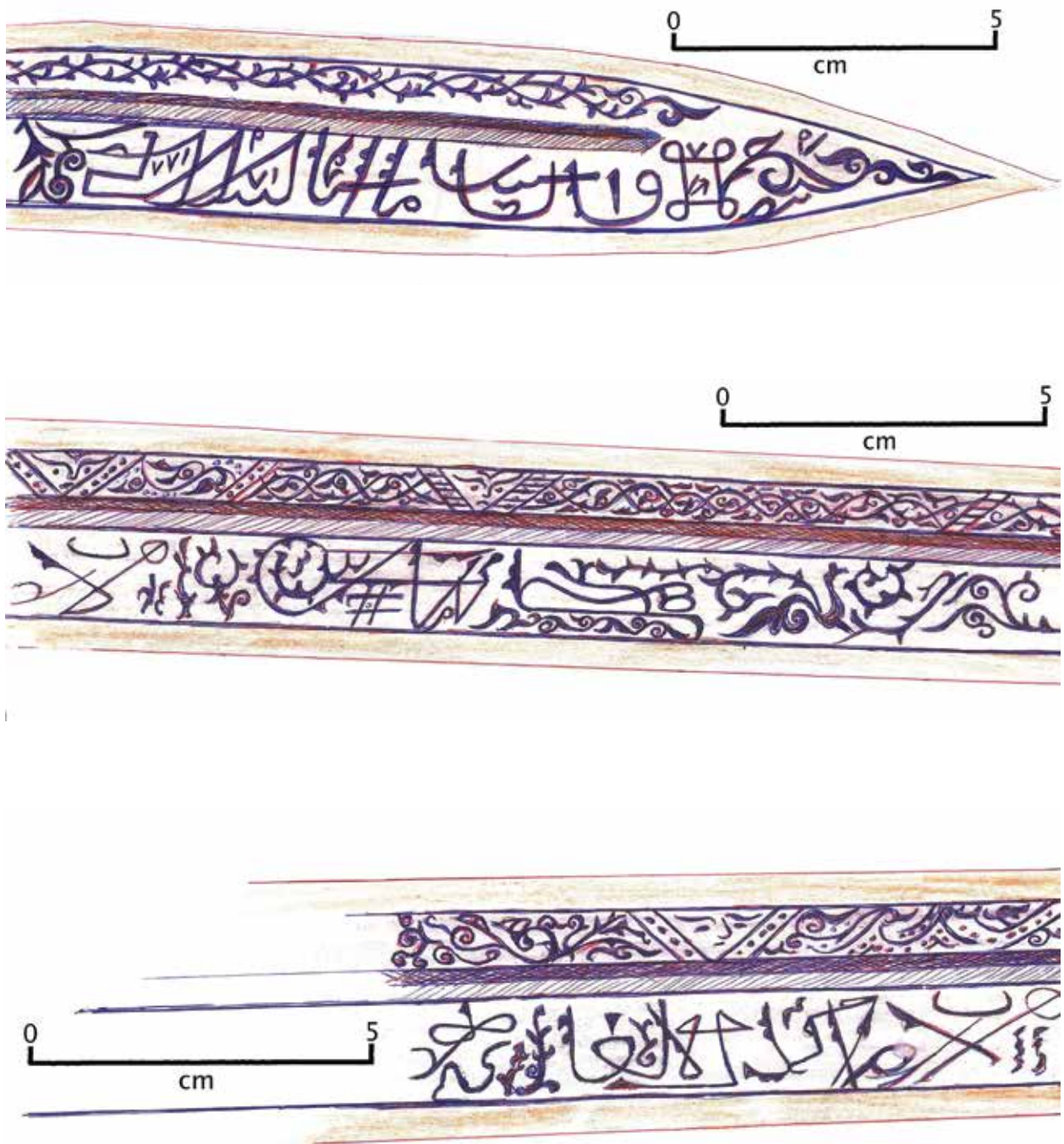

Fig. 3. *Khanjar* of Ibrāhīm Ibn Ilyās Ibn Asad Ibn Sāmān, drawing of rear of blade side B inscription, turned to correct direction & clarified (via Alireza Atighetchi).

Fig. 4. 1 – Sāmānid kard [knife] (private collection); 2 – Silver niello amulet box, Sāmānid 10–11 cent. (David Collion, inv. 8 5-8-1987, Copenhagen).

Fig. 5. Matrixes for elements of a sword hilt, Central Asia or Khurāsān, Sāmānid 9–10 cent.
(Furusiya Art Foundation Collection, inv. R-574, London).

Fig. 6. Sword and hilt, Central Asia or Iran, Sāmānid or Būyid 9–10 cent.
(Furusiya Art Foundation Collection, inv. RB-86, London).

Fig. 7. Guard and pommel of a sword, probably Fāṭimid 10–11 cent.
(Museum of Islamic Art, Jerusalem).

Fig. 8. Sword from Martin's Cave, Gibraltar, Islamic 12 cent.
(British Museum, on loan to Royal Armouries, inv. 67.12.23, Leeds or London).

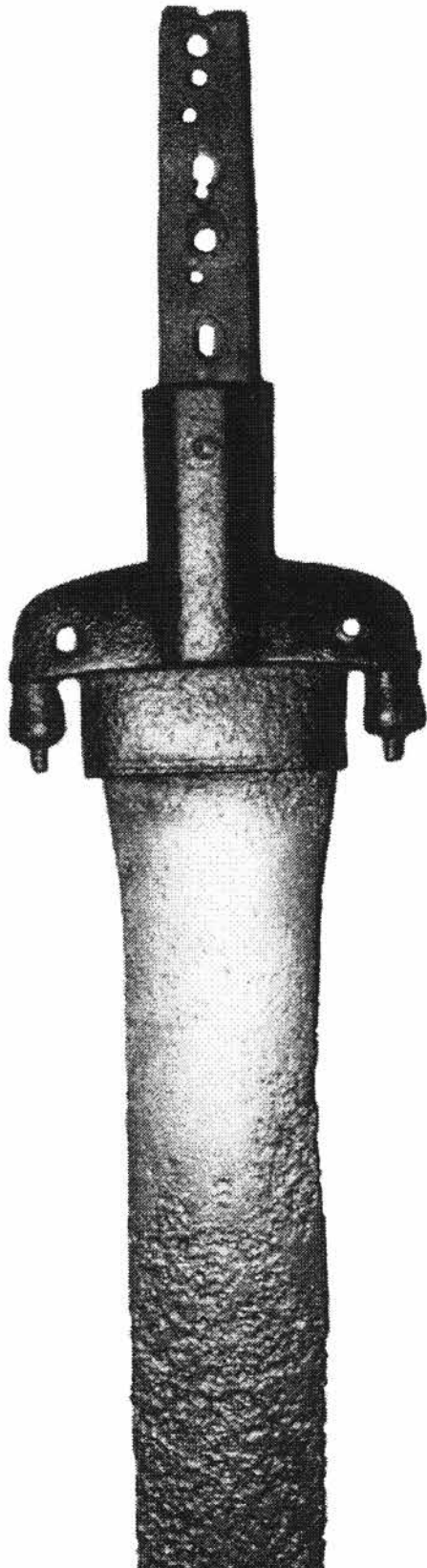

Fig. 9. Sword from Oman, 15 cent. or earlier (private collection).

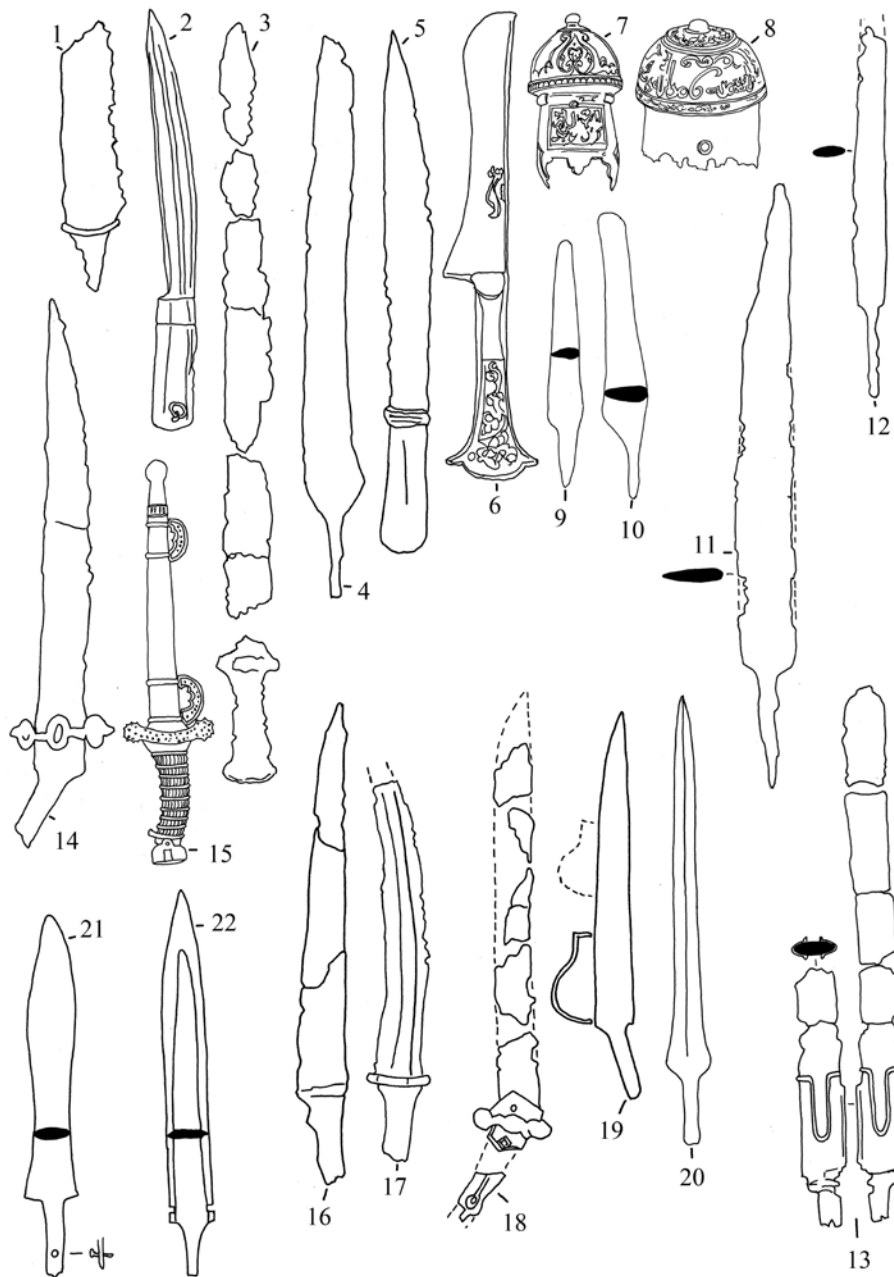

Fig. 10. 1 – Iron knife or small dagger with iron guard, found at Pella on a victim of the earthquake in 747 AD (National Museum, Amman); 2 – Khanjar, Afghanistan, 9–12 cent. (Furusiya Art Foundation Collection, inv. R-388, London); 3 – Sword from Beshtan-Kala, Khwārazm, either undated pre-Islamic or 12–13 cent., Islamic (after S.P. Tolstov 1962, location unknown); 4 – Khanjar from the shakhristān of Ustrūshanah, 8–9 cent. (location unknown); 5 – Dagger inlaid with silver or white metal, from Afghanistan, Ghaznavid 11–12 cent. (Furusiya Art Foundation Collection, inv. R-426, London); 6 – Knife, northern India or Afghanistan, Ghaznavid or Ghūrid 11–12 cent. (Furusiya Art Foundation Collection, inv. R-976, London); 7 – Sword or dagger pommel, Iraq or western Iran, 10–11 cent. (Furusiya Art Foundation Collection, inv. RB-92, London); 8 – Dagger or sword pommel, inscribed “The Prince Abi’iGhanā’im Manṣūr Billah”, Būyid, 10 cent. (Furusiya Art Foundation Collection, inv. R-623, London; also shown at Spinks Sale. London, April 1977); 9–13 – Khanjars, daggers, sword and small knives from Penjikent, early 8 cent. (after Raspopova 1980); 14 – Fighting knife, Khazar, 7–8 cent. (from M. Gorelik); 15 – Dagger from Martan-Chu, Chechen-Ingush region, North Caucasus, Alanic 9 cent. (from M. Gorelik); 16–19 – Fighting knives, Khazar, from various locations, 7–8 cent. (from M. Gorelik); 20 – Fighting knife from Psekups, Adygeo, Khazar early 10 cent. (from M. Gorelik); 21–22 – Daggers and fighting knives from the north-western Caucasus, 9–12 cent. (after Munchaev 1997).

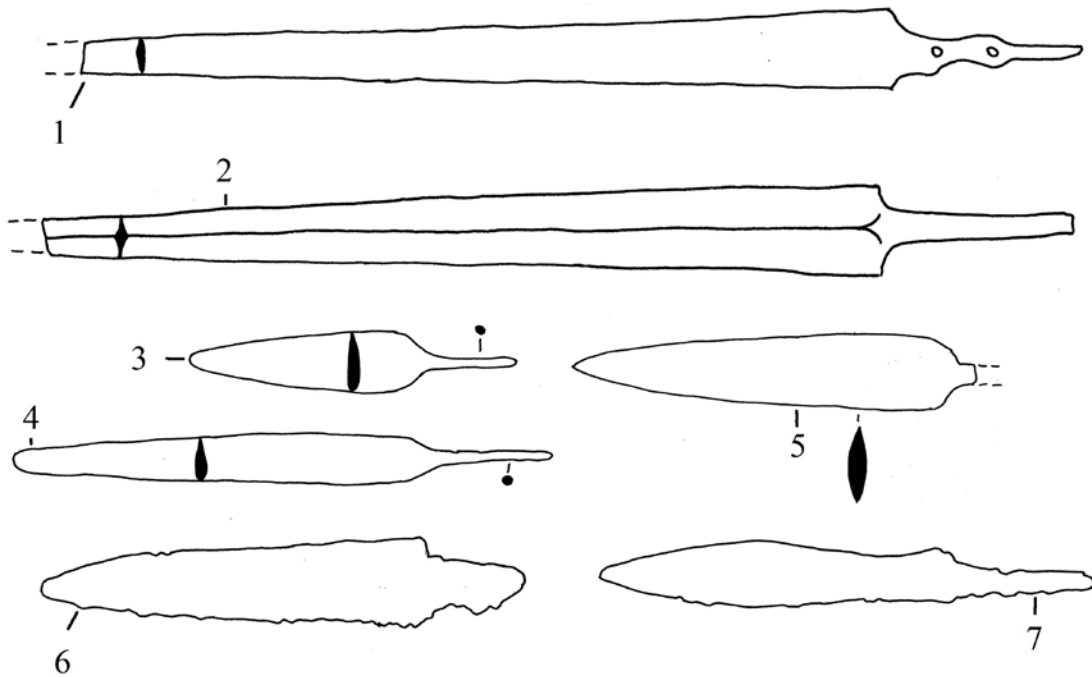

Fig. 11. 1 – Short sword, Khirgiz, 6–9 cent., length approx.. 43 cm (after Khudyakov1980); 2 – Short sword, Khirgiz, 6–9 cent., length approx.. 60 cm (after Khudyakov 1980); 3–4 – Knife or dagger blades or tanged spearheads from Oman, probably late Sassanian or early Islamic periods (from Carl Phillips); 5 – Knife blade or tanged spearhead from Nīshāpūr, 9–10 cent., probably Sāmānid (Archaeological Museum, Tehran); 6 – Knife blade from Rayy, possibly early 13 cent. Saljuq (University of Pennsylvania Museum, inv. no. C6.842111-8892, Philadelphia); 7 – Tanged spearhead or knife excavated on Mayotte Island [north-west of Madagascar], probably medieval, possibly Arab (from Stephane Pradines).

САБЛИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

УДК 902.1:623.444.2
DOI: 10.25681/LARAS.2022.978-5-903587-93-3.118-161

© 2022 г. Данич А.В. (adanich@yandex.ru),
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия.

Резюме: Статья посвящена малоисследованной теме – саблям Пермского Предуралья. В работе впервые обобщён значительный материал VIII–XIII вв. из археологических раскопок и музейных коллекций, в том числе и из раскопок последних лет, не введённых в научный оборот. Их комплексный анализ позволил дать подробную типологическую и хронологическую характеристику сабель, проследить их эволюцию. Анализируются данные о роли и месте сабли в заупокойном культе.

Ключевые слова: Сабля, перекрестие, клинок, навершие, рукоять, подвес.

Sabres from the Urals Foreland of the Perm Region

© 2022 Danich A.V. (adanich@yandex.ru),
Perm state humanitarian-pedagogical University, Perm, Russia.

Abstract: This article addresses the scantily explored topic – the archaeological finds of the Permian blade weapons in the area where Eastern European Plain and Ural Mountains meet. For the first time this work generalizes significant archaeological and museums' material dated back to the 8th–13th centuries, including the recent finds not yet interpreted by scholars. Comprehensive analyses of the materials enabled the author to present detailed typological and chronological characteristics of the certain types and categories of blade weapons and made it possible to trace back the weapons evolution. Article additionally analyses the role of sabre (cavalry sword) in local burial rituals.

Key words: sabre, cross-guard, blade, pommel, handle, suspension.

Сабли являются наиболее редкой находкой из всех предметов вооружения на территории Пермского Предуралья (рис. 1). Они определяют социальное и имущественное положение владельцев. В фольклоре многих народов клинковое оружие являлось символом военной мощи.

Клинковое оружие населения Пермского Предуралья на археологических материалах рассматривалось в работах А.М. Белавина¹, С.Р. Волкова², Р.Д. Голдиной³, В.А. Оборина⁴, В.Ф. Генинга⁵ и др. Значительная же часть материалов была накоплена в последние годы исследований и, несмотря на эти публикации, не подвергалась анализу. Таким образом, актуальность данной темы определяется отсутствием систематизации имеющегося материала и необходимостью комплексно интерпретировать его, тем более что монографического исследования по этой проблематике нет.

Территориальные и хронологические рамки работы охватывают территорию существования ломоватовской (VII–XI вв.) и родановской (XII–XIV вв.) археологических культур, т. е. территорию бассейна Верхней Камы и р. Чусовой.

В работе использованы материалы из музеев городов Чердыни, Соликамска, Березников, Кудымкара, Перми, Чёрмоза, коллекции из раскопок ПГНИУ и ПГГПУ, а также публикации по данной проблематике.

Средневековому клинковому оружию посвящены многочисленные статьи и монографии. В них существует большая проблема в термино-

логии рубяще-колошечного оружия. Ещё в 1980-е годы многие авторы отмечали отсутствие единообразия в терминологии, недифференцированный подход к различным видам рубяще-колошечного вооружения, что препятствует адекватному восприятию материала, затушевывает принципиальные моменты⁶. В литературе можно встретить термины: меч-палаш⁷, сабля-палаш⁸, палаш⁹, однолезвийный меч¹⁰, сабля-меч¹¹, «хазарская сабля»¹², «хазарский тип»¹³, «салтовская сабля»¹⁴, двулезвийный меч-сабля¹⁵ и др. С другой стороны, нужно заметить, что есть ряд исследователей, которые чётко разграничивают понятия «меч», «палаш», «сабля», вкладывая в них своё собственное толкование¹⁶.

Вот тут встаёт основной вопрос – как называть ранние формы клинкового оружия с малым изгибом полосы, прямой или слегка наклонной рукоятью, из которых в более поздние времена получится классическая сабля?

Часть исследователей называет их однолезвийными мечами, часть саблями и палашами. На данное время господствует мнение, что сабля – это однолезвийный изогнутый клинок со скошенной в сторону лезвия рукоятью, а палаш – это прямой однолезвийный клинок с прямой рукоятью.

Термин «палаш» ввёл в оборот Б.А. Рыбаков в своём докладе в 1946 г.¹⁷, не задумываясь насколько корректно именовать однолезвийные раннесредневековые клинки термином, возникшим в XVI в., и насколько близки характе-

¹ Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. С. 113–115; Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. С. 320. Рис. 164: 6–7.

² Волков С.Р. Вооружение населения Верхнего Прикамья во II половине I тыс. н. э. (По материалам могильников). Диссертация кандидата исторических наук. Ижевск, 1995.

³ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 59–60; Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. С. 80. Рис. 56, 36–37; Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 37, табл. XVIII: 11; XXV: 13; XXXII: 33.

⁴ Обороин В.А. Баяновский могильник на р. Косье. // учёные записки ПГУ. Т. 9. Вып. 3. Харьков, 1953. С. 147–148; Обороин В.А. Памятники родановской культуры у с. Таборы. // КСИИМК. Вып. 65. М., 1965. С. 112. Рис. 38: 5.

⁵ Генинг В.Ф. Деменковский могильник. // ВАУ. Вып. 6. Свердловск, 1964. С. 114. Рис. VIII: 7.

⁶ Евлевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 117.

⁷ Полесских М.Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников армянского типа // СА. 1968. № 1. М., С. 200.

⁸ Рунич А.П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловской котловины // СА. 1977. № 1. М., С. 248.

⁹ Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. № 2. Киев, 1999. С. 129.

¹⁰ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 57.

¹¹ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. Т. XIII. М., С. 80, 82.

¹² Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. С. 75.

¹³ Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. М., С. 172.

¹⁴ Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата [электронный ресурс] // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 2. – официальный сайт – режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov, дата обращения 12.07.2022.

¹⁵ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. Т. XIII. М., С. 80, 82; Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 158.

¹⁶ Голубев В., Григорьянц М. К вопросу о классификации клинкового оружия у племен салтовской культуры // Харьковский историко-археологический сборник. № 5. Харьков, 2009. С. 137; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колошечное оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 93–95; Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя Волжских Булгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 107; Сланов А.А. Военное дело Алан I–XV вв. Владикавказ, 2007. С. 43, 48–49 и др.

¹⁷ Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. IV. М., 1946. С. 41.

ристики этих клинков и есть ли между ними принципиальные различия¹⁸. Механическое переименование однолезвийных мечей в палаши привело к путанице в терминологии.

Различные авторы по-разному подходили к вопросу отличия палаша от сабли. А.М. Голубев и И.В. Голубева основным признаком сабли считали кривизну лезвия¹⁹. В.А. Могильников в качестве отличия называл наличие наклона рукояти²⁰. А.В. Крыганов считал отличительными признаками наличие изогнутого клинка и наклона рукояти²¹. Ю.С. Худяков описывая сабли, выделял группу «прямые без изгиба лезвия»²².

Остаётся вопрос, чем отличается однолезвийный меч от сабли? На мой взгляд, отличие состоит в принципиальной разнице характера удара сабли и меча: у меча он рубящий, а у сабли режуще-секущий. Особенность удара сабли состоит в том, что позволяет одновременно проводить поражение и извлечение клинка в один приём²³. Эффективность сабли определяется таким сочетанием кривизны клинка и положением центра тяжести, при которых уменьшается угол резания и увеличивается сила удара. Сабли имели отклонённую к лезвию рукоять, чтобы в момент удара сабельная полоса не образовывала тупого угла к оси протянутой руки, а лежала бы в одной с ней горизонтальной плоскости²⁴. Эта особенность устраняла невыгоду от нанесения удара под тупым углом, который свойственен мечу, делая руку естественным продолжением клинка, т. е. увеличивая рычаг. Благодаря наклону рукояти в сторону лезвия и выгибу полосы, сабля обладает рубяще-режущим действием. Удар имеет круговой характер, он получается скользящим и захватывает большую часть поверхности тела, а угол резания сабли острее, чем угол резания мечом²⁵. В этом вопросе нельзя согласиться с А.И. Соловьёвым²⁶, который отрицает такое назначение выгиба рукояти. Поскольку даже тогда, когда сабельная полоса получила некоторое искривление, рукоять сохранила значительное отклонение от оси клинка. Сравнительная лёгкость сабельной полосы допускает более

быстрые движения руки, нежели тяжёлый меч. Протягивание требует значительно большей свободы движения тела, руки и в особенности кисти, а, следовательно, и большей устойчивости всадника в седле. Сам удар имеет круговой характер, сила его нарастает с увеличением длины протягивания. Основным назначением сабли всегда была рубка, но при её небольшой кривизне и обоюдоостром конце она годилась и для колющего удара. Сабля легче проникала в щели в доспехах, ей было удобно атаковать руки. При скрещивании сабли с другим оружием достаточно лёгкого разворота кисти, чтобы кончик лезвия, описав широкую амплитуду, оказался за пределами защиты противника, поражая его остриём или верхней частью лезвия, которая имела полторостороннюю заточку²⁷. Плавные круговые движения сабли обеспечивали надёжную защиту, позволяли даже в тесной схватке обойтись без защитного вооружения²⁸.

На сегодняшний день совершенно ясно, что возникновение сабли нельзя связать с одним этносом. В создании этого оружия приняли участие многие степные народы Евразии.

В данной работе я останавливаюсь на том, что к саблям относятся клинки с выгнутым (даже незначительно) лезвием и наклоном рукояти в сторону лезвия. Или с одним из этих двух признаков, позволяющих наносить секущий удар.

Сабли попадали на территорию Пермского Предуралья, видимо, через Волжскую Булгарию. Известно, что они и другие виды клинкового оружия ближнего боя были предметом торговли болгар с Вису и другими народами Севера. Так, ал-Мукаддаси, приводя обширный список товаров, вывозимых булгарами в различные страны, упоминает стрелы, мечи и кольчуги²⁹. Об обменной торговле саблями болгарскими купцами с народами Приуралья пишет ал-Гарнати: «И привозят люди мечи из стран ислама <...> в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо. И закаляют эти мечи крепкой закалкой. И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти их в Йуру. И

¹⁸ *Евглевский А.В., Потёмкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 1. Донецк, 2000. С. 118.

¹⁹ *Голубев А.М., Голубева И.В.* Однолезвие зброя з довгим клинком кочовиків VII–VIII ст. // *Археологія*. № 4, 2012. С. 48.

²⁰ *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. С. 103.

²¹ *Крыганов А.В.* Военное дело кочевников Северного Причерноморья конца IV – начала XIII вв. Сумы, 2012. С. 49.

²² *Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 1981. С. 118

²³ *Соловьёв А.И.* О некоторых характеристиках клинкового оружия // *Проблемы реконструкции в археологии*. Новосибирск, 1985. С. 152; *Евглевский А.В., Потёмкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 1. Донецк, 2000. С. 118.

²⁴ *Киртичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. / САИ. Е1-36. М.; Л., 1966. С. 62.

²⁵ *Киртичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 62.

²⁶ *Соловьёв А.И.* О некоторых характеристиках клинкового оружия // *Проблемы реконструкции в археологии*. Новосибирск, 1985. С. 147–154.

²⁷ *Асмолов К.В.* История холодного оружия. Т. 1. М., 1993. С. 198.

²⁸ *История боевых искусств*. Т. 3. М., 1997. С. 58.

²⁹ *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. С. 114–115.

привозят к ним купцы эти мечи <...>, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль»³⁰.

Типология.

Перед тем как перейти к вопросу типологии, необходимо остановиться на терминологии, которая будет использоваться в дальнейшем при описании частей сабли и ножен.

Навершие рукояти – верхняя часть рукояти сабли. Может иметь самую разнообразную форму.

Черенок (черен) – часть рукояти сабли, закреплённая на хвостовике клинка и предназначенная для обхвата кистью руки.

Рукоять – составная часть сабли, представляющая собой совокупность черенка, навершия и перекрестия.

Хвостовик – отходящая от пяты клинка стальная полоса, на которой смонтирована рукоять сабли.

Перекрестие (крестовина) – узкая металлическая гранёная или плоская планка, расположенная между рукоятью и клинком перпендикулярно им.

Дол – продольный желобок на клинке, служащий для увеличения прочности и жесткости клинка.

Лезвие – заточенная кромка клинка.

Обух (спинка) – не заточенная кромка клинка, противоположная лезвию.

Клинок (полоса) – основная часть клинкового оружия в виде стальной прямой или изогнутой полосы с однолезвийной или двулезвийной заточкой.

Остриё – колющий конец клинка.

Ножны – металлический или деревянный футляр для клинка, снабжённый какими-либо приспособлениями для подвески. Ножны подвешивались к поясному ремню с помощью ремешков.

Наконечник ножен – нижняя деталь металлического набора деревянных ножен, предохраня-

ющая их конец от повреждения.

Устье (верхний наконечник, верхняя обойма) – верхняя деталь металлического набора деревянных ножен, предохраняющий верхний конец ножен от повреждения.

Обоймица (оковка, обойма) – широкая фигурная металлическая обкладка в средней части деревянных ножен, имеющая ушко с кольцом для крепления ремня.

Скоба – выгнутая прямоугольная или полукруглая деталь на устье ножен, предназначенная для крепления подвесного ремешка.

Основой типологии сабель исследователи выбирают, как правило, либо перекрестие и навершие³¹, либо отдельные характеристики клинка³².

Из основных признаков клинка в типологии сабель чаще всего учитывались: ширина и кривизна³³, кривизна и длина³⁴, кривизна³⁵, кривизна и остриё³⁶, остриё³⁷.

Более подробную классификацию позднекочевнических сабель предложили А.В. Евглевский и Т.М. Потёмкина, которые положили в основу классификации кривизну, участок максимального изгиба клинка, пропорции соотношения длины и ширины клинка. А в качестве дополнительных признаков – перекрестия, навершия, наконечники ножен, наклон хвостовика и остриё³⁸.

На данный момент на территории Пермского Предуралья известно 60 находок сабель и их фрагментов, 13 перекрестий и 3 части ножен (табл. 2). Только 19 сабель из них дошли до нас в целом состоянии, без повреждений.

К сожалению, незначительная в количественном и качественном отношении источниковая база не позволяет разработать подробную типологию сабель для нашей территории.

К основным типобразующим признакам сабли можно отнести следующие признаки: длина клинка, ширина, кривизна полосы, наклон хвостовика.

³⁰ Путешествие ал-Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 33.

³¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. Е1-36. М.; Л., 1966. С. 68; Плотников Ю.А. Рубящее оружие приуртышских кимаков // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 165.

³² Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 22–23; Плетнева С.А. Древности чёрных клобуков // САИ. Е1-19. М., 1973. С. 17–18; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. С. 39–41; Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987. С. 159, 163–165; Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. XXIII. М., С. 134, 138.

³³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 22–23; Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987. С. 163–165.

³⁴ Плетнева С.А. Древности чёрных клобуков. САИ. Е1-19. М., 1973. С. 17–18; Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008. С. 23; Евглевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 120.

³⁵ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. С. 39–41; Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 185–186; Хузин Ф.Ш. Оружие ближнего боя // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985. С. 176–177.

³⁶ Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. № 23. М., С. 134.

³⁷ Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. С. 73–75.

³⁸ Евглевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 117–179.

Длина клинка. Длину клинков удалось проследить у 29 сабель. Она находится в диапазоне от 60,9 см до 92,5 см (табл. 3). Все данные клинки можно отнести к коротким, за исключением одного клинка с могильника Питер (Степаново Плотбище) (рис. 7: 1) который выделяется длиной из общей массы. Его можно отнести к клинкам средней длины.

Ширина клинков у перекрестия. Ширина клинков у перекрестия прослежена у 43 сабель и составляет от 2,2 см до 4,5 см (табл. 3).

Пропорциональное соотношение длины и ширины клинка также очень близко: 1:18–1:24.

Кривизна клинка. Изгиб лезвия клинка удалось проследить у 38 экземпляров. Все клинки можно отнести к слабоизогнутым (от 0,2 см до 1,3 см). Один клинок из Аверинского II могильника с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (0,8 см) (табл. 3).

Аналогии клинкам с изгибом до 1 см известны в погребениях Больше-Тиганского могильника, датирующегося концом VIII – первой половиной IX в., в Дмитриевском могильнике IX в.³⁹, в могильниках енисейских кыргызов этого же времени⁴⁰.

Клиники с изгибом до 2 см встречены в тютятских памятниках IX–X вв. и в венгерских погребениях X в.⁴¹

Участок максимального изгиба клинка. В подавляющем количестве случаев максимальный изгиб клинка приходится на вторую треть, т. е. на среднюю часть клинка. И только у двух сабель (рис. 4: 3, 9) максимальный изгиб приходится на ближнюю к острию треть клинка.

Дол. Присутствует на двух саблях (рис. 2: 1; 7: 3). Дол в виде желобка на клинке, служил для увеличения прочности и жесткости клинка. Если делать вырезы на обеих сторонах тонкого или гибкого лезвия, оно становится твёрже, поскольку любая сила, будучи приложенной к такому лезвию с целью согнуть его, встречает наибольшее сопротивление, которое эта форма может оказать. Так узкий паз предпочтительней, чем более широкий паз той же глубины.

Остриё. Остриё у сабель узкое, острое с односторонней или двусторонней заточкой.

Односторонняя заточка присутствует у 5 экз. (рис. 2: 9, 13, 15; 3: 12; 7: 6).

Двусторонняя заточка у 30 экземпляров (рис. 2: 1–8, 11; 3: 9–11, 13–14; 4: 1, 3–9; 6: 1–3, 5–6; 7: 1–2, 4). Длина двусторонней заточки от 6,5 см до 23,7 см (табл. 3).

В обработку попали экземпляры с Аверинского II могильника (рис. 3: 5) и Баяновского

могильника (рис. 7: 5) полностью с двусторонней заточкой на всю длину клинка. На первый взгляд это признак меча и во всех публикациях, где идут ссылки на экземпляр с Аверинского II могильника его так и называют. Но нигде не обращают внимания на то, что рукоять находится с наклоном 5° к клинку. А это уже признак сабли. А на экземпляре с Баяновского могильника данный наклон ещё больше – 15°. Остаётся непонятным, для чего было необходимо делать клинок обоюдоострым на всём продолжении клинка.

Наличие обоюдоострого окончания приносило определённые плюсы в пешем бою, который преобладал в лесной зоне. При рубящем действии правая рука и правый бок оставались открытыми, в то время как при колющем ударе тело оставалось защищенным. И, как правило, точечные ранения в грудь или живот оказываются смертельными, а сильные резаные раны имеют свойства зарастать. Да и кольчуга, абсолютный лидер среди множества типов защитного снаряжения, превосходно держит рубящий удар, но часто не может устоять перед колющим. С прямой саблей, используемой в основном для колющих ударов, трудно обращаться, сидя на быстро движущемся коне. Прямое лезвие теряет свою ценность по мере того, как перемещается по длинной плоскости, в то время как, изогнутое лезвие объединяет все моменты в ударном центре, где изгиб наибольший. Также, надо признать, что конному воину легче наносить удар «с оттяжкой», чтобы нанести противнику больше повреждений.

Как можно убедиться из выше сказанного, в основу классификации нельзя положить ни один из основных типобразующих признаков, кроме изгиба рукояти. Все сабли относятся к слабоизогнутым (0,2–1,3 см). Длина клинков, за исключением одного, колеблется между 60,9 см и 79,6 см, ширина клинка между 2,2 см и 4,5 см. Разбег величин минимален для детализированной классификации.

Хвостовики рукоятей и навершия. Важным элементом является рукоять сабли. Для ранних типов сабель отклонение рукояти к лезвию клинка было одним из главных формообразующих показателей, так как слабо искривлённый однолезвийный клинок за счёт наклона рукояти получил тот режущий эффект, который характерен для сабли. А.И. Соловьёв в своей работе отмечал, что КПД удара хорошо сбалансированного древнерусского меча XI в. равнялся 45 %, в то время как наклон рукояти сабли позволял не использовать тяжелое перекрестие и сместить

³⁹ Кочкаров В.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. С. 26.

⁴⁰ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980.

⁴¹ Кочкаров В.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. С. 26.

центр тяжести к острию. В этом случае КПД возрастает до 65–70 %⁴².

Хвостовики рукоятей, которые можно измерить по длине, сохранились на 32 саблях. Угол наклона можно измерить у 44 сабель (разница в количестве состоит в нескольких экземплярах сабель, у которых обломлен небольшой фрагмент хвостовика и в экземплярах сабель с фото из грабительских раскопок, на которых нет масштаба (рис. 5: 1–6).

Длина хвостовика сабли колеблется от 6,5 см до 11,8 см. Угол наклона от 00 до 200 (табл. 3).

По углу наклона хвостовика к лезвию все сабли можно разделить на 5 типов:

Тип 1. Без наклона (00). К этому типу относятся 2 сабли (рис. 2: 11; 3: 6). К сожалению, с саблей с Агафоновского I могильника автору ознакомиться не удалось, а по изображению в публикации небольшой наклон может быть не заметен.

Тип 2. Малый наклон (10–30). К этому типу относятся 11 хвостовиков сабель (рис. 2: 1, 4, 12, 15; 3: 1, 9, 12, 15; 5: 1; 6: 5; 7: 2).

Тип 3. Средний наклон (40–70). К этому типу относятся 15 хвостовиков сабель (рис. 2: 2-3, 5; 3: 4-5, 13; 4: 1-4, 8; 6: 1-2; 7: 1, 3).

Тип 4. Сильный наклон (80–120). К этому типу сабель относятся 11 хвостовиков сабель (рис. 2: 13; 3: 10, 14; 4: 7, 9; 5: 2-4, 6; 6: 4; 7: 4).

Тип 5. Очень сильный наклон (>120). К этому типу относится 5 хвостовиков сабель (рис. 4: 5-6; 5: 5; 6: 6; 7: 5).

К хвостовику рукояти прикреплялись две деревянные накладки при помощи 1–2 шпеньков. По всей вероятности, сверху деревянные накладки обшивались кожей или как в погребении 138 Баяновского могильника (рис. 4: 8) – тканью. В одном случае, рукоять или её часть, была обёрнута серебряной пластиной (рис. 7: 3). Как показали раскопки Баяновского могильника, накладки имели значительно большую длину и угол наклона, чем сам хвостовик (рис. 3: 10, 13). В месте, где черешок уже закончился, а накладки продолжались, они скреплены ещё одним шпеньком.

В затылочной части некоторые рукояти украшены навершиями. Они носили в первую очередь декоративную функцию, и предохраняли деревянные накладки от механических повреждений. Такие навершия были слишком лёгкие и не выполняли функции противовеса, какую

играли тяжёлые навершия мечей.

Типология наверший рукоятей была разработана А.Н. Кирпичниковым⁴³. Наш материал практически полностью укладывается в эту типологию.

Тип 1. Навершия уплощённо-цилиндрической формы. Изготовлены из тонких серебряных пластинок (рис. 3: 13; 4: 2; 9: 2; 13, 2). Истоки таких наверший следует искать, по мнению А.Н. Кирпичникова, в салтово-маяцкой культуре⁴⁴.

Тип 2. Навершия грушевидной формы. Имеют в сечении эллипсоидную форму. Снизу от середины отходит один – два отростка для более прочного крепления с рукоятью. Изготовлены из железа (рис. 4: 6; 6: 3; 8: 3; 9: 4, 7), серебра (рис. 2: 1-2; 8: 10) или бронзы (рис. 3: 10; 6: 5; 8: 2; 9: 1; 13, 3). Серебряные навершия изготовлены из тонкой серебряной пластины и украшены орнаментом. Для того чтобы они были меньше подвержены деформации и излому они были надеты на костяные цилиндрические навершия.

Аналогии данному типу наверший можно найти в аланских и венгерских древностях⁴⁵.

Тип 3. Бронзовая овальная накладка на торцевую часть ручки (рис. 4: 8).

Тип 4. Декоративное навершие из высокопробного серебра (рис. 7: 3; 8: 1). Длина навершия 8,5 см, ширина 1,4–1,7 см. Оно представляет собой немного расширяющуюся книзу трубочку эллипсоидного сечения, изготовленную из двух пластин, завершающуюся слегка изогнутым грушевидным затыльником, покрытым с четырёх сторон орнаментом. Затыльник изготовлен отдельно из двух тиснёных половинок, прикреплённым к рукояти сквозным штифтом, место соединения его с трубочкой замаскировано рядом штампованной проволоки с имитацией зерни. Основным орнаментальным мотивом в его декоре является трилистник. Подобные навершия характерны для аланских и венгерских древностей⁴⁶. Мотив из трилистников, использованный в орнаментации навершия весьма характерен для венгерского искусства, повторяется в декоре деталей поясного набора, лицевых пластин поясных сумочек, медальонов и пр. и, в частности, в разных вариантах представлен на навершиях сабельных рукоятей⁴⁷.

Тип 5. Железный наконечник в виде конусовидной трубочки длиной 45 мм, диаметром 15 мм в её широкой части и сужающийся к кон-

⁴² Соловьёв А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. С. 150–151.

⁴³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 68.

⁴⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 68.

⁴⁵ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 68; Кузнецов В.А., Рунич А.П. Погребение аланского дружинника IX в. // СА. 1974. № 3. М., Рис. 1: 1.

⁴⁶ Кузнецов В.А., Рунич А.П. Погребение аланского дружинника IX в. Рис. 1: 1.

⁴⁷ The Ancient Hungarians, 1996. Budapest. P. 80. Fig. 6; P. 96–97. Fig. 23–25; P. 114. Fig. 3–5 и др.

цу (рис. 3: 9).

Две рукояти (рис. 2: 1–2; 8: 10) в районе перекрестия были украшены серебряными V-образными обоймочками. Прикреплялись они к рукояти при помощи небольшого гвоздика в центральной части обоймочки.

Перекрестия.

Клиновое оружие несёт в себе сочетание двух функций – поражение противника и отражение ударов. Последнюю функцию выполняет железное или бронзовое перекрестие (вариант – железное перекрестие, отделанное поверху бронзой (рис. 7: 5)). Все экземпляры перекрестий имеют достаточную длину и толщину, чтобы обеспечить её выполнение, что косвенно свидетельствует об определённом развитии фехтовального искусства. Перекрестие выполняло защитную функцию – задерживало скольжение оружия противника по полосе клинка, и не давало соскользнуть руке на клинок.

Непосредственно защищая руку, оно быстро реагировало на все изменения фехтовальных приёмов, поэтому его эволюция может служить одним из главных показателей развития сабли.

В обработку попало 51 перекрестие и их фрагменты с территории Пермского Предуралья. Большинство из них составные, состоящие из двух половинок. Есть несколько напускных перекрестий, которые надевались на оружие путём продевания стержня рукояти через его срединное отверстие. В горизонтальном положении перекрестие удерживалось за счёт плотного насаживания на обкладки рукояти. И, возможно, за счёт небольших шипов с внутренней стороны перекрестия, которые втыкались в деревянные обкладки рукояти. Такие шипы прослежены на бронзовом перекрестии из Питер (Степаново Плотбище) могильника (рис. 4: 16).

Типологию перекрестий древнерусских сабель разработал А.Н. Кирпичников⁴⁸. Гарды по форме им были разделены на несколько компактных хронологических групп. В основу моей типологии легла схема предложенная А.Н. Кирпичниковым.

Тип 1. Прямые, брусковидные перекрестия с ромбическим расширением в средней части. Это самая ранняя группа перекрестий. Датируется VIII–X вв.

Подтип А. (рис. 2: 1–2, 4, 6; 3: 1; 4: 11, 13; 7: 1, 7). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части. Такие перекрестия встречены на Редикорском городище и могильнике, могильнике Плёс, могильнике Телячий Брод, селище Володин Камень II, Саломатовском городище.

Аналогичные перекрестия найдены в салтово-маяцких могильниках, Дунайской Болгарии⁴⁹, у венгров времён Арпадов, в погребениях кимаков IX–X вв.⁵⁰, в Больше-Тарханском могильнике⁵¹, погребениях Северо-Западного Предкавказья⁵², Кавказа⁵³, памятниках новинковского типа⁵⁴, Сухогомольшанском могильнике салтово-маяцкой культуры⁵⁵.

Подтип Б. (рис. 3: 14; 4: 6; 9: 4). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части и шарообразными окончаниями. Такие перекрестия встречены на Баяновском могильнике.

Аналогичные перекрестия известны на могильнике Мыдлань-Шай в Удмуртии⁵⁶, Больше-Тиганском могильнике в Татарстане⁵⁷, в аланских древностях⁵⁸, в Венгрии⁵⁹, Сухогомольшанском могильнике салтово-маяцкой культуры⁶⁰.

Подтип В. (рис. 2: 5). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части и ромбовидными окончаниями. Встречено такое перекрестие в единичном экземпляре на Ильинском городище.

Тип 2. Прямые, брусковидные перекрестия. Данный тип датируется IX–X вв.

Подтип А. (рис. 2: 15; 3: 5, 10; 4: 2–4, 10, 12; 5: 1–3, 5; 6: 1, 8; 7: 8; 9: 1, 5). Прямое, брусковидное перекрестие. Такие перекрестия встречены на Аверинском II могильнике, Баяновском могильнике, Питер (Степаново Плотбище) могильнике, Рождественском городище.

Перекрестия имеют многочисленные анало-

⁴⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 68–72.

⁴⁹ Йотов В. Взоружението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна, 2004. Табл. XXV: 463.

⁵⁰ Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан, 1997. С. 28.

⁵¹ Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964. Рис. 16: 1.

⁵² Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. Табл. XIV: 121, 122.

⁵³ Кадиева А.А. Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. 2012. № 1. М., Рис. 102, 1.

⁵⁴ Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Zubov С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. Рис. 23, 1, 6.

⁵⁵ Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 101. Рис. 2: 2.

⁵⁶ Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. Вып. 3. Свердловск, 1962. Табл. XIII: 5.

⁵⁷ Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. М., Рис. 4: 21; 5: 22.

⁵⁸ Рунич А.П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. № 1. М., 1977. Рис. 3, 28; Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. М., 2001. Рис. 126: 13.

⁵⁹ Ковач Л. Вооружение венгров – обретателей родины: сабли, боевые топоры, копьё. Диссертация канд. ист. наук. М., 1981. С. 42–43.

⁶⁰ Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 101. Рис. 2, 3.

гии в древностях VIII–IX вв.⁶¹. В большом количестве встречаются в алтайских материалах IX–X вв.⁶²

Подтип Б. (рис. 2: 3; 3: 6; 4: 7; 5: 6; 7: 4-5). Прямое, брусковидное перекрестие с шарообразными окончаниями. Гарды этой формы восходят к аварскому времени, а в IX–XI вв. были распространены от Северного Предкавказья до Венгрии. А.Н. Кирпичников отмечает, что перекрестия рассматриваемого типа в X в. всё настойчивее вытесняются другими формами. Для XI в. они кажутся архаичными⁶³.

Такие перекрестия встречены на могильнике Плёс, Агафоновском I могильнике, Баяновском могильнике.

Подтип В. (рис. 2: 13; 4: 15). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбовидными окончаниями.

Такое перекрестие встречено на Загарском могильнике.

Тип 3. Изогнутые, брусковидные перекрестия. Развитие сабельных перекрестий идёт по пути искривления и загиба их концов к низу. Данные изменения были направлены на повышение защиты руки, т. к. различные скосы и вырезы перекрестия улучшают улавливание клинка противника. Данный тип датируется X–XI вв.

Подтип А. (рис. 3: 9, 13; 9: 2). Изогнутое, брусковидное перекрестие. Такие перекрестия встречены на Баяновском могильнике.

Подтип Б. (рис. 3: 15; 4: 1, 9; 5: 4; 6: 3-6; 9: 9; 3, 7; 13: 2). Изогнутое, брусковидное перекрестие с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. Подобная защита руки была распространена у венгров времён Арпадов⁶⁴, кимаков⁶⁵, южно-уральских кочевников⁶⁶. Встречаются такие перекрестия и в западном Поволжье⁶⁷, и у северо-кавказских алан⁶⁸, венгров, мордвы, а также на территории Древней Руси⁶⁹.

На территории Пермского Предуралья такие перекрестия встречены на Баяновском могильнике и могильнике Демёнки.

Подтип В. (рис. 4: 16; 8: 7). Изогнутое, брусковидное перекрестие с ромбовидными окончаниями опущенными вниз.

Встречено на Питер (Степаново Плотбище) могильнике.

Тип 4. Перекрестие с ромбическими расширениями, в центре сужающимися к окончаниям (рис. 4: 14). Считается, что этот тип появился под влиянием почти аналогичных, но более крупных мечевых перекрестий. Хронологически этот этап А.Н. Кирпичников относит к XIII в.⁷⁰ Боковые стороны такой гарды оформлены в виде щиткообразных расширений. Благодаря этой особенности перекрестие приобретало большую прочность на излом при повреждении, а также более надёжно соединялось с рукоятью и плотнее удерживало надетые ножны. Кроме того, боковые мысовидные выступы, выдаваясь несколько над клинком, задерживали неприятельское оружие, падающее вдоль полосы, и не давали ему соскользнуть на рукоять.

Такое перекрестие встречено на территории деревни Модороб.

Тип 5. Напускное перекрестие (рис. 4: 17). Челнокообразное тело перекрестия оснащено овальными углублениями, расположенными с обеих сторон. В горизонтальном положении такое перекрестие удерживалось за счёт прижатия деревянными обкладками со стороны рукояти, а с обратной стороны – плечиками клинка. Перекрестие в виде круглого, вытянутого стержня. Соскакивание неприятельского клинка предотвращалось здесь не изгибами или задерживающими окончаниями на концах, а прочностью стержня. Перекрестие этого типа очень сходно с мечевым. Хронологически А.Н. Кирпичников связывает данный тип перекрестий с XIII в.⁷¹

Такое перекрестие встречено на Кыласовом (Анюшкар) городище.

Детали ножен.

Ножны служат для ношения сабли и являются её неотъемлемой частью. Они предназначаются для предохранения полотна клинка от негативных воздействий окружающей среды и для избегания нежелательных повреждений одежды и ран, которые может нанести неприкрытое лезвие клинка. Ножны сабель изготавливались из двух деревянных тонких дощечек и обтягивались, по-видимому, кожей. Такой вариант отделки встречен на ножнах сабли из Агафоновского I могильника (рис. 3: 6). Основываясь на резуль-

⁶¹ Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. С. 32; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 191–195; Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 101. Рис. 2: 1.

⁶² Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. С. 32.

⁶³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 68.

⁶⁴ Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань – Магадан, 1997. С. 28.

⁶⁵ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 166. Рис. 2, 3.

⁶⁶ Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. С. 28.

⁶⁷ Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. С. 124–142.

⁶⁸ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л, 1976. С. 110. Табл. III: 1, 2

⁶⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 69.

⁷⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 71–75.

⁷¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. С. 72.

татах раскопок Баяновского могильника можно с уверенностью сказать, что ножны были длиннее сабли на 10–20 см. Наряду с деревянными существовали ножны, сделанные полностью из железа. Фрагменты таких ножен встречены на Корнинском городище (рис. 3: 8). Они свёрнуты из листа железа, повторяя форму клинка в виде треугольника. Длина фрагмента ножен 41 см, ширина 4,2 см. Кроме этого, в 2018 г. в погребении № 436 Баяновского могильника встречены деревянные ножны, усиленные с внутренней стороны металлической пластиной толщиной около 1 мм (рис. 7: 5). К сожалению, эти фрагменты были обнаружены уже по приезду в город, и установить их точное местоположение в ножнах не представляется возможным. Но, судя по количеству фрагментов этой пластины, усиление было не на всём протяжении ножен, а только на каких-то отдельных участках (возможно, в верхней и нижней частях ножен).

Скобы и обоймы для подвешивания.

Сабля подвешивалась к поясу с правой или левой стороны при помощи одного или двух ремешков. При использовании одного ремешка сабля висела вдоль ноги человека, а при использовании двух – в наклонном положении, придавая изогнутой ручке горизонтальное положение. Один ремешок располагался в верхней части ножен, второй примерно на середине длины ножен. Как будет отмечено ниже, ножны с одной петлёй для подвешивания, возможно, не свидетельствуют о наличии только одного ремня для подвешивания. Вероятно, второй ремень все же существовал, но была утеряна вторая скоба или она просто отсутствовала.

Ремни крепились прямо к деревянным ножнам при помощи серебряных, железных или бронзовых обойм или скоб.

В первом случае, на ножнах имеются имитации обойм и пластин для подвешивания сабли к поясу. Как обоймы, так и пластины изготовлены из серебряной фольги и естественно не могли выдержать положенную нагрузку, так что ремень, скорее всего, крепился непосредственно к деревянному корпусу. Указанные же украшения, вероятно, являлись только подражанием типу ножен с креплением ремня при помощи пластин.

Во втором случае, ремень крепился к ножнам при помощи железных пластин или скоб.

В третьем случае, ремень крепился к ножнам при помощи бронзовых скоб. Скобы достаточно толстые для того, чтобы выдержать вес сабли. Но, несмотря на мощь скоб, кожаные ремни, по-видимому, всё равно крепились к ножнам. Об этом свидетельствуют остатки кожаного ремня в

арочных отверстиях скоб обеих сабель, находящемся между скобой и деревянными ножнами. Как и в случае с серебряными обоймами, бронзовые скобы, так же выполняли лишь декоративную функцию.

В связи с небольшим количеством петлей и их разнообразием проводить их классификацию не имеет смысла. Ограничимся их описанием.

Ножны с одной петлёй для подвешивания:

Плёт, могильник. Погр. 26 (рис. 2: 2; 8: 10). С-образная скоба. Она изготовлена из тонкого листа серебра. Наружная сторона позолочена. По всему полю расположен выдавленный орнамент в виде «якорьков». Скоба располагалась в 4 см от верхнего окончания ножен.

Полную аналогию в отделке скоб, оформлении рукояти и ножен, орнаменте на обкладках имеет сабля из пос. Загребинский Котельничского уезда Вятской губернии⁷².

Баяновский могильник. Погр. 93 (рис. 4: 1; 8: 8; 9: 3). В верхней части ножен имеется серебряная обойма шириной 12 мм с выдавленным точечным орнаментом по краям и отверстием в верхней части для крепления с ремнём. Обойма выполнена из серебряной фольги.

Баяновский могильник. Погр. 90 (рис. 4: 6; 9: 4). В 10 см от верхнего окончания ножен располагалась железная обойма шириной 23 мм. В связи с тем, что верхняя часть обоймы не сохранилась, говорить о способе крепления с ремнём не представляется возможным.

Демёнки, могильник. Погр. 196 (рис. 4: 9; 13: 1). В 10 см от верхнего окончания ножен располагалась небольшая железная петля с плоской основой и ушком, выполненным из круглой проволоки. В связи с тем, что ушко достаточно узкое, ремень крепился не непосредственно к нему, а через какой-то переходник (застёжку или кольцо).

Баяновский могильник. Погр. 277 (рис. 6: 2; 8: 4; 9: 6). На расстоянии 17 см от перекрестия находился пятиугольный железный подвес, состоящий из двух частей толщиной 1 мм каждая, склепанных между собой двумя заклёпками.

Баяновский могильник. Погр. 355 (рис. 6: 4; 8: 6). На расстоянии 17 см от перекрестия находится бронзовый «С-образный» фигурный подвес, состоящий из двух частей, склепанных между собой заклёпками

Ножны с двумя петлями для подвешивания:

Плёт, могильник. Погр. 5 (рис. 2: 1). Ножны украшены двумя фигурными скобами, выполненными из тонких серебряных пластин. Одна скоба располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней. В районе второй скобы сохранился небольшой фрагмент ремня, шириной

⁷² *Белагин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. С. 115.

2 см и длиной 5 см, украшенный двумя квадратными накладками. Ремень был двойной, закреплён около ножен медной обоймой со шпеньками. Рядом с ремнём лежала маленькая железная пряжка почти прямоугольной формы, с подвижным язычком. Длина её 2,5 см, ширина от 1,8 до 2,2 см.

Агафоновский I могильник. Погр. 92 (рис. 3: 6). На двух фрагментах имеется имитация широких обойм с полукруглыми пластинами, орнаментированных рельефными розетками и украшенных цветочным орнаментом. Как обоймы, так и пластины изготовлены из серебряной фольги.

Баяновский могильник. Погр. 61 (рис. 3: 10; 9: 1). Ножны украшены двумя пятиугольными железными подвесами, состоящих из двух частей толщиной 1 мм каждая, склепанных между собой двумя заклёпками. Один подвес располагался в верхней части ножен, второй – в средней.

Баяновский могильник. Погр. 59 (рис. 3: 13; 9: 2; 13: 2). Ножны украшены двумя обоймами из тонкой серебряной пластины с отверстиями в верхней части, которые предназначались для крепления с ремнём. Одна обойма располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней части.

Баяновский могильник. Погр. 242 (рис. 6: 1; 8: 9; 9: 5; 13: 4). Ножны украшены двумя «С-образными» фигурными скобами, выполненными из бронзовых пластин. Одна скоба располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней. Скобы достаточно толстые для того чтобы выдержать вес сабли. Они крепились к деревянным ножнам сабли при помощи бронзовых гвоздиков, а так же для предотвращения отрывания скоб от ножен они дополнительно были укреплены узкими полосками бронзы, охватывающими деревянные ножны. И при случайном обрыве скобы, ножны держались бы при помощи этих бронзовых полосок. Но, не смотря на мощность скоб кожаные ремни, по-видимому, всё равно крепились к ножнам. Об этом свидетельствуют остатки кожаного ремня в арочных отверстиях скоб, находящиеся между скобой и деревянными ножнами. Так же об этом говорит орнамент, нанесенный на внешнюю часть бронзовой скобы. При креплении ремня прямо к скобе его присутствие не имело бы смысла, т. к. ремень перекрывал бы весь орнамент.

Баяновский могильник. Погр. 341 (рис. 6: 3; 8: 5; 9: 7). Ножны украшены двумя «С-образными» скобами, выполненными из железных пластин. Одна скоба располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней.

Наконечники ножен.

Обычно в комплект отделки ножен с серебряными петлями и обоймами входит серебряный

наконечник, свёрнутый в трубку из листового серебра. Длина таких наконечников 12–32 см.

Кроме серебряных деталей ножен, которые носили, прежде всего, декоративную функцию, были и функциональные детали, изготовленные из железа. В погребении № 341 Баяновского могильника для предотвращения повреждений клинком, нижняя часть ножен, со стороны лезвия, была укреплена железной пластиной, с железным затыльником-окончанием (рис. 6: 3; 9: 7).

В связи с их малочисленностью, проводить типологию наконечников ножен смысла нет. Ограничимся также только их описанием.

Плёт, могильник. Погр. 5 (рис. 2: 1). На расстоянии 60 см от перекрестия на деревянные ножны был надет наконечник, сделанный из листового серебра. Длина этого наконечника 26 см, ширина 5 см. Снизу и сверху наконечника ножен находились наклонные бортики, шириной 0,8 см. У верхнего бортика имеется полоса кружкового орнамента, чуть ниже на поверхности серебряного наконечника позолотой был нанесён правильный равнобедренный треугольник. Ширина его основания 4,5 см, длина сторон – 6 см.

Плёт, могильник. Погр. 26 (рис. 2: 2; 8: 10). Данный наконечник несколько меньше по размерам, но аналогичен по дизайну. Данный наконечник ножен состоит из двух частей. Общая длина наконечника 12 см, ширина 2,7 см. Выполнен из листового серебра. Верхняя часть наконечника представляет собой трубку с небольшим расширением к краям и небольшим наклонным бортиком в нижней части. Верхний и нижний край трубки украшен выдавленным кружковым орнаментом. К нижнему краю трубки присоединена вторая часть наконечника ножен. Она представляет собой продолжение наклонного бортика нижней части большой трубки. Ширина второй части 1 см.

Баяновский могильник. Погр. 59 (рис. 3: 13; 9: 2; 13: 2). Наконечник из листового серебра, свёрнутый в незавершённую трубку. Длина 32 см, ширина 4,2 см.

Баяновский могильник. Погр. 93 (рис. 4: 1; 8: 8; 9: 3). Небольшой наконечник из тонкого листового серебра. Его размеры 5,3 × 3,4 см. По обоим краям наконечник украшен выдавленным кружковым орнаментом. По линии соединения наконечник был прибит к ножнам тремя гвоздиками.

Редикорское городище (рис. 3: 2–3). Два наконечника выполнены из бронзовой пластины, свёрнутой в трубку. По краю соединены бронзовыми заклёпками. Возможно, являются наконечниками ножен ножей.

Баяновский могильник. Погр. 341 (рис. 6: 3; 9: 7). Описан выше.

Дополнительные детали отделки ножен:

На трёх ножнах встречены дополнительные детали отделки.

Плѣс, могильник. Погр. 5 (рис. 2: 1). Под каждой скобой, в средней её части, находится небольшая серебряная накладка. Эти накладки, по-видимому, украшали ремень в месте обхвата им ножен.

Плѣс, могильник. Погр. 26 (рис. 2: 2). Верхняя часть ножен украшена V-образным устьем с кружковым орнаментом по краям. В средней части ножен находилась небольшая позолоченная серебряная накладка с таким же якорьковым орнаментом, как и на скобе для подвешивания. В 2 см выше наконечника ножен находилась небольшая позолоченная серебряная обоймочка, шириной 0,8 см, с таким же орнаментом.

Демѣнки, могильник. Погр. 196 (рис. 4: 9; 13: 1). В средней части клинка найдена небольшая накладка из белого сплава.

Наличие накладок в средней части ножен в двух последних случаях наводит на мысль о наличии второго ремня, без наличия второй скобы. И на то, что эти накладки украшали ремень в месте обхвата ножен, как в первом случае.

Технико-технологический анализ.

Общие формы средневековых сабель обнаружены на больших территориях. В связи с этим, важное значение приобретают исследования технологий производства. Только они позволяют судить о соотношении формы и «содержания», а также дают возможность проследить копирование формы или распространение специфических технических новшеств и навыков.

В 2017 г. сотрудником отдела сохранения археологического наследия ИА РАН М.В. Чирковым в кабинете металлографии Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН было проведено исследование микроструктуры металла нескольких сабель с территории Пермского Предуралья.

Для изучения технологии изготовления сабель был использован основной метод изучения технологии производств – металлографический анализ⁷³. Всего с помощью данного метода было изучено пять сабель. Одна сабля происходит из могильника Демѣнки (рис. 4: 9; 13: 1) и четыре из Баяновского могильника (рис. 6: 2–5; 9: 6–7). Сохранность металла сабли с могильника Демѣнки высокая. Сабли с Баяновского могильника отличаются сильной коррозией металла, что является особенностью сохранности железных изделий с памятника.

Травление шлифов, производилось реактивом ниталь (4 % раствор азотной кислоты в

спирте). Анализ микроструктур осуществлялся на металлографическом микроскопе МЕТАМ РВ 22 при увеличении 100х, 400х. Измерение микротвёрдости структурных составляющих осуществлялось на микротвёрдомере ПМТ-3, с нагрузкой 100 г. Присутствие фосфора в металле определялось по повышенной микротвёрдости феррита (236–331 кг/мм²). Также использовалось условное деление на низкотвёрдое, среднетвёрдое, высокотвёрдое железо⁷⁴. Фотографирование микроструктур обеспечивалось фотоаппаратом Nikon Coolpix 4500.

Могильник Демѣнки

Ан. 12625 (рис. 10: 1). Сабля из погребения № 196. Образец для металлографического анализа отобран из середины клинка изделия, имеет размеры 1/2 части ширины клинка. Обнаружены две зоны микроструктур – феррит (микротвёрдость 206–221 кг/мм²), тростита отпуска (микротвёрдость 350–420 кг/мм²). Место сварочного шва определено по резкому переходу микроструктур. Шлаковых включений мало, они имеют малые размеры и вытянутую форму.

Вывод: сабля изготовлена с применением кузнечной сварки стали и среднетвёрдого железа. Изделие закалено и отпущено при температуре 300–500 °С.

Могильник Баяновский

Ан. 13085 (рис. 10: 2). Сабля из погребения № 341 (рис. 6: 3; 9: 7). Образец для металлографического анализа отобран из ближней к острию части клинка изделия, и представлен полным профилем. Обнаружена однородная микроструктура среднезернистого феррита (микротвёрдость 193–236 кг/мм²). Шлаковых включений мало, они представлены малыми размерами и имеют вытянутые и округлые формы.

Вывод: сабля изготовлена из фосфористого железа с неравномерным распределением фосфора.

Ан. 13086 (рис. 11). Сабля из погребения № 355 (рис. 6: 4). Образец для металлографического анализа отобран из ближней к острию части клинка изделия, и представлен полным профилем. Обнаружены две зоны микроструктур. На теле клинка фиксируется неоднородная микроструктура среднезернистого, крупнозернистого феррита (микротвёрдость 221–254 кг/мм²). Микроструктура лезвийной части клинка, представлена мелкозернистым ферритом (микротвёрдость 221 кг/мм²). Включений шлаков мало, они представлены малыми размерами, вытянуты в полосы, оставшиеся от формовки изделия.

⁷³ Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32. М., 1953. С. 12.

⁷⁴ Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013. С. 33.

Вывод: сабля изготовлена из высокотвёрдого фосфористого железа.

Ан. 13087 (рис. 12: 1). Сабля из погребения № 357 (рис. 6: 5). Образец для металлографического анализа отобран из средней части клинка изделия, имеет размеры 1/2 части ширины клинка. Микроструктура шлифа неоднородна и представлена крупнозернистым, мелкозернистым ферритом (микротвёрдость 181–206 кг/мм²). Включений шлаков много, они представлены крупными размерами и вытянутыми формами. Микроструктура шлифа сильно загрязнена шлаками.

Вывод: сабля изготовлена из среднетвёрдого железа.

Ан. 13088 (рис. 12: 2). Сабля из погребения № 277 (рис. 6: 2; 9: 6). Образец для металлографического анализа отобран из ближней к острию части клинка изделия, имеет размеры 1/2 части ширины клинка. Микроструктура шлифа неоднородна и представлена крупнозернистым, мелкозернистым ферритом (микротвёрдость 128 кг/мм²). Включений шлаков мало, они представлены крупными размерами и вытянутыми формами.

Вывод: сабля изготовлена из низкотвёрдого железа.

Выявленные технологические схемы, находят себе прямые аналогии среди результатов исследований отдельных клинков, проведенных другими исследователями.

Сабля из могильника Демёнки показывает высокий уровень знания кузнеца о характеристиках материалов, и умение качественно сваривать железо и сталь. Схожая по форме и технологии изготовления сабля была обнаружена в материалах могильника Дюрсо VIII–IX вв., находящегося недалеко от Новороссийска. Могильник металлографически изучен Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой. Сабля из могильника Дюрсо имеет аналогичную сабле из могильника Демёнки форму. Отличаясь от неё лишь прямым черенком. Исследованная сабля была откована из заготовки, сваренной из двух полос – железа и малоуглеродистой стали⁷⁵.

Сабли из Баяновского могильника откованы целиком из железа, использование данного материала не характерно для применения при ковке сабель. Среди исследованных металлографически клинков сабель раннего средневековья В.И. Завьяловым, М.М. Толмачёвой, Ю.А. Семькиным, Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой лишь одна сабля, изученная Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой происходящая из могильника Дюрсо откована целиком из железа⁷⁶. Еще две такие сабли, происходящие из салтовских могильников, исследованы А. Голубевым: целая – из биритуального могильника у с. Червона Горка⁷⁷ и фрагмент сабли из кремационного могильника у с. Кочеток (Сороков яр)⁷⁸. Также сабля, откованная из мягкой сырцевой стали невысокого качества без дополнительных технологических операций по улучшению рабочих качеств клинка известна на аланском Змейском могильнике⁷⁹.

По всем технико-технологическим характеристикам сабли из Баяновского могильника уступают сабле из могильника Демёнки.

Технологическая разница между саблями с синхронных культурно, хронологически и территориально могильников может быть связана с разным местом происхождения сабель, для установления которого необходимы дальнейшие металлографические исследования сабель с территории Пермского Предуралья. Например, в соседнем регионе – Северо-Западной Сибири все 18 исследованных металлографически сабель А.П. Зыковым вполне могли использоваться в качестве колюще-рубящего оружия, ни одного цельножелезного экземпляра среди них не было выявлено⁸⁰. В отношении сабель с салтовских могильников А. Голубев считает, что, скорее всего, хозяин сабли либо использовал ее только в качестве статусного оружия в силу каких-либо причин (например, старость или ранение), либо родственники умершего подменили качественный клинок перед погребальной церемонией⁸¹. Но это не очень убедительные предположения. А вот немалый процент исследованных сабель на различных территориях, изготовленных из простого железа и которые по идее нельзя было использовать для военных целей, ставит ряд во-

⁷⁵ Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска: (К проблеме различных производственных традиций) // КСИА. Вып. 216. М: Наука, 2004. С. 53–54.

⁷⁶ Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. С. 75–76; Толмачёва М.М. Клинковое оружие салтовской культуры (техника и технология). // Археология Восточноевропейской лесостепи. Средневековые древности Евразийских степей. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 68–69; Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска: к проблеме различных производственных традиций // КСИА. Вып. 216. М: Наука, 2004. С. 52.

⁷⁷ Голубев А. Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления // Revista Arheologică, serie nouă. Vol. XIII. № 1–2. Chişinău, 2017. С. 239. Рис. 3.

⁷⁸ Голубев А. Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления. С. 242–243.

⁷⁹ Кузнецов В.А. К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 215–216

⁸⁰ Зыков А.П. Находки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор // Уральский исторический вестник № 1 (30). Екатеринбург, 2011. С. 140.

⁸¹ Голубев А. Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления. С. 248.

просов, для ответов на которые нужны более обширные металлографические исследования.

В дополнение, хочется отметить, что известны не только сабли, но и мечи изготовленные из не подходящего для применения в бою материала. Так А.П. Зыковым был исследован фрагмент острия меча с Туманского поселения в Северо-Западной Сибири, датируемый автором концом X–XI вв., выполненный в традициях каролингского оружия, который оказался сделанным из чистого железа низкого качества⁸². Аналогичный меч был исследован Б.А. Колчиным с Гнёздовского археологического комплекса IX–XI вв.⁸³ Еще один древнерусский меч, датирующийся X – началом XI в., был найден в бассейне Северного Донца и проанализирован В.Д. Гопаком и тоже оказался цельножелезным⁸⁴.

Характеристика обрядовых черт.

Погребения с саблями встречены на 9 могильниках Пермского Предуралья (Демёнки, Телячий Брод, Редикарский, Баяновский, Плёс, Агафоновский I, Аверинский II, Загарский, Рождественский). На которых изучено 1 949 погребений, из которых только в 35 встречены сабли (табл. 1).

Интересно проследить взаимосвязь сабель с другими видами вооружения. В погребениях с саблями чаще всего встречаются наконечники стрел (51,4 % погребений) и топоры (в 48,6 % погребений), копьё (28,6 % погребений). В 11,4 % погребений не встречено другого вида оружия, кроме сабли.

Если проанализировать различные комбинации, при которых отдельные категории вооружения встречаются в одном комплексе, то можно увидеть, что чаще всего сочетается в одном комплексе с топором – 6 раз, с наконечниками стрел и топором – 10 раз, наконечниками стрел, топором и копьём – 3 раза, наконечниками стрел – 5 раз, с копьём и топором – 5 раз, с копьём – 2 раза, с наконечниками стрел и копьём – 0 раз.

На принадлежность погребённых с саблями к конным воинам указывают принадлежности конской сбруи – стремена, удила, подпружные пряжки и фрагменты плетей. Они встречены в 68,6 % погребений. Из них с удилами – 15 раз (62,5 % погребений); со стременем – 0 раз (0 % погребений); с подпружными пряжками – 1 раз (4,2 % погребений); со стременем и удилами – 2 раза (8,3 % погребений); со стременем и подпружными пряжками – 1 раз (4,2 % погребений) причём в одном погребении было 2 подпружные пряжки; с удилами и подпружной пряжкой – 2

раза (8,3 % погребений) причём в одном погребении было 2 подпружные пряжки; со стременами, удилами и подпружной пряжкой – 2 раза (8,3 % погребений) причём в одном из них было 2 стремена и 2 подпружные пряжки; фрагментом плети – 1 раз (4,2 % погребений).

Для более точной картины был проведён анализ в статистическом пакете «STATISTICA 6». Сопоставление производилось методами кластерного анализа. Кластерный анализ позволяет определить кластеры, по которым будет производиться сегментирование на максимально однородные сегменты, а на основе сегментов будут выделяться комплексы связанных признаков. В обработку вошли 427 погребений с оружием с 23 могильников Пермского Предуралья. Кластерный анализ меры сходства для переменных был проведён по формулам: Кульчинский 2 и Очия, которые дали одинаковые результаты (дендрограмма 1).

Исходя из полученных результатов, можно выделить два кластера:

1. Топор, сабля, наконечники стрел, удила.
2. Стремя, плеть, подпружные пряжки, копьё.

Фрагменты кольчуги и колчаные крючки не имеют корреляции ни с одним видом вооружения.

Как мы видим, в первый кластер попали предметы вооружения: топор, сабля, наконечники стрел и дополняли данный комплекс – удила. Самые близкие связи сабли, мы наблюдаем с топором и удилами. По-видимому, сабля и топор были неотъемлемыми признаками профессионального конного воина. А лук был дополнением к комплексу вооружения, немного уступающим по значению топору. А возможно и имеющее равнозначное значение (разница всего в 2,8 %). Что не противоречит способу ведения боя. Лук использовался на дальнейшее расстояние, а топор и сабля при сближении с противником. Этот набор наступательного оружия, достаточно полный и разнообразный, характерен как для легкой кавалерии, подвижной и стремительной, действующей рассыпным строем, так и для пешего столкновения. Таким образом, оружейный комплекс представляется достаточно цельным и соответствующим определенным военным условиям. Сабля, наряду с топором, является наиболее выразительной и характерной его частью.

Во второй кластер попали почти все принадлежности конской упряжи с дополнением в виде копыя. В этой категории мы наблюдаем все дополнительные детали вооружения и снаряжения коня, которые не входили в основной состав снаряжения.

⁸² Зыков А.П. Находки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор. С. 138–139.

⁸³ Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). С. 134. Рис. 106, 34 242.

⁸⁴ Гопак В.Д., Дьяченко А.Г. Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северного Донца // СА. 1984. № 4. М., С. 55, рис. 1: 2; 2: 2; 3: 2.

Интерес представляет местоположение сабеля в погребении. Из 35 погребений, в которых обнаружены сабли, о конкретном местоположении мне известно в 27 погребениях (табл. 1).

Сабля в большинстве случаев располагалась остриём к ногам – 24 случая и в 3 случаях остриём к голове. В большинстве случаев сабля располагалась слева от погребённого – 14 раз (51,9 % погребений), в 12 случаях справа (44,4 % погребений) и в 1 случае сабля лежала на груди погребённого (3,7 % погребений).

В расположении сабли вдоль тела, т.е. при нахождении рукояти сабли в отдельных зонах скелета человека удалось проследить в 24 случаях: у черепа – 2 раза, у плечевой кости – 9 раз, у предплечья – 5 раз, у кисти руки – 6 раз.

При рассмотрении местоположения сабли относительно тела погребённого выделяется 4 зоны: с внутренней стороны руки – 3 раза, с наружной стороны руки – 4 раза, под ногой – 1 раз, с наружной стороны ноги – 2 раза, на груди – 1 раз. В тех случаях, когда сабля находилась у ноги, по-видимому, она была в составе костюма и была подвешена на ремнях к поясу. В остальных случаях её укладывали отдельно, не как деталь костюма, а как подтверждение особого статуса владельца.

Таким образом, сторона размещения не была строго регламентирована. Подобная вариативность положения сабель зафиксирована так же в погребениях средневековых кочевников⁸⁵, в ингумационных погребениях салтово-маяцкой культуры⁸⁶. С.И. Владимиров высказал предположение о существовании двух традиций положения клинков: справа и слева от погребённого. В первом случае клинок тяготел к руке, которой пользовался саблей погребённый. Во втором (слева), отражало способ ношения клинка в ножнах – на поясе с левой стороны⁸⁷. Но говорить о каких-то устойчивых традициях, на мой взгляд преждевременно. Вполне вероятно, что стороне, на которой располагалась сабля в погребении, просто не придавали значения.

Справа от погребённого сабля укладывалась в погребениях средневековой мордвы⁸⁸, у алан Северного Кавказа⁸⁹, в погребениях новинков-

ского типа⁹⁰. Но, например, на Больше-Тиганском могильнике положение клинков слева от погребённого было преобладающим⁹¹, так же как в ряде других погребений раннеболгарского времени⁹².

Интересна, в плане обряда, находка в 2017 г. сабли в погребении № 325 Рождественского могильника (рис. 7: 3) на котором впервые был обнаружен кенотаф содержащий набор вещей статусного характера (сабля с серебряной рукоятью, серебряная маска, топор, серебряная трапециевидная подвеска, кресало с бронзовой рукоятью, богатый поясной набор, плеть с серебряной рукоятью и т. д.)⁹³. Вещи в этом комплексе были сложены компактно поверх друг друга на площади 0,2 × 0,2 м. Очевидно, они находились в свёртке или в туске, и были обернуты кожаным поясным ремнём с набором серебряных накладок. Сверху находились 3 железных наконечника стрелы, ниже – сломанная на 4 части сабля и нож, размещённые компактной пачкой, а также серебряная рукоять в виде трубочки с деревянным сердечником и кожаным ремнём внутри, а между этими предметами – кусочки серебряной пластины; под железными предметами располагались бронзовая пряжка и сломанное пополам кресало с бронзовой рукоятью; ниже пряжки размещался свёрток из серебряной пластины – фрагмента смятой серебряной маски, в которую были завернуты сломанная пополам серебряная трапециевидная подвеска и серебряное навершие рукояти, перевязанные кожаным шнурком.

Укладывание вещей подобным образом не характерно для ломоватовской культуры, и более близкие аналогии находятся в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, где своеобразной погребальной традицией являлись т. н. жертвенно-ритуальные комплексы, представляющие собой несколько вещей, расположенных компактно в нетрадиционном для них месте, или уложенные в какую-то ёмкость⁹⁴. По содержанию и по форме они имеют разные варианты, среди которых наиболее близким к рассматриваемому комплексу является заворачивание вещей в ткань, кожу или мех, а сверху этот свёрток зачастую стягивался

⁸⁵ Евлевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 154.

⁸⁶ Владимиров С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Диссертация канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С. 66.

⁸⁷ Владимиров С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). С. 66.

⁸⁸ Алихова А.Е. Материальная культура средне-двинской мордвы VIII–XI вв. Саранск, 1969. Табл. 50: 4.

⁸⁹ Афанасьев Г.Е., Рунин А.П. Мокрая Балка. М., 2001. Рис. 150: 1.

⁹⁰ Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998. Рис. 10: 1.

⁹¹ Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. М., 1976. С. 172.

⁹² Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя Волжских Булгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 108.

⁹³ Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Подосенова Ю.А. Новый «венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника // Вестник ПНЦ № 4, 2017. С. 91–99.

⁹⁴ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002. С. 76.

ремнём. Такой свёрток помещался в берестяной туюсок или лубяной бочонок⁹⁵.

Большинство вещей, представленных в комплексе, перед захоронением были преднамеренно сломаны. М.Ф. Косарев на основании данных, зафиксированных в XIX – начале XX в. И.П. Росляковым и К.Ф. Карьялайненом у обских угров, отмечал как особый элемент погребального ритуала «умерщвление» вещей, помещавшихся в могилу, которое заключалось в нанесении им какого-то повреждения. Необходимость этого действия была обусловлена представлениями о том, что то, что является частью в мире живых, становится целым в мире мёртвых, а также тем, что душа вещей освободилась и получила возможность следовать за умершим в потусторонний мир⁹⁶.

Погребение, по-видимому, принадлежит мужчине-воину, погибшему далеко от дома.

Сабля являлась дорогой и престижной вещью, обладание которой в определённой степени маркировало социальное и имущественное положение человека⁹⁷. Как правило, в тех комплексах, где находились сабли, представлены и другие предметы вооружения (боевые топоры, наконечники стрел, копьё). Можно предполагать, что наличие сабли маркировало погребение воинов, занимавших не рядовое положение в системе воинской организации.

Сабля, учитывая её ценность, в большинстве семей передавалась по наследству, и положить её в погребение могли только богатые, состоятельные родственники⁹⁸. Попасть в могилу она могла и тогда, когда у погибшего отсутствовали наследники мужского пола (например, в Больше-тиганском могильнике 4 сабли из 9 обнаруженных найдены в погребениях юношей фертильного возраста⁹⁹. Следовательно, между значением сабли и числом её находок, видимо не прямая, а обратная зависимость: именно из-за высокого семантического значения и особого положения в комплексе вооружения она реже встречается в могильниках в качестве заупокойного дара.

Как мы видим, сабля попадает в Пермское Предуралье в VIII–IX вв. и к IX–XI вв. укрепляет свои позиции. В этот период форма клинка не претерпевает никаких изменений, происходит только незначительные изменения перекрестия, в отличие от южных территорий нашей страны, где сабли получают больший изгиб. По-видимому, это подтверждает то, что сабля не являлась значимым видом вооружения на нашей терри-

тории в эти века, а скорее являлась подтверждением высокого статуса её хозяина. Слабо выгнутый клинок, длина которого подбиралась индивидуально под рост владельца, с обоюдоострым клинком на конце, одинаково эффективен для нанесения колющих и рубящих ударов, удобен как пешему так и конному воину, с коротким перекрестием, удобным для «пистолетного хвата» (указательный палец перемещается за перекрестие), усиливавшего наклон клинка и, стало быть, силу удара, а также усиливающий режущий эффект удара с протягом – такая сабля была вершиной совершенства клинкового оружия средневековья. Изогнутая рукоять создавала ощущение в руке, что центр тяжести клинка лежит впереди линии, проведённой через рукоять, и препятствовала изогнутой части клинка служить рулём при замахе и заставляла клинок совпадать с направлением удара. Что значительно снижало точность и силу удара. Сказать какое дальнейшее развитие и какой тип господствовал на нашей территории в более поздние времена затруднительно из-за незначительного количества находок. Но известно, что сабля, никуда не делась из арсенала вооружения. Так в 1472 г. Гаврила Нелидов отобрал у Великопермских князей в числе других вещей «3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные»¹⁰⁰.

⁹⁵ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. С. 81.

⁹⁶ Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. С. 149–150.

⁹⁷ Евлевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 154.

⁹⁸ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 71

⁹⁹ Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан, 1997. С. 19.

¹⁰⁰ Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. Вып. 3. № 22. М: АН СССР, 1951. С. 63.

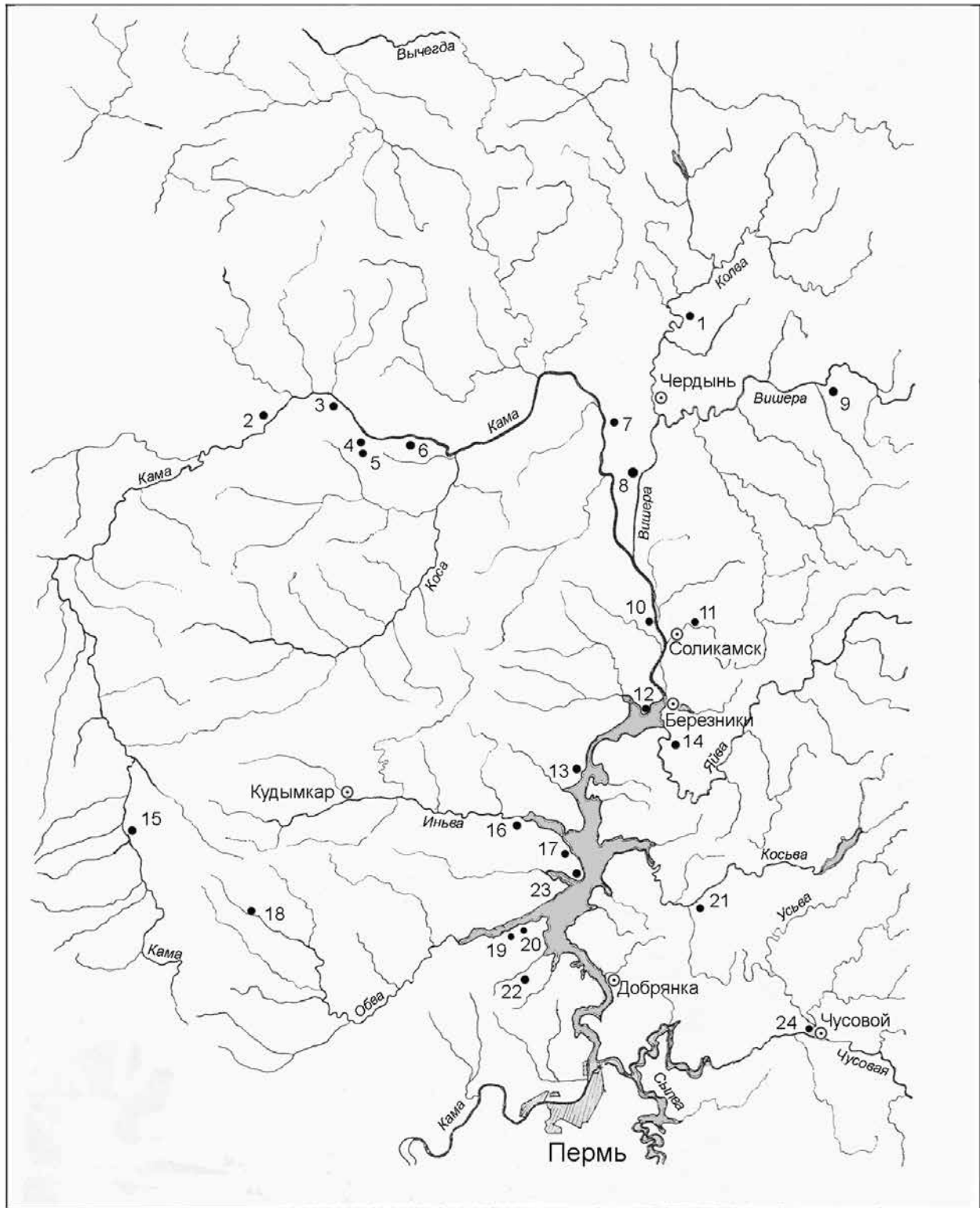

Рис. 1. Карта распространения клинкового оружия в Прикамье. 1 – Искор, городище; 2 – Плёс, могильник; 3 – Пыштайн, могильник; 4 – Агафоновский I, могильник; 5 – Модороб, находки; 6 – Гаврикова, находки; 7 – Корнино, городище; 8 – Редикор, городище; 9 – Велсинская пещера; 10 – Эсперово, городище; 11 – Городищенское городище; 12 – Огурдино, могильник; 13 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 14 – Володин Камень II, поселение; 15 – Аверинский II, могильник; 16 – Загарский могильник; 17 – Кыласово (Анюшкар) городище; 18 – Ново-Михайловский могильник; 19 – Ильинское городище; 20 – Демёнки, могильник; 21 – Баяново, могильник; 22 – Лобановская находка; 23 – Нечаево, находка; 24 – Телячий Брод, могильник.

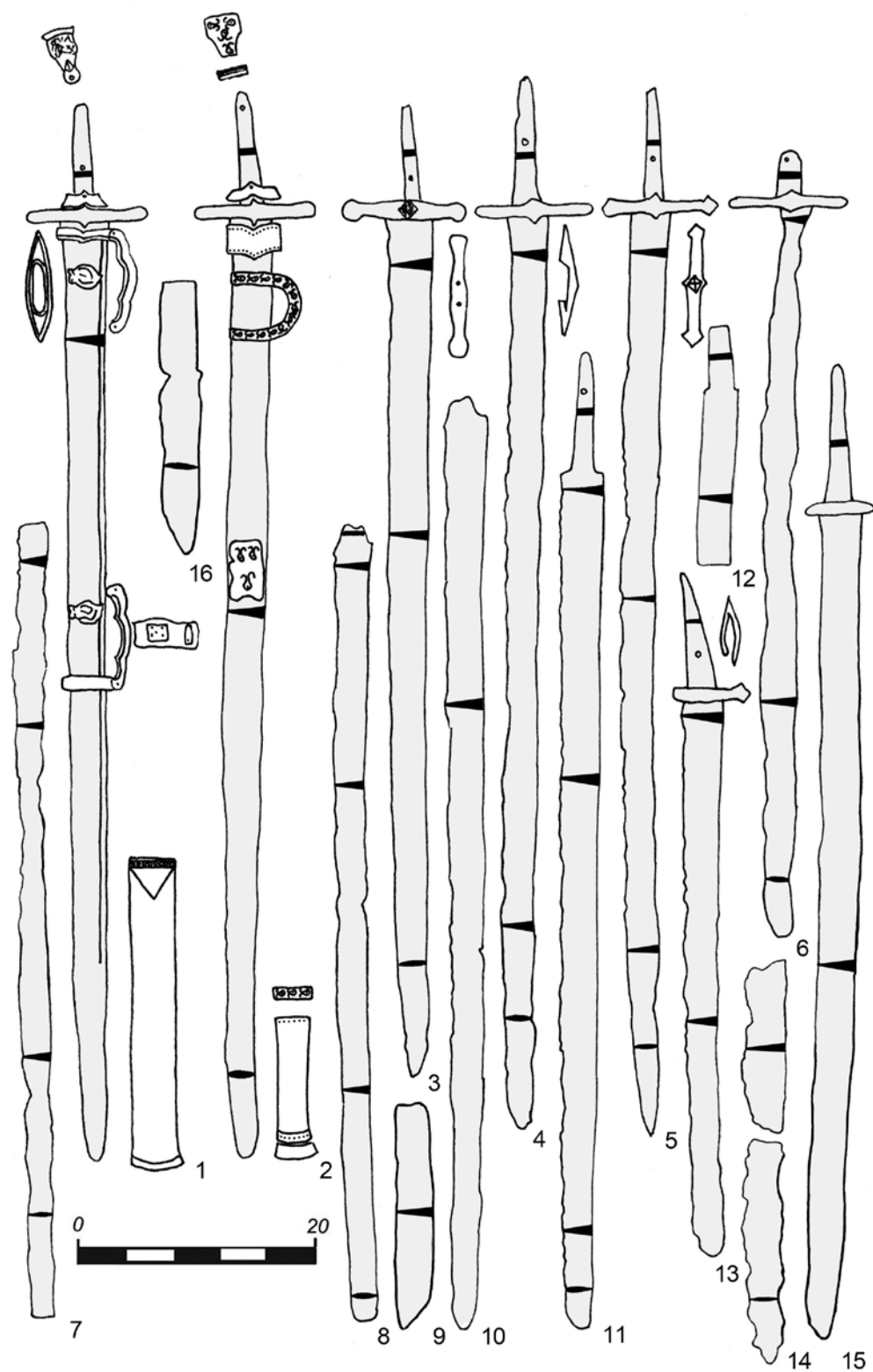

Рис. 2. Сабли. 1 – Плѣс, могильник. Погр. 5; 2 – Плѣс, могильник. Погр. 26; 3 – Плѣс, могильник. Погр. 19; 4 – Редикор, могильник. Погр. 1; 5 – Ильинское городище; 6 – не известно; 7 – не известно; 8 – не известно (возможно Демѣнки, могильник или Агафоновский I могильник); 9 – Эсперово городище; 10 – Агафоновский I могильник. Погр. 107; 11 – не известно; 12 – Искор, городище; 13 – Загарский могильник. Погр. 1; 14 – Огурдино, могильник; 15 – Аверинский II могильник. Погр. 158; 16 – Огурдино, могильник.

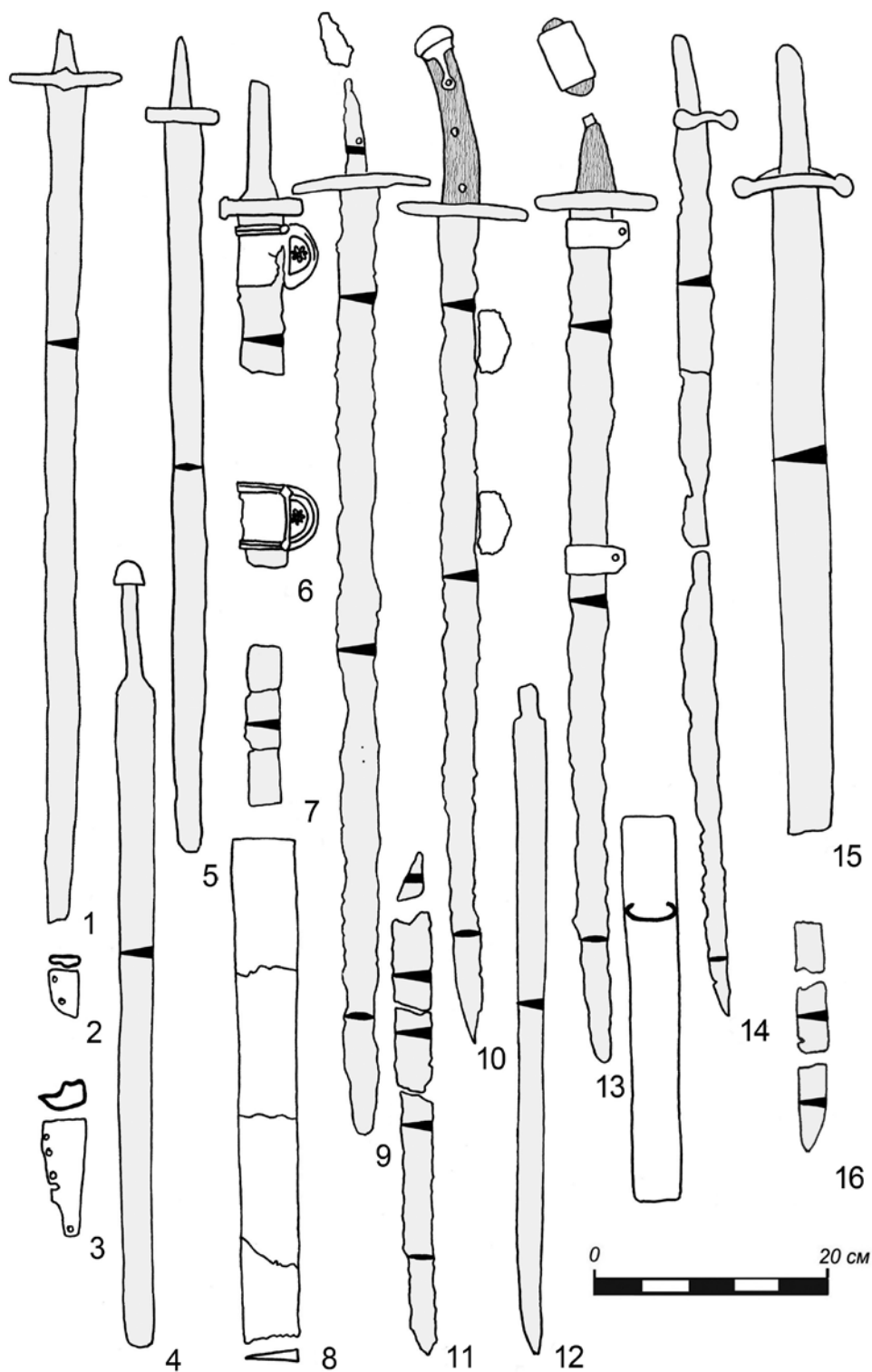

Рис. 3. Сабли. 1 – Телячий Брод, могильник. Погр. 4; 2 – Редикор, городище; 3 – Редикор, городище; 4 – Баяновский, могильник. Погр. 9; 5 – Аверинский II могильник. Погр. 142; 6 – Агафоновский I могильник. Погр. 92; 7 – Агафоновский I могильник. Погр. 191; 8 – Корнинское городище; 9 – Баяновский, могильник. Погр. 58; 10 – Баяновский, могильник. Погр. 61; 11 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 12 – не известно (возможно Демёнки, могильник); 13 – Баяновский, могильник. Погр. 59; 14 – Баяновский, могильник; 15 – Демёнки, могильник. Погр. 124; 16 – Рождественское городище.

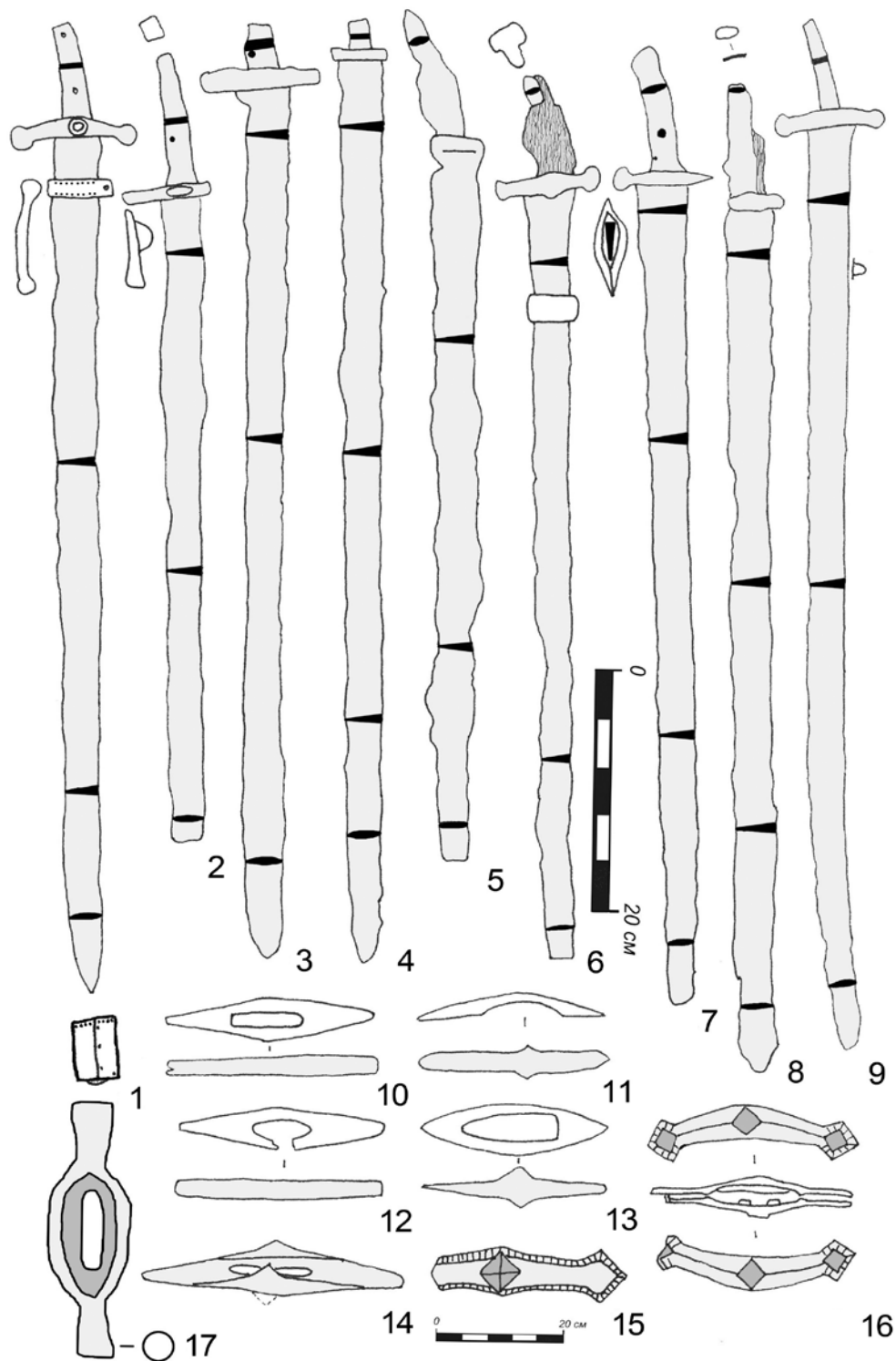

Рис. 4. Сабли и перекрестия. 1 – Баяновский, могильник. Погр. 93; 2 – Баяновский, могильник. Погр. 128; 3 – Баяновский, могильник. Погр. 137; 4 – Баяновский, могильник. Погр. 151; 5 – Баяновский, могильник. Погр. 153; 6 – Баяновский, могильник. Погр. 90; 7 – Баяновский, могильник. Погр. 107; 8 – Баяновский, могильник. Погр. 138. 9 – Демёнки, могильник. Погр. 196; 10 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 11 – Редикор, городище; 12 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 13 – Володин Камень II селище; 14 – Модороб, деревня; 15 – не известно; 16 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 17 – Кыласово (Анюшкар) городище.

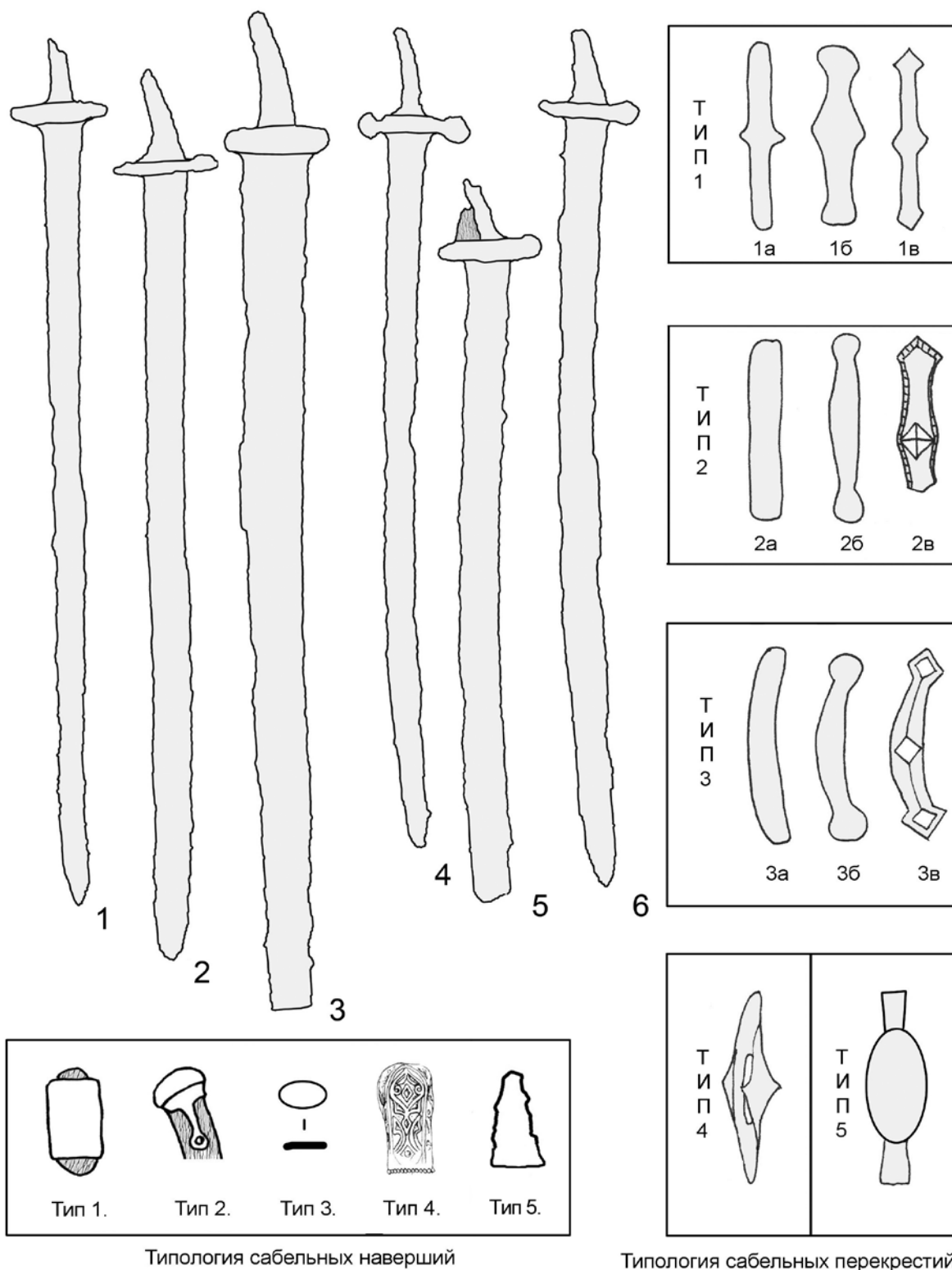

Рис. 5. Типология сабельных наверший и перекрестий. Сабли: 1–6 – не известно (вероятно, Баяновский могильник).

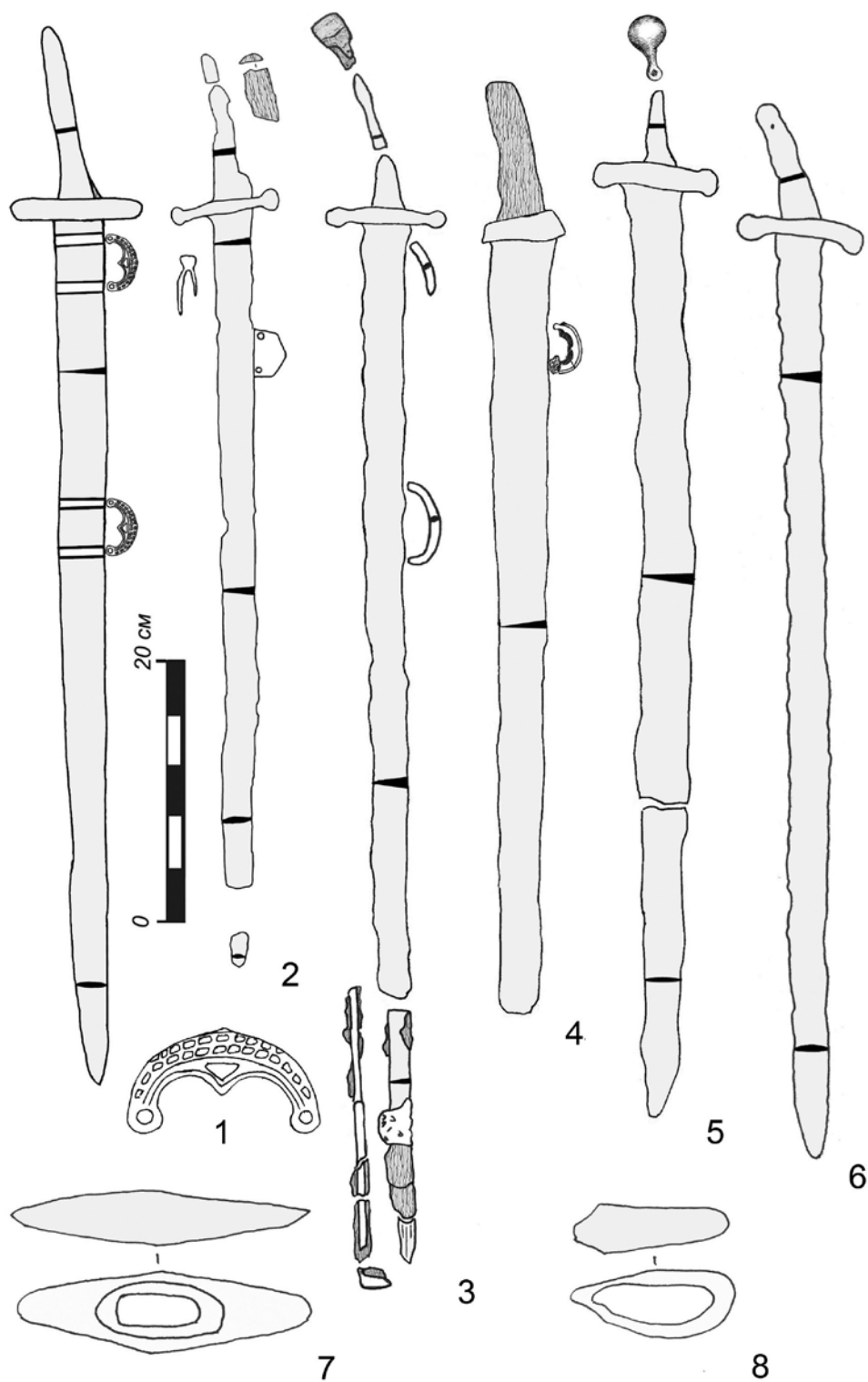

Рис. 6. Сабли и перекрестия. 1 – Баяновский, могильник. Погр. 242; 2 – Баяновский, могильник. Погр. 277; 3 – Баяновский, могильник. Погр. 341; 4 – Баяновский, могильник. Погр. 355; 5 – Баяновский, могильник. Погр. 357; 6 – Баяновский, могильник. Погр. 396; 7 – Рождественское городище; 8 – Рождественское городище.

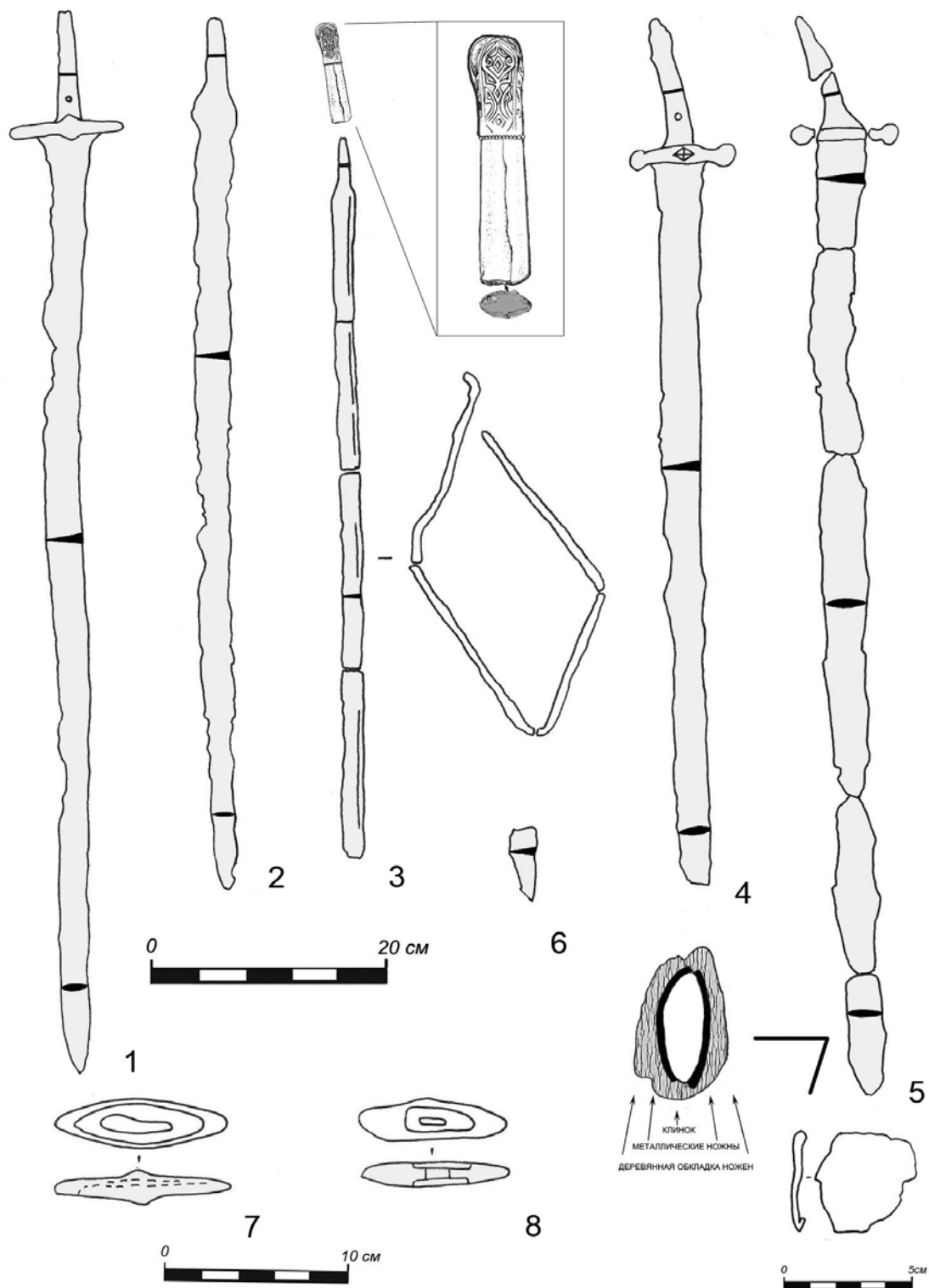

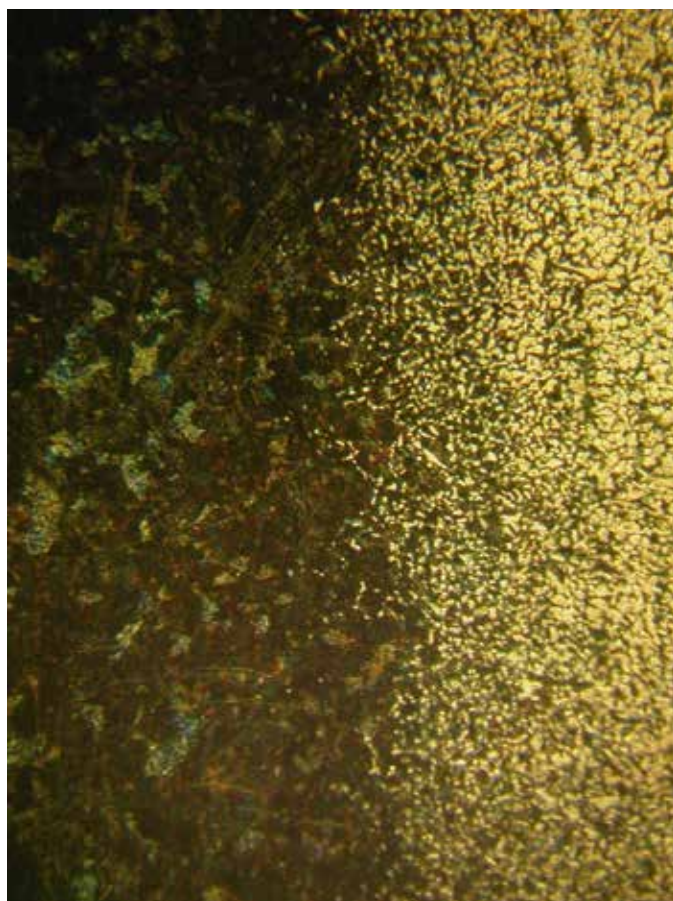
Рис. 7. Сабли и перекрестия. 1 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 2 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 3 – Рождественский могильник. Погр. 325; 4 – Баяновский могильник. Погр. 442; 5 – Баяновский могильник. Погр. 436; 6 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 7 – Саломатовское городище; 8 – Рождественское городище.

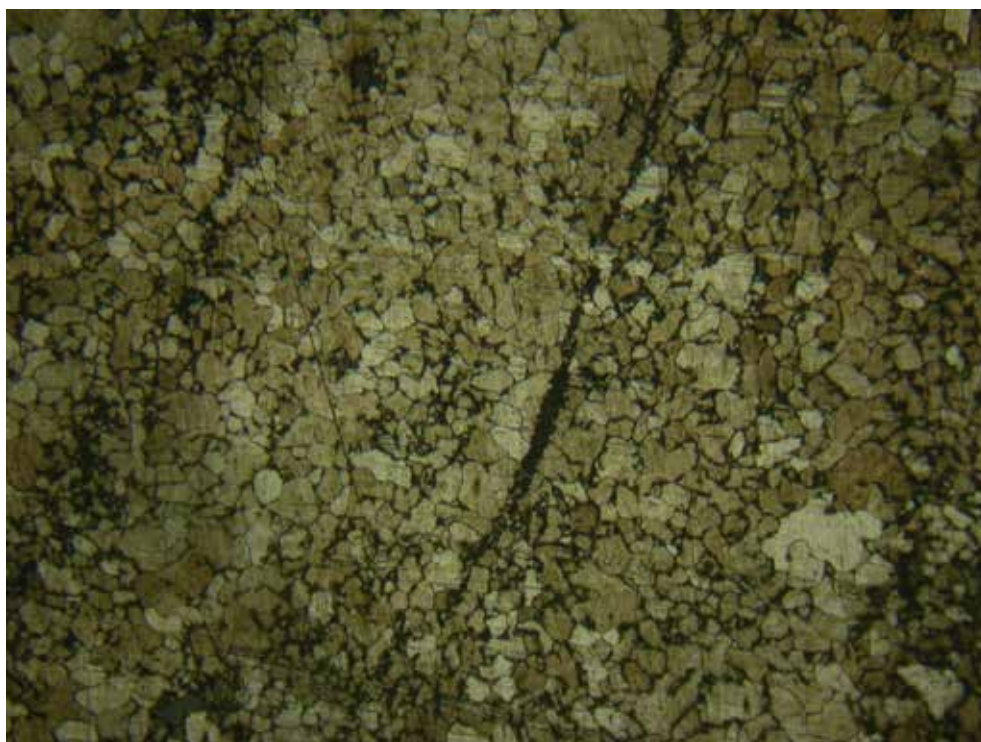
Рис. 8. Украшения рукоятей и ножен сабель Пермского Предуралья: 1 – Рождественский могильник. Погр. 325; 2–6, 8–9 – Баяновский могильник (2 – погр. 357; 3 – погр. 341; 4 – погр. 277; 5 – 341; 6 – погр. 355; 8 – погр. 93; 9 – погр. 242); 7 – Питер (Степаново Плотбище) могильник. Подъёмный материал; 10 – могильник Плёс. Погр. 26.

Рис. 9. Сабли Баяновского могильника с дополнительными элементами (подвесы, затыльники, обкладки ножен): 1 – погр. 61; 2 – погр. 59; 3 – погр. 93; 4 – погр. 90; 5 – погр. 242; 6 – погр. 277; 7 – погр. 341.

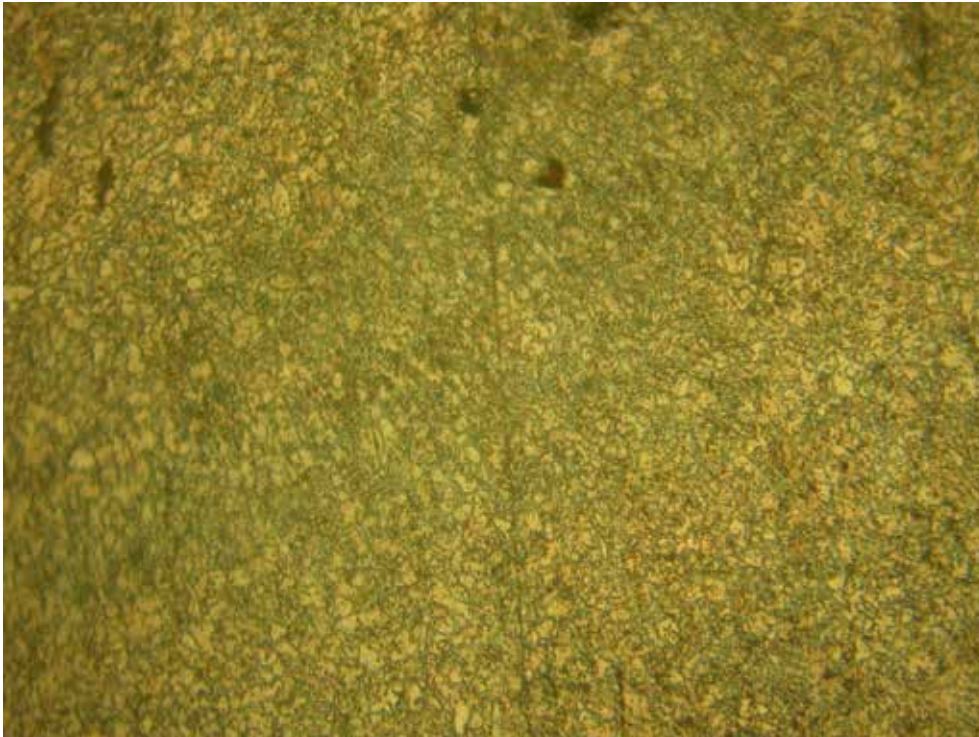

Ан. 12625. Троостит, феррит, сварка. Увеличение 100X.

Ан. 13085. Феррит. Увеличение 100X.

Рис. 10. Металлографический анализ. Ан. 12625 – сабля из погребения №196 могильника Демёнки; Ан. 13085 – сабля из погребения №341 Баяновского могильника.

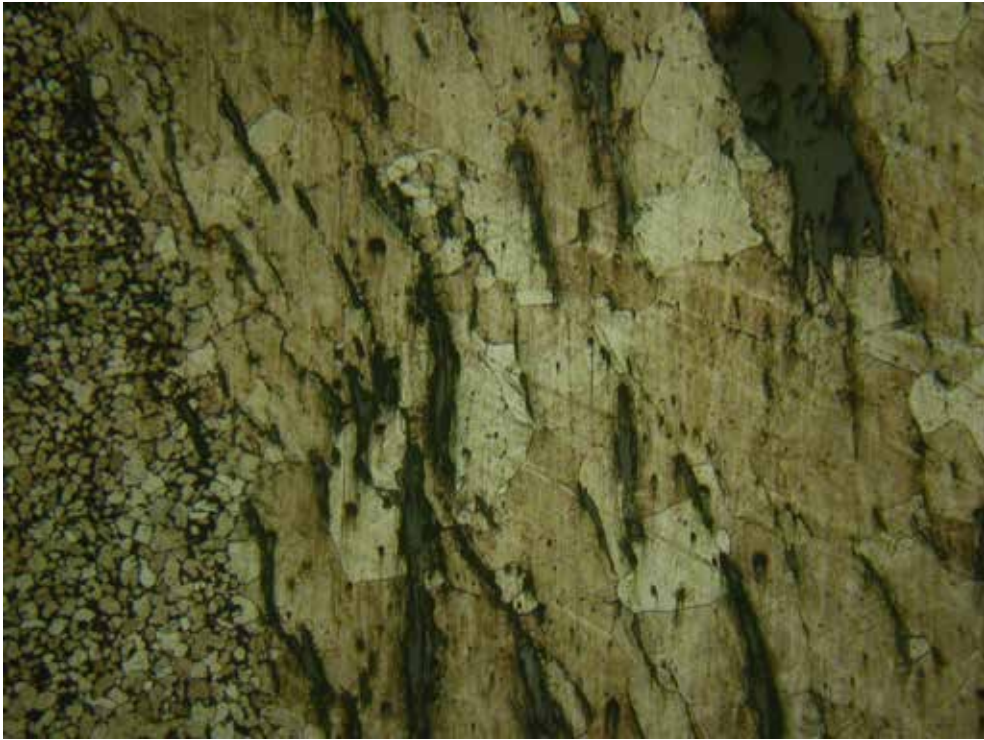

Ан. 13086. Феррит. Увеличение 160Х.

Ан. 13086. Феррит. Увеличение 100Х.

Рис. 11. Металлографический анализ. Ан. 13086 – сабля из погребения № 355 Баяновского могильника.

1

Ан. 13087. Феррит. Увеличение 100Х.

2

Ан. 13088. Феррит. Увеличение 100Х.

Рис. 12. Металлографический анализ. Ан. 13087 – сабля из погребения № 357 Баяновского могильника; Ан. 13088 – сабля из погребения № 277 Баяновского могильника.

Рис. 13. Сабли в погребениях Пермского Предуралья: 1 – могильник Демёнки. Погр. 196; 2–5 – Баяновский могильник (2 – погр. 59; 3 – погр. 357; 4 – погр. 242; 5 – погр. 107).

Таблица 1. Сабли в могильниках Пермского Предуралья

№	Памятник	Датировка памятника	Общее кол-во погребений	Погребений с саблями	Погребение	Наконечники стрел	Копьё	Топор	Сабля	Стремя	Удила	Подпругные пряжки	Плеть	Положение погребения							
														Справа	Слева	По центру (на груди)					
1	Демёнки могильник	VII-X вв.	245	2	погр.124	1			1						1						
					погр.196				1								1				
2	Телячий Брод могильник	VIII-XII вв.	88	1	погр.4		1		1		1					1					
3	Редикарский могильник	VIII-XII вв.	52	1	погр.1			1	1												
4	Баяновский могильник	IX-X в.	484	20	погр.9			1	1							1					
					погр.58		1	1	1		1				1						
					погр.59	5		1	1									1			
					погр.61	5		1	1			1						1			
					погр.90			1	1	1			2						1		
					погр.93		1	1	1			1						1			
					погр.107			1	1									1			
					погр.128	5			1			1							1		
					погр.137	1		1	1			1							1		
					погр.138	3		1	1			1							1		
					погр.151				1										1		
					погр.153			1	1			1						1			
					погр.242		1	1	1			1						1			
					погр.277	6		1	1									1			
					погр.341	2		1	1			1	1					1			
					погр.355		1	1	1			1	1	2						1	
погр.357	5			1			1							1							
погр.396	1		1	1			1							1							
погр.436		1	1	1			1						1								
погр.442	3		1	1			1							1							
5	Плѣс могильник	VIII-X вв.	54	4	погр.5	6	1	1	1	2	1	2			1						
					погр.19	1	2	1	1		1			1							
					погр.26	8	1	1	1	1	1	1	1	1			1				
					погр.51	3			1								1				

№	Памятник	Датировка памятника	Общее кол-во погребений	Погребений с саблями	Погребение	Наконечники стрел	Копьё	Топор	Сабля	Стреля	Удила	Подпругные пряжки	Шлеть	Положение погребения					
														Справа	Слева	По центру (на груди)			
6	Агафоновский I могильник	V-IX вв.	377	3	погр.92				1										
					погр.107	6		1	1	1	1								
					погр.191				1				1						
7	Аверинский II могильник	VI-IX вв.	259	2	погр.142	3			1										
					погр.158		1		1	1	1								
8	Рождественский могильник	X-XI вв.	389	1	погр.325														
9	Загарский могильник	X вв.	1	1	погр.1														

Таблица 2. Источники местонахождения сабель Пермского Предуралья

№№	Памятник	Автор исследований	Год исследований	Условия находки	Источник	Место хранения, шифр	Ссылка на рисунок
1	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1960	Погр. 5	Фонды музея	ККМ 1609/168	рис. 2: 1
2	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961	Погр. 26	Фонды музея	ККМ 642/829	рис. 2: 2
3	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961	Погр. 19	Фонды музея	ККМ	рис. 2: 3
4	Редикор, могильник	Лунегов И.А.	1969	Погр. 1	Фонды музея	ЧКМ 949/1	рис. 2: 4
5	Ильинское городище				Фонды музея	ПКМ 19322/1	рис. 2: 5
6	Не известно				Фонды музея	ПКМ	рис. 2: 6
7	Не известно				Фонды музея	ПКМ	рис. 2: 7
8	Не известно (возможно Демѣнки, могильник или Агафоновский I могильник)				Фонды музея	ПКМ 10301/1316	рис. 2: 8
9	Эсперово городище	Бординских Г.А.			Фонды музея	СКМ	рис. 2: 9
10	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.	1971	Погр. 107	Голдина, Королѣва, Макаров, 1980. С. 171. Табл. XXV.		рис. 2: 10
11	Не известно				Фонды музея	ПКМ 19332/2	рис. 2: 11
12	Искор, городище	Оборин В.А.	1975		Фонды музея	ЧКМ 1173/86	рис. 2: 12
13	Загарский могильник	Спирин Я.И.	1893	Погр. 1	Фонды музея	ПКМ 10301/787	рис. 2: 13
14	Огурдино, могильник	Крыласова Н.Б.	1995	мм	Фонды музея	ПГГПУ ОМ95/96-97	рис. 2: 14
15	Аверинский II могильник	Голдина Р.Д.	1975	Погр. 158	Голдина, 1985. С. 237. Табл. XXX		рис. 2: 15
16	Огурдино, могильник	Крыласова Н.Б.	1995	мм	Фонды музея	ПГГПУ	рис. 2: 16
17	Телячий Брод, могильник	Оборин В.А.	1964	Погр. 4	Оборин, 1965		рис. 3: 1
18	Редикор, городище	Оборин В.А.	1971		Фонды музея	ЧКМ 1074/446	рис. 3: 2
19	Редикор, городище	Оборин В.А.	1971		Фонды музея	ЧКМ 1074/812	рис. 3: 3
20	Баяновский, могильник	Оборин В.А.	1953	Погр. 9	Белавин, 2000. С. 114. Рис. 53/2.		рис. 3: 4
21	Аверинский II могильник	Голдина Р.Д.	1975	Погр. 142	Голдина, 1985. С. 237. Табл. XXX.		рис. 3: 5
22	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.		Погр. 92	Фонды музея	ГКМ	рис. 3: 6

№№	Памятник	Автор исследований	Год исследований	Условия находки	Источник	Место хранения, шифр	Ссылка на рисунок
23	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.	1972	Погр. 191	Голдина, Королёва, Макаров, 1980 С. 173. Табл. XXXII.		рис. 3: 7
24	Корнинское городище				Фонды музея	ЧКМ	рис. 3: 8
25	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2006	Погр. 58	Раскопки автора	ПКМ БМ06/910	рис. 3: 9
26	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2006	Погр. 61	Раскопки автора	ПКМ БМ06/1017	рис. 3: 10
27	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997	ПМ	Раскопки автора	ПКМ 19656/1224	рис. 3: 11
28	Не известно (возможно Демёнки, могильник)				Фонды музея	ПКМ	рис. 3: 12
29	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2006	Погр. 59	Раскопки автора	ПКМ БМ06/930	рис. 3: 13
30	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2006	ПМ	Раскопки автора	ПКМ	рис. 3: 14
31	Демёнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	Погр. 124	Генинг, 1964. С. 159. Табл. VIII.		рис. 3: 15
32	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2007	Погр. 93	Раскопки автора	ПГГПУ БМ07/717	рис. 4: 1
33	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2007	Погр. 128	Раскопки автора	ПГГПУ БМ07/2267	рис. 4: 2
34	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2007	Погр. 137	Раскопки автора	ПГГПУ БМ07/3145	рис. 4: 3
35	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2008	Погр. 151	Раскопки автора	ПГГПУ БМ08/147	рис. 4: 4
36	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2008	Погр. 153	Раскопки автора	ПГГПУ БМ08/180	рис. 4: 5
37	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2007	Погр. 90	Раскопки автора	ПГГПУ БМ07/396	рис. 4: 6
38	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2007	Погр. 107	Раскопки автора	ПКМ БМ07/1682	рис. 4: 7
39	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2007	Погр. 138	Раскопки автора	ПГГПУ БМ07/3049	рис. 4: 8
40	Демёнки, могильник	Мельничук А.Ф.	2008	Погр. 196			рис. 4: 9
41	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997	ПМ	Раскопки автора	ПКМ 364	рис. 4: 10
42	Редикор, городище	Оборин В.А.	1971		Фонды музея	ЧКМ 1074/812	рис. 4: 11
43	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Бочарова Е.О.	1998	ПМ	Фонды музея	ПГГПУ	рис. 4: 12

№№	Памятник	Автор исследований	Год исследований	Условия находки	Источник	Место хранения, шифр	Ссылка на рисунок
44	Володин Камень II селище	Белавин А.М.	1983		Фонды музея	БКМ	рис. 4: 13
45	Модороб, деревня				Спицин, 1902. Табл. XXVII.		рис. 4: 14
46	Не известно				Фонды музея	ПКМ 11339/192	рис. 4: 15
47	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997	ПМ	Раскопки автора	ПКМ 1044-1445	рис. 4: 16
48	Не известно (вероятно Баяновский могильник)	Грабительские раскопки			Фото		рис. 5: 1
49	Не известно (вероятно Баяновский могильник)	Грабительские раскопки			Фото		рис. 5: 2
50	Не известно (вероятно Баяновский могильник)	Грабительские раскопки			Фото		рис. 5: 3
51	Не известно (вероятно Баяновский могильник)	Грабительские раскопки			Фото		рис. 5: 4
52	Не известно (вероятно Баяновский могильник)	Грабительские раскопки			Фото		рис. 5: 5
53	Не известно (вероятно Баяновский могильник)	Грабительские раскопки			Фото		рис. 5: 6
54	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2011	Погр. 242	Раскопки автора	ПГГПУ БМ11/148	рис. 6: 1
55	Рождественское городище	Белавин А.М.	1985	РІ. Гл.-0,35 м	Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 164/7.		рис. 6: 7
56	Рождественское городище	Белавин А.М.	1992	РV. Гл.-0,5 м	Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 164/6.		рис. 6: 8
57	Кыласово (Анюшкар) городище	Оборин В.А.	1952		(Оборин, 1952)		рис. 4: 17
58	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2012	Погр. 277	Раскопки автора	ПГГПУ БМ12/314	рис. 6: 2
59	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2015	Погр. 341	Раскопки автора	ПГГПУ БМ15/238	рис. 6: 3
60	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2015	Погр. 355	Раскопки автора	ПГГПУ БМ15/402	рис. 6: 4

№№	Памятник	Автор исследований	Год исследований	Условия находки	Источник	Место хранения, шифр	Ссылка на рисунок
61	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2015	Погр. 357	Раскопки автора	ПГГПУ БМ15/465	рис. 6: 5
62	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2016	Погр. 396	Раскопки автора	ПГГПУ БМ16/144	рис. 6: 6
63	Питер (Степаново Плотбище) могильник		2014	ПМ	Фонды музея п.Пожва		рис. 7: 1
64	Питер (Степаново Плотбище) могильник		2017	ПМ	Фонды музея п.Пожва		рис. 7: 2
65	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2017	Погр.325	Крыласова, Белавин, Подосенова, 2017. Рис. 3/1-2	ПГГПУ РМ17/178-8	рис. 7: 3
66	Рождественское городище	Крыласова Н.Б.	2016	Жилище 5 С/90 -0,3 м; С/94 -0,21 м; яма 15 Т/91 -0,33 м	Крыласова, 2016. Рис.330/2-3	ПГГПУ РГ16/178, 122, 189	рис. 3: 16
67	Саломатовское городище	Абдулова С.И.	2013		Абдулова, 2013. Рис.94/2; 95/2	ПГГПУ СГ13/67	рис. 7: 7
68	Рождественское городище	Крыласова Н.Б.	2012	Е/74 -1,8 м	Крыласова, 2012. Рис.304/3; 305/3	ПГГПУ РГ12/792	рис. 7: 8
69	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	2018	LXXXVI/74-0,42	Раскопки автора	ПГГПУ СП18/58	рис. 7: 6
70	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2018	Погр. 442	Раскопки автора	ПГГПУ БМ18/214	рис. 7: 4
71	Баяновский, могильник	Данич А.В.	2018	Погр. 436	Раскопки автора	ПГГПУ БМ18/137	рис. 7: 5
	Плѣс могильник	Оборин В.А.	1961	Погр. 51	План погребения (перекрестие)		
	Лобанова (Коновалова) деревня				Талицкая, 1952. С. 122.		
	Ново-Михайловский могильник	Крыласова Н.Б.	1989		Памятники истории и культуры Пермской области, 1996. С. 189		

№№	Памятник	Автор исследований	Год исследований	Условия находки	Источник	Место хранения, шифр	Ссылка на рисунок
	Пыштайн могильник	Грабительские раскопки	2003		Устные сведения		
	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	1991	мм	Белавин, Крыласова, 2008. С. 320.	Утерян	

Список литературы к таблице 2:

Абдулова С.И. Отчет о раскопках Саламатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2013 г. // Архив лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014.

Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 598 с.

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. 1964. Вып. 6. С. 94–151.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Королёва О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 3–66.

Крыласова Н.Б. Отчёт о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2012 г. Архив лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013.

Крыласова Н.Б. Отчёт о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2016 г. Архив лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Подосенова Ю.А. Новый «венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника // Вестник ПНЦ. 2017. №4. С. 91–99.

Памятники истории и культуры Пермской области. Том I. Пермь, 1996. 300 с.

Спицин А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР 26. СПб: Имп. Арх. комиссия, 1902. 110 с.

Талицкая И.А. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА № 27. М, 1952. 226 с.

Таблица 3. Размеры сабель Пермского Предуралья

№	Место находки	Назначение	Длина					Ширина			Толщина			Изгиб				Дата	Примечания	Ссылка на рисунок		
			общая	клинка	хвостовика	обойдустрого конца	перекрестия	лезвия у перекрестия	хвостовика	обойдустрого конца	перекрестия	клинка	обойдустрого конца	хвостовика	лезвия см	хвостовика град.	тризга поперечного				тип перекрестия	тип навершия рукояти
1	Плѣс могильник	Сабля	87,2	78,7	8,5	16,0	9,9	4,0	1,6	2,7	1,2	0,7	0,4	0,3	0,4	3,0	2	1а	2	VIII-X вв.	Дол, ножны	рис. 2: 1
2	Плѣс могильник	Сабля	87,6	78,0	9,6	12,8	10,0	3,4	1,8	2,2	1,2	0,8	0,5	0,4	0,4	7,0	2	1а	2	VIII-X вв.	Ножны	рис. 2: 2
3	Плѣс могильник	Сабля	81,6	73,3	8,3	16,0	10,2	4,0	1,3	2,7	1,5	0,6	0,4	0,4	7,0	2	2б			VIII-X вв.		рис. 2: 3
4	Редикор могильник	Сабля	89,0	77,8	11,2	16,3	9,6	3,4	1,9	2,5	1,2	0,8	0,4	0,4	1,3	2,0	2	1а		VIII-XII вв.		рис. 2: 4
5	Ильинское городище	Сабля	86,7	77,1	9,6	13,7	9,9	3,3	1,5	2,4	1,0	0,5	0,4	0,2	1,1	5,0	2	1в		IX-XII вв.		рис. 2: 5
6	Не известно	Сабля	64,9+	60,9	4,0+	8,3	9,7	2,4	1,9	2,6	1,0	0,5	0,3	0,3	0,2	?	2	1а				рис. 2: 6
7	Не известно	Сабля	66,2+	66,2+	?	19,2+	?	2,4	?	2,3	?	0,7	0,2	?	0,8	?	2	?				рис. 2: 7
8	Не известно	Сабля	66,3+	65+	1,3+	3,2+	?	3,0	2,4	2,3	?	0,5	0,3	0,3	0,5	?	2	?			Может быть с Агафоновско-го I мог. или Демёнковско-го мог.	рис. 2: 8
9	Эсперово городище	Сабля	?	18,5+	?	0,0	?	?	?	0,0	?	0,6	0,0	?	?	?	?	?		IX-XIII вв.	Фрагмент	рис. 2: 9
10	Агафоновский I могильник	Сабля	?	76,8+	?	?	?	3,2	?	?	?	?	?	?	0,4	?	2	?		VII-IX вв.		рис. 2: 10
11	Не известно	Сабля	81,2	71,4	9,8	6,5	?	3,6	2,1	2,6	?	0,7	0,3	0,3	0,2	0,0	2	?				рис. 2: 11
12	Искорское городище	Сабля	?	14,5+	5,1+	?	?	2,8	2,1	?	?	0,6	?	0,3	?	3,0	?	?		IX-XIV вв.	Фрагмент	рис. 2: 12

№	Место находки	Назначение	Длина				Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок
			общая	клинка	хвостовика	обойдустрого конца	перекрестия	хвостовика	обойдустрого конца	перекрестия	клинка	обойдустрого конца	хвостовика	хвостовика град.	треть максимального изгиба попося			
13	Загарский могильник	Сабля	56+	45,5+	10,5	0,0	6,2+	3,1	2,3	0,0	0,4	0,6	11,0	2	2в		X вв.	рис. 2: 13
14	Огурдинский могильник	Сабля	?	32,3+	?	?	?	?	?	3,2	?	0,5	?	?	?		XI вв.	рис. 2: 14 Фрагменты
15	Аверинский II могильник	Сабля	72,0	62,0	10,0	0,0	5,2	3,2	2,0	0,0	?	0,6	3,0	2	2а		VI-IX вв.	рис. 2: 15
16	Огурдинский могильник	Сабля	?	22,8+	?	?	?	?	?	3,3	?	?	?	?	?		XI вв.	рис. 2: 16 Фрагмент
17	Телячий Брод могильник	Сабля	74,0+	69,8	4,2+	-	9,6	3,5	2,0	-	?	0,5	2,0	2	1а		VIII-XII вв.	рис. 3: 1
18	Редикорское городище	Ножны															IX-XIV вв.	рис. 3: 2
19	Редикорское городище	Ножны															IX-XIV вв.	рис. 3: 3
20	Баяновский могильник	Сабля	85,0	77,0	8,0	?	?	3,2	1,2	?	?	?	0,4	5,0	2	?	IX-X вв.	рис. 3: 4 Ножны
21	Аверинский II могильник	Сабля	88,0	79,6	8,0		7,6	4,0	2,0		?	0,6	5,0	2	2а		VI-IX вв.	рис. 3: 5
22	Агафоновский I могильник	Сабля	?	?	10,4	?	6,8	4,0	2,0	?	?	0,5	?	?	2б		VII-IX вв.	рис. 3: 6 Ножны обтянуты кожей
23	Агафоновский I могильник	Сабля	?	12,8+	?	?	?	?	?	?	?	0,5	?	?	?		VII-IX вв.	рис. 3: 7 Фрагмент
24	Корнинское городище	Ножны	41,0+									0,5					IX-XIV вв.	рис. 3: 8
25	Баяновский могильник	Сабля	86,7	78,2	8,5	23,7	11,7	3,2	1,5	2,7	0,4	0,7	2,0	2	3а	1	IX-X вв.	рис. 3: 9 Ножны

№	Место находки	Назначение	Длина					Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок			
			общая	клинка	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	лезвия у перекрестия	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	клинка	обуюдоострого конца	хвостовика	лезвия см	хвостовика град.				тризья максимального изгиба поперсы	тип перекрестия	тип навершия рукояти
26	Баяновский могильник	Сабля	76,5	68,5	8,0	20,7	11,2	3,2	1,9	2,4	0,9	0,5	0,3	0,5	0,7	12,0	2	2а	2	IX-X вв.	Ножны	рис. 3: 10
27	Питер (Станово Плогбице) могильник	Сабля	?	36,0+	4,0+	17,7+	?	?	?	2,7	?	0,7	0,3	?	?	?	?	?	?	IX-XI вв.	Фрагменты	рис. 3: 11
28	Не известно	Сабля	54,8+	52,0	2,8+	0,0	?	2,2	1,4	0,0	0,0	0,5	0,0	0,3	0,2	3,0	2	?	?		Демёнковский могильник ?	рис. 3: 12
29	Баяновский могильник	Сабля	78,4	71,4	7,0	16,0	10,2	3,7	1,5	2,5	1,0	0,6	0,4	0,4	0,9	7,0	2	3а	1	IX-X вв.	Ножны	рис. 3: 13
30	Баяновский могильник	Сабля	80,0	72,0	8,0	17,7	5,7+	2,9	2,0	2,0	1,1	0,6	0,3	0,3	1,0	8,0	2	2б		IX-X вв.	из сборов с разграбленных погребений	рис. 3: 14
31	Демёнки могильник	Сабля	64+	52,8+	11,2	?	10,4	3,8	2,4	?	0,8	?	?	?	?	3,0	?	3б		VI-X вв	конец сломан, в деревянных ножнах	рис. 3: 15
32	Баяновский могильник	Сабля	83,0	71,5	11,5	11,4	10,0	3,8	2,3	3,0	2,0	0,6	0,3	0,4	0,6	7,0	2	3б		IX-X вв.		рис. 4: 1
33	Баяновский могильник	Сабля	64,8+	53,0+	11,8	?	?	3,0	2,1	2,1	1,3	0,5	0,4	0,4	0,3	6,0	2	2а	1	IX-X вв.		рис. 4: 2
34	Баяновский могильник	Сабля	77,2+	73,5	3,7+	16,0	9,4	3,0	2,0	2,5	1,5	0,6	0,4	0,6	1,2	6,0	3	2а		IX-X вв.		рис. 4: 3
35	Баяновский могильник	Сабля	77,5+	74,9	2,6+	13,5	?	3,3	1,7	2,5	0,8	0,5	0,5	0,3	1,0	6,0	2	2а		IX-X вв.		рис. 4: 4
36	Баяновский могильник	Сабля	70,5+	60,0+	10,5	6,0+	?	3,7	2,0	2,5	?	0,5	0,5	0,8	0,5	17,0	2	?		IX-X вв.		рис. 4: 5

№	Место находки	Назначение	Длина				Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок	
			общая	клинка	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	клинка	обуюдоострого конца	хвостовика	лезвия см	хвостовика град.				треть максимального изгиба поперсы
37	Баяновский могильник	Сабля	72,5+	63,2+	9,3	5,6+	8,3	3,3	2,3	2,1	1,7	0,4	1,2	17,0	2	26	2	IX-X вв.	рис. 4: 6
38	Баяновский могильник	Сабля	79,3+	68,9+	10,4	10,9+	8	3,9	2,0	2,4	1,1	0,4	1,0	10,0	2	26		IX-X вв.	рис. 4: 7
39	Баяновский могильник	Сабля	81,4	71,5	9,9	12,5	?	3,4	2	2,4	1,5	0,4	1,1	7	2	?	3	IX-X вв.	Ручка отделана на тканью рис. 4: 8
40	Деменки могильник	Сабля	85,3	78	7,3	16	8,4	3,2	1,2	2,1	1,3	0,4	1	12	3	36		X вв.	рис. 4: 9
41	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Перекрестие					8,5				0,7					2a		IX-XI вв.	рис. 4: 10
42	Редикор, городище	Перекрестие					7,7				1,4					1a		IX-X вв.	рис. 4: 11
43	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Перекрестие					8,5				0,8					2a		IX-XI вв.	рис. 4: 12
44	Володин Камень II селище	Перекрестие					6,8				1,5					1a		IX-X вв.	рис. 4: 13
45	Молороб деревня	Перекрестие					10,3				1,5					4		XIII в.	рис. 4: 14

№	Место находки	Назначение	Длина					Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок								
			общая	клинка	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	лезвия у перекрестия	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	клинка	обуюдоострого конца	хвостовика град.	лезвия см	треть максимального изгиба попося				тип перекрестия	тип навершия рукояти						
46	Не известно	Перекрестие																	рис. 4: 15								
47	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Перекрестие																	рис. 4: 16								
48	Не известно	Сабля																	рис. 5: 1								
49	Не известно	Сабля																	рис. 5: 2								
50	Не известно	Сабля																	рис. 5: 3								
51	Не известно	Сабля																	рис. 5: 4								
52	Не известно	Сабля																	рис. 5: 5								
53	Не известно	Сабля																	рис. 5: 6								
54	Баяновский могильник	Сабля	87,5	74,8	12,7	12,8	10,5	4,5	2,3	2,5	1,4	0,5	0,3	0,3	0,8	6,0	2	2а	2а	2	2а	2	2а				рис. 6: 1

№	Место находки	Назначение	Длина					Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок	
			общая	клинка	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	лезвия у перекрестия	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	клинка	обуюдоострого конца	хвостовика	хвостовика град.	треть максимального изгиба поюсы				тип перекрестия
55	Рождественское городище	Перекрестие																	рис. 6: 7	
56	Рождественское городище	Перекрестие																	рис. 6: 8	
57	Кыласово (Аношкар) городище	Перекрестие																	рис. 4: 17	
58	Баяновский могильник	Сабля	70,3+	60,3+	10	11,8+	9,2	3,6	2,2	2,6	1,4	0,3	0,4	0,3	6,0	2	2а		рис. 6: 2	
59	Баяновский могильник	Сабля	64+	59+	5+	6,2+	9,0	3,4	2,0	2,5	1,3	0,3	0,4	1,0	2+	2	36		рис. 6: 3	
60	Баяновский могильник	Сабля	75+	63,7	11,3	?	6,2+	4,3	3,1	?	2,1	1,0	?	0,5	0,9	11,0	2	36		рис. 6: 4
61	Баяновский могильник	Сабля	78,2	71,2	7,0	15,1	9,4	4,0	1,7	3,0	1,7	0,7	0,3	0,3	0,9	3,0	2	36		рис. 6: 5
62	Баяновский могильник	Сабля	79,5	70,0	9,5	14,7	9,0	3,2	2,5	2,7	1,4	0,5	0,3	0,4	0,8	20,0	2	36		рис. 6: 6
63	Питер (Стеланово Плогбице) могильник	Сабля	92,5	82,1	10,4	19,5	10,0	3,7	1,9	2,7	1,4	0,6	0,4	0,4	0,3	5,0	2	1а		рис. 7: 1
64	Питер (Стеланово Плогбице) могильник	Сабля	75,5	69,0	6,5	16,3	?	2,8	1,9	2,4	?	0,5	0,3	0,3	0,3	3,0	2			рис. 7: 2

№	Место находки	Назначение	Длина					Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок		
			общая	клинка	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	лезвия у перекрестия	хвостовика	обуюдоострого конца	перекрестия	клинка	обуюдоострого конца	хвостовика	лезвия см	хвостовика град.				треть максимального изгиба попося	тип перекрестия
65	Рождественский могильник	Сабля	62+	57+	5+		перекрестия			1,8	0,8		0,4	0,3		4,0	2	4	X-XI вв.		рис. 7: 3
66	Рождественское городище	Сабля		17,9					2,8			0,7									рис. 3: 16
67	Саломатовское городище	Перекрестие					7,6								1,2						рис. 7: 7
68	Рождественское городище	Перекрестие																			рис. 7: 8
69	Питер (Стеланово Плотбище) могильник	Сабля	6,6+	6,6+									0,5		2,5						рис. 7: 6
70	Баяновский могильник	Сабля	73+	61,5+	11,5	5,5	8,8		3,6	2,2	2,6	0,6	0,4	0,5	0,7	8,0	2				рис. 7: 4
71	Баяновский могильник	Сабля	88,0	78,0	10,0	71,0			3,8	1,8	2,8	0,7	0,4	0,5	15,0		26				рис. 7: 5
	Лобанова (Коновалова) деревня	Сабля																			
	Ново-Михайловский могильник	Сабля																			

№	Место находки	Назначение	Длина				Ширина			Толщина			Изгиб			Дата	Примечания	Ссылка на рисунок
			общая	клинка	хвостовика	обойдустрого конца	перекрестия	лезвия у перекрестия	хвостовика	обойдустрого конца	перекрестия	клинка	обойдустрого конца	лезвия см	хвостовика град.			
	Пыштайн могильник	Сабля														По данным чёрных археологов		
	Плёт могильник	Перекрестие														Утеряно		
	Рождественский могильник	Сабля	31			0	3				0,5					X в.		

64,9+ обозначение сохранившегося размера, плюс означает что размер не полный (обломлен)

НАКОНЕЧНИК НОЖЕН МЕЧА ИЗ СТАРОЙ БЕЛИЦЫ (ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛ., БЕЛАРУСЬ)

УДК 902.1:623.444.2(476.2)
DOI: 10.25681/LARAS.2022.978-5-903587-93-3.162-170

© 2022 г. Каинов С.Ю. (skainov@mail.ru), к.и.н.,
Государственный исторический музей, Москва, Россия.
© 2022 г. Макушников О. А. (makushnikov@tut.by), д.и.н.,
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель,
Республика Беларусь.

Резюме: Статья посвящена наконечнику ножен меча, найденному д. Старая Белица в окрестностях г. Гомеля на территории выявленного древнерусского поселения. Относится к редкой группе высоких цельнолитых наконечников, датирующихся концом X – первой половиной XI в., вероятно, производившихся на территории Древней Руси. Значительная площадь селища, большое количество курганов, когда то находившихся рядом, и находка наконечника ножен меча могут указывать, что в ближних окрестностях летописного Гомия – д. Старой Белицы, находилось поселение, которое контролировалось представителями княжеской администрации.

Ключевые слова: Старая Белица, Гомель, Древняя Русь, наконечник ножен меча.

The sword's scabbard chape from Staraya Belitsa (Gomel region, Belarus)

© 2022 Kainov S.Yu. (skainov@mail.ru), Candidate of Historical Sciences,
State Historical Museum, Moscow, Russia.
© 2022 Makushnikov O.A. (makushnikov@tut.by), Doctor of Historical Sciences,
Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.

Abstract: The article is dedicated to the sword's scabbard chape found at the village of Staraya Belitsa in the vicinity of Gomel on the territory of the identified Ancient Rus' settlement. It belongs to a rare group of high cast chapes dating from the end of the 10th – the first half of the 11th century, probably produced in Ancient Rus'. A significant area of the settlement, a large number of barrows that used to be nearby and the find of the sword's scabbard chape may indicate that in the immediate vicinity of the chronicles' Gomiy near the village of Staraya Belitsa, there used to be a settlement that was controlled by the representatives of the princely administration.

Key words: Staraya Belitsa, Gomel, Ancient Rus', sword's scabbard chape.

В 2015 г. в Археологический музей-лабораторию Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины поступили два бронзовых предмета, найденные краеведом В.А. Косяком на распаханном поле у д. Старая Белица Урицкого сельсовета Гомельского района: накладка-хвостовик поясная с многолепестковым орнаментом и крест-тельник с лопастевидными окончаниями. Оба предмета относятся к древнерусской эпохе.

В 2018 г. местонахождение обследовала экспедиционная группа университета под руководством О.А. Макушников, в которую входили автор первых открытий и гомельский краевед Д.П. Тимошенко. В результате разведки установлено, что в 0,2 км на север от огородов Старой Белицы находятся остатки многослойного поселения. Они занимают мыс террасы левого берега мелиорированной р. Беличанка (Белица), левого притока р. Уза, правого притока р. Сож. Артефакты (в основном средневековые) собраны на участке старопахотного поля, которое возвышается над поймой Беличанки на 3–4 м. Со всех сторон, кроме напольной восточной, мыс окружен мелиоративными каналами.

Почти все артефакты найдены на возвышенной части мыса, которую маркирует отметка-горизонталь 128 м в балтийской системе отсчета. В плане она очерчивает площадку овальной формы, вытянутую с запада на восток примерно на 400 м при ширине до 200 м. Площадь сборов подъемного материала составила около 7–8 га.

К раннему периоду истории памятника принадлежат кремневый отщеп и стенка лепного неорнаментированного сосуда. Основной материал сборов относится к периоду Руси. На пашне встречено более сотни фрагментов древнерусской круговой керамики, датировка которой по аналогиям может быть определена в рамках конца X – середины XIII в. Серия прочих находок периода Руси (или предположительно этой эпохи) репрезентативна. В нее входят следующие предметы:

1) пряслице фиолетового овручского сланца (рис. 1: 11);

2) обломок браслета стеклянного плоско-выпуклого непрозрачного (вероятно, темно-зеленого) (рис. 1: 7);

3) обоймица из медного сплава пластинчатая разомкнутая (рис. 1: 9);

4) перстень литой из медного сплава зам-

кнутый ложновитой плосковыпуклого сечения (рис. 1: 5). Ложновитые перстни характерны для культуры Руси. В Новгороде Великом они встречаются в слоях начала XI – начала XV в.¹ Ближайшая аналогия старобелицкому перстню из Новгорода датируется 50–70-ми годами XI в.²;

5) Обломок литой из медного сплава малой подвески-лунницы (рис. 1: 13). Аналогичные изделия широко распространены на территории Руси. Они часто встречаются и в наборе женских украшений радимичских курганов конца X – первой половины XII в.³;

6) Смятый обломок пустотелого бубенчика из медного сплава (рис. 1: 10);

7) Пуговица с петелькой цельнолитая из медного сплава, выполненная в форме «гирьки» (рис. 1: 8);

8) Обломок браслета литого из медного сплава пластинчатого с орнаментом «плетеная косичка» (рис. 1: 6). Новгородские пластинчатые браслеты с похожим орнаментом относятся к 30-м годам XII – концу XIII в.⁴;

9) Крест нательный литой из медного сплава с окончаниями в виде «шариков» (рис. 1: 12);

10) Обломок серебряного(?) в темно-серой патине пластинчатого перстня с растительно-соляным орнаментом (рис. 1: 14);

11) Репейка шпоры литая из медного сплава 6-лучевая обломанная (рис. 1: 4);

12–13) Два железных подвесных ушка для ведер (рис. 1: 1–2);

14) Обломанное лезвие железного ножа (рис. 1: 3).

Замечательной находкой из Старой Белицы является нижняя часть наконечника ножен меча из медного сплава (рис. 2). Частично сохранился гладкий корпус наконечника, нижняя часть которого орнаментирована рельефной композицией растительного характера и оканчивается выступом цилиндрической формы с закругленным концом.

Несмотря на относительно плохую сохранность наконечника, определить его аналогии не представляет особой сложности. Подобная орнаментация нижней части фиксируется у ряда наконечников, известных по публикациям⁵ (рис. 3). Их хорошая сохранность позволяет более подробно охарактеризовать рельефную орнаментацию. В центре нижней части корпуса расположен бутон, фланкированный двумя «ле-

¹ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 125–127.

² Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 126–127.

³ Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004. С. 73; рис. 11: 7.

⁴ Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 113. Рис. 42: 15, 16.

⁵ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit: ein Beitrag zur Frühges. chichte Osteuropas. Stuttgart, 1953. P. 66. Abb. 79; Civilizația medievală timpurie din Transilvania: rit și ritual funerar (secolele IX–XI). Catalogul expoziției. Alba Iulia: Muzeul national al uniriialba Iulia, 2002. P. 47. № 103; Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань, 2008. Илл. 5.

пестками», из которого произрастает побег с тремя кринами. Верхняя часть корпуса наконечника ограничена бортиком, орнаментированным плетенкой и внизу подчеркнутым псевдожемчужной обнизью. Рамка наконечника оканчивается стилизованными птичьими головами, повернутыми в профиль. Большая часть корпуса наконечника гладкая, лишённая орнаментации.

В типологии Г.Ф. Корзухиной схожие наконечники можно найти в V группе, включающей несколько разновидностей относительно крупных бутеролой с гладким корпусом и рельефными верхним бортиком и нижним колпачком. Сходящийся под углом бортик у таких наконечников оканчивается птичьей головой или головой животного⁶. Г.Ф. Корзухина, отмечая стилистическое разнообразие входящих в эту группу наконечников, предполагала существование нескольких центров их производства, один из которых располагался «где то в районе Дуная», второй – в Восточной Пруссии⁷. Исследователь предложила датировать всю группу концом X – началом XI в., отмечая, что почти утратившие орнаментацию наконечники, найденные в Польше и в Восточной Пруссии, относятся к концу XI–XII вв.⁸

В типологии П. Паульсена единственный схожий с белицким наконечник включён к «варяго-балтийскую группу» наконечников с «восточной пальметтой» (тип III.2)⁹. Как и в типологии Г.Ф. Корзухиной в одну группу у П. Паульсена входят экземпляры, довольно разнообразные по орнаментации. При этом объединяются низкие (4,5–5,8 см) наконечники, отлитые из медного сплава, и серебряные высокие сложносоставные экземпляры из Киева и Путели Турайдас¹⁰. По мнению П. Паульсена наконечники типа III.2 изготавливались в Юго-Восточной Прибалтике в первой половине XI в.¹¹

В основе типологии балтских наконечников ножен, предложенной В. Казакиявичусом, лежит классификационная схема П. Паульсена. Наконечники, схожие с экземпляром из Старой Белицы, В. Казакиявичус не рассматривает. Родственные им наконечники относятся к типу IIIb наконечников с «восточной пальметтой» – «большие наконечники с гладкой поверхностью, заканчивающиеся у острия небольшой «пугови-

цей», или без нее, а на другом конце имеется отросток, напоминающий стилизованную головку птицы» (рис. 4)¹². Исследователь предполагал, что наконечники типа IIIb изготавливались в Восточной Прибалтике в XI в. К особому варианту – IIIb1 – В. Казакиявичус отнёс высокий серебряный наконечник с накладными деталями из Граужяй (Литва) который также датируется XI в.¹³

При анализе наконечников ножен мечей с территории Латвии А. Томсонс использовал классификацию В. Казакиявичуса, несколько дополнив её¹⁴. К типу IIIb относится семнадцать наконечников, которые, однако, не образуют типологического единства. Наконечников, аналогичных найденному в Старой Белице, среди латвийского материала не выявлено.

С нашей точки зрения во всех упомянутых типологиях наконечники ножен сгруппированы излишне обобщенно, притом, что имеющийся материал позволяет построить более дробные и логически оправданные классификационные схемы. Но в рамках настоящей статьи, посвященной публикации одного фрагмента наконечника, делать это нецелесообразно и поэтому ограничимся только предложением перегруппировать материал в рамках типа IIIb (по типологии В. Казакиявичуса), дополнив его не учтенными в типологии наконечниками. Внутри этого типа, опираясь на технологические и орнаментальные признаки, можно выделить минимум три варианта, по всей видимости, связанных общей эволюцией (рис. 5).

Наиболее ранними наконечниками типа IIIb стоит признать высокие (18,5–22 см) образцы, спаянные из нескольких серебряных деталей и иногда дополнительно украшенные в техниках гравировки, чеканки, золочения и чернения (рис. 5: 1). Вслед за В. Казакиявичусом обозначим этот вариант IIIb1. По мнению В.Н. Зоценко, существовало два центра производства таких наконечников – один в Среднем Поднепровье, второй – в Юго-Восточной Балтии¹⁵. Находки моделей для изготовления деталей «среднеднепровских» сложносоставных наконечников в Великом Новгороде и в Брянской области позволяет говорить не о среднеднепровском центре, а о древнерусском производстве подобных нако-

⁶ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. 1950. Т. XIII. М.; Л. С. 67.

⁷ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI века. С. 68.

⁸ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI века. С. 67.

⁹ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit... P. 67–84.

¹⁰ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit... P. 71, 73. Abb. 83–85, 93, 103.

¹¹ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit... P. 73.

¹² Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) // Lietuvos archeologija, T. 15. Vilnius, 1998. P. 328.

¹³ Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos. P. 328–329.

¹⁴ Tomsons A. Zobenī Latvijas teritorijā no 7. līdz 16. gadsimtam. Rīga, 2019.

¹⁵ Зоценко В.Н. Высокие наконечники ножен мечей конца X – начала XI вв. Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999. С. 47.

нечников¹⁶. Хронологически наконечники, имеющие древнерусское происхождение, относятся к концу X – первой половине XI в.

Наконечники второго варианта (ШВ2), к которому относится и наконечник из Старой Белицы, отлиты из медного сплава (рис. 5: 2). Бортики и нижний колпачок, у наконечников предыдущего варианта напаиваемые на корпус, у данного варианта отливаются вместе с корпусом. Упрощение технологии изготовления, тем не менее, в большинстве случаев не ведет к ухудшению качеству проработки деталей, которые повторяют орнаментальные решения наконечников варианта ШВ1.

Наконечники варианта ШВ3 также отлиты из медного сплава (рис. 5: 3). Орнаментация значительно упрощается и ухудшается качество проработки деталей. Голова птицы превращается в малопонятный изогнутый выступ. Большое количество находок подобных наконечников на территории расселения балтских племен позволяет считать, что именно там они и изготавливались. Наиболее распространенная датировка таких наконечников – XI в. Тем не менее, находка подобного наконечника с мечом типа E (по типологии Я. Петерсена) в погребении 125/1929 могильника Линкунен, по мнению Н. Гёсслера и К. Яна, позволяет расширить датировку до рубежа X/XI вв.¹⁷

Возвращаясь к наконечнику из Старой Белицы, стоит подчеркнуть, что среди опубликованных экземпляров ножен мечей, обнаруженных на территории Беларуси, сходные образцы не известны¹⁸. Найдены лишь два наконечника варианта ШВ3. Один из них происходит из раскопок Городища на Менке, а второй предположительно найден в Гольшанах¹⁹. К сожалению, отсутствие узкой стратиграфической даты в первом случае и обстоятельства находки во втором, не дают возможности датировать эти наконечники.

Авторам удалось собрать информацию о находках не менее 12 целых и фрагментированных наконечников, аналогичных экземпляру из Старой Белицы (Румыния – 1, Венгрия – 1, Россия – 5, Украина – 5). К сожалению, подавляющее их большинство происходит из несанкционированных раскопок на территории России и Украины

и лишены археологического контекста. Концентрация наконечников этого варианта на древнерусской территории и стилистическое единство с наконечниками варианта ШВ1, чье древнерусское производство подтверждается находками моделей для их изготовления, позволяют уверенно утверждать, что и бутероли варианта ШВ2 изготавливались в Древней Руси. Наконечники, найденные за её пределами, можно считать результатом военных или торговых контактов.

Единственным закрытым комплексом, содержащим наконечник ножен варианта ШВ2, является погребение в могильнике Beszterec (Венгрия), содержащем захоронение всадника, вооруженного мечом типа S (по типологии Я. Петерсена). Наиболее вероятная датировка погребения – конец X – начало XI в.²⁰ В каталоге наконечников мечей Г.Ф. Корзухиной под № 43 указан фрагмент наконечника ножен, аналогичный наконечнику из Белицы и хранящийся в Киевском историческом музее (ныне Национальный музей истории Украины) «при мече без рукоятки № 67191-6430»²¹. Наконечник и меч были получены в 1894 г. от Археологической комиссии как найденные в Киевском уезде Киевской губернии. Г.Ф. Корзухина работала в Киевском историческом музее в 1938–1941 гг. и зафиксировала ситуацию до частичной депаспортизации коллекций музея во время Великой Отечественной войны²². Меч № 6430 после войны хранился среди депаспортизованных вещей и привлёк внимание только в 90-х гг. XX в. Расчистка позволила выявить с одной стороны клинка остатки буквенного клейма, по мнению А.Н. Кирпичникова, читающегося как «СЛАВ...»²³. Из деталей рукоятки меча сохранилось только перекрестие, особенности инкрустации которого позволяют уверенно отнести меч к типу V по типологии Я. Петерсена. А.Н. Кирпичников на основании предположения о происхождении меча из кремационного погребения, датировал его серединой – третьей четвертью X в.²⁴ С нашей точки зрения нахождение этого меча в кремации не очевидно и для определения хронологии комплекса необходимо привлекать общие данные о времени бытования мечей типа V. Ф.А. Андрощук отмечает, что шведский,

¹⁶ Каинов С.Ю., Олейников О.М. Модель для изготовления деталей наконечников ножен мечей (Власьевский 2 раскоп, Великий Новгород) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 223–225.

¹⁷ Gofler N., Jahn C. Wikinger und Balten an der Memel: Die Ausgrabungen des frühgeschichtlichen Gräberfeldes von Linkuhnen in Ostpreußen 1928–1939 // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Band 16. Mainz, 2019. P. 217. Taf. 70.

¹⁸ Плавинский Н.А. Наконечники ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 505–515.

¹⁹ Плавинский Н.А. Наконечники ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии. С. 506. Рис. 1: 4, 6.

²⁰ Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit... P. 66. Abb. 79.

²¹ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия ... С. 91.

²² Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. От редколлегии // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 6.

²³ Кирпичников А.Н. Новообнаруженный древнерусский подписной меч // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1996. С. 719–720.

²⁴ Кирпичников А.Н. Новообнаруженный древнерусский подписной меч. С. 717.

восточноевропейский и исландский материал указывает на появление этого типа меча в середине – второй половине X в.²⁵ Наиболее поздний образец меча типа V, по всей видимости, происходит из камерного погребения КН-5 могильника Удрай, которое Н.И. Платонова датирует первой половиной XI в.²⁶ Таким образом, если меч и наконечник ножен из Киевского уезда Киевской губернии происходят из одного комплекса, время их археологизации может широко датироваться в рамках второй половины X – первой половины XI в.

К сожалению, остальные наконечники ножен варианта ШВ2, как уже отмечалось, найдены вне археологического контекста и не могут быть использованы для определения хронологии этого варианта.

Имеющиеся скудные данные о датировке наконечников варианта ШВ2, а также стилистическое единство наконечников вариантов ШВ1 и ШВ2 позволяют предполагать, что они могли сосуществовать в рамках конца X – первой половины XI в. Этим хронологическим периодом и предлагается датировать наконечник из Старой Белицы.

Со вновь выявленным древнерусским поселением у Старой Белицы, вероятно, связаны курганы, известные в историографической традиции. Упоминание о них дается Е.Р. Романовым в рабо-

те 1910 г. Он отмечал, что в д. Роги и в селе Старой Белице на правом берегу р. Беличанки имеется 400 курганов. По его данным, множество курганов было распахано до 1861 г., а в 1873 г. здесь были найдены костяки, бусы и железные предметы²⁷. На страницах археологической карты, изданной в 1971 г., Г.В. Штыхов констатировал наличие нескольких десятков разрушенных курганов. Они находились между Старой Белицей и д. Роги²⁸. Курганы уничтожены, установить их местонахождение без детальных обследований не представляется возможным.

Авторы настоящей публикации не ставили задачей широкие исторические обобщения, связанные с находкой уникального наконечника ножен эпохи Руси на юго-востоке современной Беларуси. Вместе с тем, этот артефакт в контексте конкретного археологического памятника может указывать на то, что в ближних окрестностях летописного Гомия (первое упоминание – 1142 г.; будущего Гомеля) находилось некое поселение, которое контролировалось представителями княжеской администрации. Значительная площадь древнерусского населенного пункта у Старой Белицы, зафиксированная археологическим обследованием, большое количество курганов, указанных в ранних исследованиях, а также находка наконечника ножен меча могут быть тому подтверждениями.

²⁵ Андрицук Ф.А. Мечи викингов. Київ, 2013. С. 74.

²⁶ Платонова Н.И. Камерные погребения XI – начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 379.

²⁷ Романов Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. I. Вильна, 1910. С. 29.

²⁸ Штыхов Г.В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. Минск, 1971. С. 101.

Рис. 1. Старая Белица, подъемный материал. 1–3 – черный металл; 4–6, 8–10, 12–14 – цветной металл; 7 – стекло; 11 – сланец.

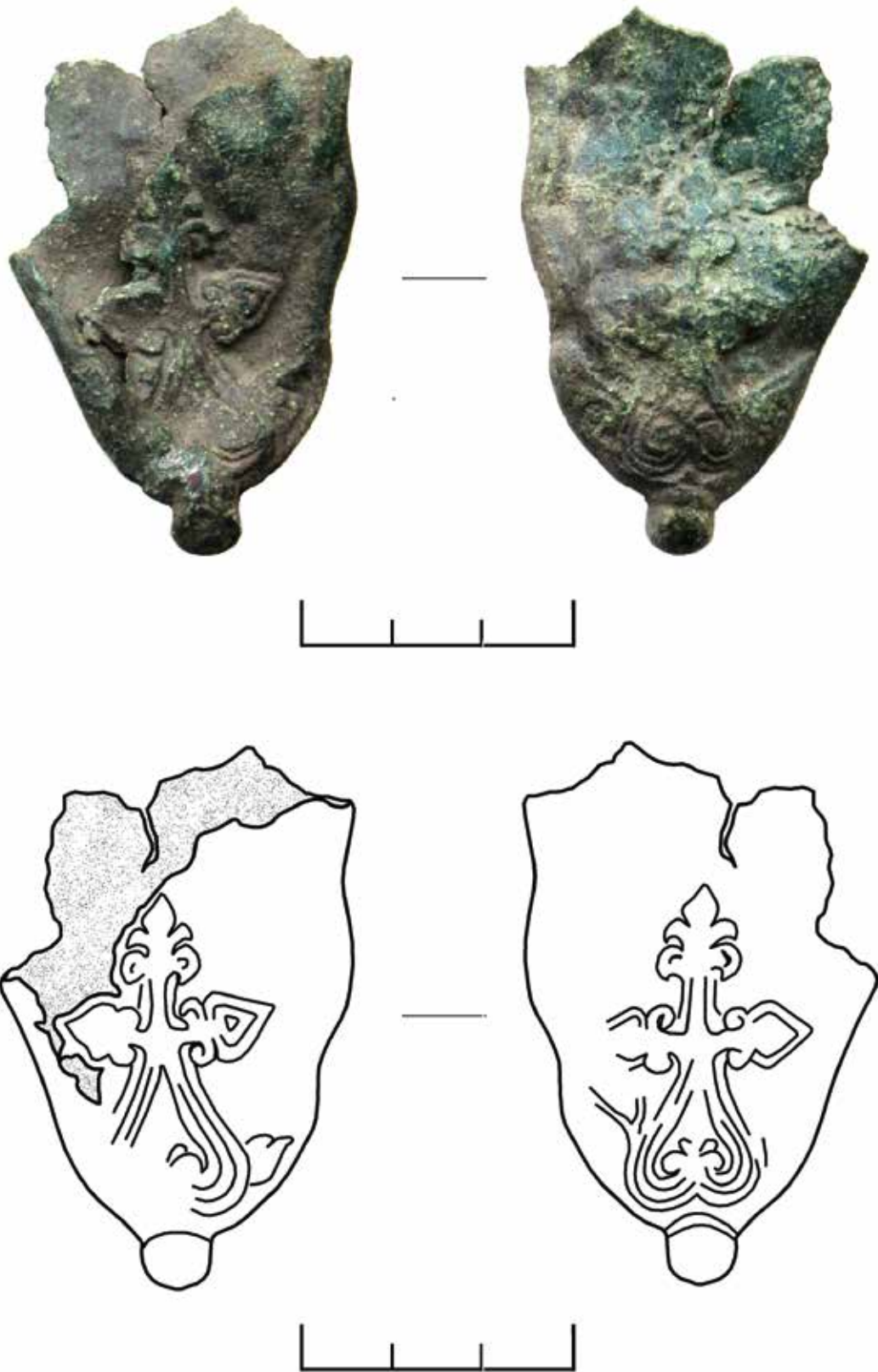

Рис. 2. Наконечник ножен меча из Старой Белицы. Фото и прорисовка О.А. Макушникова.

Рис. 3. Аналогии наконечнику из Старой Белицы: 1 – Beszterec, Венгрия (по *Paulsen P. Schwer-
tortbänder der Wikingerzeit...* P. 66. Abb. 79); 2 – AlbaIulia, Румыния (по *Civilizația...* P. 47. № 103); 3
– Булгар, Ро

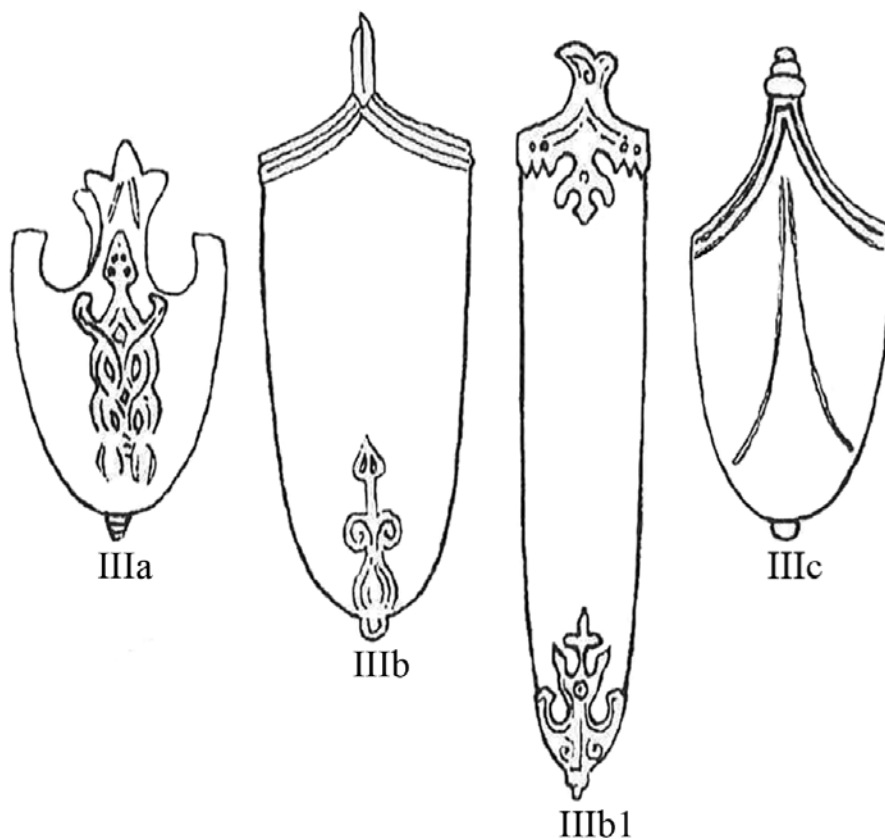

Рис. 4. Наконечники типов IIIa–IIIc по типологии В. Казакевича (по *Kazakevičius V. Iš vėlyvojo-
geležies...* Pav. 2).

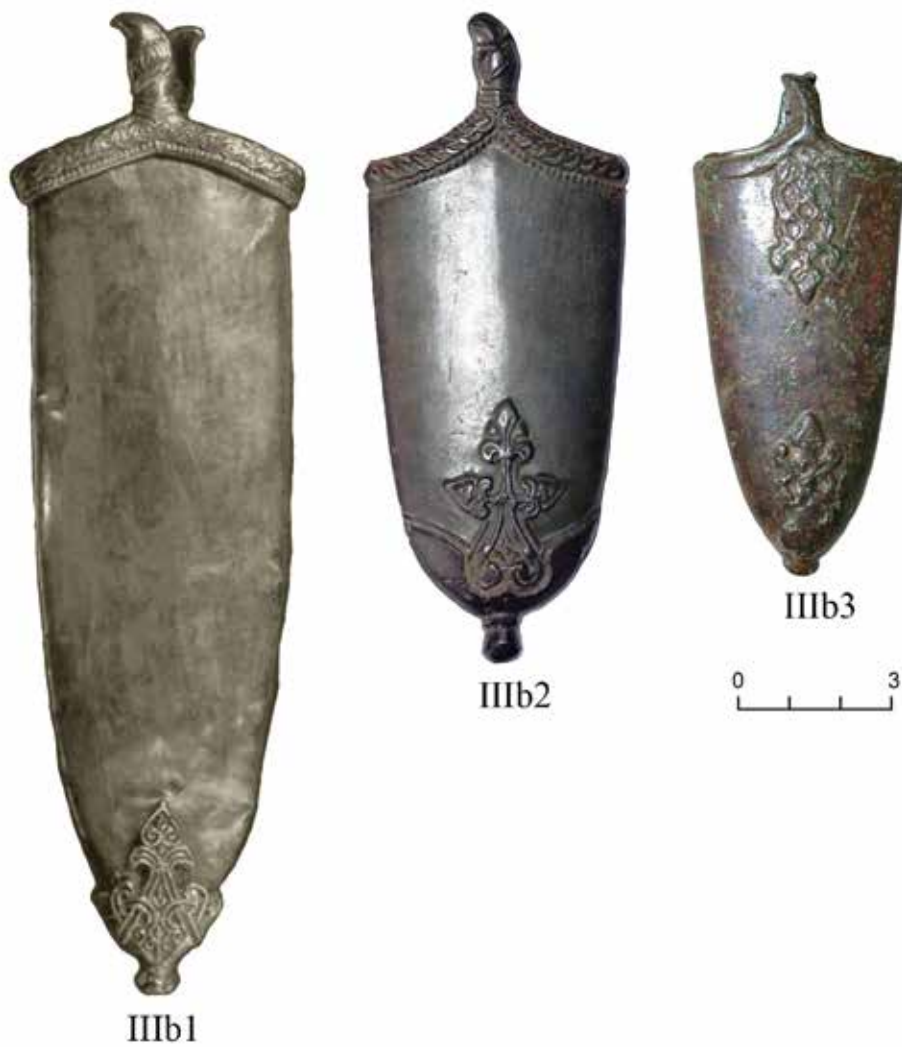

Рис. 5. Вариант эволюции наконечников IIIb1 (по типологии В. Казакиявичуса). Для иллюстрации использованы наконечники из Trzcínica, Польша (IIIb1), Украины? (IIIb2), Salaspils Laukskola, Латвия (IIIb3).

МЕЧ ИЗ ОТСАНЛАХТИ, КАРЕЛИЯ

УДК 902.1:623.444.2(470.22)
DOI: 10.25681/LARAS.2022.978-5-903587-93-3.171-182

© 2022 г. Бельский С.В. (stbel@kunstkamera.ru; belstass@yandex.ru), к.и.н.,
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
© 2022 г. Курганов Н.С. (nikolai.kurganov@gmail.com),
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.
© 2022 г. Прокуратов Д.О. (denis.prokuratov@gmail.com),
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

Резюме: Статья посвящена анализу находки верхней части меча с дисковидным навершием и прямым перекрестием, сделанной при случайных обстоятельствах на частном участке в пос. Отсанлахти (Куркийокское сельское поселение, Лахденпохский район Республики Карелия). С предметом был проведен комплекс работ по реставрации. Важнейшей особенностью находки является специфика орнаментации и техника ее нанесения. Она выполнена тонкой серебряной проволокой в технике насечки на поверхности железных элементов – навершия и перекрестия. Благодаря неоднократной рентгенографической съемке лезвия было обнаружено клеймо из тонкой проволоки. Оно представляет собой вертикальный крест с одним перекрестием и двойными засечками по краям. Находка может быть помещена в контекст весьма представительной серии предметов вооружения, декорированных подобной инкрустацией. Наиболее вероятный регион их производства следует искать в Юго-Западной Финляндии или на Готланде. Время производства, предположительно, можно определить второй половиной XII в.

Ключевые слова: Карелия, Средневековье, вооружение, меч, технология изготовления, элементный анализ, инкрустация, орнамент.

The sword from Otsanlahti, Karelia

© 2022 Belskiy S.V. (stbel@kunstkamera.ru; belstass@yandex.ru), Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russia.
© 2022 Kurganov N.S. (nikolai.kurganov@gmail.com), Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
© 2022 Prokuratov D.O. (denis.prokuratov@gmail.com), The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the find of the upper part of the sword with a disk-shaped pommel and a straight cross-guard, made under random circumstances, on a private plot in the village of Otsanlahti (Kurkijoki, Republic of Karelia). A set of restoration work was carried out with the subject. The most important feature of the find is ornamentation and the technique of its application. It is made of thin silver wire using the technique of notching on the surface of iron elements – the pommel and the cross-guard. A mark of thin wire was discovered as result of using x-ray surveys of the blade. It is a vertical cross with one crosshair and double serifs on the edges. The find can be placed in the context of a very representative series of weapons decorated in such a technique. The most likely region of their production should be sought in Southwest Finland or Gotland. Production time, presumably, can be determined by the second half of the 12th century.

Keywords: Karelia, the Middle Ages, weaponry, sword, manufactory techniques, element analysis, incrustation technique, ornament.

В 2017 г. владелец дачного участка в пос. Отсанлахти (Куркийокское сельское поселение, Лахденпохский район Республики Карелия; Северо-Западное Приладожье) при расчистке участка под строительство дома обнаружил верхнюю часть меча (без нижней части клинка). Некоторое время находка хранилась у него, но затем, по предложению местного участкового, проживающего рядом, она была передана в МБУК Куркийокский краеведческий центр «Кирьяж» для хранения, изучения и последующего экспонирования. Нашедший пожелал сохранить анонимность. Директор центра М.И. Петрова и хранитель Н.А. Бахметьева приняли находку и затем передали авторам настоящей статьи для проведения реставрации и изучения. Важно отметить, что в рамках реализации международного проекта «ИнтерАктивная История», в 2020 г. было проведено обновление археологической экспозиции центра. Эта находка заняла одно из ключевых мест в ее структуре.

Сейчас небольшой поселок Отсанлахти находится в 2 км к востоку от центра поселка Куркийоки (рис. 1). Название он получил от залива, являющегося, в свою очередь, восточным ответвлением большого залива Лайккаланахти (Куркийокского) Ладожского озера. В этом регионе, преимущественно по берегам глубоко врезающихся в побережье узких шхер, известно значительное количество археологических памятников Железного века – Средневековья и собрана большая коллекция случайных находок¹. Особенно высокая концентрация памятников – городищ, могильников и кладов – отмечается в окрестностях деревень Кууппала (в настоящее время не существует) и Соскуа, расположенных вблизи места обнаружения публикуемой находки². В самом Отсанлахти, в разных его частях, до настоящего времени были известны лишь две случайные находки «карельских» овально-выпуклых фибул. Одна была найдена в 1895 г.³, вторая – при строительстве дома в 2018 г. (передана в Куркийокский краеведческий центр).

Меч был обнаружен на частном участке, расположенном возле грунтовой дороги, ведущей в поселок Соскуа. В настоящее время на месте находки видна расчищенная от растительности скала, территория участка искусственно выровнена. К сожалению, какими-либо иными сведениями о контексте находки и возможных других древних артефактах вблизи нее авторы не располагают.

Реставрация. Общая длина предмета состав-

ляет 318 мм. При изучении перед реставрацией каких-либо следов вмешательства после его извлечения из земли заметно не было (рис. 2). Все деформации и разрушения имели древнее происхождение. На лезвии, перекрестии и навершии были видны глубокие трещины и отслоения, связанные с разрушением в процессе коррозии. На дисковидном навершии присутствовали минерализованные следы от ткани полотняного плетения. Поверхность предмета была покрыта коричневыми продуктами коррозии железа, из-под которых на некоторых участках можно было различить элементы орнамента, выполненные в технике инкрустации металлом золотистого цвета. Под отслоениями были видны характерные признаки активной коррозии. Предмет находился в аварийном состоянии и нуждался в реставрации и стабилизации коррозионных процессов.

С предметом был проведен комплекс работ по реставрации: укреплен хрупкая осыпающаяся поверхность, поставлены на место отвалившиеся небольшие фрагменты, проведены мероприятия по стабилизации активных коррозионных процессов (рис. 3). Все реставрационные работы предварялись подробными исследованиями, основные результаты которых приводятся в тексте настоящей статьи. Любое значительное вмешательство в поверхность клинка до получения рентгеновских снимков, попытка его механического раскрытия или тем более очистка с помощью химических реактивов уничтожила бы клеймо, выявленное только с помощью рентгенографии. Очень мала вероятность того, что клеймо при расчистке было бы заметно даже под микроскопом, поскольку оно выполнено тончайшей насечкой свинцово-оловянного сплава, который близок к стальному лезвию по цвету. В процессе предварительного обследования возник вопрос о необходимости сохранения следов ткани на продуктах коррозии или их удаления для исследования сохранившейся под ними поверхности. Но поскольку после изучения другой стороны предмета стало очевидно, что на ней инкрустация практически не сохранилась, коллегиально было принято решение удалить следы ткани и раскрыть инкрустированную поверхность (рис. 4: 2).

Проведенные работы по реставрации позволили не только сохранить от разрушения ценный артефакт, находившийся в аварийном состоянии, но и раскрыть богатый декор перекрестия и навершия меча, видимый до реставрации лишь отчасти, а также выявить клеймо, определить

¹ Кочуркина С.И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л., 1981. С. 18–19, 24, 28–29, 66–72, 105, 115; *Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 104. Helsinki, 1997. P. 243–258; *Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э.: происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли.* СПб., 2010. С. 245–268; *Бельский С.В., Шмелев К.В.* Калманиеми 1 – погребальный комплекс эпох викингов в Северном Приладожье // РА. 2020. № 1. С. 142.

² Подробнее см. *Сакса А.И. Древняя Карелия...* С. 245–269. Рис. 82.

³ *Uino P. Ancient Karelia...* P. 253.

химический состав сплава рукояти, клейма и инкрустации (рис. 4–6).

Навершие. Навершие меча имеет близкую к дисковидной форму шириной 53 мм, высотой 49 мм, толщиной на краях 18 мм, в центре 26 мм, с незначительно выпуклыми поверхностями, на которых присутствуют следы инкрустации (рис. 3, 4). На боковых сторонах она не прослеживается. Навершие цельное, без полостей.

Перекрестие. Перекрестие длиной 170 мм, высотой 13 мм, четырехугольное в сечении, несколько сужающееся к краям и имеет закругленные концы (рис. 4; 5). В части, примыкающей к клинку, имеет в ширину 18 мм, на концах – 11 мм. Декор расположен на всех его плоскостях (рис. 4; 5). Инкрустация частично заходит под клинок. Очевидно, что монтаж клинка и перекрестия был выполнен после нанесения инкрустации. Вероятно, декорированные перекрестие и навершие изготавливались отдельно от клинка, поэтому в орнаменте не учтена его ширина. Перекрестие заметно перекошено относительно нормального положения. Сложно сказать, дефект ли это изготовления или свидетельство того, что меч пытались разобрать, сломать.

Инкрустация. Важнейшей особенностью находки является специфика ее орнаментации и техника ее нанесения. Орнаментация выполнена тонкой серебряной проволокой (Ag – 96,0 %; Cu – 2,3 %; Pb – 1,3 %; Au – следы; Bi – следы)⁴ в технике насечки на поверхности железных элементов предмета – навершия и перекрестия (рис. 4; 5). Орнаментация имеет плавные изгибы. Ломаных линий, характерных для предварительной гравировки канавок нет. При отслаивании мелких частиц проволоки было видно, что она имеет очень небольшую толщину и под ней отсутствует глубокая канавка на железном основании. На некоторых участках инкрустации при раскрытии видны неравномерные углубления на поверхности, свидетельствующие о мелкой сетке канавок-штрихов, равномерно нанесенных под орнаментом поперек проволоки. Проволока богато декорирует не только вертикальную, но и горизонтальную поверхности перекрестия, что является примечательной особенностью исследованного предмета. Золотистый цвет связан с тонким слоем соединений железа, образовавшихся на поверхности инкрустации во время залегания предмета в почве. Небольшие примеси золота (порядка 0,6 %) имеют естественное происхождение и не могли бы в такой степени

повлиять на цвет сплава.

Полая овальная в сечении *литая трубка на рукояти* длиной 92 мм была насажена на черен клинка (рис. 3; 4). Она была выполнена из медного сплава (Cu – 84,3 %; Sn – 12,5 %; Pb – 2,9 %). Ширина у навершия составляет 24 мм, у перекрестия – 34 мм, толщина 12 мм. С одной из сторон она имеет дефект, появившийся из-за малой толщины стенки, получившейся при отливке. Это вытянутое продольное отверстие, проходящее практически по всей длине рукояти, за исключением орнаментальной зоны. На этой же стороне присутствует значительный разрыв – трещина, идущая от перекрестия к середине рукояти. Вероятно, она появилась при насадке ее на черен и впоследствии могла увеличиться из-за давления продуктов коррозии железа с внутренней стороны.

Часть клинка шириной у перекрестия 56 мм, на противоположном крае – 44 мм, толщиной у рукояти 4,2 мм и 3,8 мм на противоположном крае, было сломано на расстоянии 166 мм от перекрестия (рис. 3; 4). В месте слома металл имеет следы разрыва и пластической деформации. Это свидетельствует о том, что меч был сломан до того, как металл стал хрупким в процессе коррозии. На этом основании можно предполагать, что предмет был сломан до попадания в землю. Дол на сохранившемся участке клинка не прослеживается.

Клеймо, которое не читалось при визуальном обследовании и изучении поверхности лезвия под микроскопом, было обнаружено благодаря неоднократной рентгенографической съемке с подбором различных режимов⁵ (рис. 6: 1–2). Оно выполнено тонкой (0,4 мм) проволокой из оловянно-свинцового сплава (Sn – 91,3 %; Pb – 8,3 %; Cu – 0,4 %), вбитой в предварительно подготовленную канавку на одной стороне лезвия.

Клеймо расположено почти по центру относительно оси, ниже перекрестия на 88 мм. Оно представляет собой вертикальный крест с одним перекрестием и двойными засечками по краям (рис. 6: 3). Нижняя часть сохранилась хуже, поэтому форму и размер можно только предполагать, но можно разобрать нижнюю границу. Размер клейма примерно 25 × 10 мм.

Аналогии. Исходя из морфологических особенностей, типологически навершие публикуемого меча можно отнести к типу G по Оакшотту, перекрестие – к стилю 1a по Оакшотту⁶. В Карелии хорошо известны аналогии мечей с такими навершиями, происходящими из комплексов по-

⁴ Измерения были проведены методом рентгенофлуоресцентного анализа на приборе Artax (Bruker) Прокуратовым Д.О. из Отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа.

⁵ В общей сложности было сделано 5 снимков. Лучшим оказался сделанный с напряжением 60 кВ с экспозицией 5 минут.

⁶ *Oakeshott R.E.* The Sword in the Age of Chivalry. Praeger, 1964. P. 95, 96, 113.

Пользуясь случаем, авторы приносят большую благодарность С.Ю. Каинову за помощь в атрибуции и любезное указание на возможные аналогии.

гребений Кекомьяки 1:3 и 3:1⁷. Но объединяет эти изделия также и декор, выполненный в технике насечки по поверхности железных элементов.

Находка меча из Отсанлахти может быть помещена в контекст весьма представительной серии предметов вооружения, декорированных подобной инкрустацией. Они были проанализированы в только что опубликованной статье С.Ю. Каинова и О.М. Олейникова, посвященной находке перекрестия меча на ул. Большая Московская в Новгороде в 2014 г.⁸ Узкая датировка археологического контекста находки (начало XIII в.) важна для определения хронологии бытования мечей, украшенных подобным образом⁹.

На мече из Отсанлахти орнаментация навешивающаяся стилистически и технологически схожа с декором на указанных выше аналогиях. Но композиция на перекрестии несколько иная ввиду его отличия по форме – отсутствия на нем расширений. Растительный орнамент составлен из больших спиралей, маленьких завитков и листочков (рис. 4; 5). Композиция напоминает мотив т. н. «греческой волны» с усложнениями. Декор выполнен линией, толщина которой незначительно меняется (0,5–1,1 мм). На перекрестии орнамент развивается горизонтально, подобно волнообразному меандру, по краю прослеживается прямая обрамляющая его линия (рис. 5). На навершии композиция вписана в форму круга и из-за сохранности значительно хуже читается.

С.Ю. Каинов и О.М. Олейников отмечают, что мечи – не единственные предметы вооружения, орнаментированные в подобной стилистике и технике. К этой же серии относятся находки ряда наконечников копий и топоров¹⁰. Мы полагаем, что в этот же ряд можно поместить и примечательный поясной набор из погребения № 8 могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье, датированного временем не ранее XIV в.¹¹ Аналогий ему пока не найдено. Пояс был обнаружен в женском захоронении, но был положен вдоль правой стороны тела умершей, а не составлял часть ее погребального костюма¹². Такая нетипичная ситуация позволяет сделать предположение, что пояс мог

быть использован в качестве посмертного дара. Следовательно, рамки времени его бытования могут быть расширены.

Сходство технологии и стиля орнаментации вызывает предположение об одном центре производства анализируемых изделий, возможно даже в одной мастерской на протяжении короткого времени. Единого мнения, где могли бы создаваться подобные предметы, пока не сложилось. Каких-либо оснований предполагать его существование в Карелии или восточной Финляндии нет. Отсутствие находок в Восточной Европе в целом также позволяет исключить и этот обширный регион. В Новгороде, где, вероятно, производились многие предметы для жителей Карелии, пока единичная находка связана с комплексом, в котором присутствуют многочисленные предметы импортного происхождения¹³. Поэтому, наиболее вероятный регион их производства следует искать западнее Карелии. Это может быть Варсинайс-Суоми (Юго-Западная Финляндия) или, еще западнее, Готланд. Точка зрения, что в качестве места производства подобных мечей могли выступать «ганзейские германские города, возможно остров Готланд», уже высказывалась¹⁴. На связи материальной культуры, открытой в карельских могильниках, но несколько более раннего времени, именно с памятниками Готланда также уже обращалось внимание¹⁵.

Не менее важен вопрос о времени производства рассматриваемой серии изделий. Выскажем осторожное предположение, что его можно определить второй половиной XII в. На это указывает археологический контекст находки перекрестия в Новгороде¹⁶ и некоторые специфичные локальные особенности карельских находок.

На мече из Отсанлахти обращает внимание такой элемент как трубка стержня рукояти из оловянистой бронзы, которая является явно привнесенной деталью, диссонирующей со стилем оформления всего изделия (рис. 3; 4). Подобные, хотя и иначе орнаментированные, трубки известны еще на двух экземплярах мечей, найденных на Карельском перешейке: из мужского захоронения в могиле 5 могильника Кеко-

⁷ Кирпичников А.Н., Сакса А.И., Томантера Л. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 51–53.

⁸ Каинов С.Ю., Олейников О.М. Перекрестие меча из раскопа на ул. Большая Московская в Великом Новгороде // Российская археология. Вып. 2. М.: Наука, 2020. С. 169–178.

⁹ Каинов С.Ю., Олейников О.М. Перекрестие... С. 176.

¹⁰ Каинов С.Ю., Олейников О.М. Перекрестие... С. 175.

¹¹ Бельский С.В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006–2009 годов. СПб., 2012. С. 146–147. Рис. 25: 5а–о.

¹² Бельский С.В. Могильник... С. 40.

¹³ Каинов С.Ю., Олейников О.М. Перекрестие... С. 170, 171, 176.

¹⁴ Кирпичников А.Н., Сакса А.И., Томантера Л. Мечи... С. 46.

¹⁵ Бельский С.В. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. Археологические исследования 2010–2016 гг. // Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы. СПб.: МАЭ РАН, 2018 (Свод археологических источников Кунсткамеры; вып. 5). С. 222, 225, 231, 235, 249.

¹⁶ Каинов С.Ю., Олейников О.М. Перекрестие... С. 176.

мяки и случайная находка в Кивиниеми¹⁷. Обращает внимание, что орнамент на этих элементах повторяет мотивы, известные на других категориях украшений, характерных для карельских могильников и часто встречающихся, к примеру, на овально-выпуклых или серебряных подковообразных фибулах. Также авторы публикации обратили внимание, что навершие и трубка меча из Кивиниеми различаются по стилю исполнения и явно произведены в разных мастерских¹⁸.

Сказанное в полной мере применимо к мечу из Отсанлахти. Поверхность трубки декорирована в различной технике: литым орнаментом по центру в виде валиков из двух переплетённых линий, ближе к перекрестию находится более мелкий литой линейный орнамент, располагающийся по кругу рукояти. Все свободные плоскости покрыты многочисленными ударами пуансона с циркульным орнаментом.

Композиция ярусная (снизу вверх): пять уплощенных поясков, выделенных канавками (желобками); два одинаковых по размеру поля, разделенных широким пояском. Он выделен валиками с плотно лежащими диагональными насечками (направлены в разные стороны); всё поле пояска занимает мотив «плетенка» из двух широких слегка выпуклых валиков, декорированных точечными углублениями.

Основные орнаментальные поля заполнены циркульным орнаментом, нанесенным пуансоном. Композиция составлена из густо расположенных кружков диаметром 4 мм с точечным углублением в центре каждого. Элементы циркульного орнамента не имеют строгого порядка. Создается впечатление, что этот декор был нанесен с целью максимального заполнения свободной плоскости поверхности рукояти хаотичными ударами. Обращает внимание, что чеканный орнамент уходит под навершие рукояти и, соответственно, он мог быть нанесен на рукоять до окончательной сборки меча.

Различия в орнаментальном оформлении элементов мечей фиксируются не только на трубках стержней рукоятей, но и на наконечниках ножен. Авторы публикации о мечах Карелии обратили внимание, что узоры рукояти уже упомянутого меча из погребения Кекомьяки 1:3 и наконечника ножен различаются. По их мнению, ножны изготовлены для привозного меча в стиле карельского ювелирного искусства¹⁹.

Таким образом, можно предположить, что украшение орнаментированными трубками стержней рукоятей или орнаментация наконеч-

ника ножен (пока в единственном экземпляре, но иллюстрирующем, на наш взгляд, тенденцию) на ряде экземпляров мечей было местной новацией, не предусмотренным изначально дополнением, созданным в соответствии с местными «вкусами» в орнаментации. Следует подчеркнуть, что для того, чтобы установить трубку на черен клинка необходимо было, по меньшей мере, снять навершие и закрепить его вновь. Местные мастера или мастера, делавшие изделия по заказу средневековых жителей Карелии, дополняли такими деталями меча, которые, очевидно, уже имели некоторый период бытования в культуре. Возможно, это происходило в течение XIII в., поскольку именно к этому времени относится основной массив карельских погребений, содержавших находки украшений с характерными орнаментами. Иными словами, сами мечи были произведены вне Карелии несколько ранее, предположительно, во второй половине XII в. В археологический контекст они, как и другие железные изделия, декорированные в специфичной технике инкрустации тонкой серебряной проволокой по железной поверхности, выпадают в XIII – вероятно, первой половине XIV в.

Еще одним важным указанием на общий культурный контекст находки может служить место ее обнаружения. М.И. Петрова, проведя тщательное комплексное исследование водно-волоковых путей Кирияжского погоста, делает очень ценное замечание, которое следует привести целиком: «Впадающая в Куркиекский залив река Соскуанйоки в нижнем течении очень извилиста и порожиста. Торговые экспедиции за мехами и за другими северными товарами происходили, как правило, в зимнее время. Мелководные, не очень пригодные для навигации реки, зимой использовались в качестве удобного санного пути. У порогов и на быстринах грозила опасность непрочного льда или открытой воды. При прокладке маршрутов старались по возможности сокращать путь и избегать подобных мест. Можно предположить, что зимник по Соскуанйоки начинался не от устья реки, а от основания залива Отсанлахти, который являлся отрогом Куркиекского залива. На берегу Отсанлахти располагалось удобное место для торгового мыса Туркулайсниеме, с бухтой, защищенной горой Карвалинвуори, на которой, по-видимому, было укрепление и наблюдательный пункт. В залив Отсанлахти впадал небольшой ручей с заболоченной дельтой с несколькими родниковыми притоками. Обойдя порог и оказавшись в гор-

¹⁷ Кирпичников А.Н., Сакса А.И., Томантеря Л. Мечи...С. 53, 55, 56. Рис. 29, 31.

¹⁸ Кирпичников А.Н., Сакса А.И., Томантеря Л. Мечи...С. 56.

¹⁹ Кирпичников А.Н., Сакса А.И., Томантеря Л. Мечи...С. 53.

ном ущелье, путешественники начинали подъем по замерзшему ручью к озеру Охтъярви²⁰. Далее, от указанного озера реконструированный маршрут пролегал до реки Иийоки, которая приводила к своему истоку – озеру Исо-Ииярви. Из него через систему волоков можно было попасть в озеро Пюхъярви. Именно это озеро, соединяющееся с Оривеси, присутствует в известном описании Ноусеа Веняляйнена северного пути, ведущего к Кеми на Белом море и Оулу на Ботническом заливе²¹.

Иными словами, от залива Отсанлахти – места находки публикуемого меча – начинался торговый путь, который вел к системе Сайменских озер и далее на северо-запад через хорошо известную по письменным и этнографическим источникам озерно-речную систему к побережью Ботнического залива.

В результате археологических исследований последних лет становится очевидным, что наиболее выразительные по составу инвентаря и обрядности захоронения железного века в Северо-западном Приладожье найдены на мысах при впадении в Ладогу относительно крупных для региона рек, текущих с северо-запада. Важно отметить, что это именно отдельные единичные захоронения, не формирующие сколько-нибудь крупных могильников. Вполне вероятно, что захоронение особых представителей древнего общества именно при устье реки было наглядным показателем контроля некоего коллектива над определенной территорией, осью которой была река – важная транспортная артерия²². К таким же ключевым местам тяготеют и находки монетно-вещевых кладов не только эпохи викингов, но и средневековья²³.

В контексте археологических маркеров древнего водного пути из Карелии к Ботническому заливу следует вспомнить находку целого меча с дисковидным навершием, типологически сходного с публикуемым, обнаруженного еще в 1883 г.²⁴ Артефакт был найден местным мельником у склона берега реки Коккойоки, которая была важным отрезком пути из Ладоги в район Оулу²⁵. Сейчас это территория муниципалитета Валtimo в губернии Северная Карелия (Финляндия). Данная местность и в настоящее время является весьма малозаселенной. Находка интерпретирована, по словам мельника, как происходящая из «погребения воина», поскольку

он также упоминал «обугленные кости» рядом с ней. Тем не менее, последующие изыскания, в частности при участии одного из авторов в 2011 г., какой-либо новой информации не дали.

Таким образом, не исключено, что такое богато украшенное и очевидно дорогое изделие как публикуемый меч было найдено в Отсанлахти не случайно. Вполне вероятно, что он происходит либо из одиночного захоронения с богатым инвентарем, либо клада, либо представляет собой своего рода жертвенный дар. В последнем случае, объекты, которые могут быть интерпретированы таким образом, стали часто проявляться в археологических материалах Карелии. Косвенно о ритуальном характере находки также может свидетельствовать и факт разлома лезвия меча, произошедший до момента его попадания в землю. Затронутая тема требует особого изучения в контексте археологии железного века – средневековья Карелии.

²⁰ Петрова М.И. Реконструкция сети водно-волоковых путей Кирьяжского (Куркиекского) историко-культурного ареала // Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.]: материалы I Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]: науч. электрон. изд. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. С. 568.

²¹ Шаскольский И. П. Финляндский источник по географии северной России и Финляндии середины XVI в. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Ленинград, 1973. С. 109–131.

²² Бельский С.В., Шмелев К.В. Калманиеми 1... С. 153.

²³ Кочуркина С.И. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л, 1981. С. 117.

²⁴ Меч был приобретен музеем Куопио и хранится сейчас там под номером 281.

²⁵ Vilkuna K. Matkustelua kotimaassa. Karjalaisen Nousian matkareittia vuodelta 1555. Kesalahdelta Kajaaniin // Kotiseutu 2. 1972. S. 9, 21.

Рис. 1. Северо-западное Приладожье. Стрелкой указано место находки меча в пос. Отсанлахти.

0 20 mm

Лаборатория консервации и реставрации ИИМК РАН

Рис. 2. Меч из Отсанлахти. Общий вид до проведения реставрации.

Лаборатория консервации и реставрации ИИМК РАН

Рис. 3. Меч из Отсанлахти. Общий вид после проведения реставрации.

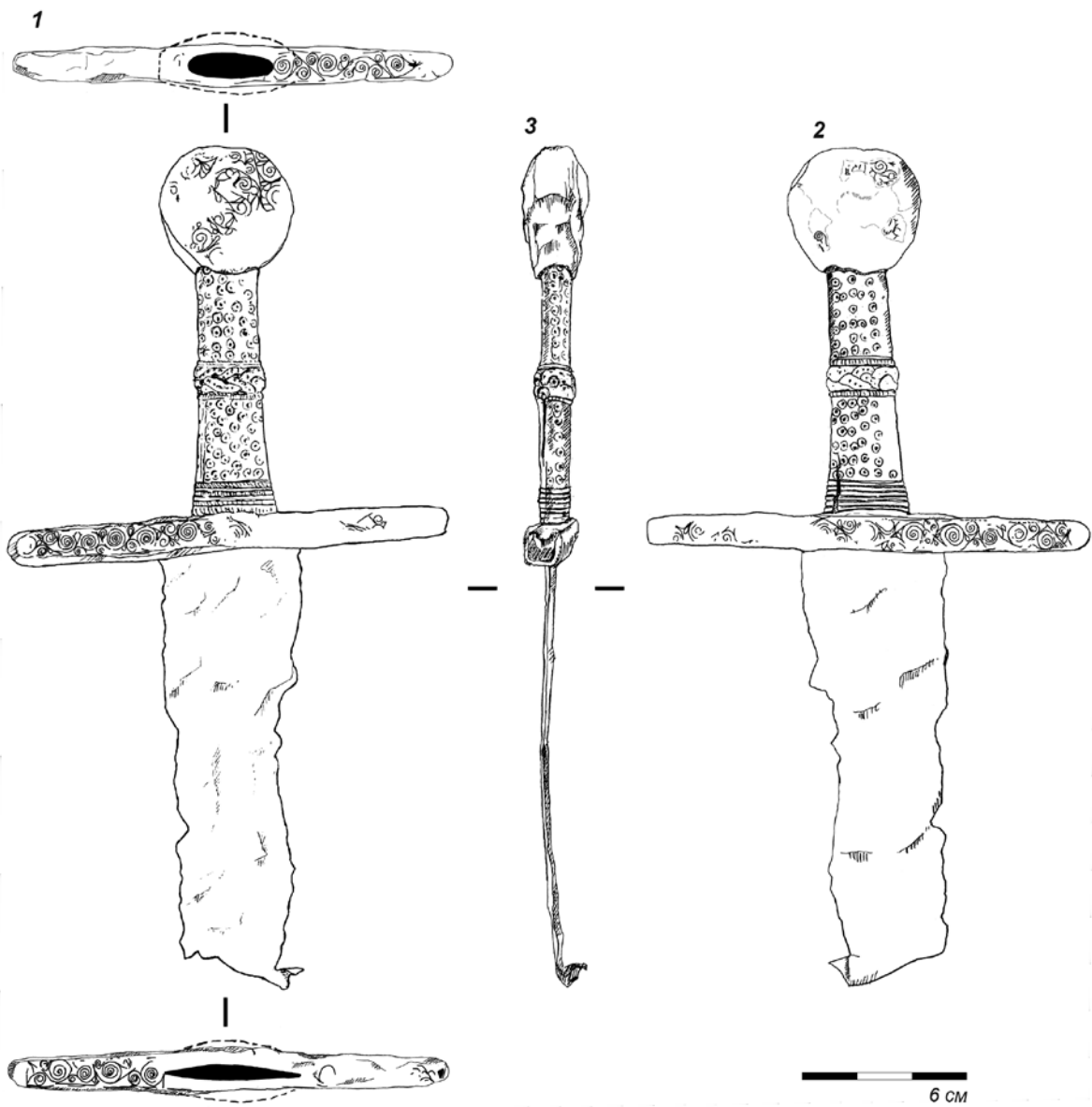

Рис. 4. Меч из Отсанлахти. Прорисовка.

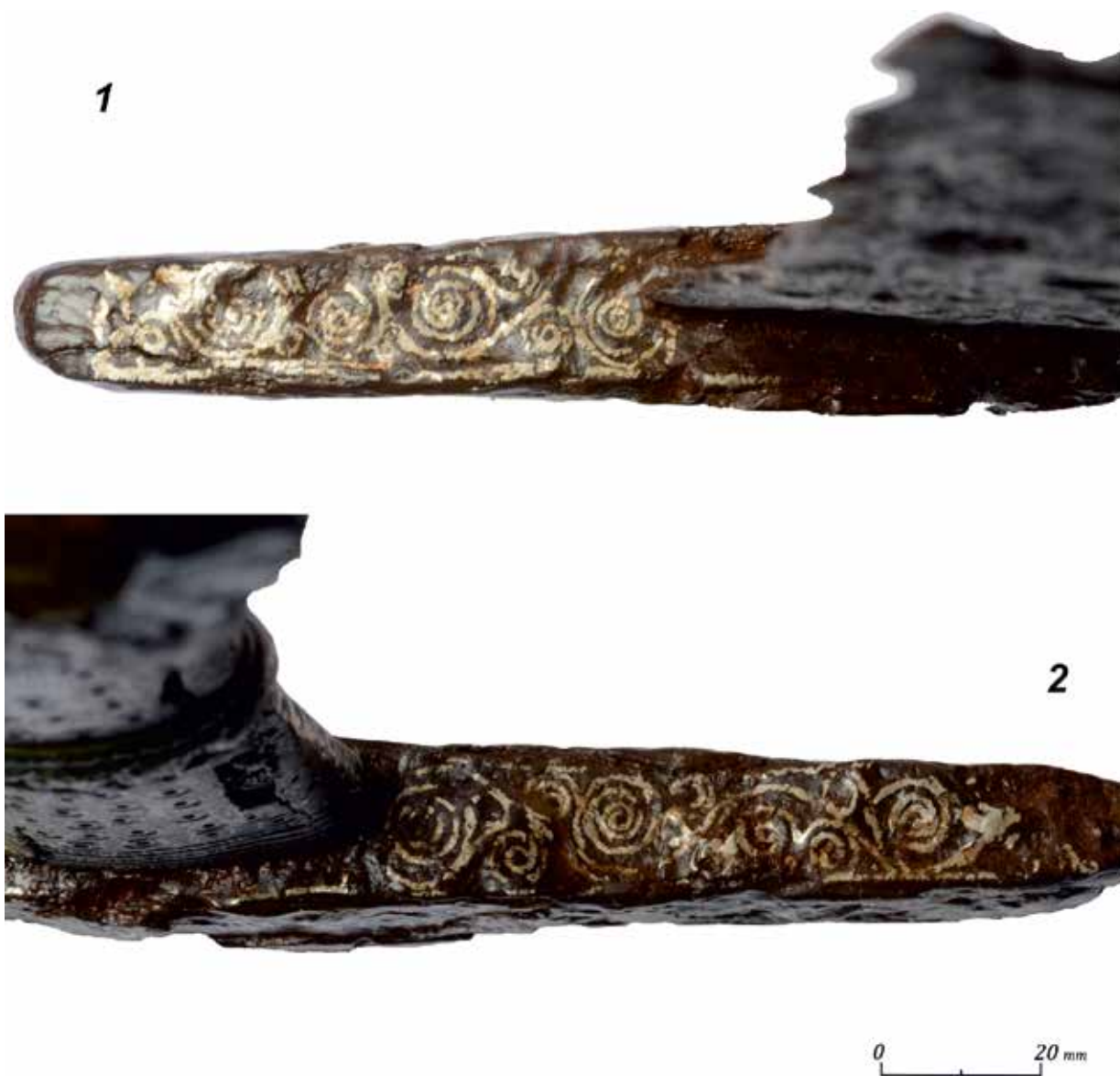

Рис. 5. Меч из Отсанлахти. Вид перекрестия сверху. Правая и левая стороны.

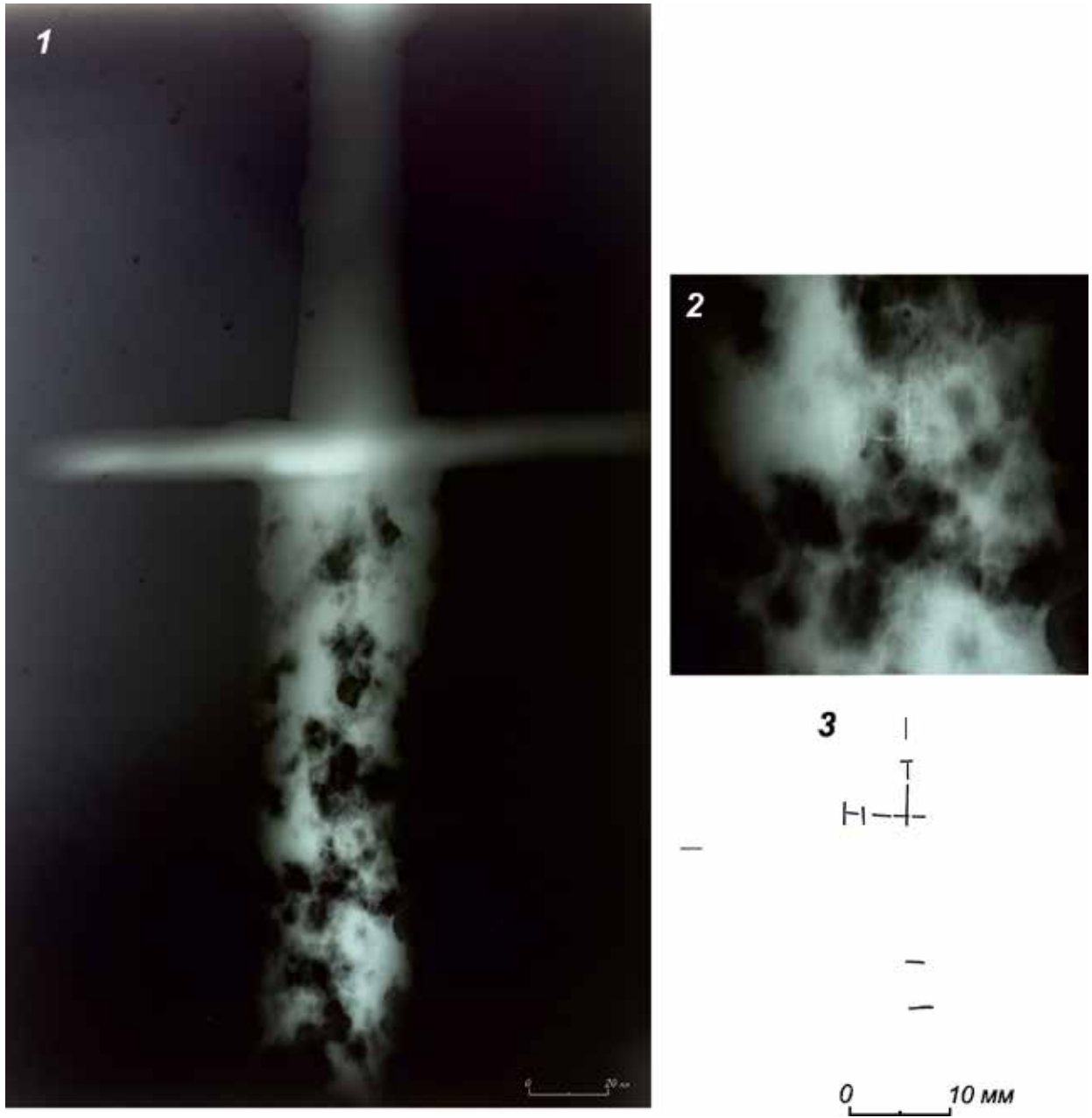

Рис. 6. 1. Меч из Отсанлахти. Результаты рентгенографической съемки. Общий вид.
2. Меч из Отсанлахти. Результаты рентгенографической съемки. Клеймо на лезвии.
3. Меч из Отсанлахти. Результаты рентгенографической съемки. Клеймо на лезвии, прорисовка.

ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЕ ОРУЖИЕ УДАРНО-ДРОБЯЩЕГО ДЕЙСТВИЯ

УДК 902.1:623.446.1
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.183-193

© 2022 г. Артемьева Н.Г. (artemieva_tg@list.ru), к.и.н.,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Резюме: Оружие ударно-дробящего действия редко встречается на чжурчжэньских памятниках периода существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.). К этому типу оружия относятся кистени, боевые цепи, булавы, мечевидные палицы. Накопленный археологический материал дает возможность создать классификацию и реконструировать оружие ударно-дробящего действия, определив его основные типы, а также выявить пути проникновения этого типа оружия в Восточную Европу.

Ключевые слова: чжурчжэни, государство Восточное Ся, вооружение, оружие ударно-дробящего действия, кистени, боевой цеп, булава, мечевидная палица.

Jurzhen blunt weapon

© 2022 Artemyeva N.G. (artemieva_tg@list.ru),
Candidate of Historical Sciences, Institute of History,
Archaeology and Ethnology of the Peoples of Far-East,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Science, Vladivostok, Russia.

Abstract: Blunt weapons are rare discoveries in Jurchen archeological sites of the Eastern Xia period (1215–1233). This type of weapons includes maces, flails and mace sword. The collected archeological material gives the possibility to classify and to reconstruct blunt weapons by defining its main types, as well as to clarify the ways of this type's of weapons spreading to Eastern Europe.

Key words: Jurchen, Eastern Xia state, armament, blunt weapon, mace, flail, mace sword.

На чжурчжэньских памятниках периода существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) довольно редко встречается оружие ударно-дробящего действия. Но, при этом в нашем распоряжении имеются очень интересные виды этого вида наступательного вооружения.

Первое описание оружия ударно-дробящего действия чжурчжэней – кистеней и булав – было сделано В.Э. Шавкуновым. Автор обращал внимание на то, что гирьки кистеней по весу и размерам делятся на две группы. По его мнению, кистенями с маленькой боевой частью – гирькой на короткой рукояти – пользовались беднейшие слои населения, а массивные кистени с длинной деревянной рукояткой находились на вооружении всадников¹.

Позже, при характеристике цзиньского оружия, обнаруженного на Северо-Востоке Китая, Лю Липин выделил группу оружия, в которую входят булавы, кистени и «люсинчуи». Автор, описывая «люсинчуй», ссылается на находки, обнаруженные на чжурчжэньских памятниках Приморья, на которых эти предметы вооружения были отнесены к кистеням. В то же время, под определением кистени исследователь приводит находки, характерные для боевых цепов².

Накопленный к настоящему времени археологический материал дает возможность осуществить классификацию и реконструкцию оружия ударно-дробящего действия, определив его основные виды. В основу классификации положены принцип фиксации (подвижная или жесткая), а также форма и вес ударного груза.

А. Подвижная фиксация:

Практически все оружие этой группы конструктивно состоит из рукояти, боевой гири и гибкого подвеса. Подвес представлял собой цепь, или ремень. По форме и размеру боевой части эта группа оружия делится:

А.1. Кистень представляет короткодревковое подвесное ударное оружие, у которого боевая часть закреплена на гибком поводке на рукояти длиной 0,3 – 0,5 м. Форма гирьки – боевой части – может быть разнообразной, в частности, сферической, уплощённой, грушевидной, многогранной.

На чжурчжэньских памятниках выделяется два варианта формы гирек:

А.1.а – яйцевидная форма:

1 – гирька многогранной формы с десятью вертикальными гранями, длиной 42 мм, шириной в широкой части 36 мм, весом 145 г. В верхней части расположено кольцо для крепления подвеса (Шайгинское городище, РФ – Ш72-81-16) (рис. 1: 2).

2 – гирька с двумя вертикальными ребрами, длиной 44 мм, шириной в широкой части 30 мм, весом 139 г. В верхней части находится кольцо для крепления подвеса, к которому прикреплена цепочка из 30 звеньев, длиной 30 см (с. Милоградово, РФ, подъемный материал) (рис. 1: 1).

3 – гирька яйцевидной формы с выпуклой бороздкой на широком, длиной 40 мм, шириной в широкой части 30 мм, в верхней части расположено кольцо для крепления подвеса (волость Чэнцзысян, уезда Учансянь, КНР) (рис. 1: 3).

4 – гирька яйцевидной формы с восемью вертикальными гранями, длиной 40 мм, шириной в широкой части 30 мм, в верхней части расположено кольцо для крепления подвеса (городище Баличэн, КНР) (рис. 1: 6).

А.1.б. – каплевидная форма:

5 – гирька длиной 80 мм, шириной в широкой части 20 мм, весом 100 г. В верхней части находится кольцо с остатками двух звеньев цепи (Шайгинское городище, РФ).

6 – гирька длиной 60 мм, шириной в широкой части 25 мм (городище Баличэн, КНР) (рис. 1: 5).

7 – гирька с десятью вертикальными гранями, длиной 35 мм, шириной в широкой части 12 мм (городище Баличэн, КНР) (рис. 1: 7).

8 – гирька длиной 90 мм, шириной в широкой части 30 мм, изготовлена из бронзы. Место перехода гирьки в кольцо для крепления оформлено пятью полосами. В центральной части гирьки – вотивное изображение человечка (городище Баличэн, КНР) (рис. 1: 4).

Боевая часть этого типа оружия имела вид гирьки небольшого размера и веса (до 150 г), форму – каплевидную или в виде многогранника, с петлей в верхней части, к которой крепилась цепь или веревка. Противоположная сторона веревки завязывалась петлей для надевания на кисть руки.

А.2. Боевой цеп представляет собой длиннодревковое подвесное ударное оружие и, в отличие от кистеня, снабжался более длинной рукоятью и боевой частью большей массы. Общая длина груза около 20 см, вес – более 400 г. Посредством одного или нескольких колец боевая часть крепится к поводку, а тот уже к рукояти, длина которой может составлять от 0,6 до 1 м и более.

По оформлению боевой гирьки его можно разделить на два вида:

А.2.1. – вытянутый многогранный стержень, сужающийся к концам:

9 – вытянутый восьмигранный стержень, длиной 18 см, шириной в широкой части 2 см. Верхняя часть груза переходит в кольцевидную

¹ Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 62.

² Лю Липин Общее рассуждение о цзиньском оружии // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 105, 108–109.

петлю для крепления поводка, в котором сохранилось кольцо-переходник. Вес 275 г (Шайгинское городище, РФ, Ш9-47-5) (рис. 2: 2).

10 – вытянутый восьмигранный стержень, длиной 31 см, шириной в широкой части 2 см. Верхняя часть груза переходит в кольцевидную петлю для крепления цепи. Вес 515 г (Шайгинское городище, РФ) (рис. 2: 1).

11 – вытянутый восьмигранный стержень, длиной 22 см, шириной в широкой части 2 см. Верхняя часть груза переходит в кольцевидную петлю. Частично сохранился поводок, в виде девять звеньев цепи, длиной около 20 см. (Новонезинское городище, РФ) (рис. 2: 3).

12. В музее Ляо Цзиньской культуры (дер. Шуанланьцунь, пос. Шуанфэнчжэнь, р-он гор. подчинения г. Харбин Ачэн, пров. Хэйлуцзян, КНР) хранится уникальная находка – боевой цеп с железной рукоятью. Гирька цепы, представляющая собой четырехгранный (ширина грани в широкой части 2,8 см) стержень, длиной 24 см, весом 600 г. Она крепится к железной рукояти при помощи двух U-образных звеньев и заклепок, которые создают шарнирный гибкий поводок. Рукоять четырехгранная в сечении (ширина граней 2 см), длиной 50 см, противоположный конец которой переходит в черен ручки (длина 11 см). Черен ручки и рукоять разделены высоким цилиндрическим упором (рис. 2: 5).

А.2.2 – прямоугольный в сечении стержень с завершением нижнего конца в виде головки булавы.

13 – четырехугольный стержень, длиной 30 см, шириной 2 × 1 см. Его нижняя часть заканчивается набалдашником в виде булавы, перевернутой грушевидной формы, диаметром в широкой части 4 см. В верхней части находится отверстие для крепления подвеса. Вес 645 г. Первоначально этот предмет был отнесен к булавам³. Но, судя по размерам, – это гирька боевого цепы. При использовании его во время боя эффекта поражающего действия можно было бы достичь только при быстром выбросе. Если использовать этот вид оружия, зажав его в руке, как булаву, то бой можно вести лишь на очень близком расстоянии. Ударная верхняя часть не могла использоваться с нужной отдачей (Шайгинское городище, РФ) (рис. 2: 4).

А.3. Боевая гиря: в нашем распоряжении имеется ещё одна интересная находка, которая по внешнему виду и наличию частично сохранившихся деталей подвеса походит на оружие ударно-дробящего действия, но, при этом имеет значительный вес.

14 – эта находка была обнаружена на Ананьевском городище, РФ (А-94-5)⁴. Она отлита из чугуна в двусторонней форме, имеет подовально-грушевидные очертания, в сечении округлая, высота 165 мм, ширина в средней части 85 мм, толщина стенок от 6 до 11 мм. В тулово находки были вставлены 11 железных шипов-наконечников – четыре по плечикам корпуса, шесть по средней части, один в нижней части. Шипы представляли собой стреловидные наконечники длиной 90–100 мм с плоскими перьями подтреугольной формы, размером 4 × 3 мм и уплощенными черешками, шириной 11–12, толщиной 7–9 мм. Длина черешка от 57 до 60 мм. В верхней части изделия находится петля, в которую вставлено кольцо для крепления подвеса. Вес изделия 4,5 кг. Судя по внешнему виду, груз интенсивно использовался, т. к. шипы сильно изогнуты, а некоторые из них отбиты (рис. 3).

В данном случае мы не уверены, что вышеприведённая находка имеет отношение к наступательному вооружению. Так как из-за значительного веса маловероятно, что данная вещь использовалась непосредственно одним воином в бою. Между тем находка несёт на себе следы интенсивного использования. При этом наличие шипов указывает на то, что это явно не хозяйственный инструмент. Поэтому мы посчитали возможным включить её в свой свод. Не исключено, что перед нами боевая часть какой-то осадной машины.

Б. Жесткая фиксация:

Б.1. Булава – оружие, с железной ударной частью, которая могла снабжаться шипами, и насаживается на деревянную рукоять. Длина рукояти должна была доходить до 1,5 м.

15 – навершие в виде шара с 24 коническими шипами, расположенными тремя горизонтальными рядами. Диаметр 6 см, длина шипов 1 см, диаметр отверстия 2 см (Осиновское поселение, РФ, О-2-1) (рис. 4: 1).

16 – навершие в виде шара с 21 коническими шипами, расположенными тремя горизонтальными рядами. Диаметр 4,8 см, длина шипов 1 см, диаметр отверстия 1,7 см, вес 500 г (Ананьевское городище, РФ, А-91-85-22) (рис. 4: 2).

17 – навершие в виде шара с 18 коническими шипами, расположенными тремя горизонтальными рядами. Диаметр 4,6 см, длина шипов 1 см, диаметр отверстия 1,5 см (погребение в волости Чаншаньси, уезда Учансян, КНР)⁵ (рис. 4: 3).

18 – навершие в виде шара с 4 коническими шипами, расположенными двумя горизонталь-

³ Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчженей XII–XIII вв. С. 64.

⁴ Хорев В.А. Ананьевское городище. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.). Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 47. Рис. 46.

⁵ Лю Литин. Общее рассуждение о цзиньском оружии. С. 108.

ными рядами (погребение в волости Чаншаньси, уезда Учансян, КНР)⁶.

19 – навершие в виде шара с 8 коническими шипами, расположенными двумя горизонтальными рядами. Диаметр 5 см, длина шипов 1 см, диаметр отверстия 2 см (Новонежинское городище, РФ) (рис. 4: 5).

20 – навершие (чугунное) в виде шара с 8 вертикальными гранями, шириной 0,7 см. Диаметр 6,3 см, диаметр отверстия 2 см (Новонежинское городище, РФ) (рис. 4: 4).

Кроме того, что булава являлась оружием, ей приписываются функции жезла, т. е. символа власти. Но в этом случае булавы изготавливались из серебра. Два жезла в виде булавы были обнаружены в знатных цзиньских могилах в районах г. Харбина и г. Ачэна, КНР. Сохранившаяся деревянная рукоять у первого жезла имела длину 132 см⁷.

Б.2. Мечевидная палица. Ранее в научную литературу этот тип чжурчжэньского оружия вошел под названием кончар⁸. В своей последней работе мы также отнесли его к категории колюще-рубящего клинкового оружия⁹. Но, как оказалось, это не соответствует действительности, так как по своим техническим характеристикам оно таковым быть не может. В частности, на «клинках» находок отсутствует заточка, как и само лезвие в принципе, а их кончик повсеместно скруглен. При этом, при относительно не больших для категории колюще-рубящего клинкового оружия размерах, эти находки имеют достаточно большой вес. Всё это свидетельствует в пользу того, что перед нами всё же оружие ударно-дробящего действия. Поэтому мы посчитали необходимым исправить ошибку и обратиться к этой категории находок повторно. Более того, если опустить его из виду, то наш обзор получится не полным.

Данный вид находок представляет собой четырехгранный условный клинок, под которым мы понимаем рабочую часть, ромбическую в сечении, с узким, но не острым концом. Черен цельнокованный с клинком. Гарда всегда с расширяющимися концами.

21 – общая длина 84 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, длиной 70,2 см. Место соединения клинка с гардой оформлено в виде обоймицы с двумя язычками, длиной 2,8 см. Сечение клинка у основания вместе с оковкой 2,6 × 2 см, на конце клинка 1,3 × 1 см. Черен плоский, слегка сужающийся кверху, заканчивается навершием в форме овальной в

плане и скругленной в профиле оковки рукоятки с загнутыми вниз краями. Деревянная рукоятка крепилась на черене при помощи железной обоймицы и заклепки, которая пропусклась в отверстие на рукоятке. Судя по размерам обоймицы, рукоять имела ширину 2,7 см, толщину 2,1 см. Черен отделен от клинка гардой, которая в центральной части представляла собой ромб с расплюснутыми расширяющимися концами. Отдельный конструктивный элемент, на который сверху надевалась гарда, со стороны клинка по кругу украшен 16 скругленными выступами. Вес меча 1 015 г (Шайгинское городище, РФ) (рис. 5: 2, 6, 7).

22 – общая длина 85 см. Длина клинка 72 см, сечение у гарды 3 × 2 см. Черен трапециевидный, длиной 13 см, толщиной 0,7 см, заклепан в плоском округлом навершии диаметром 1,5 см. На черене располагалась обоймица для закрепления деревянной рукоятки. Гарда с расплюснутыми расширяющимися концами, длиной 10 см (Шайгинское городище, РФ) (рис. 5: 1).

23 – фрагмент мечевидной палицы. Длина сохранившейся части около 40 см. Ширина клинка 1,5 см. Черен 14 см, в разрезе прямоугольный, шириной 1 см. Его конец заклепан в навершии (Ананьевское городище, РФ).

24 – общая длина 79 см. Длина клинка 69 см. Клинок у него четырехгранный, ромбический в сечении, сужающийся к концу. Ребра клинка хорошо заточены. Ширина клинка у основания 1,5 см, у конца – 6 мм. Черен у рукоятки цельнокованный с клинком, квадратный в разрезе, шириной 0,8 см, длиной 10 см. Вес меча 990 г (Чугуевское городище, РФ).

25 – общая длина 78 см. Длина клинка 64 см, ширина у основания 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок в нижней части оформлен в форме накладки в виде двух языков, края которых заканчиваются трилистниками. Черен длиной 14 см, в сечении прямоугольный, заканчивается фигурной заклепкой, которая боковыми языками плотно должна была придерживать деревянную рукоять. В том месте, где гарда соединялась с череном, находилась железная обоймица, а с противоположной стороны между гардой и обоймицей находилась ромбовидной формы плоская обкладка. Края этой обкладки оформлены фестонами. Гарда с расплюснутыми расширяющимися концами, длиной 10 см (Вербное городище, РФ).

26 – общая длина 84,5 см. Длина клинка 71,5 см, ширина у гарды 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сече-

⁶ Лю Липин Общее рассуждение о цзиньском оружии. С. 108.

⁷ Лю Липин Общее рассуждение о цзиньском оружии. С. 108.

⁸ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 284 с.; Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. С. 52.

⁹ Артемьева Н.Г. Чжурчжэньское колюще-рубящее клинковое оружие // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 96–98.

нии. Черен 14 см, конец черена загнут для удержания деревянной рукояти. На черене, ближе к концу, находится сквозное отверстие для штыря. Верхний край деревянной рукояти укреплялся железной обоймицей. Гарда длиной 9 см, с расплюснутыми расширяющимися концами (Вербное городище, РФ).

27 – общая длина 83 см. Длина клинка 69,5 см, ширина у гарды 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, около гарды располагалась обоймица с двумя язычками. Черен длиной 14 см, его конец загнут для удержания деревянной рукояти. На черене, ближе к концу, находится сквозное отверстие для штыря. Основание деревянной рукояти укреплялось железной обоймицей. Гарда длиной 9 см, с расплюснутыми расширяющимися концами (Новопроектное городище, РФ).

28 – общая длина 72 см. Длина клинка 59 см, ширина у гарды 1,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, у гарды оформлена обоймица с двумя короткими язычками. Черен длиной 13 см с загнутым нижним краем, прямоугольный в сечении. Ближе к концу на черене сделано сквозное отверстие для стержня, фиксирующего деревянную рукоять (Новопроектное городище, РФ).

29 – общая длина 70 см (рукоять частично обломана). Длина клинка 65 см, ширина у гарды 1,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении (Музей города Харбин, КНР).

30 – общая длина 72 см. Длина клинка 59 см, ширина у гарды 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении. Черен длиной 13 см, ближе к концу находится сквозное отверстие для штыря. Гарда длиной 9 см, с расплюснутыми расширяющимися концами (городище Баличэн, КНР).

31 – общая длина 84 см. Длина клинка 70 см, ширина у основания 1,5 см, у конца – 2,5 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении. Черен прямоугольный в сечении, длиной 13 см. Гарда длиной 11 см, с расплюснутыми расширяющимися концами. В месте соединения клинка с гардой установлена обоймица, которая разделяла клинок и гарду. На черене зафиксированы еще две обоймицы, которые закрепляли деревянную рукоять. К одной из них припаяно кольцо, к которому, скорее всего, крепился темляк, служивший для предотвращения потери оружия при его выпуске из рук. Такая гарнитура встречена впервые (городище Баличэн, КНР) (рис. 5: 3).

32 – общая длина 88 см. Длина клинка 70 см, в сечении он прямоугольный, к концу – ромбический. Гарда длиной 8 см, с расплюснутыми

расширяющимися концами, со стороны черена она закреплена железной обоймицей. Впервые на оружие такого типа сохранилась деревянная рукоять, длиной 16 см, которая закреплена железным штырьком, расклепаным с двух сторон. Конец черена также расклепан для удержания деревянной рукояти. В разрезе она была овальной, выточенной из целого фрагмента дерева (городище Баличэн, КНР) (рис. 5: 4).

33 – уникальная находка была обнаружена на городище Баличэн – мечевидная палица в серебряных ножнах с каменной рукоятью. Ножны длиной 42 см представляют собой узкий, кованный футляр, у устья и на конце которого помещены граненые шайбы. Общая длина палицы 58 см. Клинок палицы четырехгранный. Черен длиной 16 см, закреплён в каменной рукояти длиной 12 см, диаметром 3 см. Нижний край каменной рукояти закруглен (городище Баличэн, КНР) (рис. 5: 5).

34 – общая длина 75 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, длиной 62 см. Размеры сечения клинка у основания вместе с оковкой $2,6 \times 2$ см, на конце – $1,5 \times 1$ см. Черен плоский, слегка сужающийся книзу, заканчивается плоским круглым навершием. Деревянная ручка крепилась на черене при помощи железной обоймицы и заклепки, которая пропускалась отверстием на рукоятке. Черен отделен от клинка гардой, которая в центральной части представляла собой овал с расплюснутыми расширяющимися концами (Музей ЛяоЦзиньской культуры, пров. Хэйлунцзян, КНР).

Судя по изображению в цзиньском могильнике Дунну в уезде Хоумасянь, пров. Шаньси, этот тип оружия использовали конные воины во время атаки, держа в каждой руке по палице. Умение действовать двумя палицами в движении, сидя на лошади, – это вершина воинского искусства, которым чжурчжэни, скорее всего, владели в совершенстве.

Тактика ведения боя этим видом оружия требовала большого умения. В основном оно использовалось конными воинами против пехоты. Везде подчеркивалось, что это оружие обладало большой поражающей способностью¹⁰.

Комплекс чжурчжэньского вооружения формировался в дальневосточном регионе, поэтому в нем хорошо прослеживаются китайские традиции вооружения. Оружие ударно-дробящего действия появляется на территории Китая очень рано. В сунский период (960–1279 гг.) здесь уже использовались боевые цепи с длиной рукояти 1,2–1,5 м¹¹. В киданьской Империи Ляо (907–1125 гг.) почетным оружием являлась булава, которая считалась оружием личной охраны пра-

¹⁰ Шавкунов В. Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. С. 105, 108–109.

¹¹ Чжоу Вэй Очерк истории военного оружия в Китае. Пекин, 1957. 157 с.

вителей и придворных высокого ранга. Рукояти таких булав достигали 1,5 м. М.В. Горелик считал, что столь длинное древко булав указывает на определенную связь с традиционным китайским оружием. Позже булавы широко использовали монголы, существует мнение, что они являлись ретрансляторами традиций, заложенных чжурчжэньскими и китайскими оружейниками¹². Подтверждение этому тезису мы видим в новых работах, посвященных вооружению Золотой Орды¹³.

¹² Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени XV – первая половина XVIII в.. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 318.

¹³ Кулешов Ю.А. Боевые цепи в комплексе вооружения Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. Т. 7. № 1. Казань, 2019. С. 37–54.

Рис. 1.

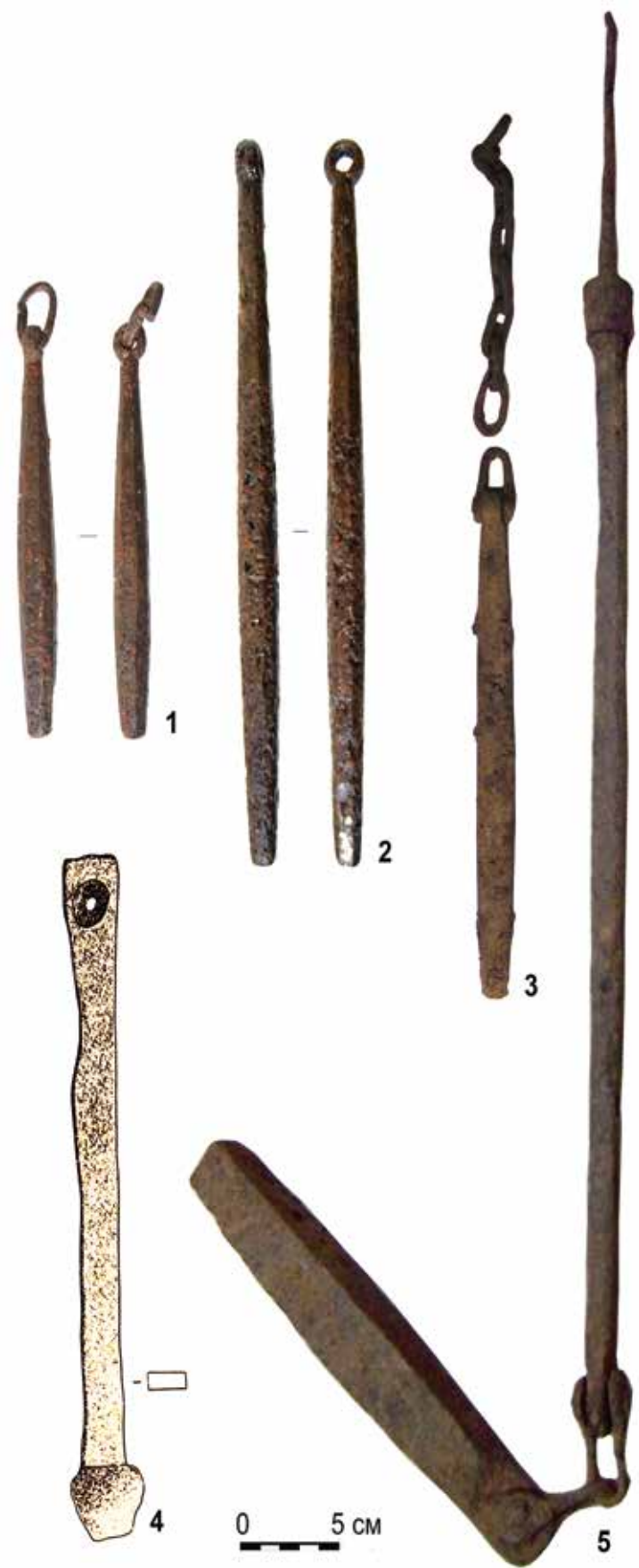

Рис. 2.

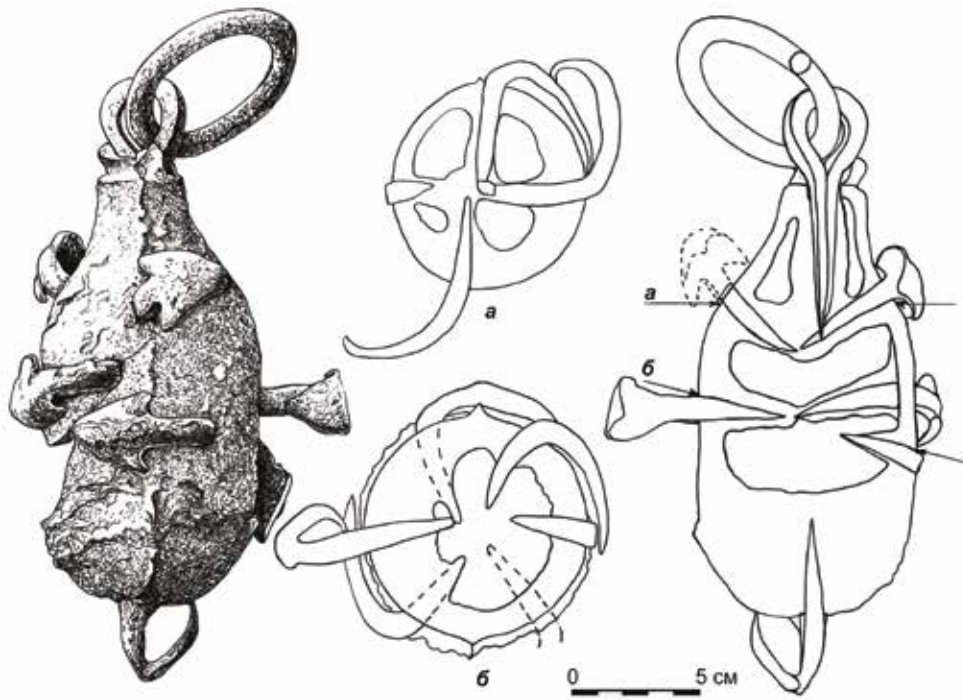

Рис. 3.

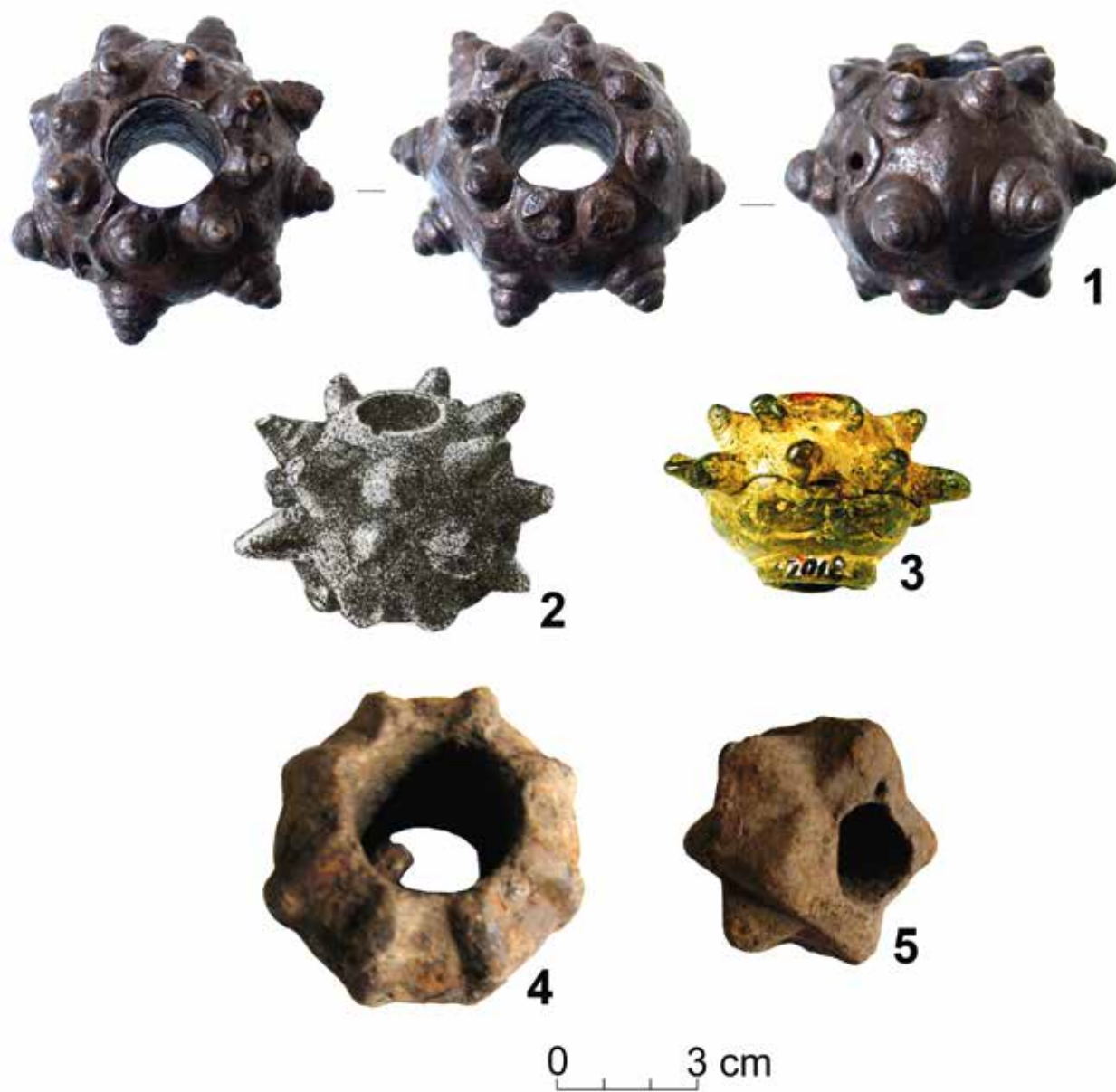

Рис. 4.

Рис. 5.

REMAINS OF MEDIEVAL ARMOUR PLATES FROM THE RUTHENIAN HILLFORT OF “ZAMCZYSKO” IN SANOK-BIAŁA GÓRA (SOUTH-EASTERN POLAND)*

УДК 902.1:623.445.1(438)
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.194-218

© 2022 Kotowicz P.N. (p_kotowicz@o2.pl),
Historical Museum in Sanok, Sanok, Poland.

Abstract: *Remains of lamellar and plate armour from the territory of medieval south-western Rus' are extremely rare finds. In this context, finds of armour plates with small holes which were discovered at the “Zamczysko” stronghold in Biała Góra, which is now a quarter of Sanok, seem to become especially significant.*

In the Early Middle Ages, Sanok (south-eastern Poland) was the south-westernmost part of Halych Rus'. It was first mentioned in the Kiev Letopis in 1150 when the Hungarian King Geza II launched an expedition to Halych Rus'. On the other hand, the stronghold which can be identified with Sanok mentioned in the letopises was located 4 km to the north in a locality of Trepcza, on a hill known as “Horodyszczce”. The existence of this centre was put to an end in the second half of the 13th century.

Apart from these two strongholds, in the Old Rus' period there was one smaller hillfort, situated in the quarter of Biała Góra in the range of the Słonne Mountains in a forested hill called “Zamczysko”.

However, one of the most intriguing categories of finds which were discovered at the “Zamczysko” hill are 65 iron plates and one made of copper. On the basis of their shapes six basic variants of armour plates were isolated. The detailed analysis of these finds proved that they have the closest analogies in the 13th- and 14th-century armour plates from Belarus, Northern Russia (Novgorod) and Lithuania (Vilnius) as well as Gotland (Wisby).

Scattered finds, traces of fire of the fortifications, and a considerable number of discovered projectiles of missile weapons demonstrate that the stronghold in Sanok-Biała Góra fell prey to destruction, perhaps in result of an invasion and burning. It was most probably at that time that the discussed armour plates found their way to the ground. When could this occur and who gave the order to attack the stronghold? The concise analysis of finds and analysis of political situation in the borderland of the Kingdom of Poland and Halych-Volodymyr Rus' suggest only one event – the expedition of Polish King Casimir the Great in 1340.

Key words: *lamellar armour, south-western Rus', Sanok, Halych Rus'.*

Остатки средневековых доспешных пласти из русского городища «Замчиско» в Санок-Бяла Гуре (юго-восток Польши)

© 2022 г. Котович П.Н. (p_kotowicz@o2.pl),
Исторический музей в Санок, Санок, Польша.

Резюме: *Остатки пластинчатых и латных доспехов с территории средневековой Юго-Западной Руси чрезвычайно редкие находки. В этом контексте особое значение приобретают находки доспешных лат с небольшими отверстиями, обнаруженные в крепости «Замчиско» в Бяла-Гуре, которая в настоящее время является районом Санока.*

В раннем средневековье Санок (юго-восток Польши) был самой юго-западной частью Галицкой Руси. Впервые он упоминается в Киевской летописи под 1150 г., когда венгерский король Геца II отправил экспедицию на Галицкую Русь. С другой стороны, крепость, которую можно идентифицировать с Санок, упомянутым в летописи, находилась в 4 км к северу в местечке Трепча, на холме, известном как «Городище». Существование этого населённого пункта прекратилось во второй половине XIII века. Кроме этих двух крепостей древнерусского периода существовало ещё одно небольшое городище, расположенное в районе Бяла-Гура в горном массиве Слонне на лесистом холме под названием «Замчиско».

Однако одна из самых интригующих категорий находок, которые были обнаружены на холме «Замчиско», это 65 железных и одна медная пластина. На основании их форм были выделены шесть основных вариантов доспешных пластин. Детальный анализ этих находок показал, что они имеют наиболее близкие аналогии в доспешных пластинах XIII–XIV вв. из Белоруссии, Северной России (Новгород) и Литвы (Вильнюс), а также из Готланда (Висбю).

Разрозненные находки, следы сгоревших укреплений, а также значительное количество обнаруженных метательных снарядов свидетельствуют о том, что крепость в Санок-Бяла-Гуре стала жертвой разрушения, возможно, в результате вторжения и сожжения. Скорее всего, именно в это время обсуждаемые доспешные пластины остались лежать в земле. Когда это могло произойти и кто отдал приказ атаковать крепость? Краткий анализ находок и анализ политической ситуации в пограничной полосе Королевства Польского и Галицко-Волынской Руси позволяют предположить только одно событие – поход польского короля Казимира Великого в 1340 г.

Ключевые слова: *пластинчатые доспехи, Юго-Западная Русь, Санок, Галицкая Русь.*

Introduction

Remains of lamellar and plate armour from the territory of medieval south-western Rus' are extremely rare finds (fig. 1)¹. With no exception, these are iron plates of various shapes, which are discovered in the course of archaeological examinations. Such plates are provided with small holes for leather thongs or cords². One of the earliest finds of such kind is a slightly bent plate with rounded edges and holes which was discovered at the stronghold of Plisnensk near the village of Pidhirtsi, Lviv Oblast (UA) in layers dated to between the late 8th and 10th century. This artefact is believed to be part of lamellar armour³. An artefact discovered in a handicraft workshop at the stronghold in the locality of Alchedar, Şoldăneşti rajon (MD) is dated to the 10th century⁴. A few finds are known from Volhynia. Two oblong rectangular plates with a thickness of 0.6 mm were discovered in remains of an overground building in the courtyard of the stronghold of Listvin, Rivne Oblast (UA). The stronghold is dated to the 10th–11th centuries⁵. An isolated rectangular plate with a longitudinal rib was found in a layer dated to the late 11th – first half

of the 12th century at the stronghold in Dorogobuż, Rivne Oblast (UA)⁶. Furthermore, an unspecified number of plates from Peremil', Volyn Oblast (UA) is stored in the collection of the Historical Museum in Volodymyr-Volhynskiy⁷ and about 10 finds were discovered in strata from the second half of the 13th century in Brest, Brest Oblast (BLR)⁸. Some iron plates from excavations at the "Apostol'shhina" wilderness in Volodymyr-Volhynskiy, Volyn Oblast (UA) are also hypothetically considered as parts of armour⁹. The same can be said about a scale-shaped plate (length 9.0 cm, width 3.5 cm) from the stronghold in Peresopnyca, Rivne Oblast (UA)¹⁰. All in all, what we have from such a large territory are at least some dozen finds¹¹.

This is particularly surprising, as armour of this kind is mentioned in written sources dealing with the history of the Duchies of Halych and Volhynia. The earliest record of their use – also within the context of entire early medieval Rus' – is a report from the 13th century Halych-Volhynia Letopis concerning the meeting of Duke Daniel Romanovich, the Hungarian King Bela IV and envoys of Emperor Friedrich II, which took place in Bratislava in 1247 or 1252¹².

¹ I am very grateful to my colleagues – Sergei Kainov PhD from Moscow, Prof. Lech Marek from Wrocław and Mikalai Plavinski PhD from Minsk – for their kindly help in the preparation of this paper.

² An opinion that plates discovered at the Zelena Lipa stronghold (also Perebykivc'ke gorodiše, Chernivtsi Oblast, in Northern Bucovina (UA) – *Петегирич В. Оружие и снаряжение всадника // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды)*, Киев, 1990. С. 169) – are remains of scale armour is a misunderstanding. In fact, these are remains of a coat of plates or brigantine type armor – *Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина*. Киев, 1982. С. 34. Рис. 20: 1–2; *Пивоваров С. В. Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Липі // Археологічні Студії*. Вип. 2. Київ–Чернівці, 2003. С. 211. Рис. 3: 1–11.

³ *Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА*. 1959. № 2. М. С. 126. Рис. 1: 10 – in this work the find is considered as coming from a horizon dated to the 7th–10th centuries; *Петегирич В. Оружие и снаряжение всадника*. С. 169. However, recent research suggests that the earliest settlement in the area of the stronghold in Plisnensk can be dated to the end of the 8th–10th centuries, see *Филипчук М. А. Пліснеський археологічний комплекс // Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Археологія і давня історія України*. Вип. 1, Київ, 2010. С. 345. Nevertheless, this is not the earliest find of this kind from the territory of later Rus'. Three platelets discovered at the stronghold in Hotomel (Belarus) are dated to as early as the 7th century. On the other hand, these finds are considered to be of Avar provenience, cf. *Гавришкін І. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. М., 1996. С. 137; *Плавінскі М. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў*. Мінск, 2013. С. 85.

⁴ *Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси*. С. 126. Рис. 1: 9.

⁵ *Чайка Р. Давньоруське городище Листвин і його околиці у X–XI ст. Львів, 2009. С. 74. Рис. 70: 4; Терський С. В. Зброя та захисний обладунок населення Наддублянищини – волості княжого міста Пересопниці у X–XII ст. // Держава та армія, Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. Вип. 670. Львів, 2010. С. 27. Рис. 5: 2; *Терський С. Озброєння дружинника X–XI ст. на волинських землях за археологічними джерелами // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Вип. 20. Львів, 2011. С. 666. Рис. 6: 2.

⁶ *Прищепя Б., Нікольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж у період Київської Русі. До історії населення Західної Волині в X–XIII століттях*. Рівне, 1996. С. 110. Рис. 66: 5; *Прищепя Б. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. С. 177. Рис. 161: 6.*

⁷ *Савицький В., Палійчук М., Собуцький М. Захисний обладунок волинських воїнів періоду Давньої Русі // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Сторінки воєнної історії краю*. Вип. 30. Луцьк, 2009. С. 28.

⁸ *Лысенко П. Ф. Берестье*. Минск, 1985. С. 225. Рис. 149.

⁹ *Терський С. Княже місто Володимир*. Львів, 2010. С. 224. It is almost certain that this does not apply to rectangular plates from excavations in the courtyard of the stronghold in Volodymyr-Volhynskiy, see *Терський С. Княже місто... С. 224. Рис. 102: 8.*

¹⁰ *Терський С. В. Спорядження дружинника Наддублянищини – волості княжого міста Пересопниці у XII–XIV ст. // Держава та армія, Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. Вип. 693. Львів, 2011. С. 19. Рис. 4: 15.

¹¹ An iron armour fragment discovered at the stronghold in Czermno (Cherven, as known from letopises), Tomaszów Lubelski distr. (PL), has nothing to do with scale armour, cf. *Петегирич В. Оружие... С. 169*. In fact, it is an internal part of a 13th century arm defence, see *Zbierski A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czermna nad Huczwą, Archeologia Polski*. Vol. ¼. Warszawa, 1959. Pl. XVI: 65; *Świątosławski W. Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w. Łódź, 1997. P. 90–91. Cat. 5. Fig. 12: e; Kuśnierz J. Militaria z badań archeologicznych latopisowego grodu Czerwieńia // Археологія Тернопільщини. Тернопіль, 2003. С. 219. Табл. V: 34; *Kuśnierz J. Militaria z Czermna nad Huczwą. Próba rekonstrukcji sposobu ataku Tatarów na gród (w 1240 r.) na podstawie dotychczasowych badań archeologicznych // Acta Militaria Mediaevalia*. Vol. I. Kraków-Sanok, 2005. С. 125. Tabl. IV: 37; *Strzyż P. Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce*. Łódź, 2006. p. 98–99. Fig. 25: 7; *Каменский А. Н., Кулешиов Ю. А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология*. Вып. 3. М., 2014. С. 160. Рис. 15: в.*

¹² Researchers dealing with the times of Daniel Romanovich express divergent opinions – see *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz. Król Rusi (ok. 1201–1264)*. Biografia polityczna. Kraków, 2012. p. 288–289; *Мартынюк А. «Немци же дивящяся оружию татарскому»: с кем и когда встречался Даниил Романович в Пожони? // Русь и Центральная Европа в XI–XIV веках. Материалы V Международной научной конференции, Спешская капитула, 16–18 октября 2014 г. // Colloquia Russica*. Vol. 1/5 / Ред. В. Нагирный, А. Мэсаркин. Краков-Братислава, 2015. p. 149–159.

Ducal troops who were entering the royal camp provoked general surprise among the Germans, due to their appearance and weaponry. Horses of Daniel's troops were covered with leather armours, in line with the Mongol style. These armours perhaps protected both the torsos and the heads of the animals. On the other hand, riders were protected with "æрыцѣхъ", which in all probability refers to platelet armours¹³. The chronicle mentions one more important fact, namely, that these armours were shining in the sun. This demonstrates that they must have been made of metal¹⁴. A record from the same chronicle which can be found in the obituary and praise for Duke Vladimir Ivan Vasilkovich (written in 1287) mentions "бронѣ дошатые". For this armour (plus 50 Marks of martens and 5 bales of bright red silk) the Duke bought the village of Berezovichi from a boyar Fedorko¹⁵.

Leontyi Voitovich believes that these references, indicated an Orientalization of the armament of the Halych and Volhynia troops, which was part of military reforms carried out in the second half of the 13th century by Daniel Romanovich and his son Leo. According to this researcher, these changes were aimed at adaptation to a new powerful opponent, who appeared at that time in Eastern Europe – the Tartars¹⁶.

In this context, finds of armour plates with small holes which were discovered at the "Zamczysko" stronghold in Biała Góra, which is now a quarter of Sanok, seem to become especially significant. These artefacts are discussed in this paper.

Sanok

Sanok (fig. 2: 1) is now a small town in south-eastern Poland (Sanok district, Podkarpackie

Voivodeship). In the Early Middle Ages it was the south-westernmost part of Halych Rus'. It controlled the border with the Kingdom of Hungary and, to a lesser degree, with Polish duchies and later with the Kingdom of Poland. It was first mentioned in the Kiev Letopis within the context of events from the year 1150, when the Hungarian King Geza II launched an expedition to Halych Rus'. Then, Sanok was mentioned another three times.¹⁷ However, results of archaeological research clearly demonstrate that this centre (fig. 2: 2) developed earlier, perhaps in the late 11th century. On the other hand, the stronghold which can be identified with Sanok mentioned in the letopises was not situated in the territory of present-day town. It was located 4 km to the north in a locality of Trepcza, on a hill known as "Horodyszczce" (fig. 2: 2a). Apart from remains of wooden sacral (Orthodox) and secular architecture and a large cemetery near the Orthodox church, a rich assemblage of finds was discovered in this highly fortified stronghold. These finds are mainly dated to the 12th and the first half of the 13th centuries. They include, among others, bronze crosses-encolpia, silver female head ornaments (so-called "kolts"), a gilded plate of a diadem with an image of a lion, fragments of bronze war-flails, but first of all two seals of Rurik Rostyslavich, Duke of Novgorod and Kiev¹⁸. The existence of this centre was put to an end perhaps by one of Mongol invasions in the second half of the 13th century, as suggested by arrowheads from the stronghold, which are characteristic for these nomads¹⁹. It seems that after these dramatic events the administrative centre was moved to the area of present-day Sanok. In this location a small stronghold existed on the

¹³ *Lihačovej O.P.* Галицко-волинская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. Вып. 5: XIII век. Санкт-Петербург, 2005. С. 261, believed that this term referred to mail, which seems to be rather erroneous. Other researchers (cf. Kotliar, Mahnovec', Dąbrowski) are rather inclined to accept the opinion of I. Sreznievskij, who translated this Turkish term as Russian «латы» or "platelet armour", cf. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Вып. III. Санкт-Петербург, 1893. С. 1664.

¹⁴ Ипатьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1908. Ст. 814; *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / Археология СССР. САИ. Е1-36. Ленинград, 1971. С. 18; *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Ленинград, 1976. С. 8; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz... p. 289 and notes 755–757; *Dąbrowski D.* Kronika halicko-wołyńska jako źródło do studiów nad kulturą materialną średniowiecznej Rusi. Charakterystyka ogólna i postulaty badawcze // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. LXI/1. Warszawa, 2013. p. 65–66 and notes 8–10.

¹⁵ Ипатьевская летопись. Ст. 904; *Медведев А.Ф.* К истории... p. 119–120; *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 65. Москва, 1959. p. 175; *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. С. 15.

¹⁶ *Воитович Л.В.* Реформи армії князями Данилом Романовичем та Левом Даниловичем у середині XIII ст. // Держава та армія, Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Вип. 571. Львів, 2006. С. 90–92. This is obviously not a new opinion. Already A.N. Kirpichnikov noticed this tendency and also related it to the North Ruthenian principalities – cf. *Кирпичников А.Н.* Военное дело... С. 7–11.

¹⁷ *Ginalski J.* Gdzie leżał najstarszy Sanok? // Od Bachorza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego / Eds. B. Chudzińska, M. Wojenka, M. Wołoszyn. Kraków-Rzeszów, 2016. pp. 556–558.

¹⁸ *Ginalski J.* Enkolpiony z grodziska "Horodyszczce" w Trepczy koło Sanoka // Acta Archaeologica Carpathica. Vol. XXXV. Kraków, 1999–2000. pp. 211–262; *Ginalski J.* Para srebrnych ozdób kobiecego nakrycia głowy, tzw. kołtów, z grodziska "Horodyszczce" w Trepczy, gmina Sanok, stanowisko 2 // Acta Archaeologica Carpathica. vol. XXXVI. Kraków, 2001. pp. 133–148; *Ginalski J.* Wczesnośredniowieczny zespół sakralny na grodzisku "Horodyszczce" w Trepczy koło Sanoka // Początki chrześcijaństwa w Małopolsce, Dzieje Podkarpacia 5 / ed. J. Gancarski. Krosno, 2001. pp. 349–377; *Ginalski J.* Gdzie leżał najstarszy Sanok?... pp. 561–564; *Ginalski J., Kotowicz P.N.* Gród u "wrót węgierskich" – staroruski Sanok i jego najbliższe zaplecze // Pogranicza w polskich badaniach mediewistycznych / eds. A. Janeczka, M. Parczewski, M. Dzik. Materiały V Kongresu Mediewistów Polskich. Vol II. Rzeszów, 2019. pp. 127–132. Figs. 3–6.

¹⁹ *Ginalski J., Kotowicz P.N.* Elementy uzbrojenia i oporządzenia jeździeckiego z grodziska wczesnośredniowiecznego "Horodyszczce" w Trepczy, pow. Sanok, stan. 2 // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Vol. 25. Rzeszów, 2004. p. 231, 233. Pl. VI: 5, 7, 9, 10; VII: 5–8, 10.

present-day castle hill since the 12th century²⁰. This feature perhaps fulfilled an auxiliary role to the mid-12th century (fig. 2: 2b). This stronghold and its suburbia²¹ survived the Mongol incursions and grew so strongly in importance that in 1339 Yuri II Troydenovich, the last ruler of Halych-Volodymyr Rus' granted Sanok with the Magdeburg law. This was one of the first Magdeburg law locations in his duchy.

Apart from these two strongholds, in the Old Rus' Period there was one more feature with a military function within present-day Sanok. It was a small stronghold, perhaps a kind of watchtower, situated in the quarter of Biała Góra (White Mountain) in the range of the Słonne Mountains in a forested hill called "Zamczysko" (fig. 2: 2c). The stronghold was constructed at the height of about 480 m a.s.l. and about 195 m above the bottom of the River San valley (fig. 3: 1). Its remains can be seen as a triangular, flat and strongly pronounced courtyard. Its maximum dimensions are about 50 × 30 m and it extends along the NE-SW axis. The courtyard is surrounded with a moat (its bottom is situated ca. 8–9 m below the courtyard level) and with a perfectly preserved rampart. Its height is 1–2 m while its width is about 5 m. In its NE part, where the hill's culmination offers the easiest access to the stronghold, the rampart is clearly higher (ca. 3 m) and wider (up to 10 m). An additional transverse cut was made in this location, and there is a regular oval hollowing behind it. The size of the entire stronghold is about 0.5 ha (ca. 90 × 30–60 m)²² (fig. 2: 2c; 3: 1–2).

This feature was excavated for several times (1954, 1958, 1962, 1973) by various teams of archaeologists. Regrettably, in most cases no detailed documentation of these works survived and all that remains are finds. In recent years the site also attracted attention of illegal treasure hunters. This enforced new excavations and planned metal detector surveys. These were held in the years 2014–2015 and were coordinated by the author of the present paper. These examinations were of

a very limited extent. However, they allowed for finding out that the courtyard of the stronghold was artificially flattened and its fortifications – perhaps a palisade – became strongly charred²³. In recent years (2018–2019), exploration works with metal detectors were also carried in the immediate vicinity of the stronghold itself. They brought the discovery of – among others artefacts – several dozen arrow- and bolt heads.

In earlier literature it was believed that the time of existence of the stronghold was to be related to the late 12th or the first half of the 13th century²⁴. This opinion was chiefly based on pottery found at the site. As a matter of fact, most fragments of vessel finds are related to traditional early medieval pottery. However, a detailed analysis of all finds – both pottery and metal artefacts – suggests that the chronology of the feature is considerably later. Among pottery shards, apart from the aforementioned traditional pottery, there were fragments of vessels which are characteristic for the 14th century. These were chiefly glazed jugs. A unique find is a fragmentarily preserved jug whose surface is ornamented with plastic depictions of royal eagles in medallions (fig. 4: 3)²⁵. Metal finds (over 500 items) were deposited shallowly in the entire area of the courtyard, mainly in the forest bed layer. Attention is especially drawn to two Prague Groschen of John of Luxembourg. One of these was certainly minted in the second quarter of the 14th century (fig. 4: 1–2)²⁶. A late chronology of the site is also testified to by numerous finds of equestrian equipment – spurs with rowels, rowels and other parts of spurs, such as buckles and thong fittings²⁷. These finds belong to forms which are typologically dated to the second half of the 13th and the 14th century (fig. 4: 4). Weaponry finds from the stronghold and its close vicinity are an extremely interesting assemblage. The most numerous are heads of projectiles – arrowheads and crossbow bolt heads and their total number until now is 195. Apart from armour plates which are discussed below, other finds included an iron finial of a conical helmet, a

²⁰ Zielińska M. Badania archeologiczne na wzgórzu zamkowym w Sanoku // *Mówią Zbiory*. Vol. 1. Sanok, 1996. p. 8, 19; cf. also Zielińska M., Kotowicz P.N. Cmentarzysko grodowe na wzgórzu zamkowym w Sanoku // *In silvis, campis... et urbe. Średniowieczny obrządek pogrzebowy na pograniczu polsko-ruskim* / red. S. Cygan, M. Glinianowicz, P.N. Kotowicz. Rzeszów-Sanok, 2011. p. 187–220; Ginalski J., Kotowicz P.N. Gród u "wrót węgierskich"... pp. 132–133. Figs. 7–9.

²¹ Zielińska M., Kotowicz P.N. Podgrodzia grodu na wzgórzu zamkowym w Sanoku w świetle nowszych badań // *Od Bachorza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym*. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego / eds. B. Chudzińska, M. Wojenka, M. Wołoszyn. Kraków-Rzeszów, 2016. p. 569–579.

²² Fedyk R., Kotowicz P.N. Zamczysko. Średniowieczne grodzisko w Sanoku-Białej Górze. Część I // *Zabytki metalowe i kamienne*. Sanok, 2006. p. 5.

²³ Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian borderland in 1340 and the fall of the "Zamczysko" hillfort in Sanok-Biała Góra // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. Vol. XXX. Łódź, 2017. p. 37. Fig. 4.

²⁴ Fedyk R., Kotowicz P.N. Zamczysko... p. 9.

²⁵ Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian... p. 37, 39. Fig. 5: 1; Ginalski J., Kotowicz P.N. Gród u "wrót węgierskich"... p. 138. Fig. 12: 5.

²⁶ Kotowicz P.N., Śnieżko G. Clipped Prague groschen of John of Luxembourg (John of Bohemia) from the Medieval hillfort in Sanok-Biała Góra // *Notae Numismatae*. vol. XI. pp. 221–242; Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian... p. 39. Fig. 5: 2–3; Ginalski J., Kotowicz P.N. Gród u "wrót węgierskich"... p. 138. Fig. 12: 1–2. What strongly diverges from these findings is the chronology of another medieval coin. It is a 15th century Jagiellonian denar; however, it was found in the humus layer above the charred fortifications of the stronghold. The coin itself bears no damages caused by fire. It seems therefore that it is a lost artefact which found its way to the site after the stronghold had ceased to exist.

²⁷ Ginalski J., Kotowicz P.N. Gród u "wrót węgierskich"... Fig. 12: 3–4.

riveted mail ring, and perhaps two brigantine plates, including one ornamented find²⁸.

Armour plates

One of the most intriguing categories of finds which were discovered at the “Zamczysko” hill are iron platelets, which were remains of scale or lamellar armour or armours. In the course of the archaeological examinations and the search in the area of the stronghold’s courtyard and its close vicinity 66 plates or their fragments were found altogether²⁹ (tab. 1). All of these are stored in the collection of the Historical Museum in Sanok. As many as 35 of them were found in Trench IX and one in Trench III in the course of the works carried out in 1973. However, due to the lack of documentation from these works it is not possible now to localise these trenches (tab. 1: 1–36). Nor is it possible to say whether the artefacts from Trench IX were originally found in one cluster. Another three finds were incidentally discovered in 1981 in heaps which remained after the excavations held in 1973 (tab. 1: 37–39). Yet another artefact was discovered together with other finds by an accidental discoverer in the 1990s (tab. 1: 40). In 2015 it was handed over to the Museum’s collection. The remaining finds were yielded by the metal detector prospection and by the archaeological examinations which were supervised by the author of the present paper in 2014–2015 and 2018. They did not come from a single cluster, but were individually found chiefly in the forest humus layer almost in the entire area of the stronghold’s courtyard and in the close vicinity of the hillfort (tab. 1: 41–66).

Regrettably, most armour plates survived only in smaller or larger fragments, except for six finds (figs. 6: 1; 7: 1, 3–4; 8: 13–14). Some of them, which were discovered during the excavations in 1973 are also heavily overheated as a result of fire (?)³⁰, hence a decision was made to examine them by X-rays, which revealed the original number and size of their openings (fig. 9)³¹. All these reasons

cause difficulties with typological analysis of them and in most cases it is not possible – in spite of numerous similarities between individual plates – to make use of the classification of armour plates of this kind proposed by Yu.M. Lupinenko and O.A. Makushnikov. This classification is chiefly based on differences in the number and location of openings in plates³². Therefore, the shape of the plates was considered as a rudiment for our classification. On the basis of their shapes six basic variants of armour plates were isolated (fig. 5).

First of them (Variant 1) groups large plates in the shape of “fish scales” and openings located along their three edges. It is similar to Type 1 of Lupinenko and Makushnikov³³. Probably four finds can be classified into it (tab. 1: 32–33; 35–36; fig. 6: 1–4). The earliest isolated finds of this type which are believed to be parts of lamellar armour and are dated to the half of the 12th century were discovered in the course of excavations in Novogrudok (BLR)³⁴. Armour plates from the craftsman’s workshop in Gomel (BLR) are dated to the late 12th – early 13th century. These finds are considered by researchers as parts of scale³⁵ or lamellar armour³⁶. A similar plate – also believed to be part of lamellar armour – comes from a fire layer in Polock (BLR). This layer is dated to the mid-13th century³⁷. A broader – 13th – 14th century – chronology is supposed in the case of an armour plate from Druck (BLR), which is identified as part of lamellar armour³⁸. The latest finds of this type which are known so far come from Novgorod the Great (RU). They were discovered with other (47) specimens in Layer 8 of Nerevskij konec, which could be related to a fire from 1368. This set of plates is connected with the area of the seat of Posadnik (mayor) Oncifor Lukich. In this case researchers have no doubts that they were attached to a leather backing³⁹. A few armour plates of this type, sometimes connected with plates of our Type 3 and interpreted as parts of lamellar armour and dated to between the second half of the 14th and the

²⁸ Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian... p. 39–41, 44. Fig. 7: 1–18; 9: 1–15; 11: 20–23.

²⁹ In comparison with the previously published study (*Fedyk R., Kotowicz P.N. Zamczysko...*), after a detailed analysis of X-ray photos, two artefacts previously considered as plates were not included – *Fedyk R., Kotowicz P.N. Zamczysko...* Fig. 6: 4, 15.

³⁰ Due to this fact, despite initial conservation, their original thickness could not be restored. Therefore, they were not included in the Table presenting measurements of these plates from Sanok-Biała Góra (cf. Tab. 1: 5–7, 12, 14–15, 17–18, 21–22, 34–36. Fig. 6: 3–5; 7: 1, 5–6, 9, 11, 19, 22–23; 8: 7–9).

³¹ After a detailed analysis of X-rays, I decided to exclude two items previously considered as armour plates from this group – cf. *Fedyk R., Kotowicz P.N. Zamczysko...* Cat. 19. Fig. 6: 4, 15. I have included, however, two items (aig. 6: 3–4) previously considered as fittings – *Fedyk R., Kotowicz P.N. Zamczysko...* Cat. 49–50. Fig. 8: 4–5.

³² *Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А.* О чешуйчатом доспехе восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) // Краугольный Камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Вып. I / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. Санкт-Петербург – Москва, 2009. Рис. 2.

³³ *Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А.* О чешуйчатом доспехе... С. 473. Рис. 2.

³⁴ *Плавинский М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... С. 146. Табл. 1: 5. Рис. 5: 19–20.

³⁵ *Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А.* О чешуйчатом доспехе... С. 473, 474. Рис. 1: 1, 4.

³⁶ *Плавинский М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... С. 146. Табл. 1: 9. Рис. 7: 22.

³⁷ *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк (IX–XII вв.). Минск, 1975. С. 57. Рис. 30: 15; *Плавинский М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... С. 146. Табл. 1: 12. Рис. 6: 6.

³⁸ *Медведев А.Ф.* К истории... Рис. 5: 1; *Плавинский М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... С. 146. Табл. 1: 17. Рис. 6: 7.

³⁹ *Медведев А.Ф.* К истории... С. 131–132. Рис. 5: 6; *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода... С. 180. Рис. 17: 14.

early 15th century are also known from the Lower Castle in Vilnius (LT)⁴⁰.

The second variant (Variant 2) includes quadrangular armour plates with all the angles being straight and with openings probably arranged along three of its edges. This variant is close to Type 2 of Lupinenko and Makushnikov⁴¹. It is represented by one rectangular, fragmentary preserved find which is bent in a side view, with eight openings located along two perpendicular edges (tab. 1: 34; fig. 6: 5). Similar plates become popular first in the 13th century. Artefacts discovered in a weapon maker's workshop at the stronghold in Gomel (BLR) are dated to the first decades of this century. They are considered to be parts of scale armour⁴². A similar find of plate of scale armour is also known from Novgorod the Great, where it was found – as mentioned before – in the layer from 1368 belonging to the complex situated in the historical area of the seat of Posadnik (mayor) Oncifor Lukich⁴³. A few artefacts of this kind were also discovered in Vilnius castle. As it was stated before, this discovery is dated to the second half of the 14th or the beginning of the 15th century⁴⁴.

One plate (tab. 1: 63; fig. 6: 6) belongs to Variant 3, which is probably similar to Type 4 of Lupinenko and Makushnikov⁴⁵. As in the case of Type 1 it is a plate in the shape of "fish scales" but with openings arranged along its upper edge. Armour plates of this type are generally believed to be parts of scale armour. They have a very early chronology, which dates back to the Antiquity⁴⁶, but they were not popular in medieval Rus'. The only published analogies we know came from the aforementioned armour maker's workshop in Gomel, dated to the beginning of the 13th century⁴⁷.

The most numerous variant (Variant 4) includes 52 narrow and oblong armour plates whose one edge is more or less arched or chamfered outward (tab. 1: 1–15, 17–23, 25–29, 31, 37–49, 51–54, 56–57, 59–62, 65–66; fig. 7: 1–25; 8: 1–22). Due to this, such finds resemble a Latin letter "D". Among these artefacts one can see an internal diversification into more slender armour plates (their width is less than 1.5 cm – cf. tab. 1: 25–29, 40, 43–44, 48–49, 56, 59; fig. 8:

12–22) and more stocky ones (their width is more than 1.5 cm – cf. tab. 1: 1–15, 17–23, 31, 37–39, 41–42, 45–47, 51–54, 57, 60–62, 65–66; fig. 7: 1–25; 8: 1–11). Apart from one find which is made of copper and which is ornamented with a row of punched dots on its edge (tab. 1: 47; fig. 8: 11), the remaining ones are made of iron. In five cases (tab. 1: 3–4, 8–9, 19–22, 28–29, 38–39; fig. 7: 6–10; 8: 21) these are pairs of joint armour plates, which demonstrate an original manner of their joining and arrangement. One of these pairs was probably located in the central part of the armour, which can be inferred from the alignment of both plates in relation to each other – their convex edges are directed outward (tab. 1: 38–39; fig. 7: 10). In a dozen or so cases the preserved parts of plates did not have openings (tab. 1: 7, 11–14, 17, 26, 28–29, 31, 46, 59, 62; fig. 7: 23–25; 8: 5–10, 16, 20–21) and doubts can be raised whether the discussed finds are actually fragments of armour plates. It seems, however, that the shape and metrical traits of these finds speak in favour of such interpretation. It cannot be excluded that in this case we are dealing with semi-finished products.

Armour plates of such shapes were perhaps known in the Near East as early as the beginning of the Early Middle Ages. This can be implied by a depiction of a 7th century horse armour of Chosroes II in the famous relief from Taq-e Bostan, Iran. This armour seems to be composed of analogous plates⁴⁸. Such plates occur even earlier – at the turn of the 6th and 7th centuries – among European finds. This is demonstrated by a discovery of armour remains from an Alamannian grave of an adult man (Grave 580) in Schretzheim in southern Germany⁴⁹. Due to a particular arrangement of its openings, this find has recently been interpreted as a scale armour⁵⁰.

D-shaped armour plates became widespread in the territory of Eastern Europe, with special reference to medieval Rus'. In the typology of Lupinenko and Makushnikov they were classified into eight types (5–9 and 12–14) of the same shape but with a different number of openings⁵¹. It seems that they appear here as early as the 11th century, which is suggested by a find of two fragmentarily preserved armour plates from the stronghold in

⁴⁰ Bugys P. A study of lamellar armour plates from the Lower Castle of Vilnius // *Acta Militaria Mediaevalia*. Vol. XII. Kraków – Sanok – Wrocław, 2016. p. 46. Fig. 2: a–b; 3: b; 7.

⁴¹ Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. О чешуйчатом доспехе... С. 473–474. Рис. 2.

⁴² Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. О чешуйчатом доспехе... С. 473–474. Рис. 1: 2.

⁴³ Медведев А.Ф. К истории... С. 131. Рис. 5: 7; Медведев А.Ф. Оружие Новгорода... С. 180. Рис. 17: 10.

⁴⁴ Bugys P. A study of lamellar... Fig. 2: e; 7; 9: f.

⁴⁵ Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. О чешуйчатом доспехе... С. 474. Рис. 2.

⁴⁶ Thordemann B. *Armour*... Vol. I. p. 281. Fig. 277: 57–59; Dawson T. *Armour never wearies. Scale and lamellar armour in the West, from the Bronze Age to the 19th century*. Stroud, 2013. Fig. 11 – cf. specimens of Type 1.

⁴⁷ Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. О чешуйчатом доспехе... С. 474. Рис. 1: 3.

⁴⁸ Thordemann B. *Armour from the Battle of Wisby 1361*. Vol. I. Stockholm, 1939. p. 261. Fig. 256.

⁴⁹ Paulsen P. *Allamanische Adelsgraber von Niederstotzingen*, Stuttgart, 1967. Abb. 62: 6; Koch U. *Das Reihengräberfeld bei Schretzheim*. T. 1. Berlin, 1977. p. 116–117. Fig. 10: 1, 5, 9; Koch U. *Das Reihengräberfeld bei Schretzheim*. T. 2. Katalog und Tafeln. Berlin, 1977. Pl. 154; Bugarski I. *A contribution to the study of lamellar armours*, Старинар. vol. LV. Београд, 2005. p. 169.

⁵⁰ Dawson T. *Armour never wearies*... p. 38. Fig. 7 and 11: 13 (the find place is erroneously identified here as Dillingen).

⁵¹ Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. О чешуйчатом доспехе... Рис. 2.

Suzdal (RU)⁵². Such a dating is confirmed by a find from the stronghold in Minsk (BLR), which was discovered in layers from the fourth quarter of the 11th century⁵³. It seems, however, that armour with analogous plates became more popular in the 12th and 13th centuries. A dozen or so plates which are interpreted as parts of lamellar armour were discovered in layers at the stronghold in Novogrudok (BLR). These finds are dated to the mid-12th century⁵⁴. The aforementioned armour maker's workshop discovered at the stronghold in Gomel in Belarus which is dated to the late 12th and the beginning of the 13th century yielded yet another series of such armour plates. Belarusian researchers vary in their interpretations. Yu.M. Lupinenko and O.A. Makushnikov believe that these finds are remains of scale armour. On the other hand, M. Plavinski is of the opinion that they originally belonged to lamellar armour⁵⁵. Armour plates (104 items) of this type which were found in Kitaïv (UA)⁵⁶ are also dated to the 12th – 13th centuries. An individual find from the stronghold in Hal'shany (BLR) is dated to the 13th – early 14th century⁵⁷. The fashion for manufacturing armour with plates of this type still survives in the 14th century in this territory, which is evidenced by a discovery of an armour composed of about 300 plates in Novgorod the Great (RU). This find comes from layers dated to the mid-14th century⁵⁸. Apart from the armour plates from Sanok-Biała Góra which are discussed in this paper, a similar chronology (late 13th – early 15th century) is also the case for a find from the site in Bliżne Konstantinovo (RU)⁵⁹. On the other hand, an armour plate discovered in Tuškov Gorodok near Borodino is broadly dated to the 13th – 15th centuries⁶⁰. Until now, the latest ones are plates found in “Yaroslavove Dvorishche” in Novgorod the Great. These were 86 armour plates of various shapes including artefacts belonging to the discussed type dated to the 15th century⁶¹.

In all probability it was under the influence of

contacts with Rus' that armours with plates of this type appeared in this time among their western neighbours – the Balts. A material proof for this is a discovery related to the lamellar armour from the Lower Castle in Vilnius (LT). This find is dated to the second half of the 14th or the beginning of the 15th century⁶².

The most renowned discovery which contains armour plates which are analogous to those D-shaped from Sanok-Biała Góra is the completely preserved Armour 25, discovered in the famous battlefield of Wisby in Gotland. In this location, on 27 July 1361 it came to a battle between the Danish troops of King Valdemar II and the Gotlanders, which ended with a victory of the Danes⁶³. The mentioned armour may have belonged to a local combatant. It was classified as Type VI according to B. Thordemann and it was discovered in Grave 2, one of three mass graves. It was chiefly composed of narrow D-shaped plates. Their length is 9.0–9.5 cm and their width is 2.0 cm. More than 600 plates were used altogether for the manufacture of this armour. On the other hand, it is interesting that similar plates were found in all three mass graves. Therefore, B. Thordemann believed that the finds from Wisby contained remains of two or even three analogous armours. Apart from narrow plates, Armour 25 also contained few plates of a different shape. These were rectangular plates with two arcuate and convex longer sides. Such plates were mostly located in the front central part of the armour, but not exclusively there⁶⁴. The remaining rectangular plates were placed in three bottom rows in the left edge of the back part of the armour. They are considered as secondary parts which were added in the course of repair. Numerous rivets which are secondarily attached to plates suggest that this armour was used during the battle in the same way as other coats of plates which were discovered there. That is, plates which were connected with thongs were additionally riveted from inside to a leather covering. Furthermore, a few plates also

⁵² Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. Москва, 1997. Рис. 19: 18–19.

⁵³ Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 220. Табл. XI: 1–2.

⁵⁴ Плавинский М.А. Застерагалнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 16. Мінск, 2001. С. 146. Табл. 1: 5. Рис. 5: 9–18.

⁵⁵ Плавинский М.А. Застерагалнае ўзбраенне... С. 146, 147. Табл. 1: 9. Рис. 7: 1–15; Лупиненко Ю.М., Макушников О.А. О чешуйчатом доспехе... Рис. 1: 5–16, 20–23.

⁵⁶ Киртичников А.Н. Древнерусское оружие... Рис. 17.

⁵⁷ Плавинский М.А. Застерагалнае ўзбраенне... С. 146. Табл. 1: 15. Рис. 6: 11; Плавинский М. Узбраенне беларускіх... С. 85. Рис. а.

⁵⁸ Медведев А.Ф. К истории... С. 132. Рис. 5: 8–11.

⁵⁹ Негин А.Е. Панцирные пластины с селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по археологии и краеведению. Вып. 9. Н. Новгород, 2005. С. 83–85. Рис. 1.

⁶⁰ Медведев А.Ф. К истории... Рис. 5: 12.

⁶¹ In earlier works they were mistakenly dated to the 11th century cf. Медведев А.Ф. К истории... С. 128. Рис. 2: 5–6; Медведев А.Ф. Оружие Новгорода... С. 178. Рис. 17: 1, 5. The new chronological framework of these finds is an effect of latest dendrochronological research of wooden structures of the site – see Тарабардина О.А. Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской Земли. Вып. 30 (60). Москва, 2015. С. 187.

⁶² Vugys P. A study of lamellar... p. 46. Рис. 2: d and 13.

⁶³ Thordemann B. Armour... Vol. 1. p. 22–27.

⁶⁴ It cannot be excluded that in the case of plates of this kind which are visible in the lower part of the armour it came to a relocation, perhaps in the course of repair works.

bear traces of a textile underlay which was attached from inside⁶⁵. Therefore, it seems almost certain that an earlier lamellar armour was secondarily used at Wisby. After an appropriate repair, it was adapted to meet the requirement of fashion of this time, i. e., it was converted into a sort of brigantine⁶⁶. This fact gave rise to some hypotheses in literature, which concern the appearance of this armour in Gotland. These hypotheses are in my opinion simply nonsense. All researchers agree that this type of protective equipment was mainly characteristic for the nomadic world and was not in use in Northern Europe. Although a few lamellae were found in 10th century Birka in Sweden, researchers generally agree that these were not the local artefacts, but imports from Eastern Europe⁶⁷. In contrast to that, T. Dawson proposes that due to a similarity of shapes of D-shaped armour plates to the finds from Schretzheim, as well as due to a similarity of the arrangement of openings to late antique finds (Carthago), the armour from Wisby may have originally been part of furnishings of a grave from the Migration Period. He suggested that this grave was robbed by 14th century inhabitants of Gotland and the armour was then secondarily adapted by means of conversion into a sort of brigantine. This researcher raised yet another hypothesis. According to it, there are similarities of the discussed armour and some iconographic depictions (the aforementioned horse armour of Chosroes II), as well as original finds (an armour with no known find place and context, dated to ca. 1200 and held in a private collection) from the Near East. On these grounds T. Dawson believes that the discussed lamellar armour came to Gotland with Swedish knights who were returning from crusades. They deposited it as a quasi-religious symbol in one of Wisby's churches, where it remained for about 150 years. Then, it was believed to have been used in the battle⁶⁸. Both hypotheses have numerous gaps and the arguments used by T. Dawson are completely unconvincing. It seems that these hypotheses were mainly proposed due to insufficient knowledge of Eastern European finds, where forms of D-shaped armour plates are

the most common. The aforementioned analogies clearly demonstrate that the 13th and 14th centuries were a peak period of their use.

It is therefore possible, or even very highly probable that Armour 25 from the battlefield of Wisby is in fact of Eastern European origin. In the new environment in Gotland it may have been actually adapted to the fashion of Latin Europe. Such a hypothesis receives support from the fact of intensive trade contacts between medieval inhabitants of Gotland and Novgorod the Great, at least from the beginning of the 12th century. In Novgorod there was a quarter (Gotlandic Yard) inhabited by Gotlandic merchants and a church dedicated to St Olaf was built there, as we are informed by Rus' letopises and by a Latin trade agreement between the Novgorodians and the Gotlanders from 1270⁶⁹. In the 14th century Gotlandic merchants in Novgorod were mentioned by numerous written sources⁷⁰. It is worth mentioning that 14th century Western European armour elements (i. a. fragments of gauntlets), similar to those found in Wisby, are also known from the excavations in Novgorod⁷¹.

Coming back to the D-shaped finds from Sanok-Biała Góra, some words are to be spent on the armour plate made of copper, with the ornament of punched dots along one of its edges (tab. 1: 47; fig. 8: 11). Finds of armour plates which are ornamented in such manner are not very frequent. The only analogous find which is known to me is the lamella discovered at the Lower Castle in Vilnius⁷². It is worth mentioning that among iron finds from this site there were also various plates which were ornamented in this way⁷³.

The next of the isolated variants (variant 5) includes elongated plates with chamfered or rounded edges (fig. 5). I have classified only two finds into this type (tab. 1: 58, 64; fig. 8: 23–24). Analogous armour plates were in common use until quite recently in the territory of Asia (e. g., in Tibet)⁷⁴, but such lamellae can be also found as early as the 6th century in the territory of Central Europe⁷⁵. On the other hand, sparse finds

⁶⁵ Thordemann B. *Armour...* Vol. 1. pp. 210–211, 218–220, 392–404. Рис. 232: 1; Thordemann B. *Armour from the Battle of Wisby* 1361. Vol. II. Stockholm, 1940. Pl. 133–145.

⁶⁶ Dawson T. *Armour never wearies...* p. 95.

⁶⁷ Jansson I. *Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission.* vol. 69. Mainz, 1988. p. 619. Fig. 28; *Stjerna N. En stäppnomadisk rustning från Birka, Fornvännen.* vol. 99. Stockholm, 2004. C. 27–32; *Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society.* Stockholm, 2006. p. 58. It is difficult to uncritically accept the interpretation proposed by B. Thordemann, who notices a lamellar armour in a depiction of one of warriors in wall paintings from the church in Skibby, Sjælland, Denmark and on a copper antependium from the church in Broddetorp in Sweden – cf. Thordemann B. *Armour...* Vol. I. p. 226, note 133. Figs. 262–263. In my opinion these may be depictions of both coats of plates and mails.

⁶⁸ Dawson T. *Armour never wearies...* p. 95–97, 100.

⁶⁹ Jackson T.N. *The cult of St Olaf and early Novgorod // Saints and Their Lives on the Periphery. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) / eds. H. Antonsson, I.H. Garipzanov.* Turnhout, 2010. p. 158–160.

⁷⁰ Рыбина Е.А. *Новгород и Ганза.* Москва, 2009. С. 72–82.

⁷¹ Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. *Защита...* С. 149–155. Рис. 1: а–б, м; 2: а; 3: г.

⁷² Bugys P. *A study of lamellar...* p. 47. Fig. 15: b.

⁷³ Cf. Bugys P. *A study of lamellar...* Fig. 6: b; 9: a–f; 15: a.

⁷⁴ Thordemann B. *Armour...* vol. I. Fig. 232: 24, 33, 36–37.

⁷⁵ Bugarski I. *A contribution...* Fig. 2.

are known from medieval Rus'. An armour plate of this kind was found in layers from the fourth quarter of the 11th century in Minsk (BLR)⁷⁶. Similar finds from the suburbium in Novogrudok (BLR) are broadly dated to the 12th – 13th centuries⁷⁷, and the same applies to artefacts from the Lower Castle in Vlinius⁷⁸. Sparse finds of this kind which are associated with scale armour and are classified as Types 10 and 11 according to Lupinenko and Makushnikov were found in the armourer's workshop from the late 12th – early 13th century in Gomel (BLR)⁷⁹. It is possible that the plate with diagonally chamfered edges (tab. 1: 64; fig. 8: 24) was originally located in the middle of one of the rows of the armour, as was in the case of the mentioned specimens from the Lower Castle in Vilnius⁸⁰.

I have classified only one plate into the last variant (variant 6) (fig. 5). It is an elongated armour plate whose distinctive trait is an arcuate and concave edge (tab. 1: 24; fig. 8: 25). Analogously to the previous type, plates of lamellar armour (and of lamellar helmets) of this kind occur in Europe chiefly in the beginning of the Early Middle Ages⁸¹. However, they were in use for much longer, as evidenced by their accurate depiction in the image of Theodore Stratelates from the Gospel Book of Duke Theodore Rostislavich, dated to 1321–1327⁸². So far, no similar finds have been discovered in the territory of medieval Rus'.

Eventually, it is necessary to mention six armour plates, which cannot be related to a specific variant due to their state of preservation (tab. 1: 16, 30, 50, 55; fig. 8: 26–29). Only one of these, with arcuate sides (tab. 1: 30; fig. 8: 26), resembles a 12th – 13th century artefact from Sluck, which was published by M. Plavinski⁸³.

Lamellar or scale armour?

To what kind of armour or armours did the plates from the stronghold in Sanok-Biała Góra belong? Researchers still debate opportunities of identification of isolated armour plates with one of these armour forms⁸⁴. A majority of them assume that the most fundamental difference was the manner of connecting plates into one armour. In the case of lamellar armour, plates were assembled into rows with the use of thongs and overlapped upwards. Then, they were stiffened with leather straps along their upper and lower edges. Such rows were then connected with each other. In the case of scale armour a backing (of textile or leather) was applied, into which armour plates overlapped downward and were fastened with the use of thongs/cords or (more rarely) rivets⁸⁵. An unambiguous identification with one or the other type of armour is only possible in the case of entirely preserved finds, such as those from Wisby or Novgorod the Great (which was a brigantine in fact!). However, in most instances, as it is the case with the finds from Sanok-Biała Góra, a majority of armours survive as a dozen or so or some dozen armour plates at the most. Therefore, any reconstructions are rather hypothetical speculations on possibilities of their construction within individual types⁸⁶. The more so, because it is worth noticing that in some cases we are dealing with more complex forms of armours, where plates of various shapes were made use of⁸⁷.

In the case of the armour plates from Sanok-Biała Góra it is possible to actually use only three D-shaped (fig. 7: 1, 3–4) plates for speculation about their original function⁸⁸. These finds survived intact or were only slightly damaged.

According to T. Dawson, almost all of plates connected with scale armour have no openings

⁷⁶ *Плавінскі М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... Табл. 1: 2. Рис. 5: 5.

⁷⁷ *Гуревич Ф.Д.* Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья // КСИА. 1976. Вып. 146. М. С. 27. Рис. 58; *Плавінскі М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... Рис. 5: 23–24.

⁷⁸ *Bugys P.* A study of lamellar... Fig. 7; 9; e, 11.

⁷⁹ *Луциненко Ю.М., Макушников О.А.* О чешуйчатом... С. 476. Рис. 1: 17–18.

⁸⁰ *Bugys P.* A study of lamellar... p. 44. Fig. 11.

⁸¹ *Thordemann B.* Armour..., Vol. I. Fig. 232: 7, 12–15; *Csallány D.* Avarkori páncélok a Kárpát-medencében (1. rész) // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. Vols. 12–14 (1969–1971). Fig. 4: 2–3, 7–10; *Csallány D.* Avarkori páncélok a Kárpát-medencében (2. rész) // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. Vols. 15–17 (1972–1974). Fig. 3–6; *Ишмаев В.А.* Ранний образец восточноевропейского средневекового панциря (защитный доспех из раскопок в Краснодарском крае) // КСИА. 2003. Вып. 228. М. Рис. 2 – types Ia and IIa; *Bugarski I.* A contribution... Fig. 2, 4; *Nagy K.* Notes on the Arms and Armour of the Avar Heavy Cavalry // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. vol 8/2. Budapest, 2005. p. 138. Pl. 1: 3.

⁸² *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие... Fig. 20.

⁸³ *Плавінскі М.А.* Застерагальнае ўзбраенне... Pl. 1: 8. Fig. 6: 9.

⁸⁴ *Dawson T.* Armour never wearies... p. 9–10.

⁸⁵ *Медведев А.Ф.* К истории... Рис. 3: 7–8; *Dawson T.* Armour never wearies... p. 12.

⁸⁶ See the reconstruction proposal in *Макушников О.А., Луциненко Ю.М.* Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 18. Мінск, 2004. Рис. 3, 8-9; *Луциненко Ю.М., Макушников О.А.* О чешуйчатом... Рис. 3.

⁸⁷ *Медведев А.Ф.* К истории... Рис. 3: 2–5.

⁸⁸ Due to the fragmentary preservation of the plates of this form, it is not certain that all of them were correctly positioned on the presented figures (fig. 7–8). I have assumed the principle that fragments with openings at the short edges may be upper parts of the plates. This is certainly the case if we consider them to be elements of scale armour. The situation is different with lamellar armour, because in this case openings were located in the lower parts of the plates. On the other hand, the left or right positioning of the raised edges of the plates does not matter because – as suggested even by finds from Vilnius – they could be part of one armour – cf. *Bugys P.* A study of lamellar... Fig. 7.

in their bottom parts. These small holes enable connection of the plates from the upper row – in the case of lamellar armour – with armour plates in the lower row. As one of examples he gives D-shaped armour lamellae from an Alamannian grave in Schretzheim in southern Germany⁸⁹. While agreeing with this accurate opinion, I believe that two variants of D-shaped plates from “Zamczysko” could be associated with the scale system of making the armour. The first of them (fig. 7: 1) has two openings. One of these is placed near the upper edge of the plate while the other is located in its centre, near the convex side. If more similar plates were originally present in this armour, one can graphically present a reconstruction proposal of their connection system. In this proposal, a thong could be first passed from below through the opening in the lower (out of repeating double rows) row of openings which were punched in a leather backing. Then, the thong would go (also from below) through the upper opening in the armour plate. Next, the thong was passed from above through the opening in the upper row in the coat and again from below through the next opening in the lower row in the coat and through the opening in the neighbouring plate. Openings in the central parts of armour plates could not be connected with the backing due to their arrangement. It is possible that the thong which went through them was intended to make the entire row of plates more rigid (fig. 10: 1a–1c).

The second armour plate differs from the first one with the number of openings. Two of these are diagonally placed in its upper part, while the third one is located in the central part, near the convex edge (fig. 7: 3). Such an arrangement of the openings implies that a leather backing was indispensable for the manufacture of armour composed of similar plates, as it was the case with the previous plate. Individual plates in the row were connected in the following manner. The thong was first passed from below through an opening in the upper (out of two repeating rows of openings punched in the leather backing) row, and – also from below – through the upper opening in the upper part of the plate. Then, the thong went from above through the lower opening in the plate and in the leather backing. The entire procedure was repeated for many times. As in the case of the previous plate, the function of the opening in the central part of the plate was to stabilise the entire structure. The thong which went through these openings only connected individual

armour plates (fig. 10: 2a–2c).

A bit different case is the reconstruction of the armour on the basis of the plate provided with three openings which are located in such a manner that the first is near the upper edge, the second in the central part next to the convex side and the third is placed near the lower edge (fig. 7: 4). The only reasonable system of connecting such plates with each other consisted in passing the thongs through openings in the upper and lower rows. This was done in such a manner that the thongs first went on the top side and then on the bottom side of the plates. Thus, the thongs connected not only the neighbouring plates in the same rows but also the plates from the upper and the lower row. It is also probable that such a structure was stabilised with a leather belts with openings punched in appropriate plates. These belts were placed under the overlapping rows of lamellae. The function of the central opening in the plate was again to stabilise the entire structure, as this opening was directly connected with analogous openings in the neighbouring plates (fig. 10: 3a–3d). On the basis of such a reconstruction it is possible to identify similar plates as parts of lamellar armour.

Far less we can say about the function of other plate variants. The specimens of Variants 1 and 2 often occur as elements of 14th century lamellar armours in combination with D-shaped plates of Variant 4, and they established the ends of armour rows. It is possible that it could be also like that in this case (fig. 10: 4)⁹⁰.

On the other hand, the fragmentary preserved plate of Variant 6 (fig. 8: 25) does not have a opening at the short, lower edge, so we can carefully consider it as a part of the scale armour. It is possible that the plate of Variant 3 belonged to such armour.

This attempt at reconstructing the way in which the three completely surviving plates were connected has demonstrated that in the case of the finds from Sanok-Biała Góra we are dealing with the remains of one or more armours. Perhaps the first opinion is surprising, since the above reconstructions show that some of the D-shaped plates could only be attached to a leather undercoat, while others could be part of lamellar armour. However, it should be mentioned that variations of various armour fastening systems were used in medieval Ruthenian duchies, including the use of rivets⁹¹ and (probably) even pieces of mail armour⁹². It cannot be excluded that solutions representative for both armour types (scale and lamellar) were used in one

⁸⁹ Dawson T. *Armour never wearies...* p. 39. Fig. 7 – here as Dilingen.

⁹⁰ Медведев А.Ф. Оружие... Рис. 19: 3; Негин А.Е. Панцирные пластины... Рис. 1; Bugys P. A study of lamellar... Fig. 2: b; 7.

⁹¹ Медведев А.Ф. Оружие... Рис. 17: 9–12; 19: 1–2. From the “Zamczysko” hillfort there also comes a fragmentarily preserved single plate, which may be associated with such solutions. The plate has a single rivet on the edge with a round mushroom-like convex head (cf. Fedyk R., Kotowicz P.N. *Zamczysko...* Fig. 8: 2; Kotowicz P.N. *The Polish-Ruthenian...* Fig. 11: 22), but X-ray photo showed the presence of another small opening (fig. 9: 34).

⁹² Медведев А.Ф. К истории... р. 130; Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. Кольчатый доспех восточнославянского ратника конца XII – начала XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 12. Мінск, 2006. Рис. 1.

piece. However, if we assume that the remains of more than one armour were found in the relics of the “Zamczysko” hillfort, we can reconstruct as many as three of their variations. In such a case, these are relics of scale armour, in which the plates were attached to a leather backing. The two plates which are related to this type of armour differ with the arrangement and number of openings. Are these plates remains of two different armours or were they part of one and the same one? It is not possible now to solve this riddle. On the other hand, there is no doubt that the third armour plate may have been part of a lamellar armour. The arrangement of the openings suggests that this armour may have been made without a need to use a leather backing.

Conclusions

Scattered finds, traces of fire of the fortifications, and a considerable number of discovered projectiles of missile weapons demonstrate that the stronghold in Sanok-Biała Góra fell prey to destruction, perhaps in result of an invasion and burning. It was most probably at that time that the discussed armour plates found their way to the ground. When could this occur and who gave the order to attack the stronghold?

The concise analysis of finds which is offered above demonstrates that the fortress certainly existed in the second half of the 13th and in the 14th centuries⁹³. We can try and narrow down this chronology, chiefly on the basis of the analysis of political situation in the borderland of the Kingdom of Poland and Halych-Volodymyr Rus'. We have no data on any major disturbances in this territory in the first three decades of this century. What is more, the economic and political position of Sanok in the 1340s must have been so strong that the last ruler of Halych-Volodymyr Rus' – Duke Yuri II Troydenowich – decided to locate a Magdeburg law town in this place⁹⁴. After his death in 1340, part of the duchy (Halych Rus', later called Red Ruthenia) was seized by force by the Polish King Casimir the Great on the grounds of succession. After this event the town continued to develop and again we have no data on possible armed conflicts which may have touched Sanok. What is more, Casimir the Great ordered to construct its fortifications and had the castle built there. Moreover, in 1366 he confirmed the location privilege. The situation did not change after the king's death and the introduction of Hungarian rule, either. Nor are there any grounds that Sanok offered resistance against a repeated

incorporation of this province to Poland in the course of a bloodless expedition of Queen Jadwiga, wife of Wladislaus Jagiełło in 1387. Therefore, there is no reason to date the destruction of the stronghold to the period after the mid-14th century⁹⁵. What remains is the succession expedition of Casimir the Great. As we are informed by the report in the “Annals of Traska”, the expedition was definitely turbulent in its nature. It is said that King Casimir, having gathered an army of 20.000, entered Rus' again. There, having destroyed a few strongholds and fortified features, he subdued them to his own benefit. It cannot be excluded that Sanok was also one of these strongholds. This is because of the fact that the territory controlled by this centre (the later Land of Sanok) was incorporated to the Kingdom of Poland in the first place⁹⁶. It seems therefore probable that resistance was offered by the aforementioned main stronghold on the castle hill in Sanok and by its (fortified?) suburbia. This can be implied by the presence of an Old Rus' Period cultural layer with features on the castle hill. This layer is remarkable for its tar-like black colour and to a considerable degree it consists of charred wood mixed with soil. On the other hand, in its fill there are no clear traces of an invasion, such as, e. g., more numerous weaponry finds or human remains. The case of the stronghold in Sanok-Biała Góra is different. This site may have been the last point of resistance, both due to its location and the role it fulfilled. Numerous arrow- and crossbow bolt heads demonstrate that the stronghold was under strong fire, which was perhaps carried out from the main communication route connecting the fortress with the valley of the San river. This route went probably along the ridge located directly to the south of the stronghold. Based on the arrow- and bolt heads found in its vicinity, we can suggest that the defenders occasionally fired back at their adversaries.⁹⁷ We can suppose that a bombardment with incendiary arrows and crossbow bolts caused fire, which eventually destroyed the hillfort. On the other hand, the lack of human remains in discovered bone materials may imply that the stronghold's garrison surrendered to the invaders. Obviously, this reconstruction of events is only a hypothesis which requires further research.

As I have mentioned, the discussed armour parts also found their way to the ground at the time of destruction of the stronghold. There is rather no doubt that – due to their type – such armours were part of the equipment of local Ruthenian warriors. No analogous find is known from the territory

⁹³ Kotowicz P.N., Śnieżko G. Clipped Prague groschen... p. 236; Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian... p. 44.

⁹⁴ Kiryk F. Lokacja miasta // Sanok. Dzieje miasta / ed. F. Kiryk. Kraków, 1995. p. 91–98.

⁹⁵ Kotowicz P.N., Śnieżko G. Clipped Prague groschen... p. 237–238.

⁹⁶ Fenczak A. W obliczu zmian geopolitycznych i ustrojowych (1340–1389) // Dzieje Przemyśla. Tom II (1340–1772). Cześć I – U schyłku średniowiecza / ed. F. Kiryk. Przemyśl, 2003. p. 24–27; see also Kotowicz P.N., Śnieżko G. Clipped Prague groschen... p. 236; Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian... p. 35.

⁹⁷ Kotowicz P.N. The Polish-Ruthenian... p. 45–46, 48. Fig. 12–13.

of 14th century Kingdom of Poland⁹⁸. What is important, however, is whether the discussed finds found their way to the ground in result of the death of combatants who wore them and then they became destroyed and translocated in the course of fire. This is of course possible, especially due to the fact that most of them were discovered in one trench (Trench IX) in the course of excavations in 1973 (tab. 1: 1–36). On the other hand, as no documentation of this research survived, we are not able today to precisely reconstruct the place of their deposition. Furthermore, it is not possible to exclude the existence of a small smithy within the stronghold, which operated for the needs of the local garrison. Among others, scale or lamellar armours may have been manufactured or repaired in such a smithy. In the course of fire and plundering of the stronghold it may have come to scattering of artefacts in the smithy, including armour parts. This could offer an explanation for the fact that in the course of the last examinations armour plates were found almost everywhere in the courtyard and in the closest vicinity of the hillfort. No matter which of the proposed hypotheses is more probable, we can firmly state that the armour elements discovered at the stronghold in Sanok-Biała Góra are an important discovery for studies of weaponry of late Halych Rus’.

Eventually, I must refer to the above-mentioned opinion of L. Voitovych, according to which the introduction of scale and lamellar armours took place in the Duchies of Halych and Volhynia around the middle of the 13th century as a result of adaptation of the local armament to the requirements posed by the appearance of a new powerful enemy – the Tatars⁹⁹. I do not completely deny this hypothesis, but it should be clearly emphasized that such armour had become popular in the Ruthenian principalities a bit earlier. It is evidenced by – for example – the finds from the blacksmith’s workshop in Belarusian Gomel, which existed before the Mongol invasion¹⁰⁰. The fact is, however, that during the second half of the 13th and 14th centuries, lamellar and scale armours spread throughout the whole area of Rus’ territory, which was not controlled by the Mongols. It is evidenced by numerous examples mentioned above, mainly from Novgorod¹⁰¹. Was this fact just only the result of contact with the nomads, or maybe it is also a result of an impact from the Western

European armour fashion, where different kinds of armour made of small plates – coat of plates and brigantines – were in use¹⁰²? This problem requires further research.

⁹⁸ A discovery of numerous armour plates at the castellan’s stronghold in Raciąż in Pomerelia is dated to the second half of the 13th century (1256 – ca. 1305). Among discovered artefacts, mainly plates which are characteristic for scale armours were isolated – cf. *Świątkiewicz P.* Militaria ze średniowiecznego grodziska w Raciążu // *Acta Militaria Mediaevalia*. Vol. VI. Kraków – Rzeszów – Sanok, 2010. p. 60–68. Fig. 37–41, 43.

⁹⁹ *Войтович Л.В.* Реформи... С. 90–92.

¹⁰⁰ *Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А.* О чешуйчатом доспехе... С. 472.

¹⁰¹ *Медведев А.Ф.* К истории... Рис. 5; *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода... Табл. 14; *Кирпичников А.Н.* Военное дело... С. 33.

¹⁰² It should be clearly said that until now the earliest known finds of parts of coat of plates from the areas of the former Duchies of Halych and Volhynia are plates which were discovered during the excavations of the stronghold in the village of Zelena Lipa on the Dniester (UA), dated to the second half of the 14th century. In this period the mentioned stronghold probably belonged to Moldavia – cf. *Пивоваров С.В.* Середньовічне озброєння... С. 211. Рис. 3: 1–11; *Пивоваров С.В.* Городище другої половини XIV ст. в с. Зелена Липа на Буковині // *Проблеми давньоруської та середньовічної археології, Археологія і давня історія України*. Вип. 1. Київ, 2010. С. 367–368. Рис. 1: 6–7.

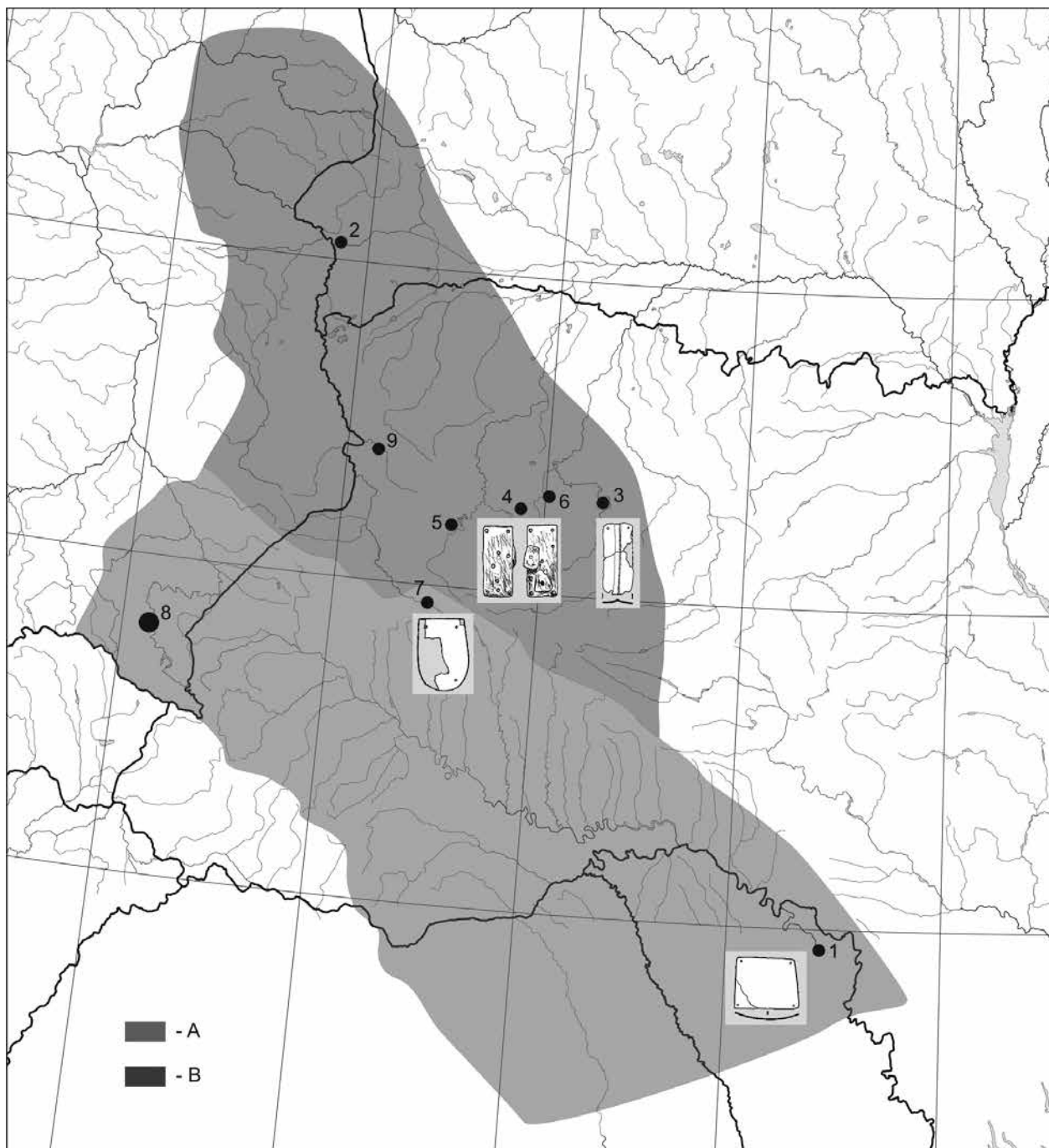

Fig. 1. Lamellar and scale armour elements found in the territory of the Duchies of Halych (A) and Volhynia (B): 1 – Alchedar, Șoldănești rajon (MD); 2 – Brest, Brest Oblast (BLR); 3 – Dorogobuzh, Rivne Oblast (UA); 4 – Listvin, Rivne Oblast (UA); 5 – Peremil', Volyn Oblast (UA); 6 – Peresopnyca, Rivne Oblast (UA); 7 – Plisnensk near Pidhirtsi, Lviv Oblast (UA); 8 – Sanok-Biała Góra, Sanok distr. (PL); 9 – Volodymyr-Volhynskyi, Volyn Oblast (UA). Drawing P.N. Kotowicz.

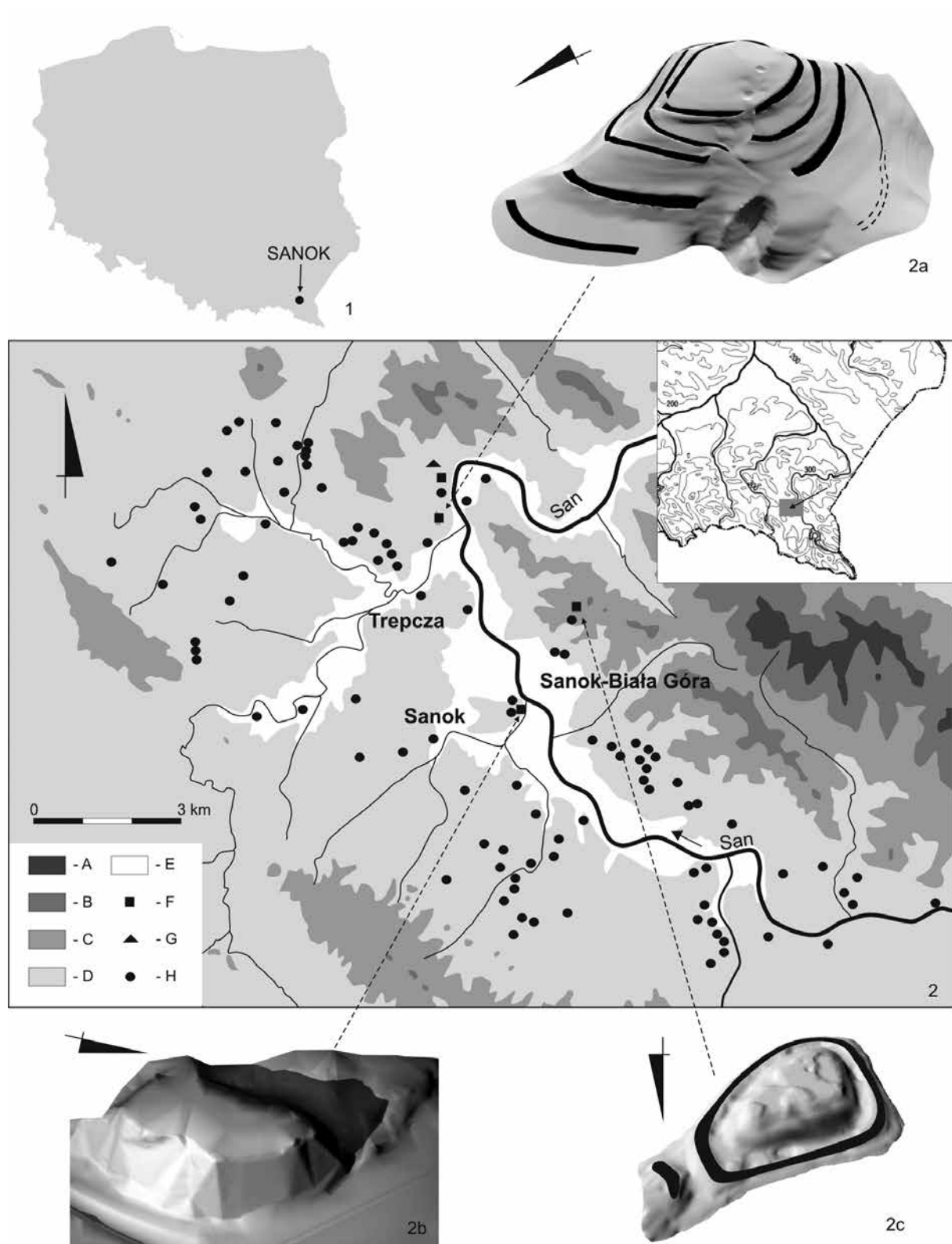

Fig. 2. Location of Sanok on map of Poland (1) and medieval settlement complex in vicinity of Sanok (2) in the 9th – the half of 14th centuries (A – the area over 600 m a.s.l.; B – the area over 500 m a.s.l.; C – the area over 400 m a.s.l.; D – the area over 300 m a.s.l.; E – the area below 300 m a.s.l.; F – strongholds; G – burial mounds; H – settlements) with visualisation of strongholds (2a – “Horodyszczce” in Trepcza, site 2; 2b – “castle hill” in Sanok, site 1; 2c – “Zamczysko” in Sanok-Biała Góra, site 1). Drawing P.N. Kotowicz and R. Mrozowski.

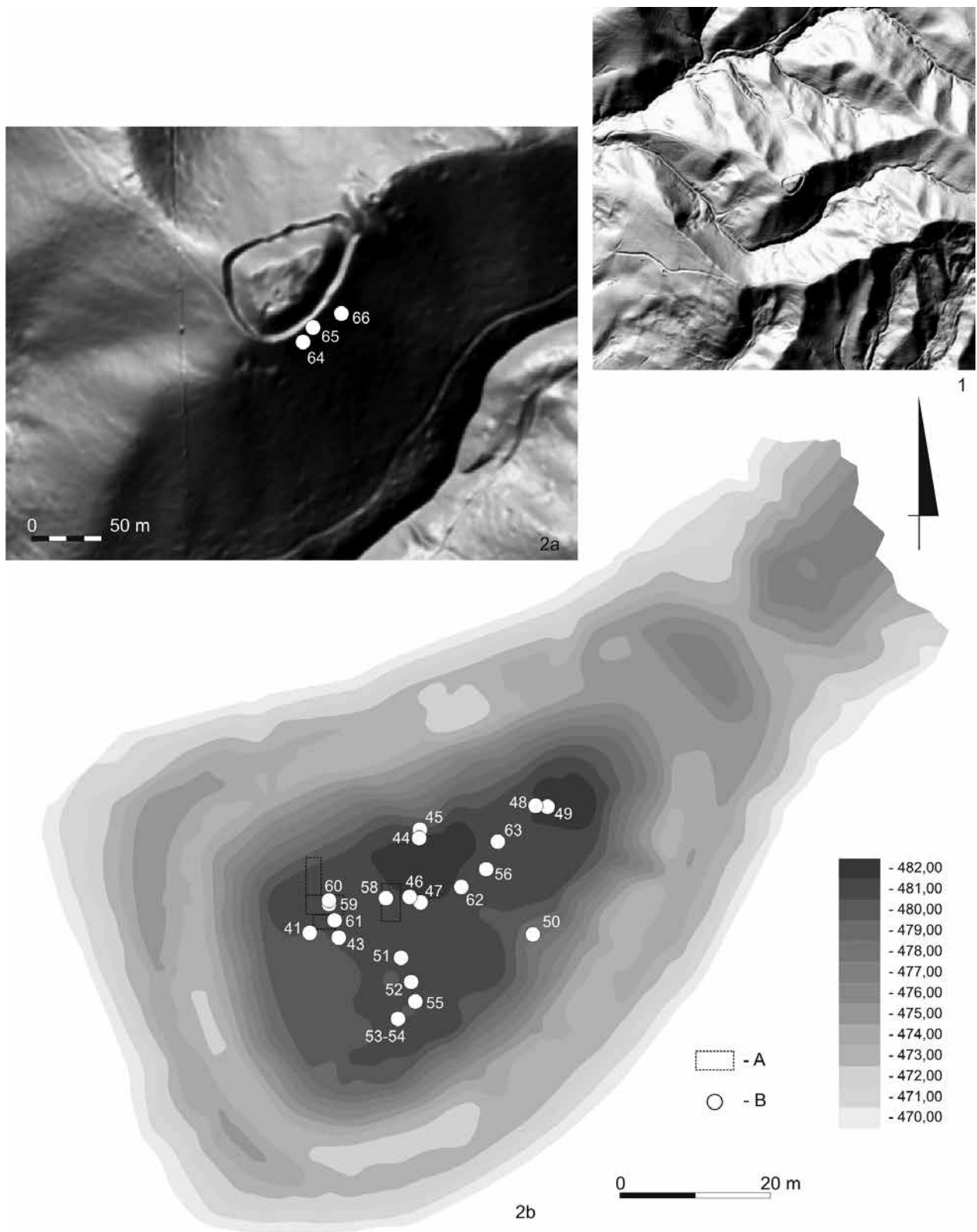

Fig. 3. Sanok-Biała Góra, Sanok District, site 1 – “Zamczysko” hillfort: 1 – topography of hillfort vicinity; 2a-2b – distribution of armour elements (A – trenches; B – armour elements finds with catalogue numbers – see Tab. 1). Drawing A. Sznajdrowska-Pondel, P.N. Kotowicz.

Fig. 4. Sanok-Biała Góra, Sanok District, site 1 – “Zamczysko” hillfort. Selected artefacts: 1–2 – severed Prague groses of king of Bohemia – John the Blind; 3 – glazed jug, decorated with convex, royal eagles; 4 – rowel spurs. Photo D. Szuwalski.

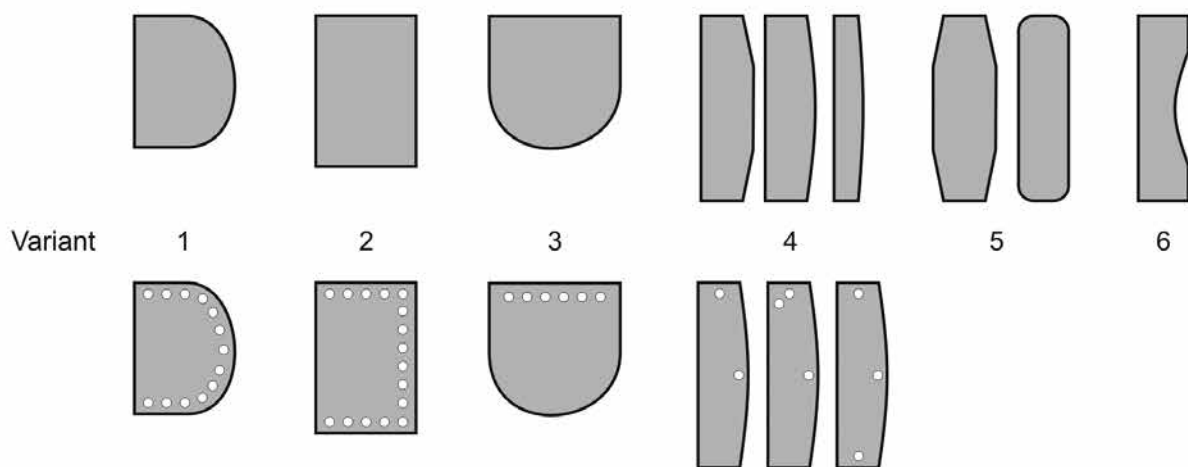

Fig. 5. Typology of elements of armour from the hillfort “Zamczysko” in Sanok-Biała Góra. Drawing P.N. Kotowicz.

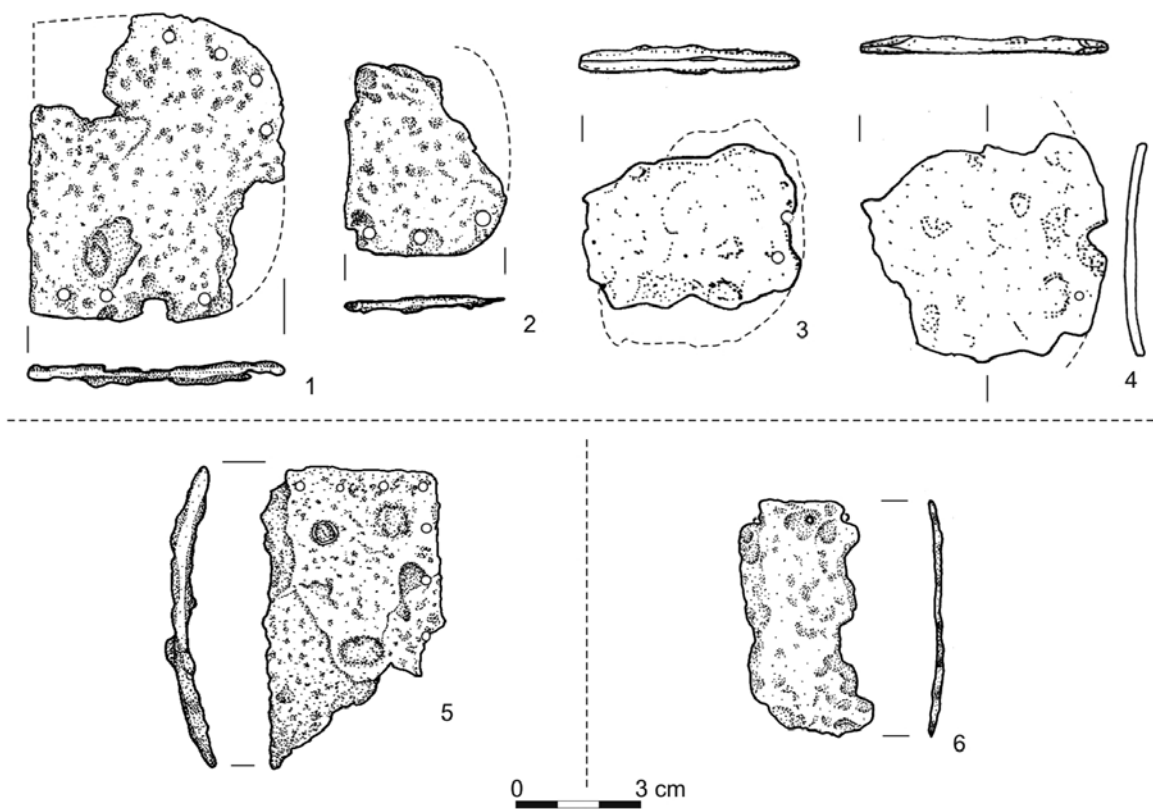

Fig. 6. Sanok-Biała Góra, Sanok District, site 1 – “Zamczysko” hillfort: 1–21 – iron armour elements (1–4 – Variant 1; 5 – Variant 2; 6 – Variant 3). Drawing P.N. Kotowicz and A. Sabat.

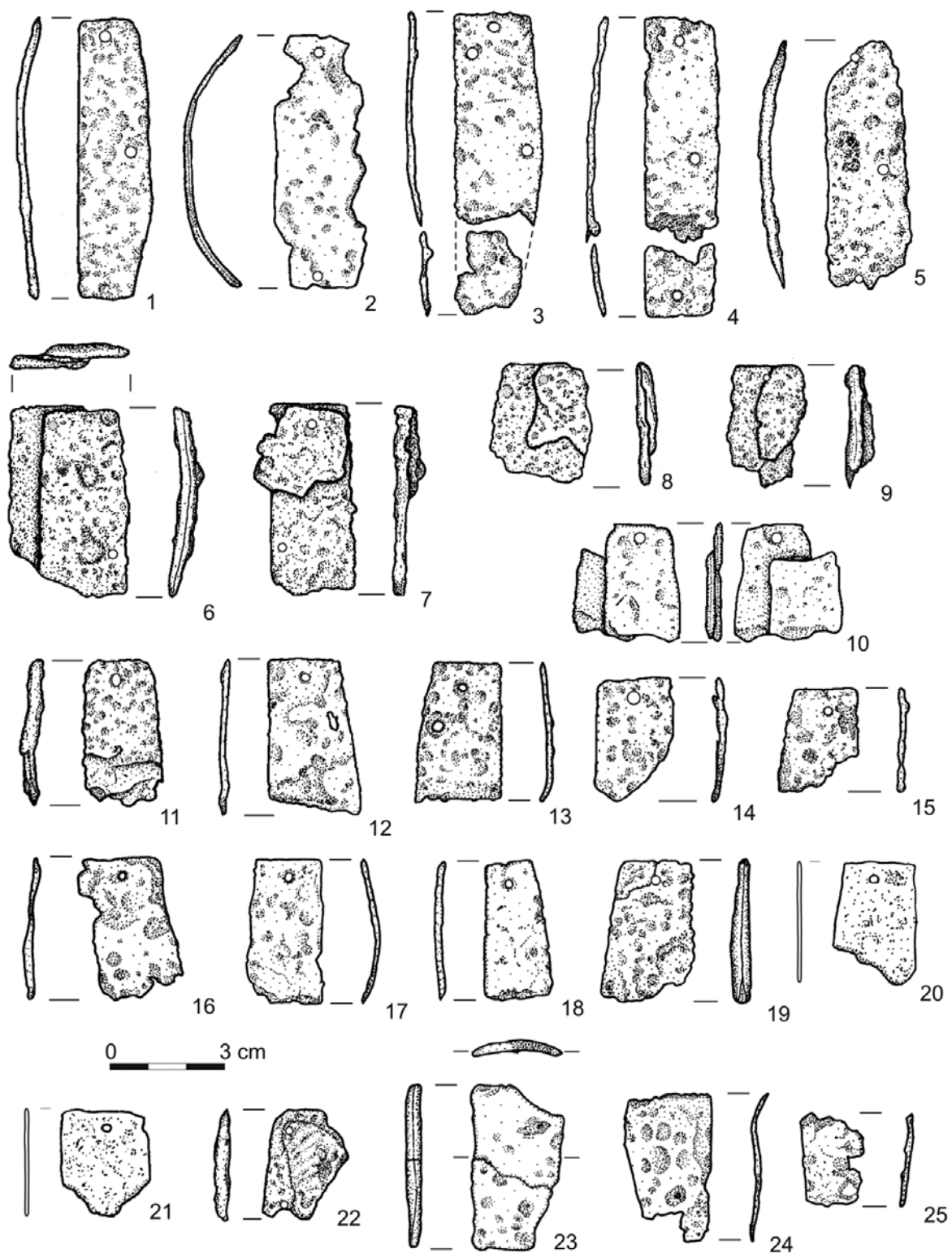

Fig. 7. Sanok-Biała Góra, Sanok District, site 1 – “Zamczysko” hillfort: 1–25 – iron armour elements (1–25 – Variant 4). Drawing P.N. Kotowicz and A. Sabat.

Fig. 8. Sanok-Biała Góra, Sanok District, site 1 – “Zamczysko” hillfort: 1–10, 12–29 – iron armour elements (1–10, 12–22 – Variant 4; 23–24 – Variant 5; 25 – Variant 6; 26–29 – undefined); 11 – decorated, copper plate (Variant 4). Drawing P.N. Kotowicz and A. Sabat; photo D. Szuwalski.

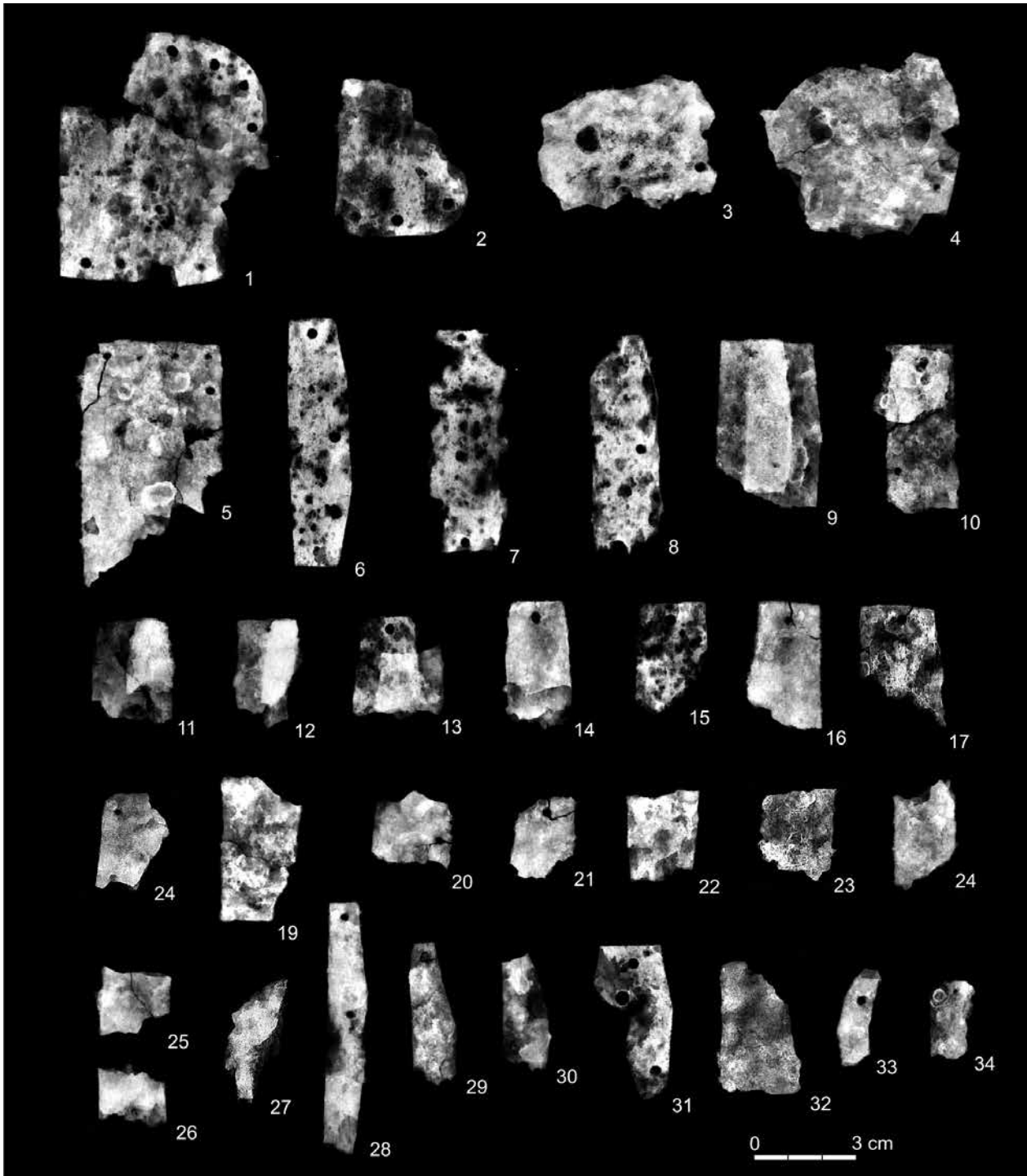

Fig. 9. X-rays of selected armour plates from Sanok-Biała Góra (1–34 – see Table 1).

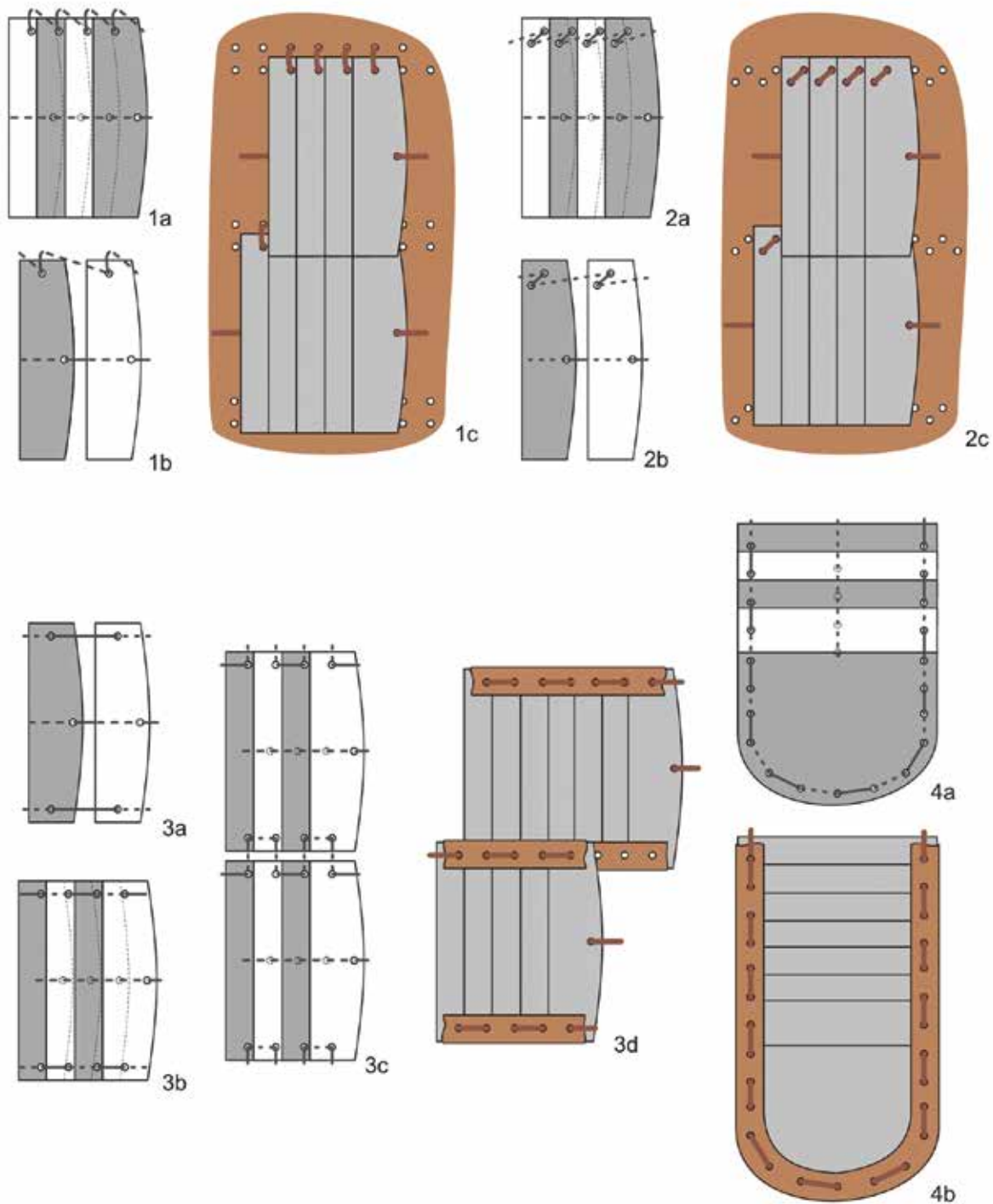

Fig. 10. Possibly variants of reconstruction of scale (1a–c and 2a–c) and lamellar (3a–d and 4a–b) armour from the hillfort “Zamczysko” in Sanok-Biała Góra. Drawing P.N. Kotowicz.

Table 1.

No	Location	Dimensions (mm) remaining (r.)		Variant	Inv. No	Literature	Comments
		height	width				
1	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	73	19	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 96, tabl. VIII: 1; 2004, kat. 161, fot. 35; 2017, Fig. 11: 2; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 16, ryc. 6: 1; Strzyż 2006, tab. XI: 17, ryc. 26: 1	Fig. 7: 1; 9: 6
2	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 64	20	1,5	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 97, tabl. VIII: 2; 2004, kat. 162, fot. 35; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 17, ryc. 6: 2; Strzyż 2006, tab. XI: 18, ryc. 26: 2	Fig. 7: 5; 9: 8
3-4	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 45 r. 48	23	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 106, tabl. IX: 5; 2017, Fig. 11: 7; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 18, ryc. 6: 3; Strzyż 2006, tab. XI: 7, ryc. 26: 11	Fig. 7: 6; 9: 9; two plates connected each other
5	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 38	21	-	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 99, tabl. VIII: 4; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 20, ryc. 6: 5; Strzyż 2006, tab. XI: 20, ryc. 26: 4	Fig. 7: 11; 9: 14
6	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 23	25	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 21, ryc. 6: 6	Fig. 8: 1; 9: 20
7	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 43	23	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 22, ryc. 6: 7	Fig. 7: 23; 9: 19; two fragments
8-9	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 50 r. 23	22 r. 21	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 105, tabl. IX: 4; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 23, ryc. 6: 8; Strzyż 2006, tab. XI: 6, ryc. 26: 10	Fig. 7: 7; 9: 10; two plates connected each other
10	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 25	r. 19	1,5	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 24, ryc. 6: 9	Fig. 8: 2; 9: 21
11	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 27	r. 22	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 25, ryc. 6: 10	Fig. 8: 5; 9: 22
12	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 21	r. 21	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 26, ryc. 6: 11	Fig. 8: 8; 9: 25
13	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 27	23	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 27, ryc. 6: 12	Fig. 8: 6; 9: 23
14	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 19	19	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 28, ryc. 6: 13	Fig. 8: 9; 9: 25
15	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 29	r. 20	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 29, ryc. 6: 14	Fig. 7: 22; 9: 18; traces of another plate is visible on its surface
16	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 21	r. 28	1	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 30, ryc. 6: 15	Fig. 8: 28
17	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 34	21	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 31, ryc. 6: 16	Fig. 8: 7; 9: 24
18	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 48	23	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 32, ryc. 7: 1;	Fig. 7: 1; 9: 16; two fragments
19-20	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 32 r. 24	24,5 r. 21	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 109, tabl. IX: 9; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 33, ryc. 7: 2; Strzyż 2006, tab. XI: 10, ryc. 26: 14	Fig. 7: 8; 9: 11; two plates connected each other
21-22	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 33 r. 26	r. 19 r. 13	-	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 108, tabl. IX: 8; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 34, ryc. 7: 3; Strzyż 2006, tab. XI: 9, ryc. 26: 13	Fig. 7: 9; 9: 12; two plates connected each other
23	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	72	r. 24	1-1,5	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 35, ryc. 7: 4	Fig. 7: 2; 9: 7

No	Location	Dimensions (mm) remaining (r.)			Variant	Inv. No	Literature	Comments
		height	width	thickness				
24	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 38	25	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 36, ryc. 7: 5	Fig. 8: 25; 9: 32	
25	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 41	13	1	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 37, ryc. 7: 6	Fig. 8: 17; 9: 29	
26	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 35	15	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 38, ryc. 7: 7	Fig. 8: 20; 9: 30	
27	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 74	12	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 98, tabl. VIII.3; 2004, kat. 163, fot. 35; 2017, Fig. 11: 17; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 39, ryc. 7: 8; Strzyż 2006, tab. XI: 19, ryc. 26: 3	Fig. 8: 12; 9: 28	
28-29	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 36.5 r. 25	13 r. 13	1-2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 110, tabl. IX: 14; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 40, ryc. 7: 9; Strzyż 2006, tab. XI: 11, ryc. 26: 15	Fig. 8: 21; two plates connected each other	
30	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	z. 30	10	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 41, ryc. 7: 10	Fig. 8: 26; 9: 33	
31	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 37	r. 17	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 42, ryc. 7: 11	Fig. 8: 10; 9: 27	
32	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	45	38	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 102, tabl. VIII.7; 2004, kat. 165; 2017, Fig. 11: 18; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 43, ryc. 7: 12; Strzyż 2006, tab. XI: 14, ryc. 26: 7	Fig. 6: 2; 9: 2	
33	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 73	62	2	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 101, tabl. VIII: 6; 2004, kat. 164; 2017, Fig. 11: 19; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 44, ryc. 7: 13; Strzyż 2006, tab. XI: 13, ryc. 26: 6	Fig. 6: 1; 9: 1	
34	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 73	42	-	MHS/A/536	Kotowicz 2002, kat. 103, tabl. VIII: 8; Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 50, ryc. 8: 5	Fig. 6: 5; 9: 5	
35	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 59	r. 55	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 49, ryc. 8: 4	Fig. 6: 4; 9: 4	
36	hillfort, courtyard, trench No IX/1973	r. 53	r. 40	-	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 65, ryc. 10: 2	Fig. 6: 3; 9: 3	
37	hillfort, courtyard, spoil heap at trench form 1973	r. 31	20	1	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 64, ryc. 10: 1	Fig. 7: 14; 9: 15	
38-39	hillfort, courtyard, spoil heap at trench form 1973	r. 20 r. 29	20 21	2	MHS/A/536	Fedyk, Kotowicz 2006, kat. 65, ryc. 10: 2	Fig. 7: 10; 9: 13	
40	hillfort, courtyard, accidental find	67	15	2	MHS/dep.	Kotowicz 2017, Fig. 11: 16	Fig. 8: 13	
41	hillfort, courtyard, ar 1N2W (S:150 cm, W:550 cm), humus layer, 480,89 m a.s.l.	r. 27	r. 21	1-2	MHS/A/779 (11/2014)	Unpublished	Fig. 7: 15	
42	hillfort, courtyard, ar 1N2W, humus layer, 481,02 m a.s.l.	r. 23	r. 20	1-1,5	MHS/A/779 (16/2014)	Unpublished	Fig. 8: 3	
43	hillfort, courtyard, ar 2N2W (S:87 cm, E:66 cm), humus layer, 481,64 m a.s.l.	r. 39	16	1-1,5	MHS/A/779 (106/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 12	Fig. 8: 19	
44	hillfort, courtyard, ar 2N1W (S:407 cm, E:0 cm), humus layer, 482,06 m a.s.l.	r. 35 + 25	r. 17	1-1,5	MHS/A/779 (108/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 13	Fig. 8: 18; two fragments	
45	hillfort, courtyard, ar 2N1E (S:520 cm, W:10 cm), humus layer, 481,73 m a.s.l.	r. 41	25	1-1,5	MHS/A/779 (123/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 6	Ryc. 7: 12	

No	Location	Dimensions (mm) remaining (r.)			Variant	Inv. No	Literature	Comments
		height	width	thickness				
46	hillfort, courtyard, ar IN1W (N:372 cm, E:125 cm), humus layer, 481,99 m a.s.l.	r. 39	23	1-2	4	MHS/A/779 (130/2014)	Unpublished Ryc. 7: 24	
47	hillfort, courtyard, ar IN1E (N:20 cm, W:555 cm), humus layer, 482,01 m a.s.l.	r. 22	r. 23	1	4	MHS/A/779 (196/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 11 Fig. 8: 11; copper; decoration of punched dots on one of its edges	
48	hillfort, courtyard, ar 2N2E (S:836 cm, E:455 cm), humus layer, 482,04 m a.s.l.	r. 27	15	1	4	MHS/A/779 (224/2014)	Unpublished Fig. 8: 22	
49	hillfort, courtyard, ar 2N2E (S:823 cm, E:296 cm), humus layer, 482,13 m a.s.l.	71	15	1-1,5	4	MHS/A/779 (230/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 15 Fig. 8: 14; bent	
50	hillfort, courtyard, ar 1N2E (S:130 cm, W:510 cm), humus layer, 479,32 m a.s.l.	r. 43	r. max. 32	1-1,5	?	MHS/A/779 (273/2014)	Unpublished Fig. 8: 29	
51	hillfort, courtyard, ar 2S1W (N:180 cm, E:240 cm), humus layer, 481,17 m a.s.l.	r. 37	22	1-1,5	4	MHS/A/779 (287/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 5 Fig. 7: 13	
52	hillfort, courtyard, ar 1S1W (N:500 cm, E:105 cm), humus layer, 481,49 m a.s.l.	r. ca. 80	23	1-1,5	4	MHS/A/779 (311/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 3 Fig. 7: 3; two fragments	
53	hillfort, courtyard, ar 1S1W (S:10 cm, E:280 cm), spoil heap at trench form 1973, 481,13 m a.s.l.	r. 37	r. 27	1-2	4	MHS/A/779 (317/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 8 Fig. 7: 16	
54	hillfort, courtyard, ar 1S1W (S:10 cm, E:280 cm), spoil heap at trench form 1973, 481,13 m a.s.l.	ca. 79	19	1-1,5	4	MHS/A/779 (318/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 4 Fig. 7: 4; two fragments	
55	hillfort, courtyard, ar 1S1W (N:760 cm, E:50 cm), spoil heap at trench form 1973, 481,31 m a.s.l.	r. 14	23	1-1,5	?	MHS/A/779 (319/2014)	Unpublished Fig. 8: 27	
56	hillfort, courtyard, ar IN1E (N:5 cm, W:890 cm), humus layer, 481,57 m a.s.l.	r. 43	12	1-2	4	MHS/A/780 (27/24w/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 14 Fig. 8: 15	
57	hillfort, courtyard, ar IN1W, southern part of trench No 1/2014, spoil heap	r. 38	20	1-1,5	4	MHS/A/780 (31/27w/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 9 Fig. 7: 17	
58	hillfort, courtyard, ar IN1W, trench No 1/2014 (N:190 cm, W:60 cm), light brown layer, 481,57 m a.s.l.	r. 60	15	1-2	5	MHS/A/780 (32/28w/2014)	Unpublished Fig. 8: 23	
59	hillfort, courtyard, ar IN2W, trench No 2/2014 (S:136 cm, E:195 cm), humus/cultural (?) layer, 481,16 m a.s.l.	r. 10	14	1	4	MHS/A/780 (36/32w/2014)	Unpublished Fig. 8: 16	

No	Location	Dimensions (mm) remaining (r.)			Variant	Inv. No	Literature	Comments
		height	width	thickness				
60	hillfort, courtyard, ar 1N2W, trench No 2 (N:68 cm, E:225 cm), humus/cultural (?) layer, 481,16 m a.s.l.	r. 36	r. 18	1,5-2	4	MHS/A/780 (37/33w/2014)	Kotowicz 2017, Fig. 11: 10	Fig. 7: 18
61	hillfort, courtyard, ar 1N2W, trench No 2B/2015 (N:72 cm, E:21 cm), humus layer, 480,89 m a.s.l.	r. 24	r. 18	1-1,5	4	MHS/A/798 (94/84w/2015)	Unpublished	Fig. 8: 4
62	hillfort, courtyard, ar 1N1E (N:240 cm, W:560 cm), grey layer, 481,64 m a.s.l.	r. 24	r. 17	1-1,5	4	MHS/A/798 (171/157w/2015)	Unpublished	Fig. 7: 25
63	hillfort, courtyard, ar 2N2E (S:360 cm, W:45 cm), grey layer, 481,72 m a.s.l.	57	r. 29	1-2	3	MHS/A/798 (202/183w/2015)	Unpublished	Fig. 6: 6
64	hillfort, eastern, outer part of the wall, humus layer, 0-5 cm	r. 44	25	0,9	5	MHS/dep.	Unpublished	Fig. 8: 24, 9: 32
65	hillfort, eastern, outer part of the wall, surface	r. 32	25	0,9	4	MHS/dep.	Unpublished	Fig. 7: 21
66	hillfort, eastern, outer part of the wall, yellow clay layer, 10 cm	r. 28	23	0,9	4	MHS/dep.	Unpublished	Fig. 7: 20, 9: 17

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЗАБРАЛА В ГЕРМАНСКИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ КОН. XIV – НАЧАЛА XV В. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

УДК 902.1:623.445.2"13/14"
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.219-224

© 2022 г. Гладченков А.А. (holger2@yandex.ru),
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО
РАН, Владивосток, Россия.

Резюме: В данной статье, на основе исследования нескольких изобразительных источников, поднимается вопрос о возможном существовании в комплексе рыцарского вооружения Западной Европы второй половины XIV в. специфических антропоморфных забрал.

Ключевые слова: бацинет с забралом, рыцарское вооружение XIV в., антропоморфное забрало.

Anthropomorphic visors in German pictorial
sources of the late 14th and the early 15th century.

© 2022 Gladchenkov A.A. (holger2@yandex.ru),
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of Far-East,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Science, Vladivostok, Russia.

Abstract: This article considers the issue of presumable existence of a distinctive kind of anthropomorphic visors in West European knight armor suits of the second half of the 14th century based on some pictorial sources research.

Key words: bascinet with visor, knight armor 14th century, anthropomorphic visor.

В западноевропейском средневековом оружейном деле существовала достаточно интересная ситуация. Несмотря на то, что весьма рано, с конца XII в., на шлемах появилась сплошная защита лица, этой детали не придавались черты, присущие человеческому лицу, в отличие от регионов Восточной Европы и прилегающей к ней степи. Личины и полумаски, происходящие из раскопок с территории Древней Руси, либо сопредельных территорий, на которых проживали кочевники, известны достаточно хорошо, начиная с середины XIII в.

В Западной Европе, несмотря на то что сплошная защита лица была уже сформирована к этому времени, элементы, прикрывавшие лицо, в развитии формы не пошли дальше гладкой пластины с длинными и узкими смотровыми щелями и рядами отверстий для доступа воздуха. Ситуация не изменилась и с появлением в начале XIV в. подвижного забрала. За полстолетия забрало эволюционным путем приобрело весьма специфическую форму, из-за своей характерной формы, в общих чертах напоминавшей собачью морду, породившую даже собственное имя для шлема с которым оно использовалось – Hundsgugel (дословно – «собачий колпак»).

Однако полноценные изображения человеческих лиц, как достаточно реалистичных, так и откровенно гротескных, относятся только к рубежу XV–XVI вв. Достаточно ранним примером такого забрала может послужить закрытый шлем из Музея искусств Кливленда (рис. 1: 1). В последующем эта специфическая черта буквально расцветает буйным цветом в период первой половины XVI в. Сюда возможно отнести и стоящие несколько особняком расписные салады конца XV в., на которых также присутствовали изображения морд фантастических зверей или человеческого лица (подлинность этого артефакта не подтверждена) (рис. 1: 2, 3).

Более ранние периоды не сохранили для нас западноевропейских шлемов с антропоморфной защитой лица.

Однако при изучении разнообразных изобразительных источников XIV–XV вв., есть несколько весьма интересных примеров, которые позволяют поднять вопрос о существовании антропоморфных забрал в гораздо более ранний период, уже во второй половине XIV – начале XV вв.

Первым примером послужат изображения на «Алтаре Апокалипсиса», работы мастера Бертрама из Миндена (Bertram von Minden), хранящегося в музее Виктории и Альберта, Лондон. На его левом крыле в одной из сцен, последую-

ющей за видением Шестого Ангела, художник изобразил несколько всадников на львиноголовых конях (рис. 1: 4). Очевидно, что мастер Бертрам был хорошо знаком с особенностями вооружения своей эпохи – библейские воины в его работах выглядят совершенно реалистично по отношению к существовавшему в те времена рыцарскому доспеху. В верхней части этой сцены изображены головы трех всадников, чьи фигуры нам практически не видны, однако хорошо видны их шлемы. Мастер подробно и точно передал характерный внешний вид шлемов конца XIV в. Слева изображен бацинет с височным креплением забрала, справа – Большой Шлем. Оба шлема имеют множество верно подмеченных конструктивных черт, которые находят свое подтверждение при сравнении с сохранившимися артефактами. Шлем, изображенный по центру этой локальной композиции, в общих чертах также отображает характерные особенности шлемов того времени – остроконечный купол бацинета с центральным ребром, авентайл, височное крепление забрала (рис. 1: 5).

Однако само забрало изображает человеческое лицо. Изображение ясное и неповрежденное, что исключает возможной двойкой трактовки¹. Более того, на этом алтаре такое же забрало на бацинете изображено еще раз в сцене видения Седьмого Ангела, однако в данном случае оно частично перекрыто ближестоящей фигурой.

Вторым примером служит скульптурное изображение в Лейбфраукирхе (Liebfrauenkirche) во Франкфурте-на-Майне, построенной в первой четверти XIV в. и постоянно достраивавшейся на протяжении нескольких столетий. В 1415 г. южный фасад церкви был значительно перестроен. К этому периоду относится самое важное архитектурное украшение церкви – тимпан с изображением сцены поклонения волхвов (в западноевропейской традиции – трех царей), созданный в мастерской Мадерна Гертенера (Maderne Gerthener) (рис. 2: 1). Немаловажным будет отметить, что церковь за многие столетия своего существования безусловно ремонтировалась, но, по словам С. Goedereis, южный тимпан долгое время не реставрировался, и даже после попадания бомбы в период Второй Мировой войны значительных разрушений не получил, дойдя до наших дней в первоизданном виде². Довоенная фотосъемка показывает нам изображение кавалькады, сопровождающей царя Каспара, где один из всадников показан в бацинете с необычным забралом³ (рис. 2: 2). Такой тип бацинета широко представлен в германских изобразительных источниках последнего десятилетия

¹ Costaras N., Turnbull R. Master Bertram's Apocalypse Triptych: To clean or not to clean. V&A Conservation Journal. 2009. № 58. P. 47–49.

² Goedereis C. Das Dreikönigs-Tympanon in der Liebfrauenkirche und seine Botschaft für uns // LiebfrauenBrief. 2014. № 757. P. 3–5.

³ <https://www.bildindex.de/document/obj20591224?medium=mi00564f06&part=6>, дата обращения 27.11.2021.

XIV – первой четверти XV в., два таких шлема сохранились в металле – в музее замка Кобург и в Метрополитен музее (рис. 2: 3, 4).

Фома бацинета совершенно узнаваема и типична для начала XV в. Однако само забрало очень примечательно. Несмотря на то, что оно, в общем и целом, повторяет характерную форму большинства забрал того периода, ему приданы специфические человекоподобные черты. Вместо узкой смотровой щели изображено округлое отверстие, которое по форме больше похоже на человеческий глаз. На центральной вытянутой части забрала, сбоку изображена ноздря, что делает эту часть похожей на человеческий нос, а все забрало в целом – на гротескное изображение человеческого лица (рис. 2: 5).

Оба сюжета – сцены Апокалипсиса, работы мастера Бертрама, и сцены поклонения волхвов с тимпана Лейбфраукирхе – библейские. Однако ни в одном из вышеназванных сюжетов не делается акцент на необычных шлемах, шлемах с изображением человеческого лица и иных специфических чертах, следование которым могло бы объяснить появления таких необычных забрал в данных изображениях.

Безусловно, данные изображения, возможно списать на общую тенденцию добавлять что-то гротескное и непохожее в изображение легендарных или мифических сюжетов с участием сил Зла или язычников, однако существует более предметное свидетельство того, что антропоморфные забрала могли существовать уже в середине XIV в.

Речь идет о надгробной скульптуре Буркхарда фон Секендорфа (Burckhard von Seckendorf), основателя госпиталя в городке Гунценхаузен (Gunzenhausen), умершего в 1365 г. и похороненного в церкви при этом госпитале⁴.

Для большинства надгробных статуй того периода характерно предметное и точное изображение всех элементов вооружения. Надгробие фон Секендорфа не исключение. Он изображен в доспехе, широко бытовавшем в германских землях на период его смерти (рис. 3: 1).

Весьма специфически выглядит поднятое забрало на его бацинете. Лицевая часть забрала нам не видна, мастер-скульптор изобразил как бы его негатив, показав ту поверхность, что обращена непосредственно к лицу.

Забрало округлой формы, заметно сужающееся к низу и имеющее зубчатый нижний край (рис. 3: 2), центральная часть имеет треугольное углубление, четко формирующее форму носа. При этом следует отметить, что это не вытянутая вперед центральная часть забрала, а именно небольшой углубленный участок, треугольный в плане.

Совершенно необычно оформлены смотровые щели. В подавляющем большинстве случаев, это выпуклый наружу участок, отнесенный от глаз на некоторое расстояние, на вершине которого прорезана узкая вытянутая смотровая щель. Как это выглядит в металле можно увидеть на фотографиях забрал от бацинетов конца XIV – начала XV в., хранящихся в замке Кобург и Метрополитен музее (рис. 3: 3).

В данном же случае, на скульптурном изображении Секендорфа, ситуация принципиально иная. Участок вокруг смотровых щелей выступает вовнутрь, создавая округлое обрамление относительно небольшой овальной смотровой щели. Если данный каменный «негатив» перевести в «позитив», то мы увидим резко выступающий из листа забрала нос, два овальных углубления, словно глазницы, и зубчатый нижний край, похожий на стилизованную верхнюю челюсть с зубами. В целом лицевая часть подобного забрала вполне может выглядеть словно стилизованный человеческий череп (рис. 3: 4).

Таким образом, существует несколько независимых изобразительных источников, которые позволяют предположить, что мастера-доспешники при изготовлении забрал для бацинетов руководствовались не только сложившейся формой, обусловленной традицией и функциональностью, но и приносили в эти изделия индивидуальные, специфические черты, близкие духу воинской культуры – придавая внешности воина мрачный или даже устрашающий образ.

Проводить прямую эволюционную линию от изображений конца XIV – начала XV в. к гротескным забралам закрытых шлемов XVI в. на данный момент преждевременно и малообоснованно. Скорее всего, такие явления носили спорадический характер и в полной мере раскрылись уже в XVI в., попав на благодатную почву зарождающейся барочной культуры.

⁴ Выражаю глубокую признательность Timm Radt за представленные фотографии.

Рис. 1. Закрытый шлем с антропоморфным забралом. Музей искусств, Кливленд, ок. 1600 г.

Рис. 2. Расписные салады.
1 – частная коллекция;
2 – коллекция Уоллеса, Лондон, ок. 1500 г.

Рис. 3. Сцена из видения Шестого Ангела. «Алтарь Апокалипсиса», работа мастера Бертрама из Миндена (Bertram von Minden). Музей Виктории и Альберта, Лондон, ок. 1380 г.

Рис. 4. Шлемы всадников из сцены видения Шестого Ангела. Увеличенный фрагмент.

Рис. 5. Сцена поклонения трех царей. Южный тимпан в Лейбфраукирхе (Liebfrauenkirche), мастерская Мадерна Гертенера (Maden Gerthener), Франкфурт на Майне, ок. 1415 г.

Рис. 7. Бацинеты конца XIV – начала XV в.
1 – собрание замка Кобург, ок. 1400 г.;
2 – Метрополитен Музей, Нью-Йорк, ок. 1400 г.

Рис. 6. Сцена с южного тимпана в Лейбфраукирхе. Кавалькада царя Гаспара. Фотосъемка 1920 г.

Рис. 8. Голова всадника из кавалькады царя Гаспара. Увеличенный фрагмент.

Рис. 9. Надгробие Буркхарда фон Секендорфа (Burekhard von Seckendorf), 1365 г. Госпитальная церковь города Гунценхаузен (Gunzenhausen). Фотографии Timm Radt.

Рис. 10. Голова надгробной статуи Буркхарда фон Секендорфа в бацинете с забралом. Стрелками указан зубчатый нижний край забрала.

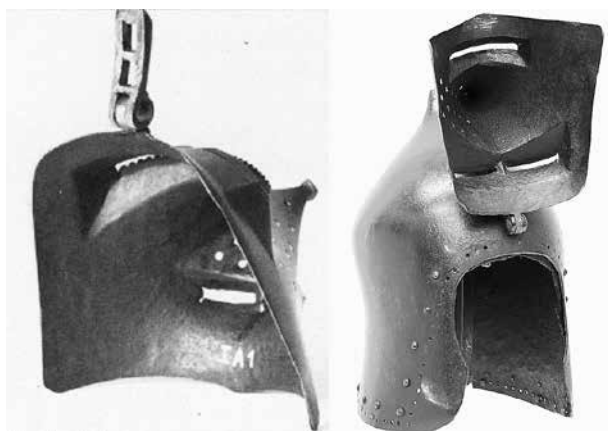

Рис. 11. Внутренняя часть забрал конца XIV – начала XV в.
1 – собрание замка Кобург, ок. 1400 г.;
2 – Метрополитен Музей, Нью-Йорк, ок. 1400 г.

Рис. 12. Реконструкция внешнего вида бацинета Букхарда фон Секендорфа.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ БОЕВЫХ НАГОЛОВИЙ XV В. В ДРЕВНЕРУССКОМ КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ (В СВЕТЕ ДИСКУССИИ О СМЕНЕ ДОСПЕШНОЙ МОДЫ В ПЕРИОД ОРИЕНТАЛИЗАЦИИ)

УДК 902.1:623.445.2"14"
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.225-239

© 2022 г. Кулешов Ю.А. (yurah1@mail.ru),
Государственный военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово поле», Тула, Россия.

Резюме: В своей новой работе автор возвращается к проблеме наличия процесса ориентализации в древнерусском военном деле, рассматривая ее в частности на аспекте смены доспешной моды – краеугольном камне в данном вопросе.

На этот раз внимание исследователя привлёк ранее опубликованный глубокий цилиндрикоконический шлем, найденный в округе г. Городец. Он приводит дополнительную информацию, которая позволяет уточнить ряд конструктивных элементов находки, а заодно и скорректировать датировку всей группы глубоких цилиндрикоконических боевых наголовий. Проанализировав имеющийся археологический материал, сравнив технологические нюансы и подобрав аналогии в изобразительном материале, автор пришёл к выводу, что появление группы глубоких цилиндрикоконических боевых наголовий стоит относить к самому концу XIV в., а бытование всех известных на сегодняшний день древнерусских находок ко 2-й трети XV в.

Учитывая то, что пластинчато-нашивные системы бронирования и элементы защиты конечностей только в конце XIV в. начинают массово получать распространение на Руси, автор считает, что в этот период не заканчивается максимальное утяжеление древнерусского доспеха, как считалось ранее, а только начинается.

Ключевые слова: Средневековая Русь, военное дело, ориентализация, доспех, шлем.

To the problem of allocation of the combat headgears in Russian medieval armament complex of the 15th century (in terms of the discussion about the change of armor fashion in the period of orientalization).

© 2022 Kuleshov Yu.A. (yurah1@mail.ru),
The State museum of Military History
and Natural Reserve “Kulikovo Field”, Tula, Russia.

Abstract: In the new article the author returns to the existence of the orientalization problem in Russian medieval warfare considering it in the armor fashion changing aspect – the basement of the topic.

This time the deep cylindrical-conical helmet found in the Gorodets region and published before has attracted the researcher attention. The author gives additional information that gives the opportunity to put clear a number of constructive elements of the helmet and to correct the dating of all deep cylindrical-conical helmets group.

Having analyzed the archeological material, compared the technological specificities and found pictorial sources, he comes to the conclusion that the occurrence of the deep cylindrical-conical helmet group should be attributed to the end of the 14th century and the existence of all today known Russian medieval helmets of this group should be dated by the second third of the 15th century.

Taking into account that in Russia sewn-plate armory systems and elements of the limbs protection begin to get the widespread distribution only at the end of the 14th century the author suggests that this period can be considered the start of the process of maximal weight increase of the Russian mediaeval armory and not the end as it was supposed earlier.

Key words: Medieval Russia, warfare, orientalization, armor, helmet.

В изучении древнерусского комплекса вооружений эпохи Средневековья остро стоит проблема выделения боевых наголовий конца XIV–XV вв. В этом плане весьма показательна работа выдающегося отечественного оружейведа А.Н. Кирпичникова, которая посвящена военному делу Древней Руси XIII–XV вв. Рассмотрев все категории вооружения, автор так и не смог показать ни одного шлема XIV–XV вв.¹ И хотя это исследование было написано более сорока лет назад, ситуация с тех пор кардинально не изменилась².

Особенно актуален этот вопрос в свете обсуждения такого процесса в древнерусской военной деле как ориентализация. Злободневность темы на сегодняшний день показала недавняя дискуссия, развернувшаяся в связи с обсуждением смены доспешной моды – краугольного камня в решении этой проблемы³. В тоже время осмысление того, какие именно типы шлемов использовались в этот период, позволит расставить все точки в этом вопросе.

Так сложилось, что именно шлем стал знаковым элементом в изучении древнерусского

комплекса вооружения. С находки в 1808 г. в окрестностях с. Лыково Юрьевского уезда Владимирской губернии, так называемого шлема Ярослава Всеволодовича, зародилось отечественное историческое оружейведение и началось изучение русского средневекового оружия.⁴ Поэтому не случайно именно эта находка была выбрана в качестве эмблемы семинара «Военная археология». И именно по защитным характеристикам шлема принято измерять утяжелённость древнерусского доспеха⁵. С момента обнаружения лыковского шлема по боевым наголовьям Древней Руси было написано не одно исследование. Знаковой стала работа А.Н. Кирпичникова по русским шлемам X–XIII вв., вышедшая в 1958 г. В ней исследователь выделил основные типы, разбил их по группам и предложил датировку групп⁶. С того времени изучение древнерусских шлемов не стояло на месте. Только за последние годы вышло несколько работ, где уточняется датировка некоторых групп боевых наголовий⁷, или отдельных их экземпляров⁸. Были выделены новые типы шлемов⁹ и даже целые их группы¹⁰.

¹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 29–33.

² Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова: Вторая половина XV – начало XVII в. М., 2018. С. 212.

³ Бузденков Д.Е. К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 706–737; Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 594–612; Комаров О.В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 645–676; Комаров О.В. Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы // Valla. Современный. Открытый. Энергичный. – Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. № 4 (4). СПб, 2018. С. 12–25; Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса) // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 740–766; Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В. изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 614–652; Панкратов А.Г. К развернувшейся дискуссии после выхода статьи О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века» // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 678–703; Пенской В.В. Еще раз об «ориентализации» русского военного дела в сер. XV – 1-й пол. XVI вв. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 768–793; Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 72–97; Шиндлер О.В. Заметки об ориентализации и смене «доспешной моды» (Ответ рецензентам: А.В. Быкову, М.А. Несину, О.В. Комарову, А.Г. Панкратову, Д.Е. Бузденкову, Ю.А. Кулешову, В.В. Пенскому на статью «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. – СПб., 2017. С. 796–843; Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. // Valla. Современный. Открытый. Энергичный. – Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. № 4 (5). СПб, 2018. С. 36–50.

⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. САИ Вып. Е1–36. Л., 1971. С. 22.

⁵ Кирпичников А.Н. Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4. М., С. 63.

⁶ Кирпичников А.Н. Русские шлемы X–XIII вв. С. 47–69.

⁷ Каинов С.Ю., Каменский А.Н. О неизвестной находке фрагмента шлема с Дубошина раскопа в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 179–189; Каинов С. Ю., Кулешов Ю. А. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // Stratoplus. № 6. Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2014. С. 83–98.

⁸ Кулешов Ю.А. Место «Шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной Палаты в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования». Вып. 22. М., 2014. С. 135–152; Кулешов Ю.А. Ещё раз о фигурнооформленных фиксаторах восточноевропейских антропоморфных масок-забрал // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латина до позднего средневековья. Тула, 2014. С. 195–202.

⁹ Бохан Ю.Н. Новая находка сярэднявковых шлемаў у Мсціславе // Беларускі гістарычны часопіс. № 12. Мінск., 2006. С. 49–52; Кулешов Ю.А. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии // Земля наша велика и обильна...: 90-летию А.Н. Кирпичникова посвящается. СПб., 2019. С. 199–224.

¹⁰ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 216–234.

В 2005 г. К.А. Жуковым был опубликован шлем происходящий из округа г. Городец Нижегородской области, который он отнёс к цилиндрической группе боевых наголовий. находка не имела контекста, но на основании морфологии автор датировал её 2-й половиной XIV – началом XV в.¹¹ На сегодняшний день в нашем распоряжении появилась информация, которая позволяет уточнить ряд конструктивных элементов находки, а заодно и скорректировать датировку всей группы глубоких цилиндрических боевых наголовий.

Шлем представляет собой глубокое боевое наголовье цилиндрической формы, его общая высота – 29 см, диаметр – 22 × 21,5 см (рис. 1–2). Коническая туля шлема свёрнута из листового железа в виде воронки, шов расположен с левой стороны со смещением к затылку и склёпан 5-ю заклёпками. Цилиндрический венец, плавно расширяется к низу, склёпан из 2-х половин 3-я заклёпками. Швы расположены в районе висков, при этом левый чуть смещён по отношению к правому, нахлест швов – 2,5 см (рис. 2: 3). Туля и венец между собой соединены 8 заклёпками, при этом отогнутый под прямым углом край тульи вставлен в венец примерно на 1 см. Одновременно, из-за того, что край отгибался зубилом изнутри, венец получил деформацию в виде седловидного изгиба (рис. 2–3).¹² Все головки заклёпок на шлеме расклёпаны, но при этом хорошо читаются, хотя ранее было указано, что они зачищены впотай¹³. В лицевой части шлема на венце имеется подтрапецевидный вырез, его высота 5,5 см, ширина вверху – 12 см, внизу – 15,5 см (рис. 2: 1; 3: 3). Снизу венца, на 2 см выше края, по периметру шлема сохранились три целых и одна фрагментированная петли для подвеса бармицы. Они свёрнуты из узких полосок, края которых разведены изнутри шлема. Ранее не было отмечено, что в 0,5 см от края располагается густая цепь мелких отверстий, которые, судя по следам органики, служили для фиксации подшлемника¹⁴. С внешней стороны следы органики читаются на высоту примерно в 1 см от нижнего края, изнутри шлема – примерно на 3 см. Сверху шлем венчает навершие. Высота его выступающей части – 3,5 см, ранее его конструкция не была описана¹⁵. Оно изготовлено в виде шпильки с тонкой ножкой и цилиндрической головкой. На нижнюю половину головки нанесена рубашка, в виде гравированной косой сетки (рис. 1: 5). Ножка шпильки вставлена в

технологическое отверстие тульи, а её кончик изнутри шлема пропущен через круглую шайбу и расклёпан снаружи этой шайбы.

Изначально состояние шлема было удовлетворительным, его поверхность покрывали следы коррозии, а спереди, в основном по углам лицевого выреза присутствовали утраты. На затылке шлема, ближе к краю, располагалась небольшая дыра, вызванная коррозионными процессами. Позднее шлем был реставрирован (рис. 3).

Что касается атрибуции шлема, то он относится к типу цилиндрических боевых наголовий, в частности к их наиболее глубоким представителям. На сегодняшний день нам известно ещё два подобных шлема.

Первый шлем был найден в 1972 г. в Ростовской области школьниками при посадке деревьев в городском парке г. Белая Калитва, на сегодняшний день он хранится в коллекции ГИМ, инв. № ОР 14373 (рис. 4: 1–2). Ранее находка была опубликована И.Я. Абрамзон, но ряд конструктивных деталей ускользнули от внимания исследователя, что привело к неверной атрибуции шлема¹⁶. Мы постараемся исправить эти недочёты, и остановимся на шлеме более детально.

К сожалению, шлем дошёл до нашего времени со значительными утратами, т. к. в ходе эксплуатации подвергся переделке. В нынешнем виде он представляет собой глубокое боевое наголовье цилиндрической формы, его общая высота, на сегодняшний день, – 23 см, реконструируемый диаметр – 66 см. Коническая туля шлема свёрнута из листового железа в виде воронки, шов расположен спереди, практически по центру, с несущественным смещением вправо, и склёпан 5-ю заклёпками. Сверху туля имеет технологическое отверстие, его края чуть загибаются внутрь. По периметру отверстия, примерно в 0,5 см от его края, пробито четыре монтажных отверстия. Все четыре отверстия характеризуются разным диаметром, не зачищенными и сильно утопленными внутрь тульи краями. При этом процесс нанесения этих отверстий деформировал и само технологическое отверстие (рис. 4: 3). Это указывает на то, что все четыре монтажных отверстия были проделаны в период переделки шлема. Чуть правее шва тульи, примерно в 0,2 см от края технологического отверстия, присутствует ещё одно отверстие, более аккуратное и меньше предыдущих диаметром. Можно предположить, что оно было пробито при изготовлении шлема и

¹¹ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. С. 225–226, 233. Рис. 7: 1.

¹² Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить м.н.с. Отдела научной сохранности памятников культуры и истории ВИМАИВиВС, г. Санкт-Петербург, А.Г. Панкратова за помощь в ряде технических наблюдений.

¹³ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. С. 225.

¹⁴ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. С. 225.

¹⁵ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. С. 225.

¹⁶ Абрамзон И.Я. Шлем из города Белая Калитва // Исторический музей. Труды. Вып. 51. М., 1980. С. 150.

является свидетельством монтажа первичного навершия. Но для этого нет никаких оснований, т. к. нет следов присутствия других подобных отверстий. А верхний рваный край этого отверстия указывает на то, что оно является изначальной попыткой монтажа вторичного навершия на шлеме, но из-за очень близкого расположения к краю технологического отверстия, мастер решил сместить монтажные отверстия ниже. Свидетельство этого мы и видим в нижерасположенных четырех отверстиях. Более того, исходя из аналогии с предыдущим шлемом, мы склоняемся к тому, что на приводимом шлеме использовались навершия с внутренним креплением. При этом, исходя из диаметра технологического отверстия и отогнутых внутрь тульи краёв, в его конструкции здесь присутствовало коническое подвершие. Эта деталь периодически встречается у подобного рода наверший¹⁷.

Тулья вставлена в венец, и они соединены между собой 11-ю заклёпками, при этом одно одновременно фиксирует и шов венца (рис. 4: 4).

Цилиндрический венец свёрнут из листовой заготовки и склёпан на затылке 6-ю заклёпками в два ряда, по три в ряд, в шахматном порядке. Венец больше всего подвергся переделке и до нашего времени дошёл со значительными утратами. Полностью сохранилась только затылочная часть, из которой был вырублен назатыльник, при этом снизу его углы срублены наискось. С боковых сторон венца были вырублены на уши сложной подробовидной формы. На сегодняшний день сохранился только правый наущ, а левый позднее был удалён, о чём свидетельствует утрата металла в 0,2 см высотой от вторичной границы венца с левой стороны. В тоже время левый край сохранившегося науща, обращённый в сторону лица, имеет незначительный отгиб наружу. В свою очередь это указывает на то, что оба науща были полностью сформированы, хотя при этом края вырубленных деталей остались не обработанными и на них видны следы инструмента, которым они вырубались.

На лицевой части, несколько правее шва тульи, точно параллельно левой границе науща, просматривается след лицевого выреза в виде перепада примерно в 0,2 см нижнего края венца. О том, что он изначально присутствовал на шлеме, говорят и границы венца между наущами и назатыльником, которые несколько ниже, чем на лицевой части. На основании формы перепада

границ на лицевой части, в виде сглаженного угла, можно говорить о том, что лицевой вырез имел подтрапециевидную форму. А на основании полностью сохранившейся задней части венца, мы можем говорить о том, что его высота была чуть больше 8 см. К сожалению, ширину лицевого выреза точно установить не представляется возможным.

В лицевой части на венце, посередине, присутствуют два крупных отверстия, одно чуть ниже второго (рис. 4: 5). По характеру они схожи с теми четырьмя, что распложены вдоль границы технологического отверстия, что также свидетельствует об их вторичности.

Состояние шлема удовлетворительное, он изъеден раковинами, которые вызваны процессом коррозии. А вся его поверхность носит следы многочисленных деформаций и незначительных вмятин.

И.Я. Абрамзон, первым опубликовавший шлем, атрибутировал его как подвергшийся переделке европейский топфхельм (нем. Topfhelm – «горшковый шлем») и датировал концом XIII – 1-й половиной XIV в.¹⁸ На ошибочность подобных выводов в своей работе по цилиндрическим шлемам на Руси указал К.А. Жуков,¹⁹ при этом сузив его датировку в пределах XIV в.²⁰ В тоже время, исследователь почему-то не обратил внимание, на конструктивную схожесть с городечкой находкой, которую он, напомним, ограничивает 2-й половиной XIV – началом XV в. Из вышесказанного хорошо явствует, что первоначально конструктивно он был практически аналогичен шлему из округа г. Городца, вплоть до того, что совпадает даже количество заклёпок, скрепляющих швы и на тулье и на венце. С той лишь разницей, что шов тулии у него располагался спереди по центру, а венец был свёрнут из одной заготовки, со швом на затылке.

Второй экземпляр хранится в коллекции Muzeum Okręgowego, Торунь, Польша, инв. № 944 (р. 5; 6: 3–4). Происхождение шлема остаётся невыясненным. Впервые его опубликовал немецкий исследователь Бернхард Энгель (Bernhard Engel) в 1917 г., указал, что он хранится в Stadtisches Museum г. Торунь, тогдашняя германская Пруссия²¹. Позднее, известные польские оружейеды Марианн Глосек (Marian Głosek) и Анджей Новаковский (Andrzej Nowakowski) пришли к выводу, что шлем происходит с территорий, ранее находившихся под

¹⁷ Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднеисламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля и коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 28: Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятник, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 219, 224.

¹⁸ Абрамзон И.Я. Шлем из города Белая Калитва. С. 150.а

¹⁹ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. С. 219.

²⁰ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси в XIII–XIV вв. С. 218.

²¹ Engel B. Eineeigenartige Beckenhaube // Zeitschrift für Historische Waffenkunde: Organ des Vereins für Historische Waffenkunde. Bd. 7. Heft 5. Dresden, 1915–1917. S. 108–109.

властью Тевтонского Ордена – Восточной Померании или Кульмской земли, памятники с которых и попадали в музей г. Торунь²².

Сам шлем детально был опубликован в статье Владислава Дзевановского (Władysław Dziewanowski) и Леопольда Куштельского (Leopold Kuztelski)²³ и в вышеуказанной работе Марианна Глосека и Анджея Новаковского²⁴. Поэтому мы не видим смысла останавливаться на нём детально, единственное стоит указать, что изначально шлем был найден с забралом в виде подвижного широкого козырька, имеющего гофрированный профиль, стилизованный под слегка присобранную занавеску (рис. 6: 1–2).

Что касается его конструкции, то в исследовании Марианна Глосека и Анджея Новаковского были указаны результаты рентгеновского исследования, которые не показали наличие швов на шлеме. На основании этого авторы пришли к выводу, что данный экземпляр является цельнокованным²⁵. Между тем, на шлеме отчётливо виден седловидный изгиб тульи, что является следами деформации при отгибе её нижнего края. Как и у городецкой находки, здесь тулья и венец были изготовлены отдельно, и далее первая деталь была вставлена во вторую, после чего конструкция была сварена кузнечной сваркой, а шов разогнан ковкой. Более того, хорошо видно и то, что навершие тоже наварено кузнечной сваркой, а шов разогнан. При этом само навершие состоит из двух частей – воронковидного основания и цилиндрического верха, который, судя по наклёпам на его верхней плоскости, был вбит на горячую (рис. 6: 5). Объяснения того, что польские коллеги ничего этого не увидели, мы видим в том, что у сварной конструкции, при разгонке шва рентгеновское исследование следов прихвата не покажет, т. к. сварка идёт на уровне кристаллической решётки.

Вне всяких сомнений данный экземпляр относится к одному, вместе с городецкой и белокалитвенской находками типу боевых наголовий. Но при этом он выполнен в иной технологической традиции.

В отношении датировки этого боевого наголовья, то в отличие от предыдущей находки, в данном случае всё более-менее ясно. Так, Бернхард Енгель, его первый исследователь, атрибутировал боевое наголовье как подражание славянского мастера европейским образцам и датировал XIV в.²⁶ В то же время первый польский исследователь шлема Антони Марьяновский (Antoni Maryanowski) не был так уверен в выводах своего немецкого предшественника, но при этом воздержался озвучивать свою версию²⁷. Современные польские оружейеды относят находку к пикельхаубам – типу шлемов, возникшему в среде крестоносцев балтийского региона, и изначально датировали её 2-й половиной XIV в.²⁸ Между тем, недавно другой польский исследователь, Войцех Васяк (Wojciech Wasiak) убедительно доказал, что шлем из торуньского музея относится к 1-й половине XV в. Ему удалось в иконографическом материале найти аналогии не только форме шлема, но и забралу в виде подвижного козырька, которым изначально была снабжена находка. На совокупном анализе всей информации, имеющейся в распоряжении вышеназванного исследователя, он относит шлем из коллекции Muzeum Okręgowek рубежу 1-й – 2-й четвертей XV в., а Северо-Восточную Европу указывает тем регионом, где появляется и бытует подобная форма боевых наголовий²⁹.

Но, на наш взгляд, всё же правы те польские искусствоведы, которые относят фрески из костёлов św. Antoniego Padewskiego в д. Стжельники, Опольское воеводство, и św. Michała Archanioła в д. Кжижовицы, Силезия, лёгшие в основу выводов Войцеха Васяка, к более позднему времени, 1432–1436/1447 гг. (рис. 7: 3). Дело в том, что есть свидетельства о разрушении костёлов этого региона гуситами в 1428 г., а их восстановление стало возможно не ранее 1432 г. – даты прекращения боевых действий в данной местности. При этом Якуб Коштовский (Jakub Kostowski) считает, что восстановление костёлов было завершено только около середины XV в.³⁰ Не противоречит этому и фасон одеж-

²² Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XXVII. № 1. Warszawa, 1980. S. 53.

²³ Kuztelski L., Dziewanowski W. Hełm średniowieczny // Broń i Barwa: Biuletyn Stowarzyszenia Przyjaciół Muzeum Wojska. R. 4. № 3. Warszawa, 1937. S. 59.

²⁴ Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 53–61.

²⁵ Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 55.

²⁶ Engel B. Eine eigenartige Beckenhaube. S. 109.

²⁷ Maryanowski A. Polski hełm średniowieczny w Muzeum Miejskim w Toruniu // Broń i Barwa: Biuletyn Stowarzyszenia Przyjaciół Muzeum Wojska. R. 4. № 11–12. Warszawa, 1937. S. 243–244.

²⁸ Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 55–60.

²⁹ Wasiak W. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie obrażenia hełmu w typie pekilhube z Kościoła Strzelniczekoło Brzegu // Broń i wojna w dziejach człowieka. Łódź, 2009. S. 117–131; Głosek M., Wasiak W. Nowe spojrzenie na problem przyłbicy typu pekilhube z Torunia // Cum arma per aeva. Uzbrojenie indywidualne na przestrzeni dziejów. Toruń, 2011. S. 126–154.

³⁰ Kostowski J. Sztuka śląska wobec husytyzmu. Późnogotyckie świadectwa malarskie // Artium Quaestiones T. V. Poznań, 1991. S. 34.

ды, показанной на интересующих нас фресках, пик популярности которого в Европе приходится на 1440 г.³¹

В свою очередь такая деталь как подвижный козырёк, которую мы видим на торуньской находке, получается массовое распространение на центрально-европейских шлемах лишь со 2-й половины XV в.³² Что является дополнительным аргументом в пользу более поздней датировки этого типа шлемов. Более того, в нашем распоряжении имеется ещё ряд свидетельств, которые указывают на более позднюю датировку находки из коллекции Muzeum Okręgowе. Речь идёт про изображения, где показаны глубокие боевые наголовья цилиндрической группы, которые нам удалось обнаружить.

Первое изображение, где показан цилиндрический шлем, мы видим на миниатюре «Самсон в Газе», которая помещена на страницах «Bible Václava IV», которая была написана между 1390–1400 г. в г. Прага (рис. 7: 1). Следующие свидетельства мы находим на фрагменте картины «Мученичество Св. Урсулы перед городом Кельн», написанной художником Кёльнской школы известным как Мастер «Малых Страстей Христовых», между 1411–1420 г. (рис. 7: 2). На одном из воинов мы видим чуть стилизованный, но при этом легко узнаваемый цилиндрический шлем. Стоит заметить, что все шлемы, показанные на данном полотне, имеют незначительную стилизацию. Скорее всего, художник таким образом хотел показать сакральность сцены. Ещё один подобный цилиндрический шлем показан на одном из воинов, изображённых на миниатюре «Крестный путь» (рис. 7: 4). Миниатюра иллюстрирует кодекс «Speculum humane salvacionis» из библиотеки Ватикана, который был написан в Австрии между 1400–1450 г. Интересно, что на одной из миниатюр этого кодекса, а именно «Поцелуй Иуды и арест Христа», на шлеме одного из воинов показан и подвижный козырёк, аналогичный тому, что был на шлеме из торуньского музея (рис. 7: 4а). Самое позднее изображение цилиндрического шлема мы находим на конном рыцаре, изображение которого помещено на одной из страниц книги «Teiknibók» (рис. 7: 5). Данная книга была начата в Норвегии около 1330 г., но позднее с переселенцами попала на о. Исландия, где была доработана ещё трижды³³. Интересующее нас изображение относится к третьему периоду

работы над книгой, который датируется между 1450–1475 г. И на двух миниатюрах «Букета историй» (La Fleurdes histoires) бургундского придворного историографа Жана Мансельи (Jean Mansel) (рис. 7: 6–6а). Данное произведение было создано по заказу герцога Филиппа Доброго между 1454–1460 г.

Таким образом, на основании представленных изобразительных источников наглядно видно, что глубокие цилиндрические шлемы появляются в конце XIV в. и постепенно начинают набирать популярность к середине XV в. Что свидетельствует в пользу нашей версии о более поздней датировке шлема из торуньского музея.

Если говорить о регионе происхождения, то опять же, исходя из выше представленных изображений, мы видим, что большинство их относится к территории Австрия – Богемия–Силезия. Таким образом, становится очевидно, что глубокие боевые наголовья цилиндрической формы изначально появляются где-то в Центральной Европе.

Возвращаясь к городецкому шлему, и аналогичному ему белокалитвенскому, то их происхождение, на наш взгляд, местное. В пользу этого свидетельствует более примитивная клёпанная технология сборки. В Европе при изготовлении тульи шлемов, начиная уже со 2-й половины XIV в., подобный способ сборки применялся только для своеобразных шлемов типа топфхельм. Между тем о том, что этот тип шлемов пришёл на Русь из Центральной Европы свидетельствует оформление нижней части наверхи городецкой находки в виде гравированной рубашки. Этот технический элемент, судя по всему, как и оформление тульи гранями, становится визитной карточкой нюрнбергских бронников начиная с XV в. Он присутствует на большинстве шлемов типа бургиньот произведённых в г. Нюрнберг, а также на шишаках, изготавливаемых местными мастерами для восточноевропейского рынка, и хорошо прослеживается вплоть до XVII в. (рис. 8: 1–2).

По нашему мнению определение «шеломы немецкие», упоминающееся в Краткой редакции «Задонщины» среди вооружения русского войска³⁴, обозначают именно глубокие цилиндрические шлемы типа городецкой и белокалитвенской находок. Хотя ранее и было высказано мнение, что под ними нужно понимать боевые наголовья с дополнительным защитным

³¹ *Badowska K., Wasiaak W.* Ubiory Ludwika II legnicko-brzeskiego i jego żony, Elżbiety z Hohenzollernów // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Archaeologica. № 30. Łódź, 2015. S. 231.

³² *Николаев А.В., Петрухин И.Н.* К вопросу о боевых наголовьях пехоты Священной Римской Империи в первой трети XVI в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2017 года. Часть III. СПб., 2017. С. 355–360.

³³ *Lund K.B.* Sagatid-Nutid. København, 2018. S. 43–49.

³⁴ *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб, 2006. С. 442.

элементом в виде полей типа айзенхут/шапель/капеллина³⁵, но для таких выводов нет никаких оснований, за исключением предположения, что шлем этого типа изображён на печати некоего Ивана Еремьинича³⁶, оттиск которой сохранился на мирном договоре 1372 г. между Великим Новгородом и тверским князем Михаилом Александровичем³⁷.

В отношении датировки обоих шлемов, нам может помочь сама конструкция навершия городецкой находки. Дело в том, что навершия с внешним креплением на тулье не встречаются в Восточной Европе позднее рубежа XIV–XV вв.³⁸ В то время как навершие на шлеме из округа г. Городец имеет внутреннее крепление, что роднит его с более поздними шлемами. Абсолютно аналогичная конструкция ранее нами была встречена на двух шлемах с антропоморфными забралами из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля³⁹. Здесь мы видим такие же навершия в виде шпильки с фигурно оформленными головками, которые пропускались изнутри тульи через шайбу, а их кончик расклёпывался (рис. 8: 3–5). Нам точно не удалось установить, когда появляется подобный способ крепления, но его массовое распространение мы видим с середины XV в. Примером тому служат так называемые шлемы тюрбанного типа, где используются навершия такой же конструкции (рис. 8: 6–7). Согласно исследованиям американского оружейоведа Дэвид аАлександера (David Alexander), подобный вид боевых наголовий появляется около середины XV в. и получает распространение на Ближнем Востоке, в Малой Азии и на Балканах вплоть до 2-й трети XVI в.⁴⁰

Таким образом, из всего выше сказанного, на основании формы и технологических приёмов шлем из округа г. Городец, и аналогичный ему шлем из г. Белая Калитва, стоит относить ко 2-й трети XV в.

В заключение мы можем резюмировать следующее. Получив представления о типах боевых наголовий, которые бытовали на Руси в XV в.,

и учитывая то, что в конце XIV в. пластинчато-нашивные системы бронирования⁴¹ и элементы защиты конечностей⁴² только начинают массово получать распространение, можно смело констатировать, что в это время не заканчивается максимальное утяжеление древнерусского доспеха, как считалось ранее⁴³, а только начинается.

Дальнейшие исследования в этом направлении, на наш взгляд, покажут, насколько правомерно говорить о резкой смене вооружения русскими воинами в так называемый период *ориентализации*, и был ли вообще этот процесс.

³⁵ Горелик М.В. Куликовская битва 1380: Русский и золотоордынский воины // Цейхгауз: униформа, исторический костюм, награды, оружие, знамёна – военно-исторический журнал. № 1. М., 1991. С. 2.

³⁶ Петров М.И. Военное дело в древнерусской сфрагистике // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 645–646.

³⁷ Бассальго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть II: Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В) // Новгородский исторический сборник. Вып. 12 (22). СПб., 2011. С. 39–40.

³⁸ Панкратов А.Г. Комплекс защитного снаряжения из захоронения кочевника возле с. Бурты. Технологические аспекты и временной период бытования // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года. Ч. II. СПб., 2019. С. 225–229, 233.

³⁹ Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднеисламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля и коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. С. 219, 224.

⁴⁰ Alexander D. Two Aspects of Islamic Arms and Armor // Metropolitan Museum Journal. Vol. 18. New York, 1983. P. 99–103.

⁴¹ Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. К вопросу о периоде бытования клёпано-нашивных систем бронирования на Руси на примере хронологии Новгорода Великого // Военная археология. Сборник материалов НИЦ «Военная археология». Вып. 7. Москва – Тула, 2022. С. 246–260.

⁴² Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса). С. 748–749.

⁴³ Деуреченский О.В. «Броня» крепка! Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // Родина – российский исторический журнал. № 12 – специальный выпуск: Югре – 75 лет. М., 2005. С. 68.

Рис. 1. Шлем из округи г. Городец, Нижегородская область, до реставрации: 1 – вид шлема спереди; 2 – вид шлема сзади; 3 – вид шлема изнутри; 4 – вид шлема сверху; 5 – навершие шлема со следами гравированной рубашки в нижней части головки шпильки.

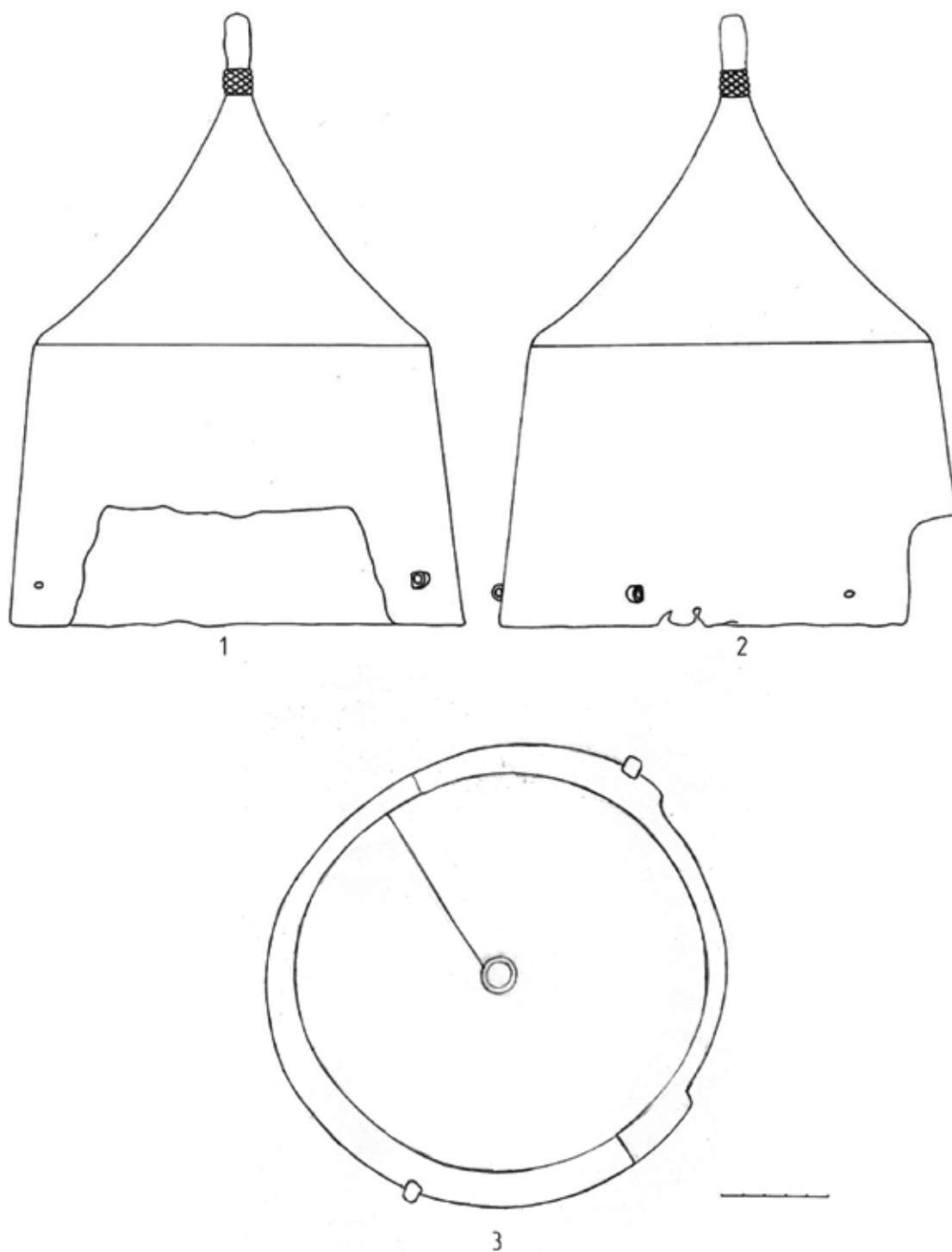

Рис. 2. Чертёж шлема из округи г. Городец, Нижегородская область: 1 – вид шлема спереди; 2 – правый профиль шлема; 3 – вид шлема сверху, показаны швы соединяющие тулью и венец.

1

2

3

Рис. 3. Шлем из округа г. Городец, Нижегородская область, после реставрации: 1 – правый профиль шлема; 2 – вид шлема вполоборота; 3 – вид шлема спереди.

Рис. 4. Шлем из парка г. Белая Калитва, Ростовская обл.: 1 – общий вид шлема с правой стороны; 2 – общий вид шлема с левой стороны; 3 – вид сверху, хорошо видны разный диаметр, рваные и сильно утопленные вовнутрь тулии их края вторичных отверстий и деформация технологического отверстия, вследствие их нанесения; 4 – вид на шов, соединяющий тулью и венец, и на шов, соединяющий венец; 5 – два вторичных отверстия в лицевой части венца.

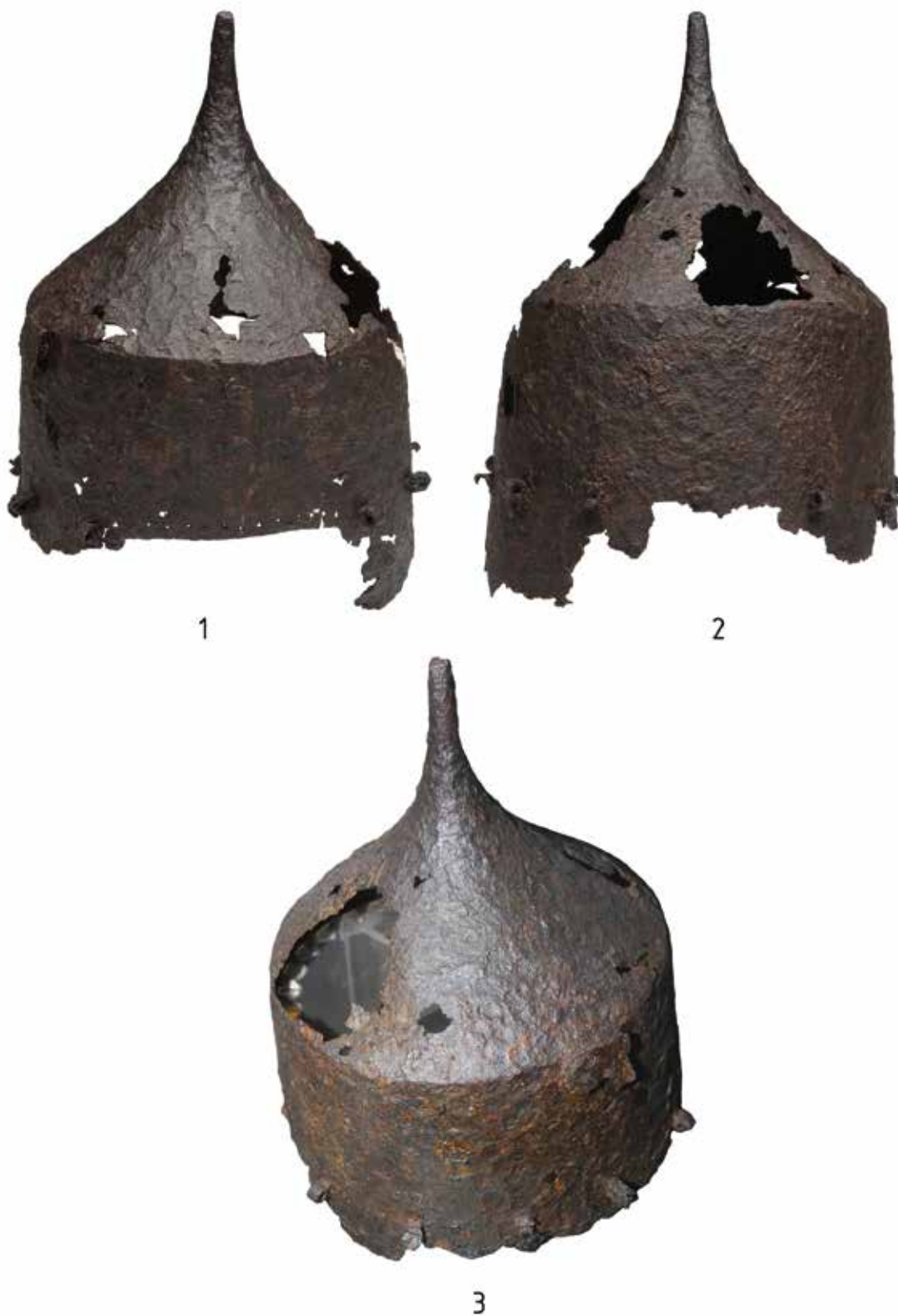

Рис. 5. Шлем из коллекции Muzeum Okręgowе г. Торунь, Польша: 1 – вид шлема спереди; 2 – вид шлема слева; 3 – вид шлема сверху.

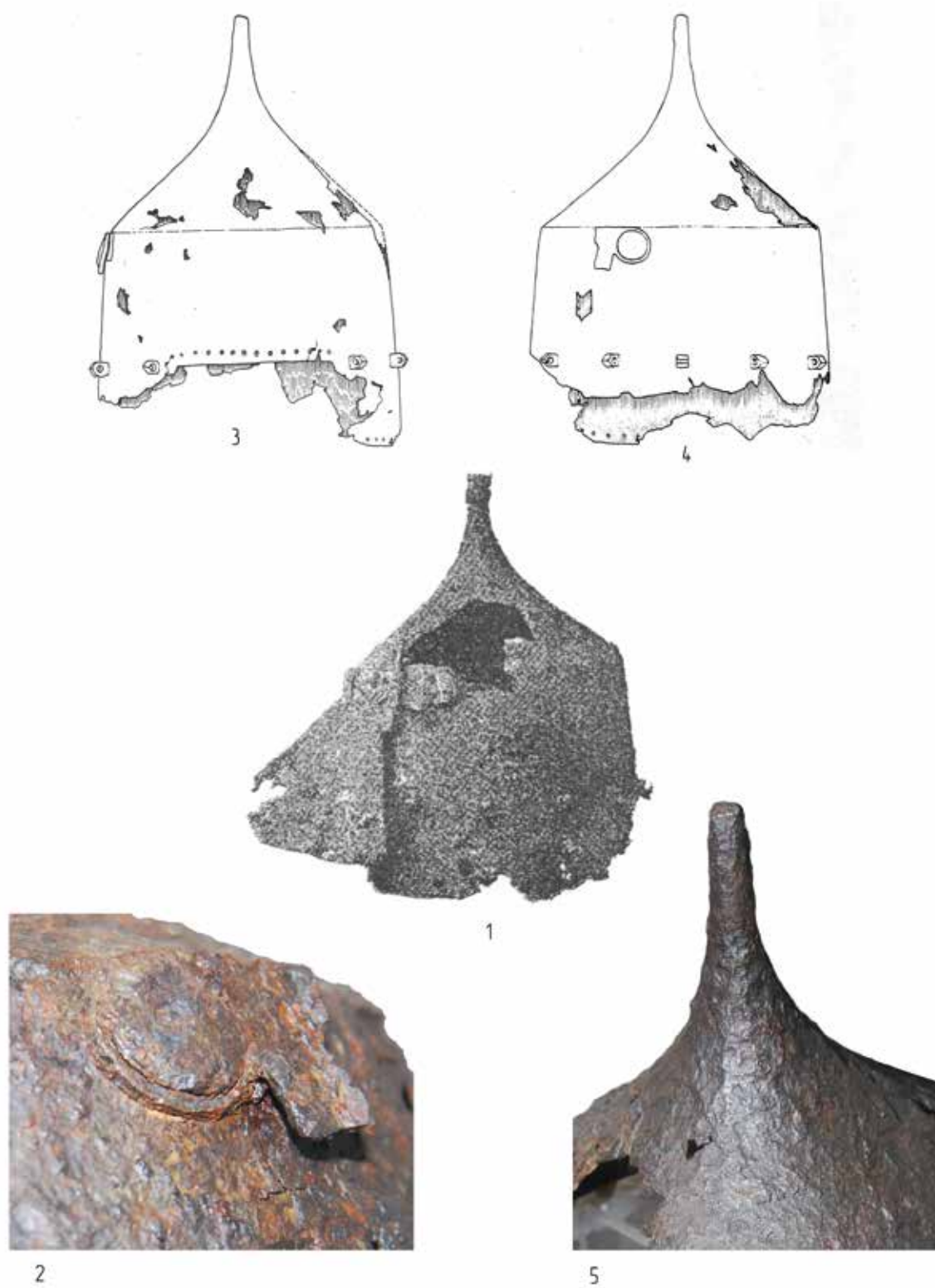

Рис. 6. Шлем из коллекции Muzeum Okręgowе г. Торунь, Польша: 1 – шлем на момент находки; 2 – остатки крепления подвижного козырька на шлеме; 3 – вид шлема спереди; 4 – вид шлема сзади; 5 – наверхнее шлема, хорошо виден разогнанный ковкой сварочный шов.

Рис. 7. Глубокие цилиндроконические шлемы в изобразительных источниках: 1 – фрагмент миниатюры из «Bible Václava IV», написана в г. Прага, между 1390–1400 гг.; 2 – фрагмент картины «Мученичество Св. Урсулы перед городом Кельн», написанной художником Кёльнской школы известным как Мастер «Малых Страстей Христовых», между 1411–1420 гг.; 3 – фрагмент фрески из костёла św. Antoniego Padewskiego в д. Стжельники, Опольское воеводство, польская Силезия, между 1432–1436/1447 гг.; 4–4а – детали миниатюр из «Speculam humane salvacionis», Австрия, между 1400–1450 гг.; 5 – фрагмент миниатюры из норвежской книги «Teiknibók», о. Исландия, между 1450–1475 гг.; 6–6а – детали миниатюр из «La Fleur des histoires» бургундского придворного историографа Жана Мансельи, между 1454–60 гг.

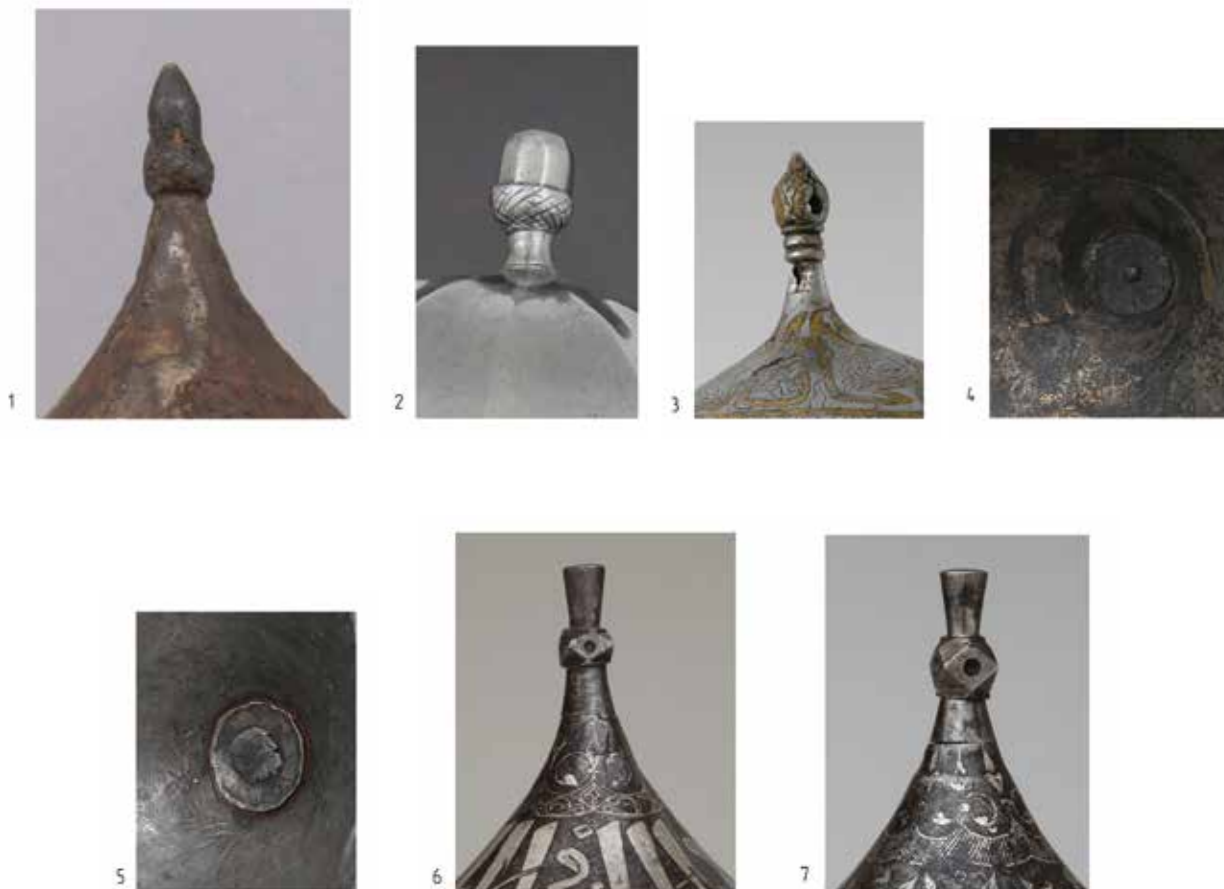

Рис. 8. Навершия, алогичные по конструкции навершию шлема из округи г. Городец: 1 – навершие шишака в восточном стиле, изготовленного в г. Нюрнберг для рынка Восточной Европы, XVI в., коллекция The Metropolitan Museum of Art, г. Нью-Йорк, США, инв. № 36.25.129, хорошо видна гравированная рубашка; 2 – навершие закрытого бургиньота XVII в., изготовленного в г. Нюрнберг, коллекция The Metropolitan Museum of Art, г. Нью-Йорк, США, инв. № 14.25.527, хорошо видна гравированная рубашка; 3 – навершие мусульманского шлема с маской из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля, XV–XVI вв., инв. № 4404, из-за частичной деформации подвершая хорошо видно устройство основного элемента по типу шпильки (по: Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднеисламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля...); 4 – монтажная шайба, с пропущенной сквозь её и раскованной ножкой шпильки, с внутренней стороны мусульманского шлема с маской из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля, XV–XVI вв., инв. № 4404 (по: Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднеисламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля...); 5 – монтажная шайба, с пропущенным сквозь её и раскованной ножкой шпильки, с внутренней стороны мусульманского шлема с маской из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля, XV–XVI вв., инв. № 4405 (по: Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднеисламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля...); 6 – навершие шлема тюрбанного типа, конец XV в., коллекция The Metropolitan Museum of Art, г. Нью-Йорк, США, инв. № 04.3.211, из-за частичного разрушения подвершая хорошо виден основной элемент типа шпильки; 7 – навершие шлема тюрбанного типа, 2-я половина XV в., коллекция The Metropolitan Museum of Art, г. Нью-Йорк, США, инв. № 04.3.212, из-за неплотной подгонки хорошо виден основной элемент типа шпильки.

«КОРДЫ ЛЯЦКИЕ» В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОИНА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.1:623.444.6
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.240-245

© 2022 г. Стрельченко А.В. (Kuno78@yandex.ru),
Научный семинар «Военная археология»,
Институт археологии РАН, Москва, Россия.

© 2022 г. Каменский А.Н. (Kamenskiyan@gmail.com),
Новгородский государственный объединённый
музей-заповедник, Великий Новгород, Россия.

Резюме: *Резюме: В публикации рассматриваются находки с коротким прямым однолезвийным клинком, происходящие из северной части русских земель. Судя по морфологическим признакам, найденные экземпляры представляли одну из разновидностей кордов, которые ранее были известны только по сведениям в литературных памятниках цикла о Донском побоище.*

Ключевые слова: *корд, клинковое оружие, вооружение, Великий Новгород, Вятка.*

**“Kordy Lyatskie” in the armament set of a medieval Russian warrior
based on archeological materials**

© 2022 Strelchenko A.V. (Kuno78@yandex.ru),
Scientific seminar “Military archeology” at the Archeology Institute of
the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

© 2022 Kamenskiy A.N. (Kamenskiyan@gmail.com),
Novgorod State United Museum Reserve, Veliky Novgorod, Russia.

Abstract: *The publication considers finds with a short straight single-blade originating from the northern part of Russian lands. Judging by morphological features, the specimens found represented one of the varieties of "kordy" that were previously known only from the data on the battle of Kulikovo in literary monuments.*

Key words: *kordy, bladed weapons, armament, Veliky Novgorod, Vyatka.*

В памятниках Куликовского цикла среди прочего оружия воинства Дмитрия Донского упоминаются *корды ляцкие*¹. Сорок лет назад ведущий исследователь отечественного вооружения периода Средневековья А.Н. Кирпичников писал, что это неизвестный тип оружия для русского комплекса вооружения XIII – первой половины XIV в.² Между тем, он совершенно верно указал, что под этим определением стоит понимать именно длинные боевые ножи, получившие распространение преимущественно в Центральной Европе³.

В европейском оружейоведении этот вид одностальной оружия продолжительное время (конец XIX – середина XX в.), был известен под названиями *хаусвер* или *бауэрвер* (нем. Hauswehr, Bauerwehr), дословный перевод которых означал «защитник дома» или «защитник крестьянина». По мнению ряда исследователей, такие ножи в качестве оружия самообороны пользовались популярностью у жителей городских и сельских общин на территории Священной Римской империи и швейцарских кантонов на протяжении XV–XVI вв.⁴ Форма клинков хаусверов варьировалась, а общая длина оружия колебалась от 250 до 750–800 мм⁵. Помимо размеров, отличительными маркерами были наличие на хвостовике рядом с пятой клинка либо *больстера*, либо *нагеля*⁶. Нередко обе детали встречались вместе⁷.

В последние десятилетия этот вид клинкового оружия стал объектом более пристального

внимания со стороны исследователей, в первую очередь польских и чешских. В результате проделанной работы было выявлено и аргументировано доказано, что в письменных свидетельствах такие длинные ножи имели разные названия, в том числе *корд*⁸. Последнее получает распространение в ряде славянских языков. Кроме терминологического аспекта были широко освещены вопросы по систематизации и типологизации, генезису и хронологии⁹, также затронуты проблематика производства и технологических особенностей данных ножей¹⁰.

Относительно недавно было установлено, что подобное оружие, географически не ограничивалось только территорией Центральной Европы. Так корды встречались в русских землях, включенных в состав Польского королевства¹¹. Более того, и остальная Восточная Европа не была исключением в этом плане. В последние годы находки кордов стали известны в Ливонском Ордене¹² и землях Великого княжества Литовского¹³. А локальными разновидностями «хаусверов» вооружались даже в Золотой Орде¹⁴. Вместе с тем об использовании подобного оружия на Руси мы судили только лишь по отмеченному выше письменному свидетельству. Однако работа с археологическими коллекциями прошлых лет, позволила нам выявить ряд находок подобного оружия среди древнерусского материала. Введению в научный оборот этих находок, ранее не публиковавшихся, и посвящена данная работа.

¹ Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 74.

² Кирпичников А.Н. Куликовская битва. С. 79.

³ Кирпичников А.Н. Куликовская битва. С. 79–80.

⁴ Boehm W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890. S. 258–259; Wegeli R. Inventar des Waffensammlung des Bernischen Historischen Museums in Bern. Band II. Schwerter und Dolche. Bern, 1929. S. 261–262; Seitz H. Blankwaffen. Band I. Braunschweig, 1965. S. 217, 220; Muller H., Kolling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen. Berlin, 1981. S. 80; Круликевич Т. История холодного оружия: корды, кинжалы, ножи, штыки. Ростов-на-Дону, 2010. С. 25–26.

⁵ Seitz H. Blankwaffen. S. 217; Muller H., Kolling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen. S. 80; Кирпичников А.Н. Куликовская битва. С. 79–80.

⁶ *Больстер* – деталь прибора ножа. Устанавливается у пяты клинка ножа перпендикулярно рукояти. Предназначен для защиты кисти руки от соскальзывания на клинок и предотвращения повреждений рукояти при соскальзывании последней на что-либо твердое.

Нагель (нем. Nagel) – деталь прибора корда. Представлял собой разный по форме небольшой выступ. Устанавливался сбоку хвостовика у пяты клинка. Предназначен для защиты кисти руки от соскальзывания на клинок.

⁷ Schneider H. Waffen im Schweizerischen Landesmuseum. S. 266.

⁸ Michalak A. Kord czy nóż bojowy? Uwagi o recepcji pewnej kategorii uzbrojenia plebejskiego na ziemiach polskich na marginesie znaleziska z Żar // Biblioteka Archeologii Środkowego Nadodrza, t. 2, Zielona Góra, 2004. S. 332–346; Marek L. Broń biała na Śląsku. XIV–XVI wiek. Wrocław, 2008. S. 45–65; Круликевич Т. История холодного оружия: корды, кинжалы, ножи, штыки. С. 21–25; Žakovský P. Tesáky a problematika jednosečných zbraní středověku a raného novověku. (Dussacks and issue of single-edged weapons of Medieval and Early Modern Age). Dizertacní práce. Brno, 2014. S. 14, 18–23, 29–30.

⁹ Gajda P. Kordy i tasaki w zbiorach polskich (z okresu średniowiecza i początków XVI wieku), (mps mgr w Instytucie Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego). Łódź, 1986; Celuch S. Średniowieczne kordy i tasaki z ziem Polski (mps mgr w Instytucie Archeologii Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu). Toruń, 2000; Marek L. Broń biała na Śląsku. S. 45–65; Jukl J.J. Pozdně středověké tesáky v českých zemích. Zhodnocení publikovaných nálezů. Říčany, 2009; Žakovský P. Tesáky a problematika jednosečných zbraní středověku a raného novověku.

¹⁰ Žakovský P., Hošek J., Bárta P. Dussacks with broad blades and a probable method of their manufacturing // Weapons bring peace? Warfare in medieval and early modern Europe. Wratislavia antiqua T. 18. Wrocław, 2013. S. 105–136.

¹¹ Liwoch R. Kord z Iwachnowiec na Podolu // Acta Militaria Mediaevalia. tom IX. Kraków – Rzeszów – Sanok, 2013. S. 241–242.; Сичевський С.В., Безкровайна Ю.Г., Прокопенко В.М. Корди – пізнiosередньовічна холодна зброя з нових надходжень Національного музею історії України // Історія давньої зброї. Дослідження 2016. Т. II. Київ, 2017. С. 125–133.

¹² Brūzis R. Tuvēņas ieroči Latvijā 14.–16. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2016. S. 93–100, 171–175.

¹³ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск. 2002. С. 118–122; Bugys P. XIV–XV a. ilgieji kovos peiliai (kardokšniai) Vilniaus Žemutinėje pilyje. // Istorija: Lietuvos aukstuju mokyklu mokslo darbai. 85 tomas. Vilnius, 2012. S. 3–9.

¹⁴ Кулешов Ю.А. Ничепорук А.А. Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 182–198.

Первая такая находка происходит из Великого Новгорода (инв. № НГМ КП 37259/1462 А-95/1462). Она представляет собой фрагмент общей длиной 346 мм с полностью сохранившимся клинком и незначительной частью хвостовика, на котором сохранился bolster (рис. 1).

Клинок железный, однолезвийный, его длина 333 мм, ширина у ограничителя составляет 46 мм, у острия – 8 мм. Он имеет вид сильно вытянутого треугольника с клиновидным сечением. Вдоль спинки клинка с каждой стороны проходит узкий дол длиной около 260 мм и шириной около 4 мм.

Bolster сложнопрофильной формы. Изготовлен из металла желтого цвета.

Принимая во внимание тот факт, что клинок довольно длинный и массивный, на сохранившуюся рукоять приходилось не менее 90–100 мм, а вполне возможно и больше. Таким образом, все оружие имело длину более 420 мм.

В виду того, что информация об обстоятельствах обнаружения отсутствует, определение хронологических рамок возможно только при сопоставлении новгородской находки с атрибутивными аналогиями, происходящими из других европейских регионов. Наиболее показательным на предмет кордов регионом, как мы указали выше, является Центральная Европа. В процессе изучения центрально-европейского материала было выявлено несколько аналогий, где именно клинок наиболее близок рассматриваемому фрагменту.

Два экземпляра с подобными клинками были найдены в ходе археологических исследований на западе Польши, обе находки датируются XV в.¹⁵

Ещё восемь экземпляров, весьма близких формой клинка, происходят из разных мест исторической Моравии (совр. Чешская Республика). Все они происходят из разных мест исторической Моравии. Чешский оружейвед Петр Жаковский (Petr Žákovský), изучивший данные корды полагает, что их следует датировать в пределах всего XV в.¹⁶

В фондах оружия и доспехов Музея Немецкой истории (Берлин) хранятся ещё два аналогичных экземпляра. Специалистами музея они датируются XV – началом XVI в.¹⁷

Таким образом, вышеприведённые аналогии дают возможность полагать, что новгородский

экземпляр относился к одной из самых распространённых групп такого оружия – корды с ножевидным клинком и простой рукоятью. Они бытовали в основном на протяжении XV – начала XVI в.

Из материалов Великого Новгорода происходит ещё одна находка, общая длина которой составляет 251 мм (инв. № НГМ КП 37259/248 А-95/248). В отличие от первой она сохранилась значительно лучше и на ней уцелели детали из органических материалов (рис. 2).

Клинок имеет ряд утрат, в том числе отсутствует кончик клинка. Длина сохранившейся части составляет 137 мм, ширина у рукояти около 26 мм, у слома – около 10 мм. Обух клинка, вероятно, по всей длине был прямым. Лезвие сначала почти параллельное обуху, примерно в нижней трети начинает плавное сужение, в результате чего образовывало острие, которое, скорее всего, было выраженным. Форма сечения клинка клиновидное.

Хвостовик плоский, несколько расширяется кверху. Его длина 114 мм, и он имеет незначительный наклон в сторону лезвия. Верх хвостовика завершается навершием в виде выгнутой узкой металлической пластины полуовальной формы. Как отмечалось, на рассматриваемом экземпляре сохранились органические детали – костяные обкладки рукояти. Они закреплены на хвостовике при помощи цилиндрических заклепок. Обкладки украшены циркульным орнаментом, выполненным в технике всечки цветного металла в кость. На одной из плоских сторон рукояти, почти рядом с пятой клинка, под прямым углом установлен железный выступ в виде цилиндра, крепление которого проходит сквозь костяные накладки и хвостовик. Его длина 14 мм, толщина 7,4 мм.

В отличие от первой находки, здесь мы имеем археологический контекст. Данный нож обнаружили в ходе работ на Неревском раскопе в 1956 г., при изучении комплекса усадьбы «Е/Е1». Усадьба располагалась на перекрёстке Великой и Кузьмодемьянской улиц напротив знаменитой усадьбы «Д», которую исследователи связывают с именами новгородских бояр из рода Онциферовичей¹⁸. Находка залегала на глубине пласта 9 в квадрате 1407. На данном участке раскопа этому пласту соответствуют 2/3 ярусы мостовых, которые функционировали с 1429 по 1462 г.¹⁹ Таким образом, нашу находку

¹⁵ Imiölczyk E., Kawka W. *Ślężacy pod Grunwaldem: rekonstrukcje przeszłości*. Katalog wystawy. Bytom, 2017. S. 32. Nr. 8, 10.

¹⁶ Žákovský P. *Tesáky a problematika jednosečných zbraní středověku a raného novověku*: Katalog. S. 4–5. Nr. 3a; S. 8. Nr. 7; S. 11–12. Nr. 13; S. 30–31. Nr. 44; S. 35–36. Nr. 49; S. 42–43. Nr. 56; S. 110. Nr. 154; S. 178. Nr. 257.

¹⁷ Muller H., Kolling H. *Europäische Hieb- und Stichwaffen*. S. 233, 384–385. Nr. 186, 187.

¹⁸ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 123). Т. 4. М., 1963. С. 152.

¹⁹ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // СА. 1962. № 1. С. 137.

можно датировать довольно узким временным отрезком – вторая четверть – середина XV в.

Среди центрально-европейского материала было выявлено три экземпляра, имеющих определенное сходство. Они происходят с территории современной Чешской республики. Петр Жаковский датирует их XV в.²⁰ Четвертая аналогия была найдена рядом с населенным пунктом Вишки (латв. Višķu), расположенном на юго-востоке Латвии. По мнению латвийского археолога и оружиеведа Рудольфа Брузиса (Rūdolfs Brūzis) находка относится к середине – второй половине XIV в.²¹ Таким образом, аналогии в целом подтверждают указанную датировку.

Третья находка (рис. 3), рассматриваемая нами, происходит из исторического Вятского края. Экспедицией под руководством Л.Д. Макарова, был обнаружен фрагмент железного ножа, который представлял собой хвостовик рукояти и чуть более половины клинка²². Общая длина находки составляет 191 мм.

Хвостовик рукояти плоский, длиной 90,6 мм. Верхняя его часть расширена и немного изогнута в сторону лезвия. Завершается хвостовик навершием в виде выгнутой пластины овальной формы. Также на нём прослеживаются два сквозных отверстия небольшого диаметра – одно расположено сверху, другое – в середине. Оба предназначались для заклепок, фиксировавших обкладку рукояти. Ближе к пяте клинка на одной из сторон хвостовика, прослеживается едва заметный выступ. Он большего диаметра, чем расположенные выше отверстия и несет следы утраты. По нашему мнению, это часть не сохранившейся детали рукояти – нагеля.

Как уже отмечалось, клинок вятской находки дошел сильно фрагментированным. Длина сохранившейся части составляет 100,4 мм. Со стороны лезвия сохранилось около трети, а со стороны обуха – чуть более половины боевой части полосы. Поэтому составить представление о её внешнем виде довольно сложно. Можно отметить только, что клинок, клиновидный в сечении, имел по всей длине ровные голомени, переходящие в лезвие²³.

Данный экземпляр был найден при проведении полевых археологических исследований на Подчуршинском городище (совр. пос. Первомайский Кировской области), в 1988 г. Предмет обнаружили на глубине 90 см (яма 1, участок О/4), в древнерусском слое XIII–XIV вв.²⁴ Автор находки датирует её довольно широкими временными рамками – XIII–XV вв.²⁵ Но здесь имеются две особенности которые, на наш взгляд, позволяют скорректировать датировку.

Первая особенность – это навершие в виде продольной изогнутой пластинки. По наблюдению Петра Жаковского, обстоятельно изучившего данную категорию однолезвийного клинкового оружия, подобные пластинчатые навершия начинают встречаться с рубежа XIII–XIV вв., но первоначально они были прямыми²⁶. Изогнутые же варианты появляются не ранее конца XIV в., и большую популярность получают на протяжении XV – начале XVI в.²⁷ Вторая особенность – незначительный изгиб хвостовика в сторону лезвия. Среди вещественных источников было выявлено три экземпляра, где данная часть подобную особенность. Все они происходят из Швейцарии. Два из них датируются XV в.²⁸, третий – рубежом XV–XVI вв.²⁹ Таким образом, особенности указывают на то, что вятская находка, вероятнее всего, относится к концу XIV–XV вв.

Таким образом, рассмотренные находки наглядно иллюстрируют письменное свидетельство о наличии кордов в комплексе вооружения Средневековой Руси. Судя по датировкам, подобное оружие здесь начинает встречаться практически одновременно с сопредельными территориями (Великое княжество Литовское, Ливонский Орден) в конце XIV – начале XV в. Но из-за малочисленности находок довольно сложно судить и о популярности, и о развитии данного вида в обозначенном регионе. Поэтому только дальнейшее изучение археологических коллекций, и вновь поступающего материала, позволит ответить на вопросы, связанные с кордами в Восточной Европе в целом и на землях Северной Руси в частности³⁰.

²⁰ Žákovský P. Tesáky a problematika jednosečných zbraní středověku a raného novověku. Katalog. S. 40–41. Nr. 54; S. 148. Nr. 211; S. 174. Nr. 251.

²¹ Brūzis R. Tuvciņas ieroči Latvijā 14.–16. gadsimtā. S. 107–108, 141. Nr. 31, 272, Tabula I.VI, 20.

²² Макаров Л.Д. Окрестности п. Первомайского в древности / Серкин С. Баллада о Чуршинском городище. Киров, 1995. С. 39, 60. Рис. 13: 18.

²³ Голомень – боковая плоскость клинка.

²⁴ Макаров Л.Д. Окрестности п. Первомайского в древности. С. 57. Рис. 10. № 26.

²⁵ Макаров Л.Д. Окрестности п. Первомайского в древности. С. 39.

²⁶ Žákovský P. Tesáky a problematika jednosečných zbraní středověku a raného novověku. S. 331. Obr. 288.

²⁷ Žákovský P. Tesáky a problematika jednosečných zbraní středověku a raného novověku. S. 284–287.

²⁸ Wegeli R. Inventar des Waffensammlung des Bernischen Historischen Museums in Bern. S. 267–269. Fig. 247. Nr. 1015, 1024.

²⁹ Schneider H. Waffen im Schweizerischen Landesmuseum. S. 271. Nr. 567.

³⁰ Пользуясь случаем, хочется выразить большую благодарность следующим людям в подготовке публикации:

- за предоставленный материал: сотрудников МБУК «Слободской музейно-выставочный центр» Т.М. Долматову, С. Лукину;

- за консультации и помощь в подготовке публикации: Л.Д. Макарова, Ю.А. Кулешова.

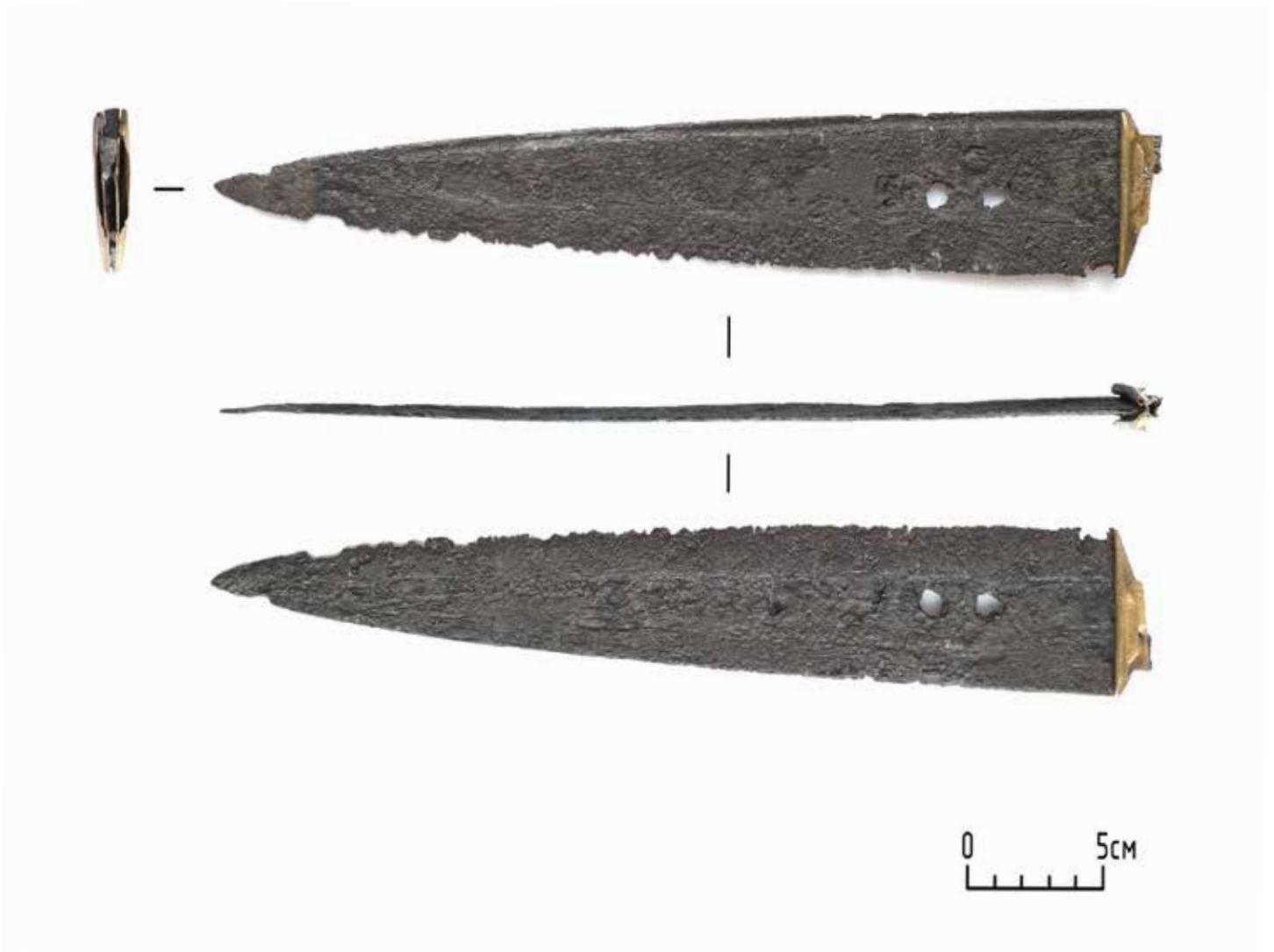

Рис. 1. Фрагмент корда из раскопок в Великом Новгороде.

Рис. 2. Корд из Неревского раскопа в Великом Новгороде.

Рис. 3. Корд из раскопок на Подчуршинском городище (совр. пос. Первомайский Кировской области).

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ КЛЁПАНО-НАШИВНЫХ СИСТЕМ БРОНИРОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ХРОНОЛОГИИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

УДК 902.1:623.445.1
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.246-260

© 2022 г. Кулешов Ю.А. (yurah1@mail.ru),
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тула, Россия.
© 2022 г. Каменский А.Н. (kamenskiyan@gmail.com),

Новгородский Государственный объединённый музей-заповедник, Великий Новгород, Россия.

Резюме: Данная работа является частью дискуссии, развернувшейся в последние несколько лет с участием многих специалистов на страницах научных изданий и специализированных интернет-площадках, о том на сколько военное дело Древней Руси было подвержено процессам ориентализации в XIV–XVI вв.

В своё исследование авторы на археологическом материале, полученном в ходе раскопок Великого Новгорода, попытались проследить появление и начало распространения клёпано-нашивной системы бронирования, которая по своим характеристикам является наилучшим показателем утяжеления доспеха. Выбор памятника для исследования был обусловлено тем, что, во-первых, эпизоды находок клёпано-нашивных панцирных пластин здесь носят систематический характер. А, во-вторых, данный памятник имеет наиболее точную и дробную хронологическую шкалу для всей территории Древней Руси. Проанализировав 27 эпизодов находок фрагментов клёпано-нашивного доспеха, авторы получили следующий результат. Появление подобного доспеха на Руси стоит относить к 40-м гг. XIV в. Все более ранние указания о том, что этот тип доспеха появляется здесь в XIII в., явно ошибочны. Началом распространения нового вида доспеха стоит считать 70-е гг. XIV в.

Таким образом, господствующее ранее мнение о максимальном утяжелении русского доспеха к началу Эпохи Куликовской битвы не соответствует действительности. Как показал представленный археологический материал, в начале указанной эпохи процессы утяжеления русского комплекса вооружения только начинаются.

Ключевые слова: Древняя Русь, Великий Новгород, военное дело, доспех.

On the question of the appearance and the distribution of the plate riveted-sewn-on armory system with the example of the chronology of Veliky Novgorod.

© 2022 Kuleshov Yu.A. (yurah1@mail.ru),
The State museum of Military History
and Natural Reserve “Kulikovo Field”, Tula, Russia.
© 2022 Kamenskiy A.N. (kamenskiyan@gmail.com),
Novgorod State United Museum Reserve, Veliky Novgorod, Russia.

Abstract: This work is a part of the discussion about how much the Military Affairs of Ancient Rus' are subjected to the orientalizing process in 14th–16th centuries that unfolded on the pages of scientific publications and specialized internet platforms during the last several years with the participation of many specialists. In their research the authors by using archeological material from Veliky Novgorod tried to find out the appearance and the beginning of the distribution of the plates riveted-sewn-on armor system that according to its characteristics is the best indicator for the armor's increased weight. The choice of the archeological monument is based on two factors. Firstly, the riveted-sewn-on armor plates are found there systematically. Secondly, this archeological monument has the most exact and fractional chronological scale for the all territories of Ancient Rus'. After having analyzed 27 riveted-sewn-on armor plates fragments finds the authors have come to following results: the upcoming of that armor type should be attributed to the 40s of the 14th century. All the earlier points that this armor type appeared on that territory in the 13th century are clearly wrong. The beginning of the new armor type proliferation should be considered the 70s of the 14th century.

So the formerly prevailing opinion that the maximum weight of the Russian armor appeared during the Kulikovo battle is not true. The provided archeological material has shown that in the beginning of the Kulikovo battle epoch the process of the Russian armor complex weight-power increasing has just started.

Key words: Ancient Rus', Veliky Novgorod, military Affairs, Armor.

В 1959 г. А.Ф. Медведевым среди археологического материала была выделена категория находок фрагментов пластинчатых панцирей, входивших в комплекс вооружения древнерусского воина. Одним из выделенных типов оказалась клёпано-нашивная система бронирования¹. Чуть позднее один из наиболее заслуженных отечественных оружейников, А.Н. Кирпичников, обобщив имеющийся на тот момент материал, датировал клёпано-нашивную систему бронирования 2-й половиной XIII–XV вв.² В свою очередь, ученик и последователь уважаемого мэтра, О.В. Дзуреченский, скорректировал верхнюю границу её бытования в пределах середины XV в., а пик распространения отнёс к периоду Куликовской битвы³. Но не так давно Ю.А. Кулешов, один из авторов настоящей работы, проанализировав письменные свидетельства, высказал предположение, что клёпано-нашивная система бронирования в отечественной историографии имеет существенно заниженную датировку⁴. К сожалению, по независящим от автора причинам, в его статью не вошла археологическая часть. Но буквально вслед за работой Ю.А. Кулешова вышла статья известного псковского исследователя С.А. Салмина, где он обобщил находки клёпано-нашивных панцирных пластин с Окольного города Пскова. На имеющемся материале автор, в отношении верхней границы бытования этой системы бронирования, пришёл к аналогичным с Ю.А. Кулешовым выводам и сместил её к 1-й половине XVII в.⁵ В след за этим вышла публикация материалов из раскопок середины 2000-х гг. на территории Московского Кремля, в которой было приведено несколько десятков клёпано-нашивных панцирных пластин, обнаруженных в ходе исследования Боровицкого холма. Самые ранние из них отнесены к рубежу XIV–XV вв., а самые поздние к 1-м десятилетиям XVI в.⁶ Одновременно с этим, в ходе исследования группы поселений на Рязано-Ордынско-Литовском пограничье, в Тульской области, была получена серия находок

интересующего нас типа пластин. Все они на основе нумизматического материала, надёжно датируются первыми десятилетиями XV в.⁷ Более того, недавно, А.Г. Панкратов, проанализировав находки пластин интересующего нас типа бронирования последних лет, пришёл к выводу, что клёпано-нашивные панцирные наборы стоит датировать не ранее 2-й половины XIV в.⁸

Таким образом, целью данного исследования является попытка уточнить нижнюю границу появления клёпано-нашивных систем бронирования и выявить наивысший пик её распространения. В качестве основы мы взяли материал, полученный в ходе раскопок Великого Новгорода. Это обусловлено тем, что, во-первых, эпизоды находок клёпано-нашивных панцирных пластин здесь носят систематический характер. А, во-вторых, данный памятник имеет наиболее точную и дробную хронологическую шкалу. При этом ранее указанное исследование А.Ф. Медведева было построено ещё до внедрения методов дендрохронологического датирования⁹. А именно оно является эталонным для большинства исследователей при атрибуции аналогичного материала. Более того, выстроенная впоследствии хронологическая шкала сегодня подвергаются серьёзному пересмотру¹⁰. И, в-третьих, местная хронологическая специфика такова, что здесь слабо уловимы археологические слои начиная со 2-й половины XV в., что в нашем случае исключает попадание более позднего материала в ранние слои, и позволяет достаточно точно, без допущений, проследить нижнюю границу и выявить начало пика распространения клёпано-нашивных систем бронирования.

В процессе изучения археологической коллекции Великого Новгорода нами было выявлено 27 эпизодов обнаружения фрагментов клёпано-нашивной системы бронирования – в общей сложности 73 пластины. Из них для работы нами было отобрано только 23 эпизода, которые соответствуют №№ 6–27 по каталогу. Дело в том, что для №№ 1–3 по каталогу, в связи

¹ *Медведев А.Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. 1959. № 2. М. С. 119–134.

² *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 35.

³ *Дзуреченский О.В.* «Броня» крепка! Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // Родина. Российский исторический журнал. № 12. Специальный выпуск: Югре – 75 лет. М., 2005. С. 68.

⁴ *Кулешов Ю.А.* К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса) // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 740–766.

⁵ *Салмин С.А.* Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок псковского окольного города // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 301–302.

⁶ *Курмановский В.С., Панова Т.Д.* Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор) // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 4. М., 2018. С. 210–212.

⁷ *Столяров Е.В., Петров Ю.Ю.* Находки предметов вооружения и амуниции второй половины XIV – начала XV вв. с археологического Комплекса у д. Малая Стрекаловка // Вестник Брянского государственного университета. 2018 (1). С. 131–135.

⁸ *Панкратов А.Г.* Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвящённый 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб, 2019. С. 312–314.

⁹ *Колчин Б.А.* Дендрохронология Новгорода // СА. 1962. № 1. М. С. 113–139.

¹⁰ *Тарабардина О.А.* Ярославово дворище в свете данных дендрохронологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород, 2015. С. 33–44.

с разными обстоятельствами не представляется возможным установить дату (рис. 1: 1–3). В первых двух случаях нами выявлены проблемы с сохранностью и достоверностью паспортных данных. Пластина № 3 была найдена на участке Рогатицкого-I раскопа, где средневековые напластования «были нарушены прокладкой позднейших водоотводных сооружений и строительством гражданского здания»¹¹, что делает невозможным датировать находку с использованием стратиграфического метода. Что касается №№ 4–5 по каталогу, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Оба номера опубликованы А.Ф. Медведевым, как доспехи №№ 5 и 6, каждый из которых представлен всего одной пластиной¹². Обе находки происходят с Неревского раскопа. Пластина доспеха № 5 (№ 4 в нашем каталоге) была извлечена из слоёв, относящихся к 12–13 ярусам (пласт 16, квадрат 1006, усадьба «Б»), датируемых по уточнённой хронологии ярусов Неревского раскопа 2-й половиной XIII в. Пластина от доспеха № 6 (№ 5 в нашем каталоге) обнаружена в слоях 11–12 ярусов (пласт 20, квадрат 719, усадьба «З»), которые по уточнённой хронологии датируются 80-ми гг. XIV – рубежом XIII–XIV в. К сожалению, многолетний поиск этих пластин в фондах нескольких музеев не увенчался успехом, и о существовании этих пластин мы знаем только на основании публикаций А.Ф. Медведева. Более того, есть все основания полагать, что они могут быть перемещёнными. В этой связи стоит обратить внимание на то, что квадраты, на которых найдены пластины, располагались вплотную к стенкам раскопов. В первом случае к северной стене Неревского XIV раскопа – квадрат 1006, а во втором, к восточной стене Неревского IX раскопа – квадрат 719. Случаи стратиграфического перемещения археологических находок, обнаруженных на участках вблизи стенок раскопа, не являются редкостью¹³. Основной причиной перемещения находок из верхних слоёв в нижние являются осыпи стенок раскопа¹⁴. Использование датировок таких находок требует придельной осторожности.

Отобранные нами 23 эпизода обнаружения пластин доспеха относятся к периоду с 1-ой четверти XIV в. по 30–40-е гг. XV в.

Самые ранние находки, имеющие надёжную датировку, относятся к 1-й половине XIV в. Прежде всего это пластина № 6 по каталогу (рис. 1: 4), обнаруженная на Ильинском раскопе в 15-м пласте квадрата 73. Этот пласт относится к 12 строительному горизонту раскопа, который формировался во временном промежутке между пожарами 1311 и 1340 гг.¹⁵ При этом сама пластина происходит из слоя, который стратиграфически ближе к верхней границе строительного горизонта. Однако следует отметить, что уверенность в правильной датировке этой находки может подорвать тот факт, что квадрат 73 расположен у северной стенки раскопа. Как отмечалось ранее, находки вдоль стенок раскопа в некоторых случаях могут быть перемещёнными.

Ещё две пластины, № 7 и № 8, могут относиться как к 1-й половине XIV в., так и к первым десятилетиям 2-й половины XIV в., т. к. у обоих верхняя дата 60-е гг. этого столетия. Пластина № 7 (рис. 1: 5) имеет довольно широкую датировку: 10-е – 60-е гг. XIV в., т. к. была найдена на Неревском раскопе в 10 пласте квадрата 1890, который, вероятнее всего, на данном участке раскопа соотносится с 9 или 10 ярусами мостовых. Мостовая 10 яруса строилась приблизительно в 1313 г., а в 1340 г. была перекрыта мостовой 9 яруса, которая в свою очередь функционировала до конца 1360-х гг.¹⁶ Пластина № 8 (рис. 2: 1) была найдена на Михайловском раскопе на глубине 17-го пласта в квадрате 81, что соотносится со строительным периодом 6, объединяющим 9–7 ярусы. Дендрохронологические даты соответствующих настилов мостовой Михайловой улицы – 1343, 1352 и 1356 гг., перекрытые слоем пожара 1369 г.¹⁷ Соответственно, пластину № 8 можно датировать 40–60-ми гг. XIV в.

Следующие девять эпизодов, №№ 9–13 по каталогу, относятся непосредственно ко 2-й половине XIV в.

Пластина № 9 (рис. 2: 2) найдена в 1968 г. на Тихвинском раскопе в квадрате 33 на глубине 12 пласта, соотносимого с 4 и 5 ярусами 4-го строительного периода, сформировавшегося в период с 1340-х по 1382 г.¹⁸ На уровне этого пласта также был расчищен сруб 4, датированный при помощи дендрохронологического анализа 1372 г.¹⁹ Таким образом, пластину можно

¹¹ Хорошев А.С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 192.

¹² Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 178.

¹³ Петров М.И. Обувные шипы из новгородских раскопок // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 174–175.

¹⁴ Пользуясь случаем авторы хотели бы поблагодарить с.н.с. НГОМЗ М.И. Петрова, за консультацию.

¹⁵ Колчин Б.А., Черных Н.Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 98.

¹⁶ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода. С. 137.

¹⁷ Колчин Б.А., Хорошев А.С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 158–160.

¹⁸ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). Т. VIII. М., 1986. С. 4.

¹⁹ Янин В.Л. Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 119.

датировать с осторожностью серединой – 3-ю четвертью XIV в. или более уверенно серединой – 2-ой половиной XIV в.

Пластина № 10 (рис. 2: 3) найдена в 1971 г. на Торговом раскопе в 20-м пласте 27-го квадрата. На раскопе не были обнаружены деревянные сооружения, что сказалося на возможности датировать археологические напластования с применением дендрохронологического анализа. Однако для таких раскопов была разработана методика построения хронологии по конфигурации полигонов распространения массовых находок, которые, как выясняется, очень схожи на многих раскопах Новгорода²⁰. По этой методике была определена стратиграфическая дата найденных здесь берестяных грамот. Так, вблизи пластины № 10, но несколько глубже, была обнаружена грамота № 491 (квадрат 21, пласт 22 – на глубине 439 м), датированная серединой – 2 пол. XIV в.²¹ По-видимому, этим же временем можно датировать пластину.

Пластина № 11 (рис. 2: 4) найдена в 2014 г. на Петропавловском раскопе в предматериковых слоях квадрата 24, относящихся к горизонту I, датированному 2-й половиной XIV в.²²

Обломки от нескольких пластин, объединённые в нашем каталоге под № 12 (рис. 2: 5–8), найдены в 1976 г. на Дмитриевском раскопе на уровне 14 пласта в квадрате 87 при изучении усадьбы «А». На территории этой же усадьбы в квадрате 67 и в том же пласте была обнаружена берестяная грамота № 534, изначально датированная 2-ой половиной XIV в.²³, с последующим уточнением предпочтительной даты: не ранее 80-х гг. XIV в.²⁴ Этим же временем – 2 половина XIV в. – датируется найденный рядом (пл. 15, кв. 84) боевой топор-чекан²⁵.

Пластина № 13 (рис. 3: 1) также найдена на Дмитриевском раскопе в 1976 г. на усадьбе «А», но несколько глубже, в 17 пласте квадрата 34. Из этого пласта происходят также берестяные грамоты № 538 (пл. 17, кв. 46) и № 539 (пл. 17, кв. 37), датированные 2-й половиной XIV в.²⁶ По-видимому, к этому же времени относится находка пластины.

Следующие два эпизода, №№ 14–15 по ката-

логу, датируются концом 3-й четверти, у обоих дата 70-е гг. затронутого столетия.

Комплекс пластин № 14 (рис. 3: 2–5; рис. 4: 1–2) был найден в 1955 г. на Неревском раскопе на усадьбе «Д» (яр. 8, пл. 13, кв. 1116). Мостовая 8 яруса строилась в 1369 г. и функционировала до 1382 г.²⁷ А.Ф. Медведев, впервые опубликовавший этот комплекс, указывал, что находка состояла из 47 пластин и, возможно, попала в культурный слой во время пожара 1368 г.²⁸ Сейчас этот комплект разбит на две части, хранящиеся в Новгородском музее-заповеднике и Государственном Эрмитаже. Усадьба «Д» Неревского раскопа, на которой найден доспех, на основании анализа текста, найденных здесь берестяных грамот, связывается с именем боярина Онцифора Лукиничя, выдающегося политического деятеля в истории Великого Новгорода²⁹.

Пластина № 15 (рис. 5: 1) так же найдена в 1955 г. на Неревском раскопе в напластованиях 8 яруса и может быть датирована 70-ми гг. XIV в. К сожалению, большая часть паспорта утрачена, и мы не можем определить связана ли эта находка с комплексом пластин № 14, т. к. нет точной топографической привязки.

Эпизод № 16 по каталогу (рис. 5: 2) относится к рубежу 3–4-й четверти XIV в., т. к. датирован между 70–80 гг. этого столетия. Пластина № 16 из нашего каталога была найдена на Никитинском раскопе в 2003 г. на территории усадьбы «В» и происходит из яруса Д (пл. 23, кв. 128), который датируется 70-ми – началом 80-х гг. XIV в.³⁰

К последней четверти XIV в. относятся эпизоды №№ 17–20 по каталогу. В первом случае пластинка датируется 80–90 гг., две последующие концом указанного века, последняя имеет нижнюю дату 90-е гг. XIV – начало XV в., то есть, она уже заходит в 1-ю четверть следующего века.

Пластина № 17 (рис. 5: 3) найдена на Неревском раскопе в 1957 г. на территории усадьбы «И», на глубине 7 яруса (пл. 10, кв. 1545), который датируется 80-90-ми гг. XIV в.³¹ Ранее эта пластина была опубликована А.Ф. Медведевым

²⁰ Янин В.Л., Колчин Б.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 23.

²¹ Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С.83–86.

²² Перов М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: Петропавловский раскоп // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 129–137.

²³ Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). С. 134.

²⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 630.

²⁵ Торопов С.Е., Торопова Е.В. Боевой топор XIV века из Старой Руссы (Находка 2005 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2006. Вып. 20. С. 136.

²⁶ Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). С. 139–140.

²⁷ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // СА. 1962. № 1. С. 137.

²⁸ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 180. № 10. Рис. 19: 1–2; Рис. 17: 10–14.

²⁹ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4. Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. М., 1963. С. 150.

³⁰ Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 87–91.

³¹ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // СА. 1962. № 1. С. 137.

с более широкой датировкой – вторая половина XIV в.³²

Пластина № 18 (рис. 6: 1) обнаружена в 1972 г. на усадьбе «С» Кировского раскопа (пл. 16, кв. 11). находка залегала на глубине девятого строительного горизонта, сформировавшегося в промежутке между двумя мощнейшими пожарами 1389 и 1399 гг.³³ Соответственно, время попадания пластины в культурный слой относится к последнему десятилетию XIV в.

Пластина № 19 (рис. 5: 4) найдена в ходе археологических работ на Нутном раскопе в 1979 г. на глубине 6/7 яруса мостовой Нутной улицы (пл. 12, кв. 10). Ярус 7 мостился в 1360-х и 1370-х гг. Дерево для самой молодой плахи из этой мостовой было срублено в 1377 г.³⁴ Ярус 6 мостился после пожара 1385 г. и, вероятно, функционировал до пожара 1399 г. Самая молодая плаха сделана из дерева, срубленного в 1390 г.³⁵ На основе имеющихся данных, П.Г. Гайдуков датировал эту пластину концом XIV в.³⁶

Пластина № 20 (рис. 6: 2) найдена в 2002 г. на усадьбе «Б» Никитинского раскопа на глубине яруса 5 (пл. 21, кв. 86), датированного 90-х гг. XIV – нач. XV в.³⁷ Материалы раскопок указывают на то, что усадьба «Б», вероятно, входила в патронимию бояр плотницкого конца. Среди предполагаемых жителей усадьбы могли быть хорошо известные плотницкие бояре Есиф Захарьинич и его сын Василий Есифович Нос, занимавшие в разное время тысяцкие и посаднические посты в Новгороде в 80-х гг. XIV в. – 1-й четв. XV в.³⁸

К 1-й четверти XV в. относятся эпизоды №№ 21–26 по каталогу, при этом, №№ 22–25 укладываются точно в этот временной отрезок – первые два датированы 1410–1420 гг., следующие два – 1420 гг. Эпизоды № 21 и № 26 могут относиться и ко 2-й четверти XV в., т. к. в первом случае пластинка имеет дату рубеж XIV–XV – 30-е гг. XV в., а во втором, 1416 г. – 40-е гг. XV в. И последняя находка, № 27 по каталогу, это две пластинки, видимо, происходящие от одного до-

спеха, относятся ко 2-й четверти XV в., датируются 30–40 гг. XV в.

Пластина № 21 (рис. 6: 5) также обнаружена на Никитинском раскопе в 2002 г. К сожалению, находка была обнаружена при сооружении юго-западного осушительного колодца на глубине 19–20 пластов. Эта глубина соответствует ярусам Б/В усадьбы «В», которые формировались на рубеже XIV–XV вв. – 30-х гг. XV в.³⁹

Пластины №№ 22–23 (рис. 6: 3–4) обнаружены на территории усадьбы «И» Неревского раскопа (пл. 5, кв. 1608 и 1632) на уровне ярусов 4–5, датированных 10–20-ми гг. XV в.⁴⁰

Пластина № 24 (рис. 7: 1) также найдена на усадьбе «И» Неревского раскопа и хронологически она близка предыдущим находкам, т. к. найдена на уровне яруса 4 (пл. 5, кв. 1588), датированного 20-ми гг. XV в.⁴¹

Под № 25 (рис. 7: 2–3) в нашем каталоге помещены две пластины, которые у А.Ф. Медведева были опубликованы в составе комплекса из 6-ти пластин⁴². Остальные четыре пластины нами не обнаружены. Весь комплекс был обнаружен скоплением на территории усадьбы «А» Неревского раскопа. Пластины залегали на уровне 4-го яруса, который, как уже было показано выше, датирован 20-ми гг. XV в.

Пластина № 26 (рис. 7: 4) найдена в 1970 г. на Михайловском раскопе (пл. 9, кв. 44). Глубина залегания этой находки соотносится со слоями 8-го строительного периода, объединяющего сооружения 3–1 ярусов, и имеющего датировку 1416 г. – 40-гг. XV в.⁴³ Интересна социальная характеристика изученного участка. На открытой археологами усадьбе прослеживается комплекс берестяных грамот, связанных с судопроизводством Новгорода, который начал складываться на этой усадьбе с начала XIV в. По мнению авторов раскопа, жителями усадьбы в этот период могли быть представители одной из феодальных прослоек новгородского общества⁴⁴.

Под № 27 (рис. 7: 5–6) объединены две пластины, найденные вблизи мостовой, пролега-

³² Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. С. 131. Рис. 5: 13.

³³ Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 205, 209.

³⁴ Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 17.

³⁵ Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. С. 16–17.

³⁶ Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. С. 92.

³⁷ Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 75.

³⁸ Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. С. 129, 135.

³⁹ Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. С. 93–104.

⁴⁰ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // СА. 1962. № 1. С. 137.

⁴¹ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода. С. 137.

⁴² Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 180, № 15.

⁴³ Колчин Б.А., Хорошев А.С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 164. Стоит отметить, что в публикации верхняя дата этого строительного периода указана как 40-е гг. XVI в., что, судя по всему, следует считать опечаткой. В последующих публикациях верхней хронологической границей раскопа указывается XV в. См.: Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 40. А берестяные грамоты № 464, № 465 и № 467, происходящие из 8-го строительного периода, датированы сер. 10-х – сер. 40-х гг. XV в. См.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. С. 686.

⁴⁴ Колчин Б.А., Хорошев А.С. Михайловский раскоп. С. 167.

ющей между усадьбами «И» и «К» Неревского раскопа (пл. 6, кв. 1231). находка соотнесена с 9 ярусом, датированным 30-40-ми гг. XV в.⁴⁵ Обе пластины опубликованы А.Ф. Медведевым как доспех № 16, который он датировал XV–XVI вв.⁴⁶ Благодаря уточнённой хронологии ярусов мостовых Неревского раскопа, становится очевидно, что датировка этих пластин не выходит за пределы 1-ой половины XV в.

Таким образом, из всего выше приведённого становится очевидным, что наиболее вероятная дата появления клёпано-нашивной системы бронирования в Великом Новгороде это рубеж 40-х гг. XIV в. Все высказанные до этого более ранние датировки в отношении этой системы бронирования в новгородском материале не имеют под собой практически никаких оснований. В тоже время, полученная дата удивительнейшим образом пересекается с ещё одной оружейной инновацией. Недавно одному из авторов данной работы – Ю.А. Кулешову, удалось выявить очень интересную группу боевых наголовий, которая появляется в это же время⁴⁷. Для нас здесь примечательно то, что шлемы этой группы впервые массово начали изготавливаться из листового железа. Не вызывает сомнений, что листовое железо служило сырьём и для пластин рассматриваемой нами системы бронирования. Более того, судя по всему, ряд панцирей были изготовлены не просто из листового железа, а из их обрезков. В этом плане весьма показательна находка с усадьбы Онцифора Лукинича (№ 14 по каталогу), где внутренняя боковина пластин не обработана и, по-видимому, обработка здесь и не предполагалась. Скорее, бронник, собиравший этот панцирь, при выравнивании краёв пластинок рисковал не уложиться в нужные размеры, в тоже время, при собранном наборе, этого дефекта визуально было не видно.

Мы можем предположить, что на рубеже 40-х гг. XIV в. в металлообработке происходит какой-то революционный скачок, который позволил массово получать листовой металл. Это и по-

служило появлению клёпано-нашивных систем бронирования.

Что касается начала массового распространения клёпано-нашивного доспеха то, по полученным выше нами данным, это явно 70-е гг. XIV в. И далее мы видим, как этот тип доспеха начинает равномерно распространяться. Таким образом, становится очевидным, что ранее господствующее мнение о завершении максимального утяжеления древнерусского доспеха к началу эпохи Куликовской битвы⁴⁸, ошибочно. Более того, теперь мы смело можем утверждать, что, наоборот, в это самое время утяжеление отечественного доспеха только начинается.

К сожалению, как уже было указано выше, материалы Великого Новгорода нам не дают возможности проследить динамику развития клёпано-нашивной системы бронирования позднее середины XV в. Между тем, Георгий Перкамот, глава московского посольства ко двору миланского герцога Сфорца в 1486 г., указывает, что во время правления Ивана III на Руси в качестве основного доспеха уже использовали бригадину⁴⁹. И действительно, находки фрагментов бригадин на это время нам известны по раскопкам в Москве и Коломне⁵⁰. Но, в тот же период здесь известны и фрагменты клёпано-нашивного доспеха⁵¹.

Более того, о том, что интересующая нас форма бронирования продолжала использоваться и позднее, вплоть до начала XVII в., свидетельствуют материалы раскопок во Пскове⁵², и сообщения современников. Так, в первом, латинском, варианте «Записок о Московии» Сигизмунд фон Герберштейн, как известно посетивший Русь дважды – в 1517 и 1526 гг., уже в правление следующего князя, Василия III, у «москвитов» упомянуты чешуйчатые кирасы⁵³. О чешуйчатых доспехах русских воинов в самом конце XVI в. нам сообщает и немецкий путешественник Иоганн Вундерар, посетивший г. Псков в 1590 г.⁵⁴ А об изображениях чешуйчатых панцирей у воинов на «Мономаховом троне» – царском месте царя Иоанна Васильевича Грозного в Успенском собо-

⁴⁵ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода. С. 137.

⁴⁶ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 180, № 16.

⁴⁷ Кулешов Ю.А. К проблеме выделения византийских боевых наголовий (на примере одной группы шлемов) // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 5: В честь 90-летия выдающегося отечественного оружейника доктора исторических наук А.Н. Кирпичникова. М., 2019. С. 234.

⁴⁸ Дзуреченский О.В. «Броня» крепка! Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы. С. 68.

⁴⁹ Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса). С. 752.

⁵⁰ Курмановский В.С., Панова Т.Д. Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор). С. 224–226. Рис. 10–12; Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 200–201, № 2–5.

⁵¹ Курмановский В.С., Панова Т.Д. Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор). С. 224–226. Рис. 10–12; Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов. С. 212, № 3/288.

⁵² Салмин С.А. Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок псковского окольного города. С. 301. Рис. 3.

⁵³ Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса). С. 754.

⁵⁴ Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса). С. 755.

ре Московского Кремля, изготовленном в 1551 г., упоминал в своей работе ещё А.Ф. Медведев⁵⁵. При этом отметим, что остальное вооружение, показанное там на воинах, достаточно реалистично для своего времени, к примеру, шелома – некоторые из них с флажком-яловцем, доспехи-зерцала, соответствующие формы колчанов и сабли, при полном отсутствии мечей и т. д.

Самое интересное, что до этого времени, судя по материалам раскопок Коломны, доживает и бригадина⁵⁶. При этом, на сегодняшний день у нас нет ясности – когда появляется этот типа доспеха на Руси. Не исключено, что обе системы бронирования синхронно сосуществуют. В следующей своей работе мы попробуем дать ответы на эти вопросы.

Каталог

1. Новгород, 1962. Ильинский раскоп, пл. 17, кв. 2174 (?), полевой № 147. Датировка: нет стратиграфической даты. Две соединённые пластины. Хранение: НГМ КП 18202/А84-1048. Размеры (мм): 69 × 38; 68 × 42. Рис. 1: 1.
2. Новгород, 1951–62. Неревский раскоп. Без паспорта. Датировка: не установлено. Хранение: НГМ КП37259/А95-370. Размеры (мм): 69 × 57 × 1. Рис. 1: 2.
3. Новгород, 1971. Рогатицкий раскоп, пл. 21, кв. 2, полевой № 42. Датировка: не установлено (перемешанные слои). Хранение: НГМ КП 25404/А23-24. Размеры (мм): 53 × 44. Рис. 1: 3.
4. Новгород, 1951–57. Неревский раскоп, яр. 12–13, пл. 16, кв. 1006. Усадьба «Б». Датировка: 60–90 гг. XIII в. Хранение: не обнаружена. Размеры (мм): 59 × 54 × 1. Нет изображения.
5. Новгород, 1951–57. Неревский раскоп, яр. 11–12, пл. 20, кв. 719. Усадьба «З». Дата: 80-е – рубеж XIII–XIV в. Хранение: не обнаружена. Размеры (мм): 72 × 37 × 1. Нет изображения.
6. Новгород, 1963. Ильинский раскоп, пл. 15, кв. 73, № 12, инв. № 2244. Датировка: 10-х гг. XIV в. – 40-е гг. XIV в. Хранение: НГМ КП 18202/А84-624. Размеры (мм): 39 × 29. Рис. 1: 4.
7. Новгород, 1959. Неревский раскоп, пл. 10, кв. 1890, № 8. Усадьба «И-1». Датировка: 10-е – 60-е гг. XIV в. Хранение: НГМ КП 35338. Размеры: 65 × 39 × 1. Рис. 1: 5.
8. Новгород, 1970. Михайловский (Суворовский) раскоп, пл. 17, кв. 81, № 3, инв. № 204. Датировка: 40-60-е гг. XIV в. Хранение: НГМ КП 25295/А15-156. Размеры (мм): 65 × 44. Рис. 2: 1.
9. Новгород, 1968. Тихвинский раскоп, пл. 12, кв. 33, № 130, инв. № 343. Датировка: середина – 2 пол. XIV в. Хранение: НГМ КП 25291/А3-243. Размер (мм): 67,5 × 44 × 1. Рис. 2: 2.
10. Новгород, 1971. Торговый раскоп, пл. 20, кв. 27. Датировка: середина – 2-я пол. XIV в. Хранение: НГМ НВ 19552 пр. к А14-25. Размеры (мм): 77 × 55. Рис. 2: 3.
11. Новгород, 2014. Петропавловский раскоп, предматерик, кв. 24, горизонт I. Датировка: 2-я пол. XIV в. Хранение: НГМ КП 48098/А254-34. Размер (мм): 39 × 34. Рис. 2: 4.
12. Новгород, 1976. Дмитриевский раскоп, пл. 14, кв. 87, № 24. Усадьба «Б». Датировка: 2-я пол. XIV в. 3 фрагмента от 3-х разных пластин. Хранение: НГМ КП 26519/пр. А44-9. Размеры (мм): 36 × 34, 70 × 54, 49 × 44, 68 × 55. Рис. 2: 5–8.
13. Новгород, 1977. Дмитриевский раскоп, пл. 17, кв. 34, № 11. Усадьба «А». Датировка: 2-я пол. XIV в. Хранение: НГМ КП 27359/А47-188. Размеры (мм): 55 × 41. Рис. 3: 1.
- 14А – Е. Новгород, 1955. Неревский раскоп, яр. 8, пл. 13, кв. 1116. Усадьба «Д». Датировка: 70-е гг. XIV в. Сохранилась 41 пластина, в нескольких коллекциях: 14А – 14 ед. Хранение: НГМ КП47644. Размеры (мм): 65 × 37–40 × 1 (среднее значение). Рис. 4: 1; 14Б – 1 ед. Хранение: НГМ КП 37259/А95-424. Размеры (мм): 65 × 39 × 1. Рис. 3: 3; 14В – 1 ед. Хранение: НГМ КП 37259/А95-425. Размеры (мм): 64 × 39 × 1. Рис. 3: 4; 14Г – 1 ед. Хранение: НГМ КП 35338-1387. Размеры (мм): 74 × 41 × 1. Рис. 3: 2; 14Д – 1 ед. (четыре спёкшиеся пластины). Хранение: НГМ КП 35338-1386. Размеры общие (мм): 89 × 65. Рис. 3: 5; 14Е – 20 ед. Хранение: ГЭ РА-31-179. Размеры (мм): 65 × 36–41 × 1 (среднее значение). Рис. 4: 2.
15. Новгород, 1955. Неревский раскоп, яр. 8. Датировка: 70-е гг. XIV в. Хранение: НГОМЗ КП 11784/А46-456. Размеры: 67 × 52 × 1. Рис. 5: 1.
16. Новгород, 2003. Никитинский раскоп, яр. Д, пл. 23, кв. 128, № 27. Усадьба «В». Датировка: 70-е – нач. 80-х гг. XIV в. Хранение: НГМ КП 44219/А201-586. Размеры (мм): 62 × 40. Рис. 5: 2.
17. Новгород, 1957. Неревский раскоп, яр. 7, пл. 10, кв. 1545, № 8. Усадьба «И». Датировка: 80–90 гг. XIV в. Хранение: ГЭ РА-31-227. Размер: 59 × 45. Рис. 5: 3.

⁵⁵ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. С. 133.

⁵⁶ Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов. С. 212, № 9/461 и № 10/612.

-
18. Новгород, 1972. Кировский раскоп, пл. 16, кв. 11. Усадьба «С». Датировка: 90-е гг. XIV в. Хранение: НГМ КП 25060/А19-596. Размеры: 53 × 62. Рис. 6: 1.
19. Новгород, 1979. Нутный раскоп, ярус 6/7, пл. 12, кв. 10. Датировка: конец XIV в. Хранение: НГОМЗ КП 30860/А69-69. Размеры: 77 × 68. Рис. 5: 4.
20. Новгород, 2002. Никитинский раскоп, яр. 5, пл. 21, кв. 86, № 37. Усадьба «Б». Датировка: нач. 90-х гг. XIV – нач. XV в. Хранение: НГМ НВ 23293/пр. А199-389. Размеры: 63 × 54. Рис. 6: 2.
21. Новгород, 2002. Никитинский раскоп, ярусы В/Б, пл. 19/20, № 6 (Ю–З колодец). Усадьба «В». Датировка: рубеж XIV–XV вв. – 30-е гг. XV в. (по ярусу). Хранение: НГОМЗ КП 43678/А199-687. Размеры: 65 × 53. Рис. 6: 5.
22. Новгород, 1957. Неревский раскоп, яр. 4–5, пл. 5, кв. 1608, № 8. Усадьба «И». Датировка: 10–20 гг. XV в. Хранение: ГЭ РА-31-228. Размер: 73 × 42. Рис. 6: 3.
23. Новгород, 1957. Неревский раскоп, яр. 4–5, пл. 5, кв. 1632, № 33. Усадьба «И». Датировка: 10–20 гг. XV в. Хранение: ГЭ РА-31-226. Размер: 59 × 55. Рис. 6: 4.
24. Новгород, 1957. Неревский раскоп, яр. 4, пл. 5, кв. 1588, № 1. Усадьба «И». Датировка: 20-е гг. XV в. Хранение: ГЭ РА-31-225. Размер: 78 × 63. Рис. 7: 1.
- 25А. Новгород, 1952. Неревский раскоп, яр. 4 (по Медведеву) Усадьба «А». Датировка: 20-е гг. XV в. Хранение: НГМ КП 17771/А1-310. Размеры: 67 × 66 × 1. Рис. 7: 3.
- 25Б. Новгород, 1952. Неревский раскоп, яр. 4, пл. 10, кв. 168, № 6 (№ 6104) Усадьба «А». Датировка: 20-е гг. XV в. Хранение: НГМ КП 17771/А1-333. Размеры: 61 × 56 × 1. Рис. 7: 2.
26. Новгород, 1970. Михайловский (Суворовский) раскоп, пл. 9, кв. 44, № 1, инв. № 185. Датировка: 1416 г. – 40-е гг. XV в. Хранение: НГМ КП 25295/А15-157. Размеры: 71 × 64. Рис. 7: 4.
- 27А – Б. Н-55, Неревский раскоп, яр. 3, пл. 6, кв. 1231, № 2. Мостовая между усадьбами «И» и «К». Датировка: 30–40 гг. XV в. Две пластины: 27А – хранение: НГМ КП 37259/А95-422. Размеры: 57 × 54 × 1. Рис. 7: 5; 27Б – хранение: НГМ КП 37259/А95-423. Размеры: 57 × 50 × 1. Рис. 7: 6.

Рис. 1: 1 – №1; 2 – №2; 3 – №3; 4 – №6; д5 – №7.

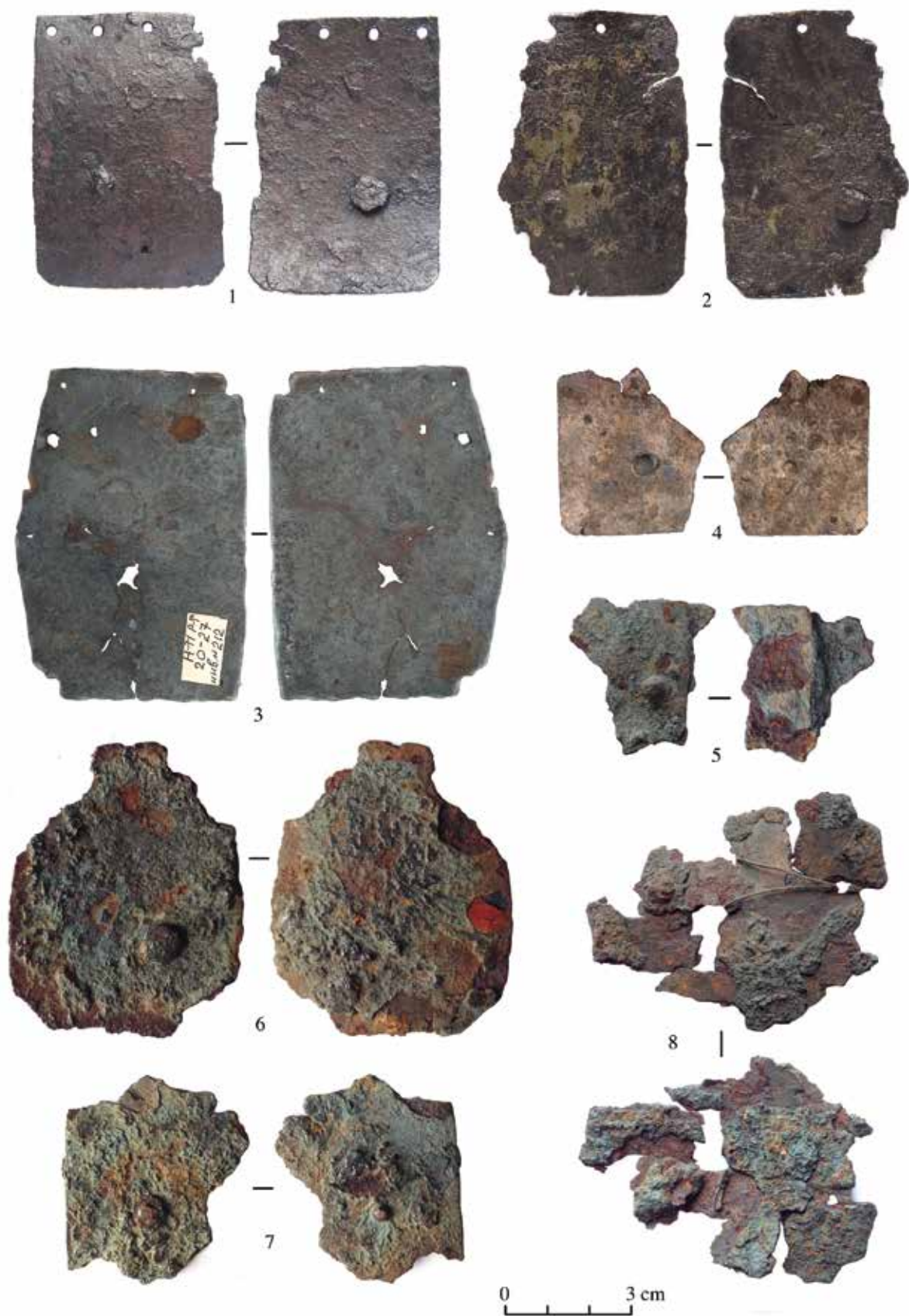

Рис. 2: 1 – №8; 2 – №9; 3 – №10; 4 – №11; 5-8 – №12.

Рис. 3: 1 – №13; 2 – №14 Г; 3 – №14 Б; 4 – №14 В; 5 – №14 Д.

1

2

Рис. 4: 1 – №14 А; 2 – №14 Е.

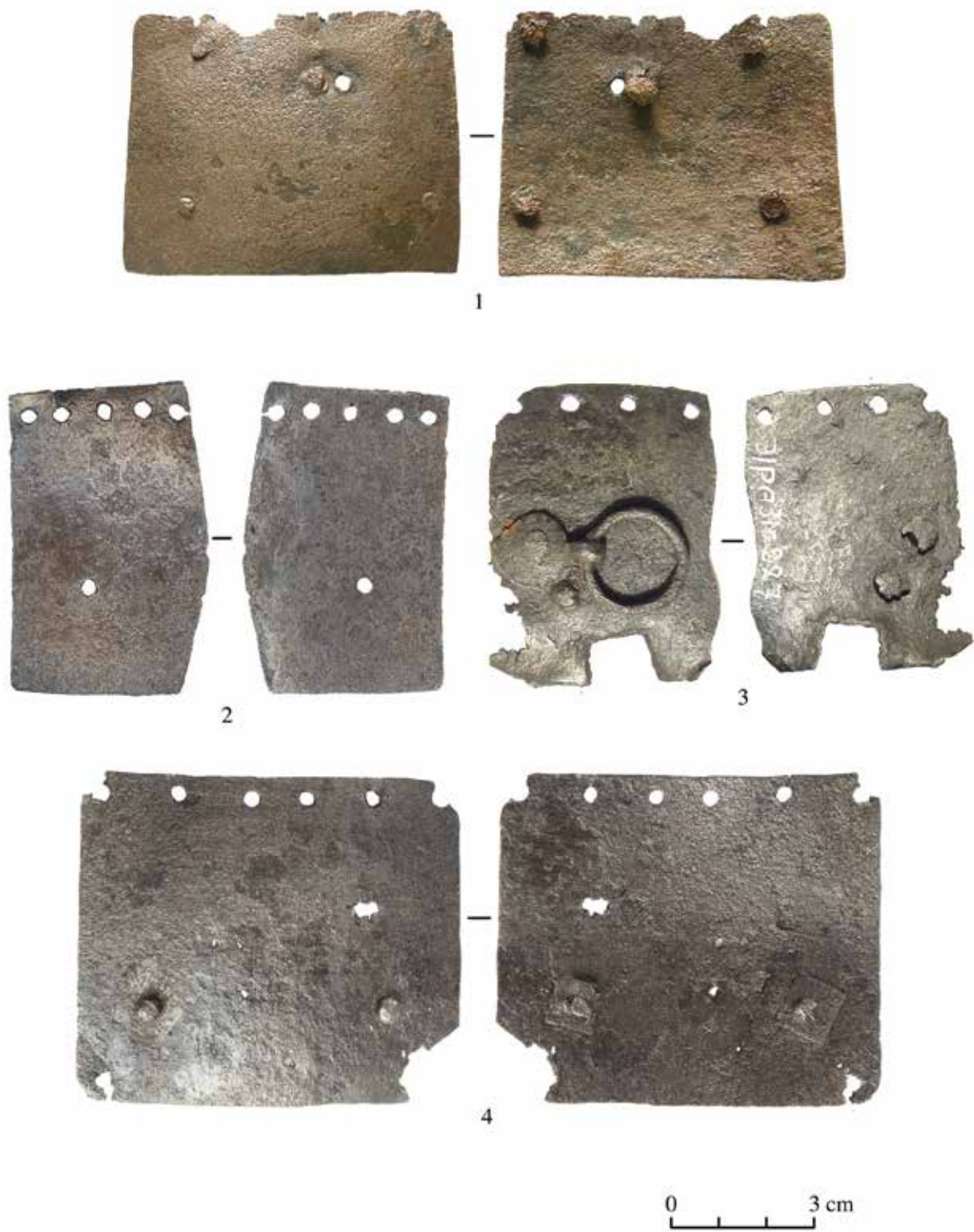

Рис. 5: 1 – №15; 2 – №16; 3 – №17; 4 – №19.

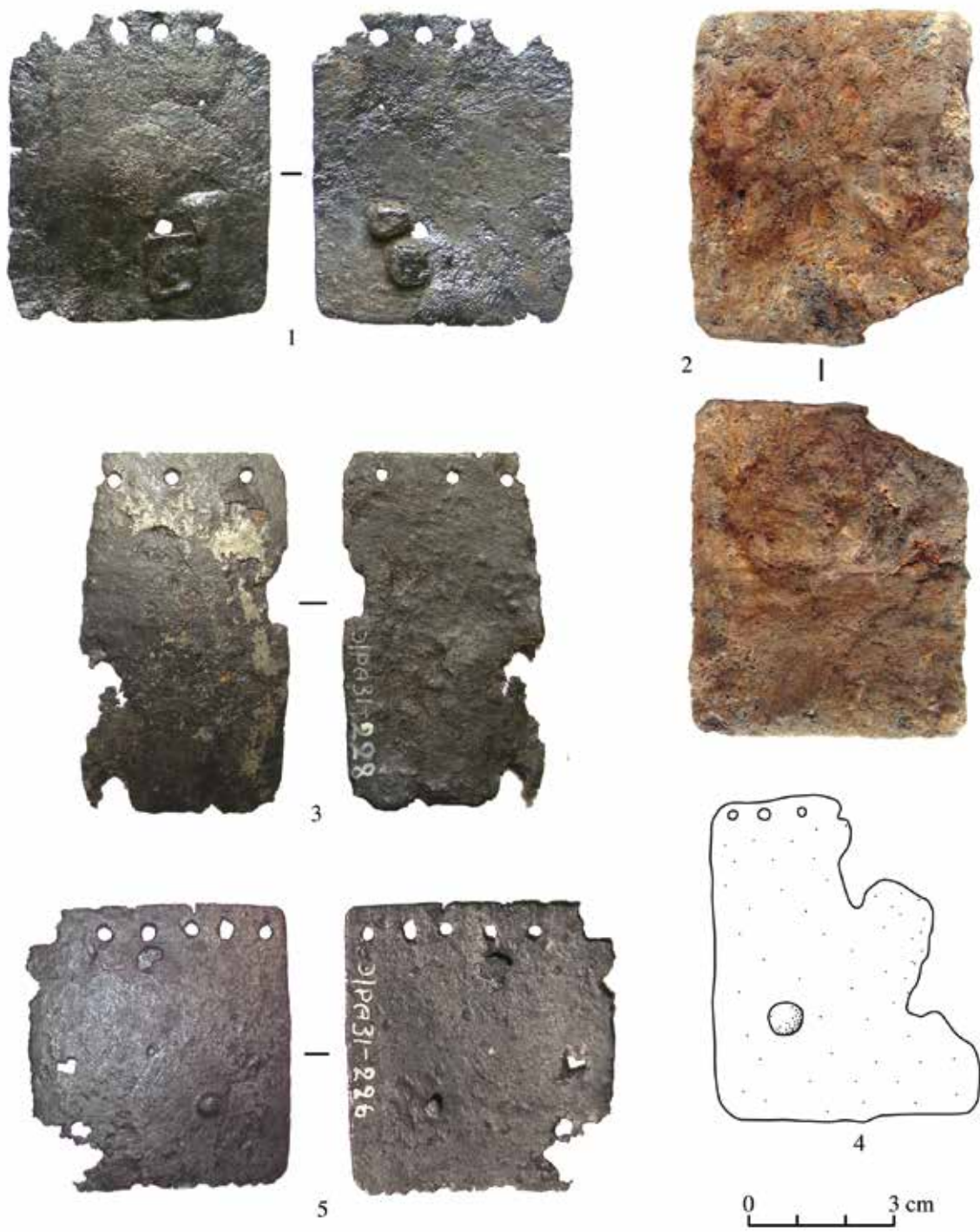

Рис. 6: 1 – №18; 2 – №20; 3 – №22; 4 – №23; 5 – №21.

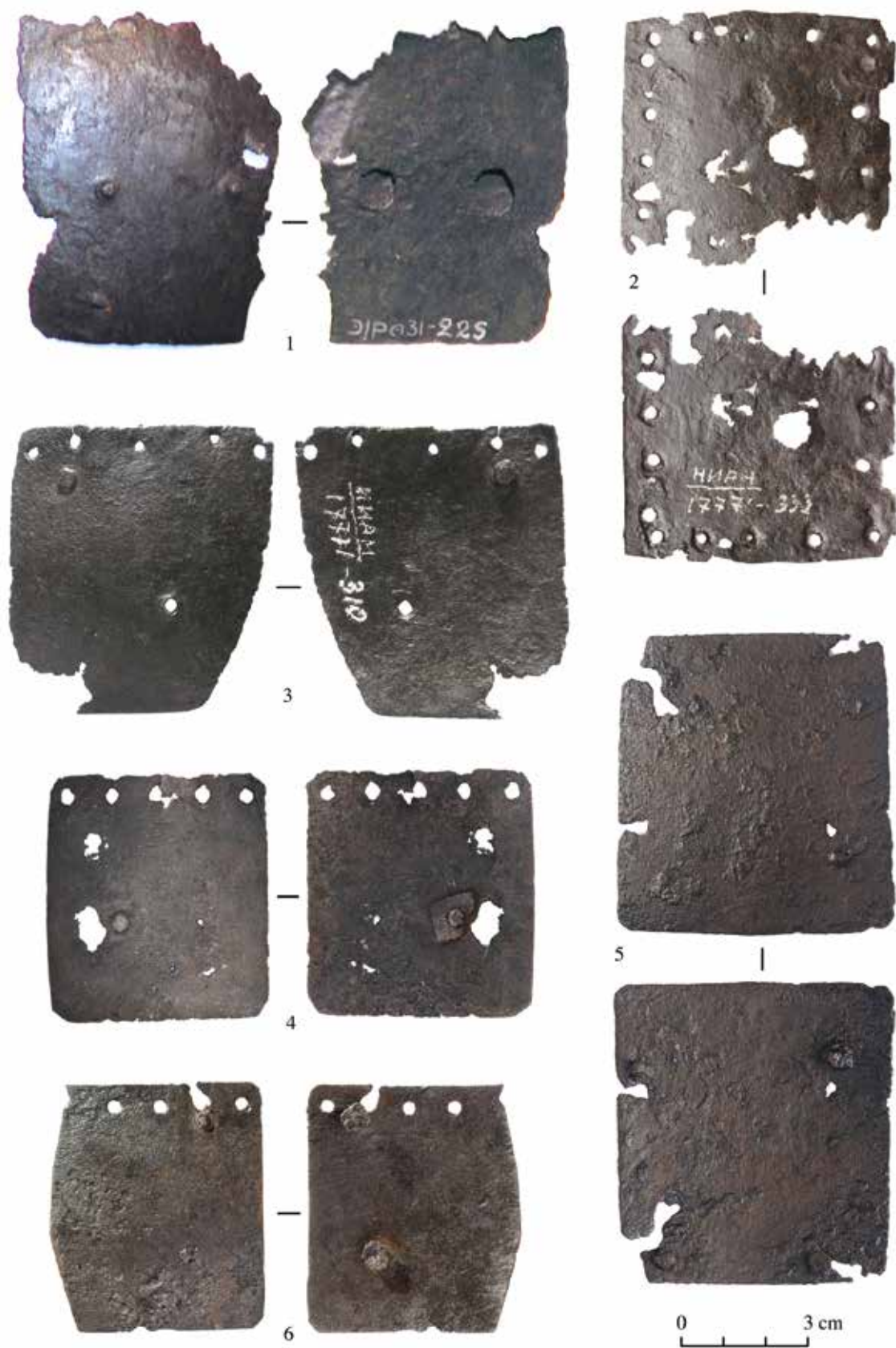

Рис. 7: 1 – №24; 2 – №25 Б; 3 – №25 А; 4 – №26; 5 – №27 А; 6 – №27 Б.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ШЛЕМ С ЗАБРАЛОМ ИЗ СОБРАНИЯ МБУ «КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ Г.О. СЫЗРАНЬ» (К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ)

УДК 902.1:623.445.1
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-903587-93-3.261-276

© 2022 г. Николаев А.В. (bowo@yandex.ru),
Российское военно-историческое общество, Москва, Россия.
© 2022 г. Питьева М.В. (skm1923@yandex.ru),
Краеведческий музей г.о. Сызрань, Сызрань, Россия.
© 2022 г. Дектярева Н.А. (skm1923@yandex.ru),
Краеведческий музей г.о. Сызрань, Сызрань, Россия.

Резюме: В опубликованной ранее статье «Три предмета западноевропейского защитного вооружения из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань»», большее внимание отводилось истории коллекции в целом и атрибуции непосредственно самих предметов защитного вооружения. Так или иначе, все элементы латной защиты из фондов музея заслуживают более детального рассмотрения, в том числе и западноевропейский шлем с забралом, т. н. типа «салад». В результате обследования боевого наголовья обозначился ряд вопросов о синхронности комплектации шлема и целостности его конструкции, на которые авторский коллектив делает попытку найти возможные ответы.

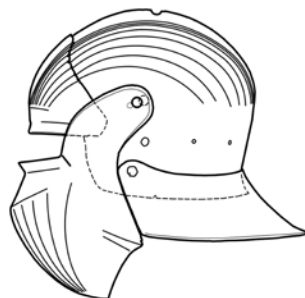
Ключевые слова: Сызрань, Орловы-Давыдовы, Родос, ломбардский, западноевропейский, защитное вооружение, шлем, салад, забрало.

A western european helmet with visor from the collection
of the local history museum of city district Syzran (on the problem of design features).

© 2022 Nikolaev A.V. (bowo@yandex.ru),
Russian Military Historical Society, Moscow, Russia.
© 2022 Piteva M.V. (skm1923@yandex.ru),
Museum of Regional Studies of Syzran Municipal District, Moscow, Russia.
© 2022 Dektiareva N.A. (skm1923@yandex.ru),
Museum of Regional Studies of Syzran Municipal District, Moscow, Russia.

Abstract: Previously published article “Three items of Western European armour from the collection of Local history museum of city district Syzran placed greater focus on the history of the collection as a whole, and on the attribution of defensive weapons themselves. However, all items from the museum collection deserve more careful focus, including the Western European helmet with a visor of the “sallet” type. An analysis of the military headgear has marked out a number of questions concerning synchronicity of the helmet details and its design integrity, on which the team of authors tries to find possible answers.

Key words: Syzran, Orlovs-Davydovs, Rhodes, lombardic, Western European, armour, helmet, sallet, visor.

Элементы западноевропейского латного защитного вооружения конца XV – начала XVI в. не столь многочисленны в мировых музейных собраниях (в т. ч. отечественных) как детали амуниции последующих эпох, и часто каждый из них является редким, не типовым или даже уникальным предметом. Доскональное изучение каждого подобного образца латной защиты позволяет определить не только индивидуальные характеристики конкретного предмета, но и проследить общие тенденции в развитии вооружения, раскрыть региональные особенности и стили в изготовлении доспехов, а также определить возможные взаимные влияния разных центров производства. Поэтому каждый вновь выявленный образец, так или иначе, способен дополнить сложившиеся представления о защитном вооружении конца XV – начала XVI в. В опубликованной ранее статье¹ большее внимание отводилось истории коллекции в целом и предметов вооружения в частности, обоснованию предполагаемых датировок изготовления и бытования предметов, выявлению возможных регионов производства. Таким образом, все элементы латной защиты из фондов музея заслуживают более детального рассмотрения, в том числе и западноевропейский шлем с забралом, т. н. типа «салад» (СКМ ОФ595/О10) (рис. 1; 2)².

Шлем стальной, состоит из четырех выполненных методомковки деталей, собранных вместе при помощиклепки – тульи, накладной налобной пластины, подвижной назатыльной пластины и забрала (рис. 3; 4; 8: 1). Вероятная датировка изготовления боевого наголовья – 10–20 гг. XVI в. Несмотря на то, что цеховые клейма на поверхности тульи шлема идентифицировать не удалось, можно предположить, что местом изготовления могла быть одна из доспешных мастерских ломбардского региона. Салад декорирован вычеканенными ребрами в т. н. «немецком стиле» (ит. *alla tedesca*). Шлем, как и другие детали западноевропейского защитного вооружения, поступил в фонды музея из родового имения графов Орловых-Давыдовых в селе Усолье в 1925 г. Возможно, что боевое наголовье происходит из арсенала Ордена Св. Иоанна с острова Родос³. Шлем прошел реставрационные работы в 1991 г. в московском кооперативе «МУЗЕУМ-ДИЗАЙН». В процессе работ был

произведен демонтаж налобной пластины и забрала с последующим удалением органических загрязнений и слоев ржавчины со всех элементов шлема, консервацией и обратным монтажом деталей с фиксациейклепкой.

Тулья боевого наголовья сферическая в купольной части и с развитыми, практически прямыми, боковыми и затылочным бортами. Резко, под углом около 110°, поднимающиеся до половины высоты тульи шлема края боковин и горизонтальный край фронтальной части образуют лицевой вырез (рис. 3: 1, 3, 4). По центру тульи идет ярко выраженный, трапециевидный в сечении гребень с отверстием вверху для крепления нашлемной фигуры или плюмажа (рис. 1: 2, 3; 5: 1). Гребень имеет наибольшую высоту в верхней части и плавно сходит на нет к лицевому вырезу и затылочной плоскости купола шлема. По окружности тульи расположены 14 отверстий для крепления подшлемника. В отверстиях сохранилось 6 заклепок над верхней кромкой лицевого выреза (под налобной пластиной) и по одной с каждой из боковых сторон тульи (рис. 5: 2). Также под налобной пластиной выявлены два симметричных центральному ребру отверстия, расположенные выше ряда заклепок (рис. 5: 2). С каждой из боковых сторон, ниже ряда отверстий для фиксации подшлемника, расположено по два отверстия, предположительно для крепления подбородочного ремня. В отверстиях сохранились заклепки (с левой стороны две, с правой – одна). Заклепки расположены шляпками внутрь тульи. Головки заклепок округлые (диаметром около 0,6 см), уплощенные, с орнаментом в виде соцветия (рис. 5: 3, 4). Подобное декорирование шляпок заклепок типично для оформления деталей латного вооружения в ломбардском регионе второй половины XV – начала XVI в. Аналогичный орнамент на шляпках заклепок выявлен на креплении ремней у доспеха из санктуария собора Девы Марии делла Грацие в Мантуе (инв. В2)⁴, на шлемах из фондов Коллекции Уоллеса в Лондоне (инв. А72)⁵ (рис. 7: 5, 6), Галереи и музея искусств Кельвингроув в Глазго (инв. Е1934.65ак)⁶, Музея армии в Стамбуле (инв. 14077) (рис. 7: 3, 4) и др. Можно предположить, что расположенные снаружи шляпки сохранившихся заклепок крепления хвостовой пластины изначально были таким же образом

¹ Николаев А.В., Питьева М.В., Дектярева Н.А. Три предмета западноевропейского защитного вооружения из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы V Международной научно-практической конференции, ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2018. С. 111–122.

² Все приведенные в статье фотографии и рисунки (кроме рис. 7: 5, 6) выполнены А.В. Николаевым. Фотографии для рис. 7: 5, 6 предоставлены архивом изображений Коллекции Уоллеса (Hertford House Marketing Ltd is the trading company of The Wallace Collection).

³ Николаев А.В., Питьева М.В., Дектярева Н.А. Три предмета западноевропейского защитного вооружения из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань». С. 114–116.

⁴ Boccia L.G. Le Armature di S. Maria Delle Grazie di Curtatone di Mantova e L'Armatura Lombarda Del '400. Bramante, 1982. Tav. 256–294.

⁵ Boccia L.G., Rossi F., Morin M. Armi e Armature Lombarde. Milano 1980. P. 106.

⁶ Curtis H.M. 2,500 Years of European Helmets. North Hollywood 1978. P. 178–179.

декорированы, но утратили орнамент в результате поздних расчисток поверхности. Также выявлено два заклепанных отверстия по одному с каждой из боковых сторон тульи, дублирующие используемые отверстия для крепления забрала и расположенные на расстоянии около 1 см ближе к лицевому вырезу (рис. 5: 5). Верхняя и фронтальная поверхности тульи декорированы вычеканенными продольно центральному гребню ребрами, сходящими на нет к затылочной части шлема (рис. 1: 2, 4; 5: 6). Количество ребер – по 7 с каждой стороны от гребня. С внешней стороны тульи центральный гребень и ребра оконтурены у основания бороздками. Боковые и затылочная части тульи шлема гладкие. По всей длине край тульи относительно ровный и не имеет дополнительного оформления отбортовкой (загиб края внутрь или наружу). На обеих боковых и затылочной частях тульи шлема просматриваются идентичные друг другу цеховые клейма в виде неравностороннего четырехлистника (рис. 5: 7). Выяснить принадлежность клейма конкретным мастерским или центрам доспешного производства пока не представляется возможным. У отверстия для нащлемной фигуры и по основанию гребня, ближе к лобной части, выявлены локальные участки со сквозной коррозией. С правого нижнего края тульи у лицевого проема обнаружены следы ремонта в неустановленное время, вызванного коррозионным истончением и разрушением целостности поверхности. С внутренней стороны при помощи клепки установлена укрепляющая металлическая накладка. С внешней стороны заклепки зачищены заподлицо с поверхностью (рис. 5: 8).

Геометрия налобной пластины полностью повторяет переднюю часть тульи шлема с началом центрального гребня (рис. 1: 1; 4: 1–4). Изначально пластина жестко фиксировалась к куполу шлема заклепками – по две с каждой крайней стороны. Аналогичное крепление присутствует на саладах из Коллекции Уоллеса (инв. А72)⁷ (рис. 7: 5), Галереи и музея искусств Кельвингроув (инв. Е1934.65ак)⁸ и др. В современном состоянии сохранилось по три сквозных отверстия с каждой стороны пластины. С правой стороны отверстия полностью совпадают с отверстиями в тулье. С левой стороны одно отверстие в пластине не имеет ответного в тулье шлема (рис. 6: 1). Возможно, шляпки утраченных заклепок крепления налобной пластины были декорированы аналогично шляпкам заклепок крепления подбородочного ремня. В настоящий момент фиксация налобной пластины к тулье выполнена реставрационными заклепками, установлен-

ными в отверстиях для крепления подшлемника, по одной с каждой торцевой стороны налобника. Пластина усиления декорирована нанесенными методом чеканки ребрами аналогично тулье. Количество ребер также по 7 с каждой стороны от гребня. С внешней стороны ребра оконтурены канавками. Верхний край пластины дополнительно декорирован волнообразными пропилами, совпадающими с ритмом ребер и канелюр (рис. 6: 2). Плоскость снизу пластины чуть отогнута наружу (около 160°) и совместно с надбровной кромкой лицевого выреза тульи образует верхнюю грань зрительной щели шлема (рис. 6: 3). Нижняя кромка пластины оформлена отбортовкой с загибом края внутрь (рис. 5: 2).

Продолжением затылочной и боковых частей тульи шлема является подвижная хвостовая пластина (рис. 2; 3: 5–8). Максимальный ход пластины у примыкания к затылочной части тульи шлема – около 1,4 см. Крепление назатыльника к основе осуществляется двумя заклепками, расположенными по бокам, в углах схода верхнего и торцевых краев пластины. Нижняя кромка хвостовой пластины по всей длине оформлена отбортовкой с загибом края внутрь (рис. 6: 4). Поверхность пластины полностью гладкая и чеканным орнаментом не декорирована.

Лицевой вырез шлема закрывается отдельной деталью – подвижным забралом (рис. 2; 4: 5–8). Деталь прикрепена двумя заклепками к височным частям тульи шлема. Боковые части забрала – дужки, имеют характерную для итальянских шлемов аналогичной конструкции радиусную форму. Предличная пластина забрала клиновидная и сформирована тремя плоскостями – двумя выпуклыми боковыми частями, сходящимися под углом около 140°, и уплощенной верхней полкой подтреугольной формы (рис. 1: 1; 4: 5–8). Грани на стыках образуют ярко выраженные ребра – центральное вертикальное на стыке боковин и горизонтальное на стыке боковых частей забрала и верхней плоскости. Верхний край полки забрала отогнут наружу под углом около 125° и формирует нижнюю кромку зрительной щели шлема. По бокам предличной пластины, в местах примыкания к нижней части лицевого выреза тульи шлема, расположены характерные «желваки» с ярко выраженным ребром (рис. 6: 5). В закрытом положении забрала линия нижней кромки предличной пластины заметно отклоняется (угол около 120°) от почти горизонтальной линии края назатыльника и опускается существенно ниже. Максимальное расстояние от низа подбородочной части забрала до края назатыльника (свес забрала) составляет около

⁷ Capwell T. *Masterpieces of European Arms and Armour in the Wallace Collection*. London, 2011. Digital Catalogue.

⁸ Scott R.L., Joubert F. *Catalogue of the Collection of European Arms & Armour Formed at Greenock by R.L. Scott*. Facsimile Editions Ken Trotman. Huntingdon, 2006. Section II. P. 53. Pl. 3.

6,0 см (рис. 2: 1, 2). С правой стороны предличного щитка забрала расположены 7 отверстий для вентиляции. Перфорация выполнена в виде шестиугольника с отверстиями в вершинах и одним отверстием по центру. Чуть выше, ближе к горизонтальной грани забрала, расположено еще одно отверстие, скорее всего, для крепления ныне утраченного стержня, облегчавшего процесс открывания и закрывания забрала (рис. 1: 1; 4: 6, 7). Подобные штифты сохранились на забральных пластинах как типологически схожих наголовий (салад с инв. G9 из собрания Музея армии в Париже⁹), так и шлемах с отличной конструкцией (шлем типа «армэ» из фондов Королевской оружейной в Лидсе с инв. IV.498¹⁰ и др.). Забрало, аналогично тулье шлема и налобной пластине, декорировано вычеканенными ребрами с контурными канавками, веерообразно расходящимися по фронтальной поверхности от горизонтальной подсечки в подбородочной части до верхней грани с полкой (пять ребер с каждой боковой стороны и одно центральное) (рис. 1: 1; 4: 5–8). Боковые части забрала и дужки гладкие и не декорированы. Края дужек забрала окаймлены небольшим загибом кромки внутрь. Края остальных частей забрала ровные и без дополнительного оформления. На левой дужке, ближе к лицевой части, на расстоянии около 1 см выявлено зачеканенное отверстие, дублирующее крепежное отверстие к шлему (на правой дужке аналогичное отверстие визуально не просматривается, но возможно предположить его наличие). Кроме того, на поверхности забральной пластины присутствуют визуально различимые разрывы металла, в месте схода плоскости формирующей зрительную щель с плоскостью дужки с левой стороны (рис. 6: 6), и по ребру «желвака» с правой стороны (рис. 6: 5). В вершине схода граней лицевой части забрала (на носу) также выявлены следы разрыва поверхности, полученного, скорее всего, в процессе изготовления детали. Повреждение отремонтировано при помощи пайки желтым металлом и установки металлической заплатки с внутренней стороны забрала на 4-х заклепках (рис. 6: 8). Снаружи заклепки зашлифованы заподлицо с поверхностью пластины забрала (рис. 6: 7). Подобные повреждения и способ ремонта характерны для деталей боевых наголовий XV–XVI вв. (шлем от доспеха курфюрста Иоахима II Гектора из

Венской Императорской оружейной палаты (инв. А312) (рис. 7: 2), шлем из собрания Национального исторического музея Республики Беларусь (инв. КП045445) (рис. 7: 1) и др.) и вызваны несовершенством технологического процесса в изготовлении элементов защитного вооружения того времени.

Принимая во внимание наличие и количество фрагментировано сохранившихся на наружной поверхности всех деталей шлема борозд, возможно предположить, что изначально они оконтуривали участки с орнаментом (рис. 5: 6, 6: 3, 6). Соответственно, поверхность шлема была дополнительно украшена ныне утраченным орнаментом, нанесенным методом гравировки и (или) травления. Небольшой участок поверхности, позволяющий выявить стилистику и способ нанесения поверхностного декора, открылся при реставрационных работах 1991 г., после демонтажа шляпки заклепки с левой стороны налобной пластины (рис. 6: 1). Возможно, характер орнамента и его расположение на поверхности шлема из Краеведческого музея г.о. Сызрань во многом были аналогичны полностью сохранившемуся орнаменту на итальянском саладе из Коллекции Уоллеса (инв. А73)¹¹. Таким образом, шлем из собрания Сызранского музея в свое время был не рядовым элементом латного защитного вооружения, а являлся статусным и дорогим, и, почти наверняка, входил в комплект доспехов ныне утраченных или разукомплектованных. Примерами латного защитного вооружения начала XVI в., выполненными в типологически схожей стилистике чеканного декора «алла tedesca» и с богато орнаментированной поверхностью, могут служить части доспехов из собраний Музея армии в Париже (инв. G8)¹², Музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке (инв. 14.25.716)¹³, Музея средневековья в Болонье (инв. МС1-3)¹⁴ и др.

В результате снятия параметрических данных (табл. 1)¹⁵ и визуального анализа боевого наголовья обозначились вопросы о соответствии деталей шлема друг другу, в первую очередь – забрала с тульей шлема, и, как следствие, вопросы о целостности и синхронности комплектации шлема в современном состоянии в общем. В закрытом положении забрало прилегает к шлему не плотно, с заметными зазорами и не фиксируется. Желваки предличной пластины забрала не

⁹ *Laking G.F.* A Record of European Armour and Arms Through Seven Centuries. Vol. II. London, 1920. P. 36.

¹⁰ *Rossi F.* Medieval Arms and Armour. Bloomington, 1990. P. 52–53.

¹¹ *Boccia L.G., Rossi F., Morin M.* Armi e Armature Lombarde. P. 108.

¹² *Boccia L.G., Rossi F., Morin M.* Armi e Armature Lombarde. P. 109.

¹³ *Nikel H., Pyhrr S., Tarassuk L.* The Art of Chivalry. European Arms and Amor from The Metropolitan Museum of Art. New York, 1982. P. 36–37.

¹⁴ *Boccia L.G.* L'Armeria del Museo Civico Medievale di Bologna. Milano, 1991. P. 43–45. Tav. I: 4.

¹⁵ Съемка параметрических данных шлема СКМ ОФ595/О10 из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» произведена рулеткой с ценой деления 1,0 мм, штангенциркулем с ценой деления 0,1 мм, кронциркулем с ценой деления 0,1 мм и электронным безменом «PES 40» с ценой деления 10 г.

совпадают полностью с линией нижней кромки боковых частей хвостовой пластины (рис. 2: 1, 2; 8: 1). Кроме того, образованная надбровной частью лицевого выреза тульи шлема и забралом смотровая щель имеет несколько излишнюю ширину (около 1,0 см).

Для лучшего понимания конструктивных закономерностей и типологических особенностей, присущих изготовленным в ломбардском регионе на рубеже XV–XVI вв. саладам с забралами, стоит обратиться к максимально возможному количеству аналогичных или близких конструктивно и стилистически боевых наголовий из фондов мировых оружейных коллекций. Кроме того, относительно большое количество шлемов и их отдельных деталей для удобства анализа необходимо структурировать и собрать в подгруппы с общими характерными особенностями¹⁶.

Таким образом, сформировалось четыре подгруппы, включающие в себя как наголовья в полной комплектации, так и отдельные детали шлемов.

1 подгруппа – это шлемы без утраченных элементов и, предположительно, синхронной сборки: инв. А72, Коллекция Уоллеса¹⁷ (рис. 7: 5, 6); инв. G9, Музей армии, Париж¹⁸; инв. ?, Оружейная палата Мальтийских рыцарей, Валетта¹⁹; инв. 50.160а, Музей искусств Метрополитен²⁰; инв. 14819ор, ГИМ, Москва (бывший инв. Н45, Музей армии, Париж²¹); салат «Треванион», настоящее местонахождение неизвестно (украден в 50-х гг. XX в. из коллекции замка Каерхейс в Корнуоле).

2 подгруппа – шлемы композитные или шлемы с поздними модификациями: инв. G8, Музей армии, Париж²²; инв. с1635, Национальный музей Барджелло в Флоренции²³; инв. st3599, Музей Стибберта, Флоренция²⁴; инв. 290, Музей армии Луиджи Марзоли в Брешии²⁵; инв. M0005, Оружейная палата Исторического музея в Дрездене²⁶.

3 подгруппа – наголовья с утраченными забралами: инв. ?, Музей Стефано Бардини в Флоренции (бывший инв. st16644, Музей Стиб-

берта)²⁷; инв. 29.158.1а, Музей искусств Метрополитен²⁸; инв. E1934.65ак, Галерея и музей искусств Кельвингроув²⁹; инв. 14077, Музей армии, Стамбул (рис. 7: 3, 4); инв. А73, Коллекция Уоллеса³⁰.

4 подгруппа – отдельные забрала: инв. IV.438, IV.439, IV.440, Королевская оружейная в Лидсе³¹.

На примере перечисленных образцов мы видим, что шлемы этого типа геометрически схожи, но имеют различную комплектацию. Как правило, все шлемы снабжены дополнительной накладной налобной пластиной. Хвостовая часть может быть выполнена как подвижная отдельная пластина, так и одной деталью с тульей или отдельным элементом, но прикрепленным к тулье жестко. Забрала достаточно вариабельны по оформлению предличной пластины (преобладает т. н. горизонтальная «гармошка»), но, тем не менее, имеют общую форму фронтальной и боковых частей. Также общим для всех шлемов целостной комплектации является упор забрала в полностью закрытом состоянии в нижние края лицевого выреза тульи шлема непосредственно, в удлиненные накладные пластины налобника или торцы хвостовой пластины, также формирующие лицевой вырез. Опорными элементами служат, выступающие из боковых частей своеобразные граненые «желваки», образованные резким локальным изменением плоскости лицевой пластины забрала. У всех шлемов синхронной сборки нижний край «желваков» на боковинах забрала зрительно продолжает линию нижнего края тульи и хвостовой пластины. Забрала не фиксируются дополнительно приспособлениями типа кнопок, крючков, штифтов и т. п. Таким образом, общие для всей рассмотренной группы шлемов пункты, а именно – характерные особенности примыкания предличного щитка забрала к шлему у наголовья из Краеведческого музея г.о. Сызрань, не соблюдаются.

Не лишним, в контексте анализа целостности комплектации боевого наголовья, будет отметить, что шлем из Краеведческого музея г.о. Сызрань кроме реставрационных работ 1991 г.

¹⁶ Авторский коллектив хочет выразить благодарность Тому Ричардсону (Королевская оружейная, Лидсе) за предложенную схему структурирования типологически схожих наголовий.

¹⁷ Mann J. Wallace Collection Catalogues. European Arms and Armour. Vol. I. London, 1962. P. 94. Pl. 55.

¹⁸ Laking G.F. A Record of European Armour and Arms Through Seven Centuries. P. 36.

¹⁹ Laking G.F. A Catalogue of the Armour and Arms in The Armoury of the Knights of St. John of Jerusalem, now in The Palace, Valetta, Malta. London, 1930. P. 44–45. Pl. XXX.

²⁰ www.metmuseum.org/art/collection/search/24814, дата обращения 16.11.2021.

²¹ Laking G.F. A Record of European Armour and Arms Through Seven Centuries. P. 37.

²² Boccia L.G., Coelho E.T. L'Arte Dell'Armatura in Italia. Milano, 1967. P. 226–227. Pl. 198–201.

²³ Boccia L.G., Coelho E.T. L'Arte Dell'Armatura in Italia. P. 223–224. Pl. 159–162.

²⁴ Boccia L.G. Il Museo Stibbert A Firenze. Volume Terzo: L'Armeria Europea. Milano, 1975. P. 64. Tav. 39.

²⁵ Rossi F. Guida del Museo delle Armi "Luigi Marzoli". Brescia, 1988. P. 24.

²⁶ Forrer R. Die Waffensammlung des Herrn Stadtrath Rich. Zschille in Grossenhain I. Berlin, 1893. Taf. 43, 44.

²⁷ Boccia L.G., Coelho E.T. L'Arte Dell'Armatura in Italia. P. 224. Pl. 163–164.

²⁸ Pyhrr S.W. European Helmets, 1450–1650. Treasures from the Reserve Collection. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2000. P. 16.

²⁹ Curtis H.M. 2,500 Years of European Helmets. P. 178–179.

³⁰ Capwell T. Masterpieces of European Arms and Armour in the Wallace Collection.

³¹ Karcheski W.J., Richardson T. The Medieval Armour from Rhodes. Leeds, 2002. P. 19–20.

несет на себе явные следы более ранней реставрации в неустановленное время, скорее всего выполненной для предпродажной подготовки в конце XIX – начале XX в. (до 1917 г.). Это расчистка поверхности деталей шлема от продуктов коррозии с возможным демонтажем заклепок, укрепление истонченной и частично отгнившей боковой части тульи, формирующей лицевой вырез снизу правой стороны.

Первая из возможных версий о комплектности исследуемого наголовья – это предположение о композитности шлема. В пользу данной версии может говорить наличие дублирующих зачеканенных отверстий крепления забрала в тулье шлема и дужках самого забрала, неполное соответствие крепежных отверстий накладной налобной пластины с отверстиями в тулье, а также наличие парных нефункциональных отверстий во фронтальной части тульи, закрытых снаружи налобной пластиной. Подобные отверстия на итальянских шлемах-саладах, по-видимому, использовались для крепления декоративных накладок, как правило, из цветного металла (инв. IV.424, Королевская оружейная в Лидсе³² и др.) Шлем из бывшей коллекции Орловых-Давыдовых мог быть собран из разных деталей для улучшения визуальных характеристик, а следовательно, и увеличения стоимости при продаже одним из дилеров антиквариата. Но нельзя исключать, что изменения в первоначально задуманную конструкцию шлема могли быть внесены еще в процессе изготовления и сборки боевого наголовья или чуть позднее во время эксплуатации. Из всех известных типологически схожих шлемов нет ни одного совершенно идентичного, тем более с полностью совпадающими элементами декора и общими параметрическими характеристиками. Канелирование тульи шлема СКМ ОФ595/О10, налобной пластины и забрала выполнено в едином стиле и геометрически тождественно. Вероятность подобных совпадений для шлемов уникальных, дорогих и не серийных в исполнении ничтожно мала, соответственно, подбор соответствующих разрозненных деталей для сборки композита практически невозможен.

Следующее предположение заключается в признании шлема и его деталей в современной комплектации аутентичными, но с вероятными утратами изначальных геометрических параметров и конструктивных элементов во время бытования, в постэксплуатационный период или в результате предполагаемой предпродажной подготовки.

Так как все элементы шлема при реставрации в 1991 г. собраны при помощи клепки, то возможным методом восстановления первоначального

вида наголовья является графическая реконструкция (рис. 8: 2–4).

Перестановка пластины предличной защиты с совмещением соответствующих отверстий забрала и вторых ответных отверстий в тулье шлема, расположенных ближе к фронтальной части, привела к еще большему визуальному несоответствию в конструкции (рис. 8: 2). Забрало в закрытом состоянии значительно завалилось вниз, зрительная щель увеличилась до гипертрофированных размеров (около 3,0 см).

Сдвиг забрала с совмещением второго, дублирующего заклепанного отверстия на левой дужке забрала и существующего отверстия на тулье шлема дал несколько лучший результат. Зрительная щель уменьшилась до 0,6 см. Забрало стало плотнее прилегать к краям лицевого выреза. Ребра упоров-желваков на боковинах забрала приблизились к линии нижней кромки тульи и хвостовой пластины (рис. 8: 3).

Появление дублирующих отверстий в тулье шлема могло быть вызвано подгонкой забрала к шлему, заменой забрала в процессе изготовления или, несколько позднее, по причинам, установить которые доподлинно практически невозможно. Это могло быть связано с технологическим браком, сильным механическим повреждением первоначальной забральной пластины в процессе эксплуатации или другими более глобальными факторами. Достоверно выявленные переделки итальянских саладов в начале XVI в. (st3599, Музей Стибберга; c1635, Национальный музей Барджелло и др.), скорее всего, обусловлены как попытками улучшить общие защитные характеристики шлемов, так и общеевропейской тенденцией в развитии латного вооружения – постепенным переходом в защите нижней части лица и горла с архаичного бевора (подбородника) на латный воротник – горже. Обновление перечисленных и возможно других образцов боевых наголовий, как правило, осуществлялось путем дополнения изготовленной ранее основы-тульи новыми элементами или заменой устаревших деталей на другие, более отвечающие тенденциям в развитии защитного вооружения. Забрало шлема из Сызранского краеведческого музея имеет слишком развитую подбородочную часть для использования совместно с бевором и явно рассчитано на применение с латным воротником. Кроме того, нельзя полностью исключать возможность появления дублирующих зачеканенных отверстий в дужках забрала и тулье шлема при перестановке забральной пластины в постэксплуатационный период в результате некорректных реставрационных работ.

³² *Duffy A.R. European Armour in The Tower of London. London, 1968. Pl. LXXVII.*

Также стоит отметить, что у двух морфологически аналогичных шлемов (А72 из Коллекции Уоллеса³³ и Е1934.65ак из Галереи и музея искусств Кельвингроув³⁴) торцы хвостовой пластины не доходят до лицевого выреза и упор закрытого забрала осуществляется в кромки боковин тульи, опущенные до уровня нижнего края хвостовой пластины. Закрытый хвостовой пластиной борт тульи шлема вновь резко повышается в затылочной части, образуя своеобразные локальные опуски боковин тульи (рис. 7: 5, 6). На основе схожих параметрических и конструктивных данных, вплоть до количества элементов шлема, можно предположить наличие в изначальной конструкции боевого наголовья из собрания Краеведческого музея г.о. Сызрань подобных опусков боковин тульи, ныне не сохранившихся (рис. 8: 4). Вероятно, утраченный выступ края тульи с тыльной стороны ограничивала сохранившаяся выемка на кромке тульи шлема с правой стороны (рис. 3: 4; 5: 3). Скорее всего, один отросток боковины справа, со стороны накладной шины, был полностью разрушен из-за коррозии в результате специфики условий хранения еще до поступления в антикварную дилерскую сеть. Утраты целостности поверхности в результате сквозного корродирования характерны для элементов вооружения, происходящих из мест с ненадлежащими условиями хранения (погребальные дары, схроны, забытые и трофейные арсеналы³⁵), в том числе и для предметов вооружения с острова Родос³⁶. Вполне возможно, что при первоначальных предпродажных реставрационных работах вторая целая (правая) боковина тульи шлема могла быть просто удалена для симметрии и гармоничного визуального восприятия объекта.

В результате проведенного анализа тенденций развития латного защитного вооружения на рубеже XV и XVI вв., общих морфологических черт поздних итальянских саладов, а также параметрических, конструктивных и стилистических особенностей объекта исследования, можно заключить, что шлем из Сызранского краеведческого музея на сегодняшний момент находится не в первоначальном виде, а претерпел некоторые трансформации в период до поступления в собрание музея. Вероятно, шлем был модифицирован или во время своего бытования, или (и) в процессе реставрационных работ в конце XIX – начале XX вв. Также, с большой долей уверенности, возможно предположить, что шлем имел сходные с боевыми наголовьями из Коллекции Уоллеса (А72) и Галереи и музея искусств

Кельвингроув (Е1934.65ак) конструктивные элементы, ныне утраченные.

В любом случае, салат из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» является редким сохранившимся до нашего времени (пусть и не в первоначальном виде) образцом западноевропейского защитного вооружения начала XVI в. Шлем не имеет полных аналогов среди выявленных типологически близких боевых наголовий схожей комплектации из собраний отечественных и зарубежных коллекций, более того, шлем уникален по характеру и стилю декорирования поверхности забрала. Специфической особенностью боевого наголовья также является и значительно выступающий за общие габариты основания шлема свес подбородочной части забральной пластины. Таким образом, шлем СКМ ОФ595/О10 из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» занимает достойное место в ряду лучших экземпляров латного вооружения из фондов ведущих коллекций Мира.

³³ Capwell T. Masterpieces of European Arms and Armour in the Wallace Collection.

³⁴ Curtis H.M. 2,500 Years of European Helmets. P. 178–179.

³⁵ Pyhrr S.W. European Armor from the Imperial Ottoman Arsenal // The Metropolitan Museum Journal 24. New York, 1989. P. 85–116.

³⁶ Karcheski W.J., Richardson T. The Medieval Armour from Rhodes. P. vii–xiv.

Таблица 1.

Параметрические характеристики шлема СКМ ОФ595/О10		
Общие габариты	Длина	29,7 см
	Ширина	19,6 см
	Высота	26,8 см
	Вес	2,0 кг
Тулья	Длина внутренняя	21,5 см
	Ширина внутренняя	18,7 см
	Глубина (без учета гребня)	17,0 см
	Периметр внутренний (по заклепочному ряду)	62,0 см
	Толщина	ок. 2,0 мм
Налобная пластина	Длина	9,9 см
	Ширина	18,9 см
	Высота в местах крепления к тулье	2,1 см
	Высота фронтальной части	10,6 см
	Толщина	ок. 1,0 мм
Назатыльная пластина	Длина наибольшая	19,8 см
	Ширина наибольшая	18,8 см
	Высота в местах крепления к тулье	7,0 см
	Высота тыльной части	9,3 см
	Периметр нижней кромки	44,6 см
	Толщина	ок. 1,0 мм
Забрало	Длина наибольшая	17,5 см
	Длина предличной пластины (без дужек)	10,9 см
	Ширина наибольшая	19,6 см
	Ширина по низу (между желваками)	18,1 см
	Высота наибольшая (по правой стороне)	20,4 см
	Высота предличной пластины	15,1 см
	Толщина	1,2–2,0 мм

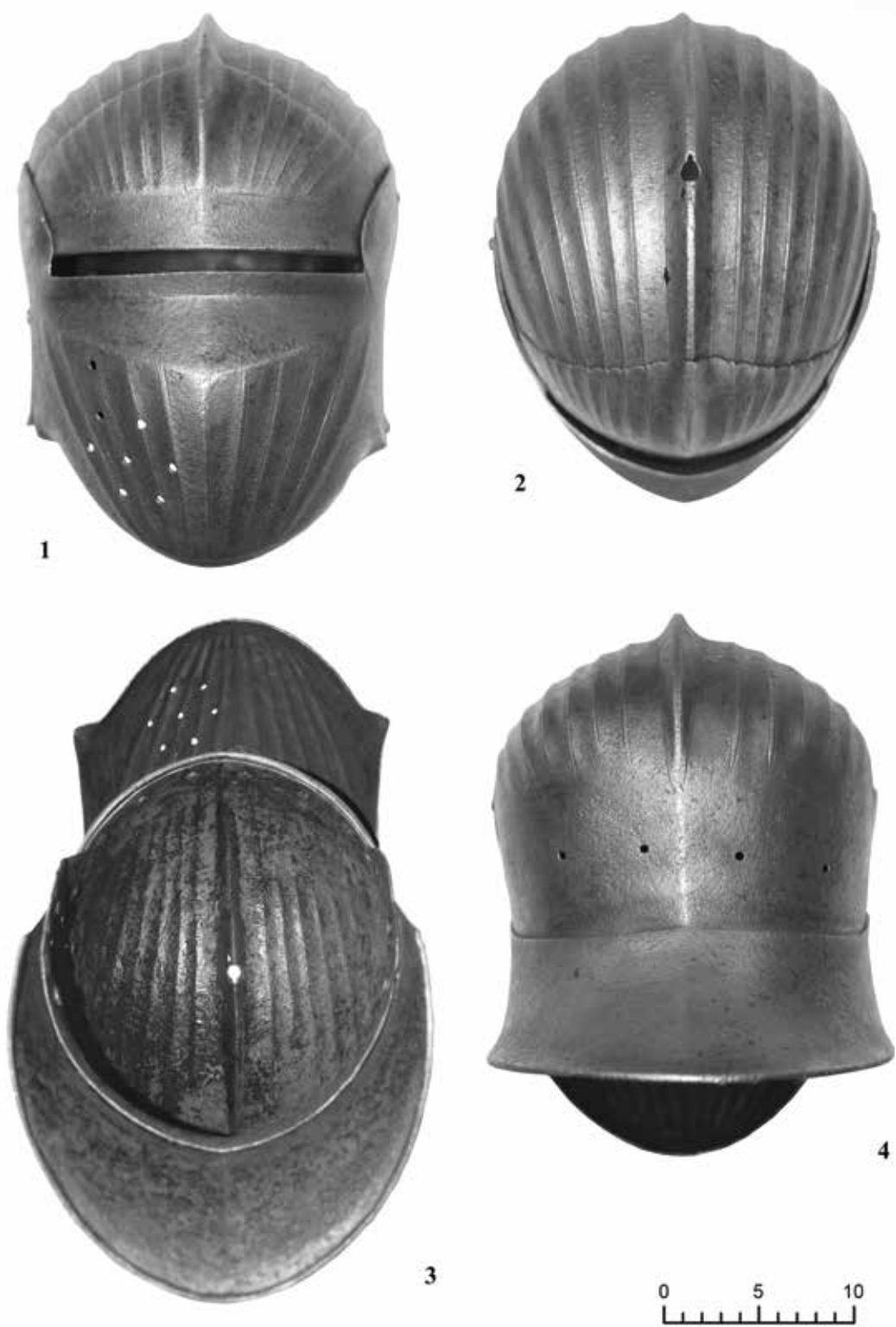

Рис. 1. Шлем из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10). Фото: 1 – фронтальный вид; 2 – вид сверху; 3 – вид изнутри; 4 – вид с тыльной стороны.

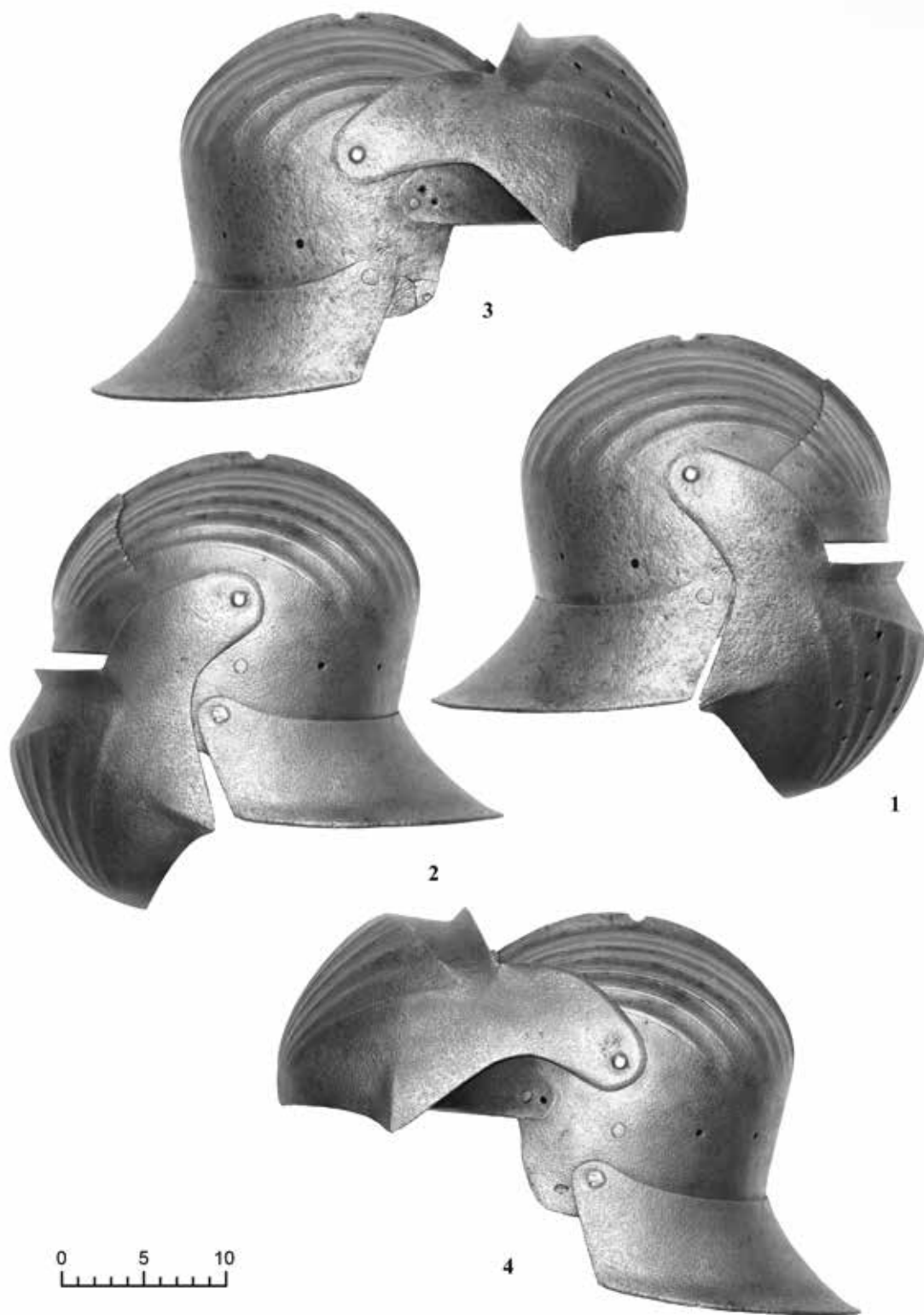

Рис. 2. Шлем из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10). Фото: 1- вид сбоку справа с закрытым забралом; 2 – вид сбоку слева с закрытым забралом; 3 – вид сбоку справа с открытым забралом; 2 – вид сбоку слева с открытым забралом.

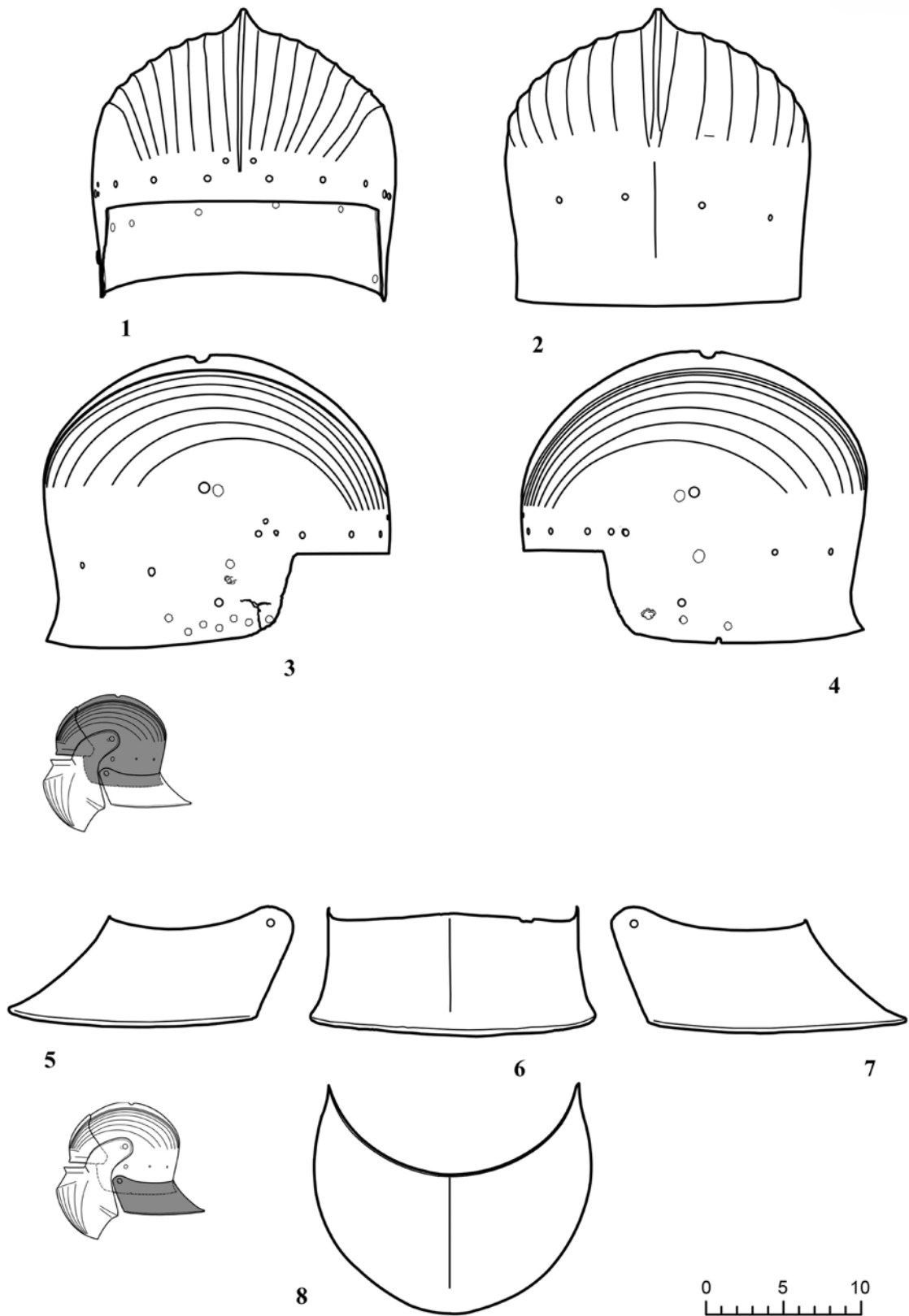

Рис. 3. Шлем из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10). Прорисовки: 1–4 – проекции тульи шлема; 5–8 – проекции пластины назатыльника.

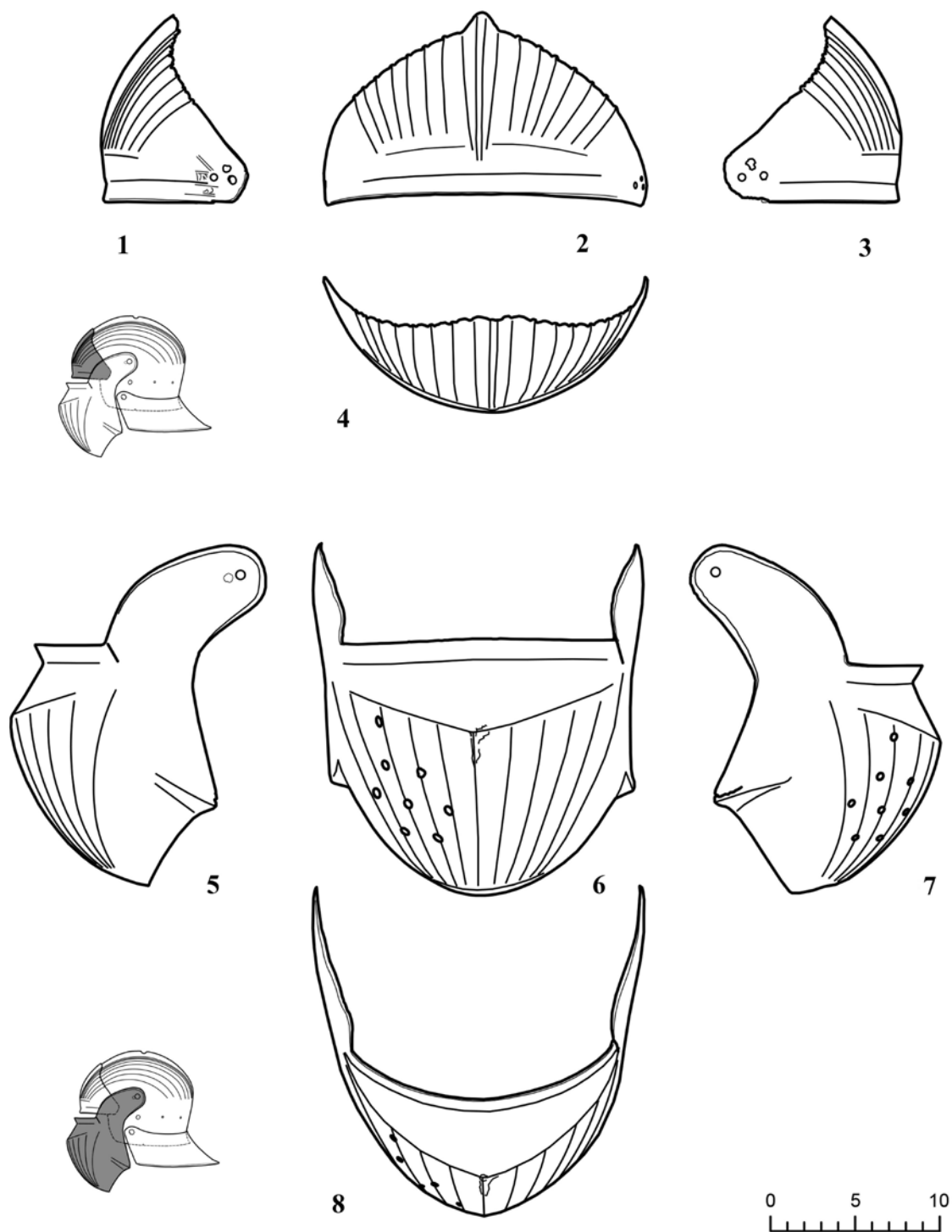

Рис. 4. Шлем из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10).
 Прорисовки: 1–4 – проекции налобной пластины; 5–8 – проекции забрала.

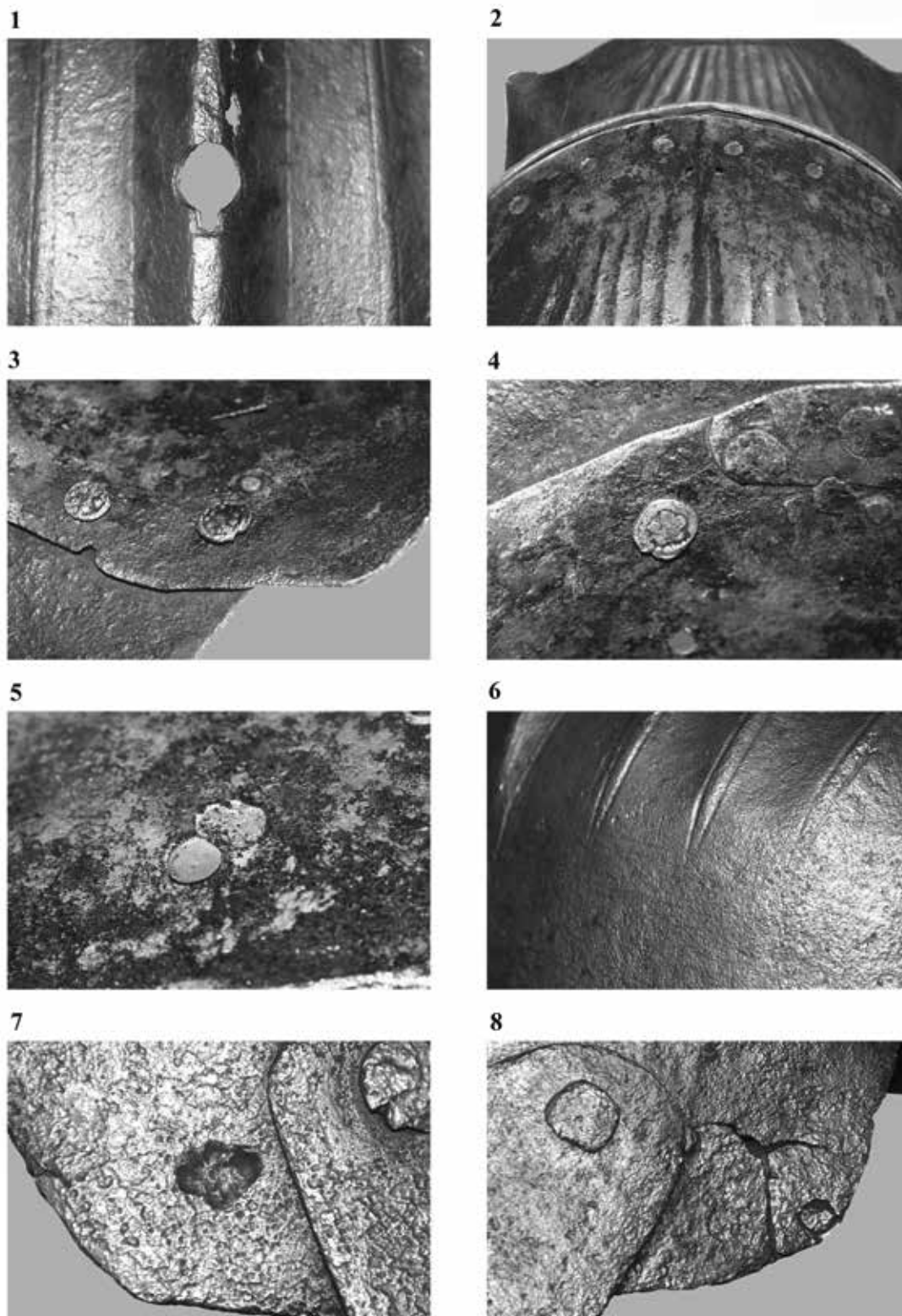

Рис. 5. Шлем из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10). Фото фрагментов и деталей тульи шлема: 1 – отверстие в медиальном гребне; 2 – шляпки заклепок по внутренней кромке верха лицевого выреза; 3–4 – шляпки заклепок на боковинах изнутри; 5 – заклепка крепления забрала изнутри; 6 – остатки декорирования поверхности затылочной части тульи; 7 – клеймо на левой боковине; 8 – разрушенная часть правой боковины со следами реставрации.

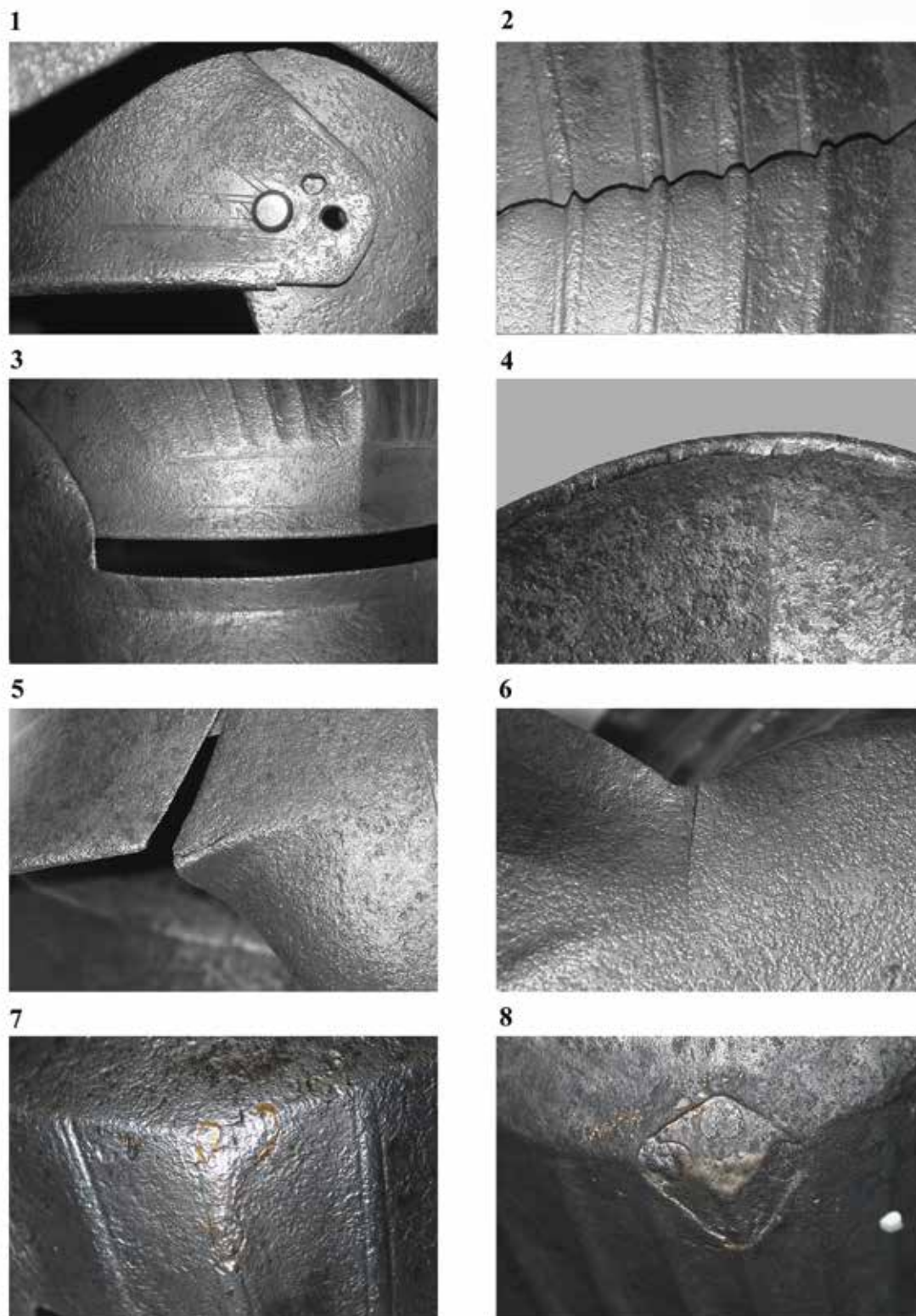

Рис. 6. Шлем из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10). Фото фрагментов и деталей элементов шлема: 1–3 – налобная пластина; 4 – пластина назатыльника; 5–8 – забрало.

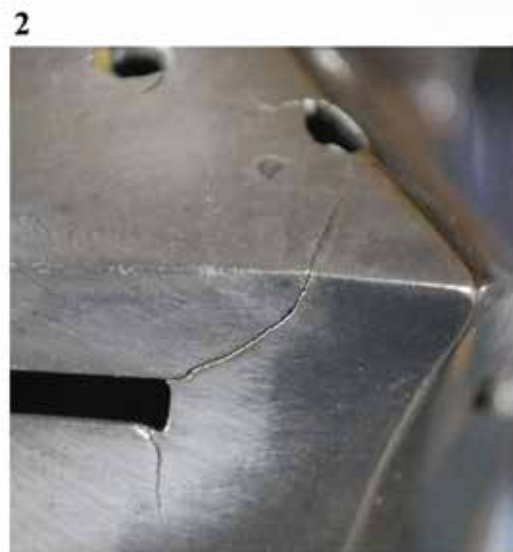

Рис. 7. Боевые наголовья и их детали из зарубежных собраний. Фото: 1 – забрало шлема из экспозиции Национального исторического музея Республики Беларусь (инв. КП045445); 2 – забрало шлема из собрания Императорской оружейной палаты в Вене (инв. А312); 3–4 – шлем из собрания Музея армии в Стамбуле (инв. 14077); 5–6 – шлем из собрания Коллекции Уоллеса в Лондоне (инв. А72), © Picture library The Wallace Collection.

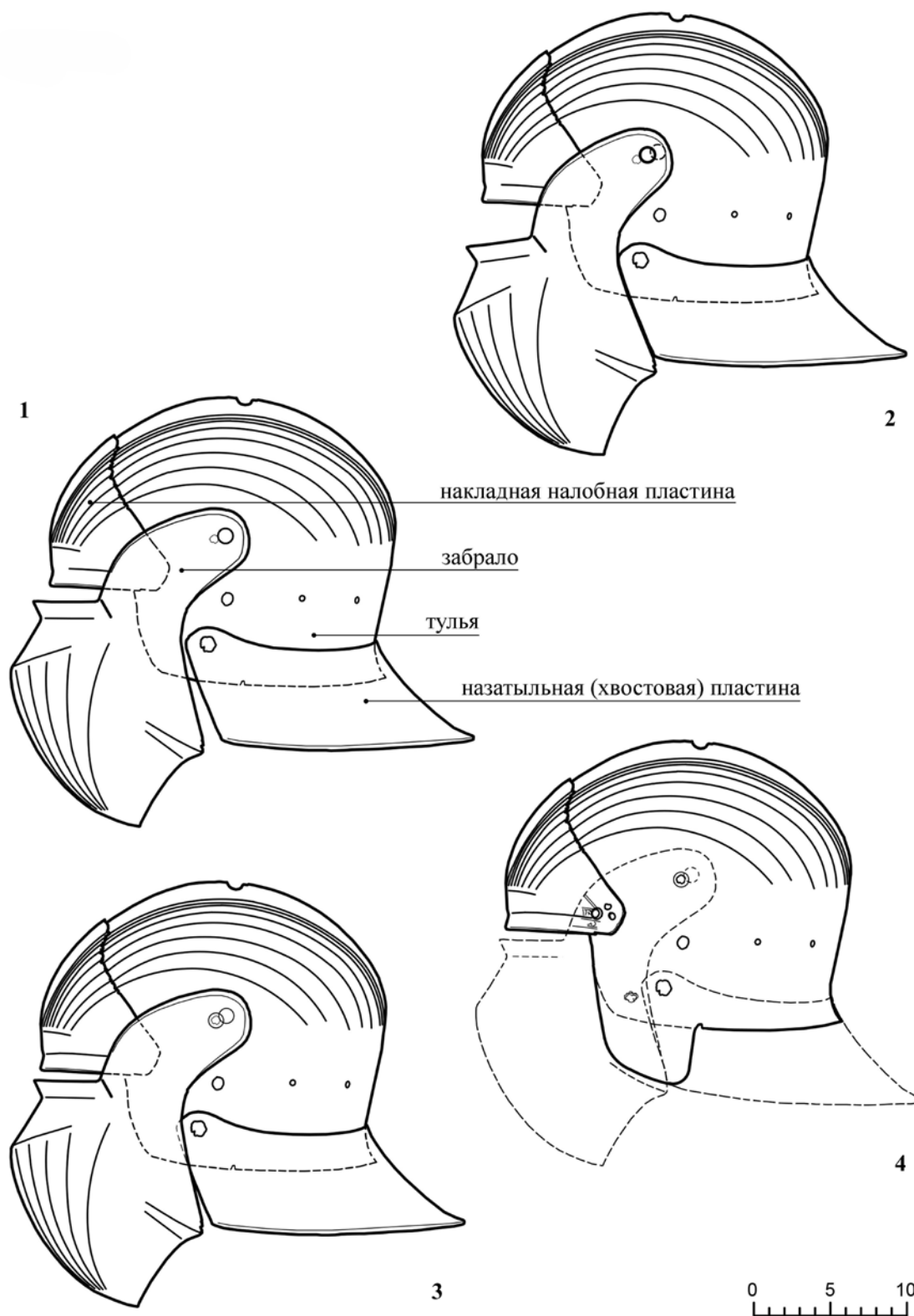

Рис. 8. Графическая реконструкция предполагаемого первоначального вида шлема из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ595/О10): 1 – современное состояние шлема с обозначением принятых в статье наименований основных конструктивных элементов шлема; 2 – перестановка забрала с совмещением существующих отверстий в дужках и вторых дублирующих отверстий в тулье; 3 – перестановка забрала с совмещением вторых дублирующих отверстий в дужках с существующими отверстиями в тулье; 4 – восстановление возможной конфигурации утраченного бокового элемента тульи шлема.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН ТССР – Академия наук Туркменской ССР
БКМ – Березниковский историко-художественный музей им. И.Ф. Коновалова
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ГИМ – Государственный исторический музей
ГКМ – Гайнский краеведческий музей А.Я. Созонова
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИлКМ – Ильинский районный краеведческий музей
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИЯЛИ – Институт литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
ККМ – Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПКМ – Пермский краеведческий музей
ПНЦ – Пермский научный центр
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКМ – Соликамский краеведческий музей
ТСАРАНИОН – Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЧКМ – Чердынський краеведческий музей им. А.С. Пушкина
MDAFA – Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Сборник материалов
НИЦ «Военная археология»
Выпуск 7**

Концепция обложки Д.В. Иванченко
Дизайн и верстка П.А. Захаров
Редактор Г.В. Баранов

Подписано в печать ХХ.ХХ.2022. Формат 60x84/8
Уч.-изд. л. 26,7
Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Государственный музей-заповедник
«Куликово поле»
300041, г. Тула, пр. Ленина, 47

НИЦ «Военная археология»
300041, г. Тула, ул. Металлистов, 1

